аэлита
новая волна

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книгу включены произведения молодых перспективных авторов, представляющих основные направления фантастики начала нового столетия.

Центром притяжения для них стал старейший российский фестиваль фантастики «Аэлита», который всегда поддерживал лучшие творческие силы в этом самом непредсказуемом литературном жанре.

- Аэлита. Новая волна:
  - ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ
    - Иван Безродный
    - Юрий Бархатов
    - Альберт Гумеров
      - Глава 1
      - Глава 2
      - Глава 3
      - Глава 4
      - Глава 5
      - Глава 6
      - Глава 7
      - Глава 8
      - Глава 9
      - Глава 10
      - Глава 11
    - Владимир Фильчаков
    - Михаил Меро
    - Владимир Данихнов
  - ПРОБЛЕМЫ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ
    - Алекс Тивирский
    - Алекс Гарридо
    - Олег Мушинский
    - Владислав Силин
    - Андрей Максименко, Юлия Сиромолот
    - Дэн Шорин
    - Татьяна Томах
    - Константин Якименко
  - НИКАКИХ ПРОБЛЕМ
    - Кирилл Григорьев
      - 1
      - 2
      - 3

        - 4
        - 5
        - 6
        - 7
        - 8
        - 9
        - 10
        - 11
        - 12
        - 13
        - 14
        - 15
        - 16
        - 17
        - 18
        - 19
        - 20
    - Екатерина Ракитина
    - Григорий Головчанский
    - Валерий Михайлов
    - Сергей Трищенко
    - Арни Митура
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9

Аэлита. Новая волна: Фантастические повести и рассказы

ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Иван Безродный
Привет от Цицерона

Ронни Кребс потихоньку сходил с ума. В течение месяца он сбросил более двадцати фунтов веса, каждую ночь ему снились сюрреалистические кошмары, постоянно кружилась голова, и все чаще казалось, что кто-то наблюдает за ним и только и ждет момента, чтобы пустить ему в лоб пулю.

Он перестал доверять даже старому Стивенсону — слуге, более тридцати лет верою и правдою служившему его семье, — единственному человеку на свете, с самого начала посвященному в его, Кребса, Великую Тайну.

Впрочем, с каждым днем, с каждой неудачей в испытаниях Машины Ронни все более разочаровывался, и бывали моменты, когда он готов был схватить тяжелую кувалду и разнести Машину в пух и прах. Однако материал, из которого она была сделана, вряд ли поддался бы жалкому гневу слабого неудачника, каким Кребс начал считать себя в последние дни, совсем еще недавно мнив себя богом.

— Вы слишком много пьете, — укоризненно говорил Стивенсон, подавая ему на подносе бурбон, а в дни запоя виски или ром.

— Я знаю, что делаю, — отмахивался Кребс. — Приберись-ка лучше у Машины…

Стивенсон горько вздыхал и убирал бутылки, разбросанные вокруг большого яйцевидного агрегата черного цвета, опутанного толстыми гофрированными кабелями. Эту штуку он боялся пуще огня, считая исчадием Ада, но виду старался не подавать. Круглую же площадку перед Машиной, огороженную низким двойным барьером из хромированных труб, которую хозяин называл Зоной, он вообще ненавидел. Ибо именно *туда* его молодой хозяин в прямом смысле слова *выкинул* целое состояние. Именно на нее Ронни мог глазеть, абсолютно не шевелясь, целыми часами и, так ничего и не дождавшись, впадать в очередной запой.

А как было хорошо раньше, думал Стивенсон, *до того момента,* когда он вместе с хозяином обнаружил в подвале этого старого особняка, приобретенного почти за бесценок, странное сооружение, непохожее ни на что, виденное ранее.

— Джордж, — поначалу горячо говорил Кребс, — с этой штукой мы перевернем мир! Я не знаю, как она работает, откуда и как попала сюда, но будь я проклят, если не заставлю ее делать

для меня деньги, и притом в большом количестве!

А Ронни деньги любил и почитал, будучи бесшабашным транжирой, гуленой и заядлым игроком в преферанс. Увлекался он также ипподромом и Лондонской биржей, и до последнего времени именно это больше всего волновало Стивенсона.

Старый служака считал своим долгом научить уму-разуму тридцатилетнего Ронни Кребса, все еще остающегося в его сознании маленьким ребенком, и сохранить хотя бы то, что удалось накопить родителям хозяина, год назад погибшим при крушении железнодорожного состава. После трагедии младшая сестра Кребса Кэтти сразу же выскочила замуж за отставного полковника и уехала в Штаты. Так что, потихоньку проматывая солидное некогда состояние, Кребс, если не считать немногочисленной прислуги, жил один и в ус, как говорится, не дул.

Несмотря на то что по крови и положению Ронни был аристократом, по его поведению этого сказать было нельзя. Была лишь *видимость*, пускающая пыль в первые минуты знакомства с ним, но быстро исчезающая немного погодя.

А с появлением Машины стало еще хуже. Она превратилась в его идею фикс, в призрачный оазис в скучном мире житейских и «само собой» возникающих финансовых проблем. Впоследствии, после истории со слитком золота, Кребс даже поселился в подвале, который Стивенсону, провоевавшему с хозяином несколько дней, все-таки пришлось для этого приспособить. Он перенес туда кровать, столик, небольшой шкафчик и огромное зеркало, которое через неделю разбил выскочивший из Зоны обезумевший шимпанзе. После этого случая Кребс стал повсюду таскать с собой браунинг.

Динамит был позже…

— Бросьте вы это дело, — с дрожью в голосе умолял хозяина Стивенсон. — Не богоугодное это дело — пытаться изменить судьбу. Чему быть, того не миновать…

Джордж смутно понимал, что такой сложный аппарат, вытворяющий черт знает что такое с предметами, не мог быть изготовлен в их тысяча девятьсот шестьдесят пятом году, да и через полстолетия тоже это вряд ли было бы возможно. И это пугало его больше всего. Ронни злился и в конце концов перестал допускать Стивенсона в подвал, который постепенно превратился в помойку, исключая разве что самоочищающуюся Зону.

«Судьба дает мне великий шанс, — думал Ронни. — Я увидел его и понял, в чем он заключается, а главное, догадался, как его использовать для своего блага. Больше такого никогда не представится!»

Проблема состояла только в том, что практика не согласовывалась с его теорией, по крайней мере с той, которую Кребс первоначально надумал сам себе. Иллюзорные, радужные мечты богатства и известности постепенно сменились раздражением и тупой злостью на себя, на Стивенсона, на Машину и на все человечество, никак не желающее встать перед ним, Кребсом, на колени в благоговейном ужасе и восторге.

Аппарат, найденный им несколько месяцев назад в куче старого барахла, был ничем иным, как Машиной Времени. Так гласила блестящая металлическая бирка, прибитая к кожуху агрегата под откидывающейся панелью управления. «Хронотрон. Экспериментальная модель ZXU-96. Лаборатория Баумана». На откидной панели темно-вишневого цвета имелась цифровая клавиатура, как на пишущей машинке, маленький светящийся дисплей, который Стивенсон прозвал «дьяволовым глазом», тумблер «Прошлое/Будущее» и две кнопки: «Включение» и «Запуск». Проще пареной репы для такого парня, как Ронни.

Однако с течением времени возникла не одна сотня но, которые Кребс так и не одолел. Сначала он решил, что это чья-то дорогостоящая и неудачная шутка, очутившаяся по какой-то причине здесь, в подвале особняка недавно почившей в бозе старухи, но потом отказался от этой мысли. Будучи прогрессивным молодым человеком, Ронни быстро смекнул, чем может обернуться для него данная находка. Возможность заглянуть в будущее! Изменить по своему усмотрению прошлое! Заставить целый мир вертеться вокруг него, Рональда Кребса!.. Но разумеется, в конечном итоге все сводилось к деньгам. Научной ценности Машина Времени для него не представляла.

Несомненно, она функционировала. Когда Кребс в первый раз включил ее (скорее, со скуки), ткнув лощеным пальцем в кнопку «Включение» и еще ни о чем не подозревая, Машина тихо загудела, а дисплей мягко вспыхнул нежно-голубым пламенем. На нем изобразился ряд нулей и надпись: «Готов».

Ронни тогда нахмурился, поджав губы, но никаких поспешных выводов делать не стал. Стивенсон же был как на иголках. Он в это время руководил несколькими рабочими, вытаскивающими из подвала ненужный старушечий хлам.

— Сэр, — сказал он Кребсу, уже чуя нездоровый интерес молодого человека к непонятному агрегату, — в течение двух-трех дней мы без проблем демонтируем… *это*… Не извольте беспокоиться! Лучше бы вам подняться наверх! Здесь так пыльно…

— Нет, — задумчиво ответил Ронни, ощупывая панель управления Машины и дивясь ей все сильнее и сильнее, —

оставьте *это* в целости и сохранности, только приберитесь вокруг.

Интересно также было то, что круглая, радиусом почти полтора ярда, огороженная барьером площадка рядом с Машиной, которую Ронни впоследствии назвал Зоной, оказалась свободной от какого-либо мусора и, тем паче, толстенного слоя многолетней пыли, покрывавшего все вокруг, в том числе и сам аппарат.

Зато точнехонько по ее центру лежала толстая пачка газет. Один из рабочих хотел было запихнуть ее в мешок для мусора, но Кребс остановил его и, разрезав плотно стягивающую пачку бечеву, внимательно осмотрел находку. Это оказалась подборка основных финансовых лондонских газет, несколько образцов желтой бульварной прессы и пара журналов за четыре недели.

Но за какие недели! Если на тот момент было 14 октября 1965 года, то газеты датировались августом того же года! Как они могли попасть в наглухо закрытый подвал старого дома, тем более что никаких следов пребывания человека вокруг не наблюдалось в течение нескольких лет?! Тоненький слой пыли, осевший на них, не мог скопиться в этом подвале за каких-то два месяца…

Несколько дней Кребс ломал голову, но так ничего определенного и не надумал. Да, иногда он со скуки почитывал фантастические романы и рассказы, поэтому имел некоторое представление об идее путешествий во времени, параллельных мирах и зеленых человечках, свободно читающих мысли и палящих энергетическими лучами. Но одно дело фантастика, которую никто всерьез не воспринимает, а другое… Другое дело — странный аппарат, стоящий в подвале его собственного дома и так и просящий, чтобы им воспользовались.

Что Ронни и сделал.

Строго-настрого наказав Стивенсону держать язык за зубами, этим же вечером Ронни спустился к Машине и принялся за дело. С пультом управления разобраться было легко. Судя по всему, Хронотрон позволял путешествовать в прошлое и будущее, а размер прыжка выставлялся с помощью простой клавиатуры. Разумеется, Кребс был не таким наивным, чтобы сразу сломя голову самому куда-нибудь отправиться.

С полчаса он разбирался с вводом в Машину данных. Хронотрон позволял перебрасывать предметы массой до тысячи фунтов в интервале ста пятидесяти лет по обе стороны от настоящего момента, причем с шагом в один час. На дисплее, как только он пытался что-либо нажать, сразу бежала информационная строка-подсказка, так что перепутать что-либо

можно было только при наличии большого желания.

— Вот это яйцеголовые! — восхищенно изумлялся Кребс. — Придумают же!.. А еще жалуются, что науку не финансируют!

Первым делом Ронни послал на час в будущее свою дорогую ручку «Parker» с золотым пером.

Когда он втопил кнопку «Пуск», механический, но приятный женский голосок изнутри Машины произвел в течение десяти секунд обратный отсчет (чем снова до ужаса перепугал Кребса), прозвучал гонг, в Зоне полыхнуло холодным голубым пламенем, и ручка с тихим хлопком исчезла!..

За этот час Кребс, безумно волнуясь, выпил целый кофейник кофе и выкурил несколько крепких гаванских сигар, однако ни через час, ни через два ручка не вернулась. Тем не менее Машина Времени высвечивала успокоительную надпись: «Процесс завершен успешно».

Тогда Ронни набрал мячиков для гольфа и послал на час вперед один из них. И тот вернулся! Ровно через час!

— Внимание! — объявила тогда Машина. — Прибытие объекта. Десять, девять, восемь…

Кребс чуть сигару не проглотил от неожиданности, а его очки в золотой оправе съехали на нос. Вот оно! Свершилось! Как пантера кинулся он к барьеру и, прищурившись, уставился сквозь пелену табачного дыма в круг, в центре которого был нарисован ярко-красный кружок.

Снова мертвенно полыхнуло, и на месте метки появился мячик. *Точно такой же,* идеальный мячик для гольфа. Кребс схватил его и внимательно осмотрел со всех сторон. Сомнений быть не могло — это был именно *тот* мяч.

Ронни воспрянул духом и послал в будущее уже два мяча, предварительно расписавшись на них своей замысловатой росписью — что-то его все-таки тревожило.

Пришел только *один* мяч. С его росписью. Тогда Кребс отослал еще два. Они оба благополучно материализовались, но росписи были сделаны красными чернилами, а не синими, какие он использовал!

И тут Машина отказалась работать, сообщив, что «надвигается мощный хроноциклон, в связи с чем работа по хронопереброске возобновится через пятнадцать часов». Впрочем, было уже за полночь, да и Кребс сильно устал, одурев от выпитого кофе, выкуренных сигар и переживаний. Он поднялся наверх и сразу же лег спать, не обратив внимания на обычные причитания Стивенсона в его адрес по поводу и без повода.

Проснулся Рональд в полдень с ужасной головной болью. Тело безумно ломило, во рту был ужасный привкус, а в ушах

шумело, словно он находился на берегу океана. Но, вмиг вспомнив, *что* у него есть в подвале, Кребс живо привел себя в порядок, перекусил на скорую руку, к неудовольствию Джорджа, постоянно пытающегося привить ему настоящий аристократизм, и побежал к Машине.

Хроноциклон еще не прошел, и два с половиною часа Кребс пытался составить план, по которому следовало бы действовать.

На сей раз он решил попытать счастья в прошлом. Заготовив целую кучу хитро помеченных предметов, он закидывал их по отдельности и скопом на час, два, три назад, но все было безрезультатно. Потом он отправил какую-то безделушку как раз *в тот момент,* когда намедни впервые включил Машину. И опять провал. Потому что он *не помнил,* чтобы эта вещь *тогда* появлялась. Не помнил ни *до,* ни *после* отсылки. Этот хроноциклон мне путает все карты, решил наконец Ронни.

С прошлым выходила небольшая неувязочка. Как, действительно, что-то может появиться в его прошлом, посланное из настоящего, если этого он *не помнил*? Возможно, данная вещь все-таки появилась там, но его воспоминания относятся к *старому* положению вещей. Так какой же смысл тогда что-либо посылать в свое прошлое? С другой стороны, аппарат же соорудили! Значит, есть какой-то смысл…

Пораскинув мозгами, Ронни понял, что смысл есть, когда он-*будущий* что-либо перешлет ему-*настоящему.* Но он постоянно является *настоящим,* поэтому нужно дать знать ему-*будущему* о данном опыте, и тогда… Тогда… Маразм какой-то, сердился Кребс. Посылать самому себе записочки в будущее! Эдакая дружеская переписка старых друзей…

И тут Ронни осенило. Фантастика! Это же именно то, что ему и нужно! Информация из будущего! Данные тотализатора, биржевые ставки, скачки, выборы, войны, катастрофы и другие мировые события, а также его собственные, отфильтрованные на будущем его *потенциальном* опыте от ошибок и неудач.

Он будет богат, неимоверно богат и знаменит, и никто не сможет у него отобрать его бесценную находку, его курицу, несущую золотые яйца!

Ронни вспомнил о пачке газет, обнаруженных в Зоне Машины Времени. Вот оно! Будущий Кребс, оказывается, уже присылал ему информацию! Но почему они датировались августом и присланы были *до* того, как он нашел аппарат? Может быть, Машина сломалась, разрегулировалась? Или это все проказы неких хроноциклонов? Выходит, там, во Времени, тоже существует своя погода…

В любом случае гадать сейчас было абсолютно бесполезно.

Ронни заготовил пачку листов и написал на них послания с просьбой самому себе выслать в прошлое свежие газеты с расчетом, чтобы они появились у него сегодня вечером. Получалось несколько витиевато и глупо, но иного выхода он не видел. Затем Кребс настроил машину на сутки вперед и отослал их в будущее. Оставалось ждать.

В восьмом часу, когда он уже начал нервничать, прибыло целых три мяча для гольфа, на каждом из которых синел оттиск фамильной печатки Кребса и дата — 16 октября, 10 часов 11 минут. Завтрашний день! Казалось, над ним смеялись. Кребс в гневе разорвал оставшуюся бумагу и тупо просидел в принесенном Стивенсоном кресле более часа, ожидая чуда. Но его не произошло.

Этот *Кребс-будущий* не может быть глупее Кребса-*настоящего,* это же понятно! Либо записки не дошли, либо причина была в самой Машине, точнее, во Времени, о глубинных свойствах которого Ронни не знал ничего, как, впрочем, и любой другой на Земле.

А может, газеты из будущего просто затерялись? Машина Времени — это все-таки не Королевская Почта…

К десяти вечера, игнорируя слабые протесты Джорджа, Кребс надрался как сапожник и отослал на две недели вперед старого полуослепшего мраморного дога по кличке Цицерон, уже практически беззубого и страдающего нервным тиком.

— Возвращайся молодым! — пьяно хохотал Кребс. — И не забудь мне-*будущему* передать привет!

На немой ужас в глазах Стивенсона, в которых стояли слезы, Рональд ответил с пьяной рассудительностью, пожав плечами:

— От него одни проблемы… И гадит везде. Служить науке — это тебе не сковородки драить!

На следующее утро он ужасно страдал похмельем и до часу дня даже не спускался в подвал, в тайне надеясь, что газеты из будущего, а точнее, из сегодняшнего вечера все-таки уже там.

Но их там не оказалось. Зато лежал старый потрепанный рабочий ботинок Стивенсона.

— Странно, — только и мог сказать Кребс и почесал затылок.

— Твой ведь, да? — пристал он позже с допросом к слуге, брезгливо держа обувь за шнурок.

— Да, сэр, — растерянно ответил тот. — Очень похож…

— Что значит *очень* похож?! — с издевкой прошипел Кребс, превозмогая снова появившуюся головную боль.

— Свои ботинки, сэр, я только что натер ваксой и убрал в шкафчик, — с достоинством проговорил Джордж. — А этот *нечищеный.*

— Я вижу, старый идиот, что он нечищеный! — взвизгнул Кребс. — От него вообще *черт знает чем* несет! Но это твой ботинок, не так ли, мой любезный друг?! Как он мог оказаться в Зоне Хронотрона?! Давай подумаем, а?! Ну?! Да! Ты самовольно ходил и пользовался им!

— Боже упаси!.. — всплеснул руками Стивенсон. — Никак нет, сэр!

— А ко мне-то он как мог попасть?! Соображаешь?! — Кребс поднес к носу слуги раскачивающийся штиблет.

Тот был готов хлопнуться в обморок. Уж он-то не мог не узнать свой ботинок, в котором проработал в саду, ухаживая за роскошными розовыми кустами, уже как несколько лет.

— Разрешите, сэр… — промямлил Стивенсон и взял в руки до боли знакомую обувь.

Покрутив ботинок, словно видел его в первый раз, он автоматически вдел в отверстие вылезший шнурок, изогнул подошву и засунул руку внутрь, по привычке проверяя стельку.

— Сэр, — растерянно произнес он, — там что-то есть…

Это оказался скомканный лист бумаги, на котором почерком Кребса было написано: «Привет от Цицерона, малыш!»

— Сработало! — радостно завопил Ронни, округлив глаза. — Цицерон прибыл в будущее, и оттуда я прислал *себе* ответ! Великолепно! Никуда, Джордж, не девай свои ботинки, они мне скоро, возможно, понадобятся!..

Стивенсон ошарашенно промолчал. Его уже ничего не удивляло, даже то, что неожиданно стельки оказались старыми, хотя он заменил их несколько дней назад. Но почему-то он не решился это высказать хозяину, чувствуя, что эта весть может ему здорово не понравиться.

В прекрасном расположении духа Кребс устремился в подвал. Но тут его посетила одна странная мысль. Как же сразу-то не вспомнил! Вчера он получил три мяча для гольфа, да еще и с печатью, которые, по-видимому, были отправлены сегодня в 10 утра, но уже пробило два пополудни! А сегодня он ничего не посылал! Парадокс. Или дезинформация? Но зачем ему дурить *самого себя!* Странное дело. Получается так, что из настоящего момента в прошлое слать что-либо бессмысленно, а в будущее — непредсказуемо. Или он что-то недопонимает, или кто-то кого-то водит за нос.

— Тысяча чертей! Я тебя все равно одолею, сатанинское отродье, не будь я потомок Кребсов! — процедил Ронни, решительно распахивая дверь подвала. — Все остальные варианты исключаются напрочь!

Дней десять Кребс денно и нощно торчал у Машины и слал в

обе стороны все, что попадется под руку в доме. Так, безвозвратно ушел великолепный фарфоровый китайский сервиз на 24 персоны, шесть бронзовых канделябров начала восемнадцатого века, полный набор клюшек для игры в гольф, двадцать сигар различной степени выкуренности, более сотни отцовских книг на медицинскую тему, к которым Кребс не питал ни малейшего интереса, около фунта разноцветных перламутровых пуговиц, набор кочерег от камина, любимая кукла маленькой дочки миссис Бойд, кухарки, а также сначала просительные, а потом требовательные и под конец гневные записки самому себе. И множество других предметов, из-за которых у него со Стивенсоном начался серьезный разлад. Не забыл Ронни и о свежих газетах.

Обратно вернулась половина пуговиц, пять сигар, несколько книг, в том числе и парочка, не посылаемых до того им в будущее, три канделябра и остальное по мелочи. Зато в качестве бонуса он получил целых три пачки газет, но все они датировались числом дня прибытия, так что согласно своему плану Кребс ничего не мог предпринять.

Выяснилось также, что во время прибытия совершенно неважно было, включена Машина или нет (в первом случае она имела возможность просто предупредить о скором событии), а также то, что предметы не накапливались в Зоне — более ранние заменялись вновь прибывшими, — так что за событиями необходимо было постоянно следить, чтобы не упустить что-либо важное.

Кребс также *последовательно* посылал несколько предметов в один и тот же момент будущего, но они *вместе* никогда не приходили, в лучшем случае появлялся один из них.

За это время пронеслось два небольших хроноциклона и один, как выразилась Машина, антихроноциклон длиною почти в сутки, в течение которых Кребс места себе не находил и, шатаясь по дому, терроризировал прислугу.

В прошлом все исчезало, как в проруби, бесследно, несмотря на то что оттуда пришло с дюжину его же записок с просьбой выслать газет и вообще подать признаки сознательной деятельности. Кребс все это прилежно исполнял, и *26-го* объявилось целое восторженное благодарственное письмо, датированное *25* октября, с рассказом о том, как он *получил-таки* 21 числа итоги скачек, произошедших *25* октября, и выиграл таким образом в тот день 34 тысячи фунтов!

Но у Ронни не было этой суммы. Он позвонил в свой банк и не обнаружил там никакого прихода за последние два месяца. Одни расходы.

Очередной парадокс. Но кто-то ведь *уже шиковал* на эти бешеные даже для него деньги, полученные с *его* помощью!

Так начался первый его недельный запой.

Поздно вечером двадцать девятого октября, в самый разгар попойки, устроенной в этот день Кребсом прямо в подвале у Машины, на подкашивающихся ногах из Зоны выбрался Цицерон, пуская слюни и дрожа как осиновый лист. Он тут же безвольно привалился к стене и сделал большую лужу.

Кребс с минуту мутным взглядом осматривал сие явление, пытаясь налить в фужер очередную порцию дорогого рома.

— О, мой ддруг! — наконец, поняв, в чем дело, произнес Ронни, заикаясь и с трудом удерживаясь при этом в кресле. Его локоть все время так и норовил соскользнуть с подлокотника. — Тты ппоявился, тты нне бросил мм… мменя!.. Эт’ хорошшшо. Эт’ очч… оч’ хорошшо!

Цицерон отупело мотал головой и пускал носом гигантские пузыри.

— Дж… Джельмены! Я пп… ппрошу вас вы… выппить за-а-а… за моего ддруга, славного Ц… Цицерона! — сосредоточившись, Кребс высосал спиртное, умудрившись, однако, половину его залить себе за шиворот. — Нну как, п… песик, тебе ххорошшо?

Цицерон закатил глаза и тут же сдох, распластавшись на полу бесформенной кучей.

— Неххорошая ты ссобачка! — округлив глаза от удивления, заявил Кребс. — С… с твоей стороны эт’ было не ч… не ччестно… Не было у нас ттакого у… угговора!

Ронни истерично икнул, подпер отяжелевшую голову непослушными руками и на минуту глубоко призадумался, морща лоб.

— С… судьбу нне ппереппплюнешь, джельмены! — глубокомысленно изрек он и отрубился, похрапывая и посвистывая на все лады.

Стивенсон был крайне огорчен. Он круто взялся за Кребса, и утром 3 ноября тот выглядел как огурчик. Почти.

— Похорони Цицерона со всеми почестями, — сказал Ронни слуге, — он заслужил это.

Теперь Кребс решил действовать более решительно. У него возникла теория, что, возможно, не все объекты возвращаются в Зону аппарата, некоторые из них могут разминуться с Машиной чисто в *пространстве.* Может быть, так необходимые ему газеты постоянно материализуются где-нибудь поблизости? Может, в саду. Или на соседнем участке. Или во Франции. А может, и на Луне. В сад-то Кребс сбегал, все облазил там чуть ли не на коленках. И внутри дома все посмотрел. Но вот как быть с

соседним участком?

Кошка! Вот оно! Всем известно, что кошки, *хорошие* домашние кошки всегда возвращаются домой, даже если не знают дороги. И такая кошка была — она жила на кухне и звали ее Сима. Проворная, умная, живая, она как нельзя лучше подходила для плана Ронни.

После завтрака, когда миссис Бойд вымыла посуду и ушла к мяснику, Кребс тайком пробрался на кухню и, даже не дав Симе допить полагающееся ей каждодневное молоко, схватил ее и отнес в подвал. Обычно спокойная и ласковая, кошка что-то чувствовала, отчаянно вырывалась, царапалась, шипела, прижав уши, но, слава богу, не мяукала.

Кребс настроил Машину на час в будущее, включил таймер и, когда прозвучало «один», швырнул Симу в Зону. Та, вращаясь в воздухе, с диким воем исчезла в голубом сиянии. Кребс отер кровь с расцарапанных рук и принялся ждать. Не появилась она ни в обед, ни на ужин и ни через два дня.

— Странно, — жаловалась миссис Бойд, — куда это наша Симочка запропастилась? Уж не соседские ли мальчишки сделали с ней что плохое? Ух, разберусь я с ними! И Цицерон, царствие ему небесное, помер…

Стивенсон подозрительно косился на Ронни, но тот делал невинное лицо и пожимал плечами, переводя разговор на другую тему.

Кошка легко могла погибнуть, рассуждал Рональд. Попасть под машину, упасть с высоты, или ее поймали те же мальчишки. Была бы еще одна, Кребс послал бы и ее, но второй не было, зато в холле висела клетка с разноцветными попугайчиками. У птицы больше шансов вернуться, решил он и проделал тот же фокус с желтым попугайчиком.

Ровно через час Машина произвела отсчет, и по подвалу запорхал попугай. *Голубой.*

— Черт знает что такое! — выругался Кребс. — С ума сойти можно!

Он снова отправил его в будущее, пятнадцать минут потратив на ловлю юркой птицы. Вернулся желтый. Кребс запихнул его обратно в клетку и снова надрался.

На следующий день Кребс связался с Лондонской радиотехнической лабораторией и заказал автономный ламповый радиопередатчик с мощными батареями в герметичном корпусе, способный самостоятельно передавать в эфир позывные. Эта игрушка обошлась ему в кругленькую сумму, но скупиться на освоении Машины Времени Ронни считал глупостью.

Через пять дней, в течение которых он не трогал Машину,

только изредка проверял наличие новоприбывших вещей (ничего не появилось), заказ был доставлен, и счастливый Кребс, включив передатчик, закинул его в будущее.

— А с помощью вот этого приемника, — сказали ему в лаборатории, передавая на руки еще один ящичек, — вы сможете установить наличие передатчика-маяка в радиусе более 600 миль. Впоследствии, если хотите, мы можем запеленговать сигнал и найти его. Только зачем вам, сэр, это нужно?..

Кребс не соизволил ответить.

Сгорбившись в кресле и нацепив на голову наушники, Ронни напряженно вслушивался в потрескивание и шорох радиоэфира. Как только передатчик исчез, характерное попискивание пропало, и Кребс нервно ждал. Иногда ему казалось, что сигнал появился, но это пищало у него в ушах.

Чуда снова не произошло. Несколько часов кряду Кребс провел у приемника, но тщетно. Передатчик как в воду канул. Он перепробовал все частоты, поднял над домом повыше антенну, проверил батареи, радиолампы, но…

Вечером, так ничего и не дождавшись, Кребс в ярости устроил погром в доме, чем здорово перепугал прислугу. Он метался, как разъяренный раненый лев, круша все на своем пути, богохульничал, проклиная все на свете, а потом Бену, второму слуге, расквасил нос и поставил фингал под глазом. После этого Рональд спустился в подвал и, в бешенстве разбив все лампы приемника и искорежив его корпус, отослал обломки на сотню лет в прошлое.

— Если не мне, то и никому! — орал он, брызжа слюной и потрясая кулаками.

Успокоился Ронни только к полуночи, «приняв на грудь» привычную дозу алкоголя.

— Совсем спивается наш хозяин, — озабоченно сказала миссис Бойд. — Да что это с ним приключилось? Никак не пойму! Чудной он стал, ей-богу…

— Если так и будет продолжаться, я уйду, — заметил Бен, до сих пор придерживая компресс под глазом.

— М-да… — только и мог проговорить Стивенсон. — Однако идемте прибираться…

Через два дня в Зоне появился слиток золота. Высшей пробы. Он одиноко лежал на красной метке и ярко поблескивал в свете электрической лампочки. Несколько минут Кребс отупело разглядывал его, не решаясь даже приблизиться, а потом, выкидывая невиданные коленца, сплясал сумасшедшую джигу.

— Свершилось! — орал он. — Мне уже идут дивиденды! Ай да я, молодчина! Хо-хо, тра-ля-ля! Джордж, старый вшивый

верблюд, а ты не верил!

Под слитком лежала записка: «Ронни из 17 ноября! Я все придумал как нельзя лучше. Мы богачи. Срочно обрати весь свой капитал в золото и вышли во 2 декабря 1965 года, ровно в три часа пополудни. Подвернулось отличное дельце. Подробности позже. Вместе, с *объединенным* богатством — мы сила! Ронни Кребс. 2 декабря 1965 года».

Кребса несколько смутило это предложение. Если учесть такую плохую воспроизводимость пересылок во Времени… Но соблазн был слишком велик. Наконец-то хоть какая-то осмысленная связь! И главное, у него-*будущего* есть конкретный план действий, а кому можно доверять более всего, как не *самому себе?* Интересно, что это он там надумал?! Мог бы чиркнуть и поподробнее! Впрочем, возможно, тогда что-нибудь непоправимо изменилось бы там, в будущем… Да черт ногу сломит в этом таинственном, непостижимом Времени!

Проникшись глубочайшим уважением к неизвестным создателям Машины Времени, Кребс в течение несколько дней приобрел через банк золотые слитки практически на весь имеющийся капитал и, предварительно прочитав длинную слезную молитву (а молился он в своей жизни нечасто), отослал их во 2 декабря, сложив в центре Зоны солидную сверкающую кучку. Не забыл он и про послание: «Дорогой Ронни! Посылаю все, что у меня есть. Думаю, у нас все получится, поскорее пришли свой план! Жду с нетерпением».

Все последующие две недели Ронни был таким паинькой и лапушкой, что Стивенсон на радостях как-то даже заикнулся о демонтаже Машины, но в ответ получил такой уничтожающий взгляд, что чуть не подавился, и понял, что хозяин просто проворачивает с ней очередную долговременную аферу.

Время не изменить, думал слуга, все тщета и суета! Лишь бы ничего *плохого* не случилось, только бы обошлось! Но когда же это кончится?! Долгими ночами Стивенсон бессонно ворочался на жесткой постели и жарко молился Богу, уже, однако, ни на что хорошее не надеясь.

Ронни ужасно волновался. Никакого дополнительного разъяснения из будущего он не получил и, в чем состоит план декабрьского Кребса, не догадался.

И вот настало второе декабря, время перевалило за три часа после полудня и… Ничего! Кребс, как ополоумевший сеттер, кружил вокруг ограждения Зоны, но золото, посланное им 17 ноября, не пришло. Более того, он опять ничего не понимал. Будущее, в которое он попал «своим» ходом, снова не совпадало с тем, *другим* будущим. Но если раньше это представляло все-таки

больше академический интерес, то сейчас он потерял на этом *весь* свой капитал!!!

Все еще не веря провалу, Кребс, не обращая внимания на протесты Стивенсона, провел у Машины двое суток, не смыкая глаз и не беря в рот ни крошки. Затем он не выдержал и, вновь напившись, проспал беспробудно двадцать часов, обязав Джорджа лично следить за Зоной. К тому времени, конечно, вся прислуга уже знала о Машине — догадки и предположения строились одна фантастичнее другой. Но все пришли к одному мнению — до добра это все не доведет, жди худшего. Миссис Бойд отправила дочку к сестре в Манчестер, а Бен потихоньку стал собирать свои пожитки. Стивенсон просто выл на Луну.

После этого, чтобы постоянно находиться у Машины, Кребс совсем переехал в подвал. Джордж перенес ему вниз нехитрый скарб, обеспечив хозяину некое подобие комфорта, и Ронни почти не выходил наверх, постоянно дежуря у аппарата и мрачно размышляя над своей судьбой, уже не делая никаких попыток что-либо куда посылать.

Однажды у него мелькнула мысль самому отправиться в будущее или прошлое, но он быстро отбросил подальше эту идею, потому что стал просто *бояться* Времени, его до дрожи страшила перспектива оказаться неизвестно *где* и *когда. И с кем-то.*

Нельзя облапошить самого себя, это бессмысленно, думал Кребс. Но это, тем не менее, произошло!

Как-то разгуливая в мрачном настроении по своему саду, он заметил мамашу с тремя близняшками. Для постороннего человека девочки были практически неразличимы. Одинаковая одежда, лица, голоса. Они бегали стайкой вокруг матери и трещали практически идентично друг другу. Долгим, насупленным взглядом Кребс провожал их, пока дети не скрылись за поворотом.

И тут Ронни озарило. А если предположить, что существует целый набор параллельных миров? Скажем, в каком-то ином измерении есть такая же Англия, такой же старый особняк с Машиной и такой же Рональд Кребс, пытающийся разобраться с пересылкой во времени? Скажем, Машина перебрасывает предметы не в свою временную линию, а в параллельную. Этим мог бы сняться парадокс убиения собственной бабушки, например.

Однако существовал серьезный момент: невоспроизводимость результатов, как-то несовпадение количества и качества предметов. Получалось, что, так же как и сестренки-близняшки, эти параллельные миры должны быть похожи, но *не идентичны.* Параллельные миры чем-то между собой различаются. Где-то

Кребс расписался синими чернилами на мячике для гольфа, а где-то красными. В каком-то мире для отсылки в будущее он использовал желтого попугайчика, а в другом — голубого.

Миры различались, возможно, в расположении особняка с Машиной, наличием самой машины или даже существованием самого Ронни! Вот почему он получал гораздо меньше, чем отсылал, а если что и получал, то не совсем требуемое. Эти Кребсы действовали похоже, но не идентично. Как близняшки…

Но ведь что-то у кого-то получалось? Получалось у какого-то Ронни из параллельного пространства! Но почему *не у него*, почему?! Получалось так, что золото не пришло по назначению тому, кто его заказывал, и не могло прийти, а досталось какому-то другому Кребсу, который, может быть, вообще демонтировал Хронотрон… Впрочем, в любом случае это была пустая гипотеза, и делу мало могла помочь.

Другой вопрос, если существовали подобные парадоксы Времени, то зачем в таком случае такая Машина?! Может быть, создатели сами не разобрались с ней да и забросили это дело? Здесь голову можно было ломать сколько угодно, да все впустую…

С каждым днем психическое состояние Ронни ухудшалось. Он исхудал, зарос жиденькой бородкой, под глазами светились яркие синяки. Иногда ему слышались странные звуки, идущие из ниоткуда, а перед взором постоянно кружили какие-то серые пятнышки. Он стал крайне раздражителен и кидал в Стивенсона все, что попадется под руку, если тот слишком настойчиво крутился рядом.

И в нем росла злость, дикая злость. На всех. И в особенности на «параллельных Кребсов». Никто не хотел делать его богатым. Все делали его только несчастным и обездоленным. Он был разорен, унижен и оскорблен. Над ним жестоко посмеялись, хитро использовали и выкинули на помойку жизни. Но они ответят. Кребс еще не знал *как*, но они все непременно ответят!

А двенадцатого декабря Машина неожиданно прислала шимпанзе. Он выскочил из Зоны и с диким визгом стал носиться по подвалу, размахивая лапами и натыкаясь на предметы. Большое зеркало вмиг раскололось на мелкие осколки, гора выпитых Кребсом бутылок со звоном разлетелась по полу, столик перевернулся, и нехитрая закуска была под ним тут же погребена. Ронни ловко подхватил новую, еще непочатую бутылку мадеры и прижал ее к сердцу, ошарашенно разглядывая гостя. На шимпанзе оказался клоунский цирковой наряд и ошейник с бубенчиками, весело побрякивающими при каждом движении обезьяны. Кребс заметил, что на нем крупно было написано: «Дурачок». В чей

огород камень?

Разъяренный шимпанзе — довольно опасное животное. Кребс выскочил из подвала, сбегал в свой кабинет за браунингом и, вернувшись, с наслаждением расстрелял бедного примата. На этот шум явился насмерть перепуганный Стивенсон, вдвоем они убрали тело шимпанзе, и с этого момента Кребс нигде не расставался с пистолетом.

Пятнадцатого декабря Ронни, заняв у знакомых деньги, умудрился достать несколько ящиков взрывчатки и даже дюжину ручных гранат. Как он это сделал, история, однако, умалчивает…

«Моя месть будет ужасной, но справедливой», — удовлетворенно думал начавший сходить с ума Ронни.

— Сэр… — голос Стивенсона охрип и дрожал, когда они вместе перетаскивали к Машине тяжелое и опасное добро. — Зачем это все вам?!

— Надо помочь кое-кому образумиться и понять некоторые элементарные соображения по поводу моей персоны, — усмехаясь, отвечал Кребс.

После обеда Ронни принял традиционную рюмку и решительно спустился в подвал, весело бурча что-то себе под нос.

— Не хотите, джентльмены, по-хорошему, будем по-плохому, — хмыкнул он и выставил таймер Машины на час в будущее. — В конце концов, и я рискую, так что все по-честному…

Он с трудом распаковал один ящик и достал большую динамитную шашку с бикфордовым шнуром. «Один дюйм нашего шнура горит около трех секунд», — сказали ему. Кребс отмерил четыре дюйма шнура и аккуратно обрезал его. Затем запустил процесс хроноперебросски, поджег шашку и положил ее по центру Зоны. Когда осталось менее дюйма шнура, шашка исчезла.

— Поиграем в русскую рулетку! — возбужденно воскликнул Кребс и довольно оглядел ящик. — Сегодня все там будете… Если сам останусь в живых.

В течение часа он, нервно поглядывая на ручной хронометр, забросил в будущее пятнадцать шашек, в конце уже так приноровившись, что на глазок поджигал шнур в нужном месте и швырял шашку при последних отсчетах Машины, рассчитывая, что она взорвется *там* через одну-две секунды после прибытия.

Наконец, по истечении часа отбытия первой шашки, он уселся напротив Зоны, мрачно потягивая коктейль собственного приготовления.

Однако нервов у него хватило минут на пятнадцать. Покрывшись холодным потом, он выскочил за дверь, привалившись к ней спиной с другой стороны и с трудом

переводя дыхание. Ровно через минуту в подвале грохнул взрыв. Через три минуты еще. Кребс, уже жалея о затеянном, дрожащей рукой отер со лба пот и кинулся по ступенькам наверх.

Наверху столпилась прислуга. Мертвенно-бледный Бен, отбивая зубами чечетку, круглыми, вытаращенными глазами пялился на хозяина, словно на вернувшегося с того света. Миссис Бойд скороговоркой читала молитву, а Стивенс, тоже перепуганный, принялся ощупывать Ронни:

— Вы целы, сэр, с вами ничего не случилось? *Что* это было?

— Оставь меня, все нормально… — Кребс устало отмахнулся от него и попытался пройти мимо. — Эксперимент, только и всего. Вы свободны.

Видя, что никто из слуг не двигается, он гаркнул:

— Какого черта вы все здесь делаете?! Что, дел никаких нет, а?! А ну-ка, марш отсюда, и впредь чтобы оставались на своих местах! И держите язык за зубами, иначе…

Ронни красноречиво похлопал по притороченному к поясу браунингу и зашагал прочь. Через мгновение глухо взорвалась еще одна шашка. Миссис Бойд моргнула и со слезами бросилась бежать, а Бен бессильно сполз по стенке на пол, моргая белесыми ресницами. Уж он-то *знал,* что должно было случиться что-то нехорошее!

Стивенс совсем ссутулился. Перекрестившись, он поджал тонкие губы и пошел к себе в комнату, намеренно печатая шаг. С каждым часом решимость его все росла.

Следующая неделя для домочадцев была сущим адом. Кребс совсем свихнулся и теперь с азартом играл в свою усовершенствованную русскую рулетку. Он напивался вдрызг и бросал в Зону шашки, а вскоре очередь дошла и до ручных гранат. Причем он уже не выбегал из подвала, а прятался за корпусом Машины, на котором до сих пор не появилось сколько-нибудь заметных царапин. Каждый день в подвале гремело пять-шесть взрывов, дом сотрясался, грозясь в любой момент расползтись по швам, летели осколки. Пару раз Ронни задевало: в первый раз в щеку, оцарапав ее, во второй — в предплечье. Но, даже перебинтованный, он не сдавался и увлеченно продолжал свое занятие.

— Мы должны заявить в полицию и остановить это безумие, — в страхе говорила миссис Бойд, в очередной раз пересаливая рагу. — Он всех нас в могилу сведет.

— Или в психиатрическую клинику, — добавлял Бен. — Он же просто псих! Мы все взлетим на воздух! Я уйду…

— Да поможет нам Бог, — отрешенно отвечал Стивенсон и надолго замыкался в себе.

А Кребсу все было нипочем. Цель поставлена. Месть. Ужасная. Неотвратимая. Этих *Кребсов* там много. И усилия придется приложить огромные.

У него даже возникла мысль послать с*ебе-прошлому-параллельному* ящик с динамитом с коротким запальным шнуром и надписью вроде «Отдай мои денежки!», чтобы тот сразу же по прибытии взорвался и гарантированно уничтожил параллельного недоумка, но потом эту идею оставил.

И ночью и днем летели шашки и гранаты. Гремели взрывы…

Никому не сообщив, за два дня до Рождества ушел Бен.

— Он не может творить зло на Рождество! — причитала миссис Бойд на следующий день. — Это страшный грех! Я не выдержу этого! Наш дом развалится. Видели трещину в стене моей комнаты? Вот-вот…

Стивенсон, стиснув зубы, молчал. Он чувствовал, что надо что-то делать, но, что именно, не знал. Он был просто *слугой,* это и погубило их хозяина.

В этот вечер у Кребса было приподнятое настроение. Он спустился в подвал и включил Машину. Он *им* покажет! Он *им* всем покажет… Чтобы такого придумать еще? Ронни сел в кресло и задумчиво почесал затылок. Надо принять что-нибудь горячительное — без спиртного умных мыслей что-то больше не приходит…

Неожиданно прозвучал хлопок, полыхнуло синее пламя, и в Зоне появился человек. У него был безумный взгляд, растрепанные волосы, а в руке пистолет.

— Руки вверх, обманщик! — рявкнул он и, не сводя взгляда с Кребса, стал осторожно перелазить через барьер Зоны.

Ронни открыл от удивления рот.

— Ты кто? — просипел он.

— Не догадываешься? — прорычал незнакомец. — Я — это ты, только из параллельной вселенной и на час старше. Вот как. Даром тебе это не пройдет, подонок.

— Я не понимаю… — Кребс, не веря своим глазам, уставился на пришельца. Это был он, Рональд! Рональд-будущий…

— Готовься к смерти, урод! — Кребс-2 навел на него свой браунинг. — Это тебе за обман, за мое бесчестие и бедность.

— Ты о золоте?.. — одними губами прошептал Кребс-1. — Но я сам его лишился, я в точно таком же положении, как и ты…

— Я знаю это, но меня это нисколечко не волнует. Я вас *всех* уничтожу! — с кривой ухмылкой на губах Кребс-2 нажал на курок.

Осечка. Вторая… Третья…

— О черт… — Ронни-2 побледнел, в ужасе уставившись на

свой пистолет. — Я все понял… Черт, не стреляй! Не стреляй!

Кребс-1, воспользовавшись моментом, выхватил из-за пояса браунинг и выстрелил. С дыркой во лбу Ронни-2 опрокинулся обратно, за ограду Зоны.

— Они начали охоту!.. — оттирая пот, Ронни-1 поднялся с кресла и нетвердой походкой подошел к Ронни-2. Тот был мертв.

Ну вот. Теперь они будут прибывать сюда и стараться его, настоящего Кребса, убить. Что делать? Опередить врага! Нанести превентивный удар. Начать самолично уничтожать параллельных Рональдов.

Кребс-1 подбежал к Машине и Набрал на ее клавиатуре команды. Итак, на час в прошлое. Было бы неплохо, конечно, расстрелять их всех еще в середине октября, но тогда они не поймут, за что наказаны. А они *должны* знать, должны!

— Девять, восемь, семь… — пошел отсчет Хронотрона.

Ронни-1 перепрыгнул барьер и оказался в центре зоны.

— Два, один…

Вокруг Ронни-1 засияло, его замутило, толкнуло, и… перед ним в кресле появился человек, который на Кребса удивленно выпучился.

— Руки вверх, обманщик! — рявкнул Ронни-1 и, не сводя взгляда с человека с признаком сумасшествия на лице, стал осторожно перелазить через барьер Зоны.

Кребс-3 открыл от удивления рот.

— Ты кто? — просипел он.

— Не догадываешься? — прорычал Кребс-1. — Я — это ты, только из параллельной вселенной и на час старше. Вот как. Даром тебе это не пройдет, подонок.

— Я не понимаю…

— Готовься к смерти, урод! — Кребс-1 навел на него свой браунинг. — Это тебе за обман, за мое бесчестие и бедность.

— Ты о золоте?.. — одними губами прошептал Кребс-3. — Но я сам его лишился, я точно в таком же положении, как и ты…

— Я знаю это, но меня это нисколечко не волнует. Я вас *всех* уничтожу! — с кривой ухмылкой на губах Ронни-1 нажал на курок.

Осечка. Вторая… Третья…

— О черт… — Кребс-1 побледнел, в ужасе уставившись на свой пистолет.

Он совсем забыл, что с утра у него оставался *только один* патрон, который и был истрачен на Кребса-2… Более того, эта сцена до мелочей напоминала события, произошедшие только что в будущем, но там все было наоборот! Значит, получается, что…

Кребс-3 уже тянулся к кобуре. У Ронни-1 подкосились ноги.

— Черт, не стреляй! — закричал он. — Не стреляй!

Кребс-3, воспользовавшись моментом, выхватил из-за пояса браунинг и выстрелил. С дыркой во лбу Ронни-1 опрокинулся обратно, за ограду Зоны.

— Они начали охоту!.. — опирая пот, Кребс-3 поднялся с кресла и нетвердой походкой подошел к Ронни-1. Тот был мертв.

Ну вот. Теперь они будут прибывать сюда и стараться его, *настоящего* Кребса, убить. Что делать? Опередить врага! Нанести превентивный удар. Начать самолично уничтожать параллельных Рональдов.

Кребс-3 подбежал к Машине и набрал на ее клавиатуре команды. Итак, на час в прошлое. Было бы неплохо, конечно, расстрелять их всех еще в середине октября, но тогда они не поймут, за что наказаны. А они *должны* знать, должны!

Вокруг Ронни-12 засияло, его замутило, толкнуло, и… стало абсолютно темно.

— Что за черт, — пробормотал он и на всякий случай присел, прислушиваясь.

Было настолько тихо, что звенело в ушах. В нос ударила пыль. Воздух был тяжелый, затхлый.

— Эй… — несмело произнес он.

Тишина. Ронни-12 достал зажигалку и выхватил из темноты кусок захламленного, мрачного подвала. Где это он очутился, черт возьми? Наталкиваясь на горы всякой старинной рухляди, поднимая клубы удушливой пыли, он принялся исследовать место, куда попал. Каково же было его изумление, когда Кребс-12 понял, что это все-таки его подвал, тот самый, где стояла Машина. Но только тут ее не было и в помине — лишь мусор и старые вещи.

Как же так? Когда он застрелил того подонка, выскочившего из Зоны, то решил поквитаться с остальными параллельными обидчиками, однако попал в место, где было все совсем не так! Ни Кребса-прошлого, ни Хронотрона. Почему? Не этим ли объясняется невоспроизводимость результатов перемещений во времени? Значит, есть куча параллельных миров без Машины и, возможно, без самого Кребса. Вот в такие *мертвые* миры без обратной связи и провалилась *основная* масса вещей, включая золото. Правда, в *этом* подвале ничего такого не наблюдалось. Хотя… кто знает?

Однако пора выбираться — на месте разберемся. В конце концов, если местный Рональд существует, это тоже может принести немалую пользу. Для обоих…

Кребс-12 нашел дверь и дернул за ручку. Та не поддалась.

— Спокойно… — сказал он сам себе, чувствуя, что снова начинает потеть. — Попробуем еще раз.

Он провозился десять минут, пытаясь выйти из подвала, но из этого так ничего и не вышло, к тому же от частого использования сломалась зажигалка, и стало абсолютно темно.

Выход был надежно заблокирован. Ронни-12 вспомнил, что подвал находится довольно-таки глубоко и далеко от других помещений. Ход в подвал, когда рабочие подбирались к нему, был завален тяжелыми ящиками, петли двери надежно заварены, а вентиляционная шахта оказалась тогда забитой тряпьем.

Кребс-12 начал задыхаться. Он ослабил дрожащей рукой воротник и медленно сполз вниз, привалившись спиной к прохладному металлу двери.

Может, мелькнула у него мысль, подать сигнал выстрелом? Хотя кто его услышит!.. И догадаются ли освободить его *отсюда*? Но попытаться надо, несомненно.

Воодушевленный, он вытащил браунинг и, направив его в сторону, нажал на курок.

Ничего…

Магазин был пустой, ведь последний патрон Кребс-12 использовал на двойника из параллельного пространства…

Он попал в ловушку, выхода из которой не было. Пистолет выпал из его руки, и Человек Без Будущего горько вздохнул.

— Время не переплюнешь, — тихо сказал он. — Не переплюнешь! Жаль только, что я это понял так поздно. Ничего не выйдет, господа… Аминь.

Санкт-Петербург, Россия

Юрий Бархатов
Подобно дафниям

— Удивительно тусклое солнце. Даже для августа. Можно смотреть прямо на него, и ничего не ощущаешь.

— Это все смог. Сейчас еще ничего, а вот бывают дни, так и вообще солнца не видать. Если еще и тучи, то хоть фонари включай — темнота. Не местный, сынок?

Павел несколько запоздало сообразил, что, похоже, произнес свою последнюю мысль вслух. Он огляделся в поисках нежданного собеседника.

— Не местный, говорю?

Напротив сидел лысый старик с кошелкой и улыбался во весь свой беззубый рот. Именно он и разговаривал с Павлом, поскольку в салоне больше никого не было. Выходной день и ранний час — то самое солнце только что поднялось из-за горизонта и лишь изредка мелькало среди многоэтажек. Потрепанный годами, но все еще способный передвигаться без посторонней помощи, автобус неторопливо катил по пустынным улицам, оставляя за собой шлейф густого черного дыма.

— Я впервые здесь, — сказал Павел, — но кажется, что я тут жизнь прожил. Все маленькие провинциальные городки похожи друг на друга. И ничего-то в них не меняется. Этакие островки стабильности. Ничего их не берет — ни войны, ни революции, ни катастрофы.

«Может, потому, — подумал он уже про себя, — Надя сюда и переехала».

— Это верно, — немного помолчав, согласился старик и с важным видом кивнул. — Всегда тут было тихо и спокойно. Никаких беспорядков. Последний раз, помню… да вот война-то была одиннадцатого года…

— Тридцатисекундная война, — подсказал Павел.

— Вот-вот!.. Тогда какой-то спутник там чуть на нас с небес не навернулся. Хе! Грохоту было… Кратер-то вон, сразу за дачами, — старик кивком указал направление. Павел проследил за его взглядом, но не обнаружил ничего интересного, кроме огромной рекламной голографической проекции — перевернутой трехгранной бутылки, подвешенной в воздухе между домами и извергающей из себя что-то зеленое и шипучее. — …А так больше ничего и не вспомнить. Тихо у нас. Потому, думаю, тихо, что никому не нужны мы… — Старик на время потерял интерес к разговору, лицо его приобрело отстраненное выражение.

Павел отвернулся к окну. Нет, вдруг подумал он, изменения происходят. Они слишком медленные, чтобы привлекать к себе внимание в бешеном ритме жизни мегаполисов, а здесь, в провинции, словно бы специально выставлены напоказ.

Разве во времена его детства кто-нибудь мог рассуждать о смоге, не обругав заодно правительство, мэра и местный комбинат? А небо тогда было гораздо чище. И войны не воспринимались забавными эпизодами в скучной жизни…

— А сам-то ты зачем к нам? — вдруг спросил старик.

— Я-то? — Павел пожал плечами. — К жене я приехал. Три года не виделись.

— Ага, — старик, похоже, чему-то обрадовался. — Ну, значит, встречи вам счастливой. Понятно теперь, зачем цветочки везешь… Освободился, значит?

— А?..

— Ну, — старик несколько смутился, — освободился… Из этих самых… мест. Я подумал… Ты извини, конечно, если что…

— Нет, все нормально. Но тут совсем в другом дело. Совсем в другом. — Но объяснять, в чем именно, Павел случайному попутчику не стал. По правде сказать, он и сам не знал многого… слишком многого.

Разговор сам собой прекратился, и, лишь когда автобусная автоматика звонким женским голосом, еле различимым среди шума и потрескиваний, объявила нужную Павлу остановку и тот пошел к выходу, старик вдруг спросил:

— А ведь ты, парень, не с вокзала едешь?

— Ну… нет, — не счел нужным отрицать очевидное Павел.

— И жилых домов тут в округе нет. Заводская это остановка. Разве что только… Жена у тебя, случаем, не в больнице лежит?

— Почти угадал, — произнес Павел с усмешкой, отдающей дань проницательности старожила. — Но не в больнице. В родильном доме.

Как Павел и ожидал, старик среагировал весьма живо.

— В роддоме? Да, есть тут роддом… Погоди-ка! Чего-то я не понял… Ты говорил, что три года ее не видел, а она рожать собралась?..

— Не слишком приятное положение вещей, верно? — еще раз усмехнулся Павел. Усмешка получилась довольно кислой.

Дежурная медсестра явно не была в восторге от раннего посетителя, оторвавшего ее от чашки кофе.

— Надежда Еремеева? Сейчас проверю. А вы кто ей будете?

— Муж. Я понимаю, что сейчас не приемное время и…

— Погодите, все потом, — дежурная придвинула к себе

антикварного вида компьютер. — Так — Еремеева Надежда Степановна, поступила девятого ноль восьмого семнадцатого, отделение… Ой! Это же…

Чем-то до глубины души потрясенная, девушка несколько секунд вглядывалась в экран, затем подняла глаза на Павла. Она тотчас же отвела взгляд, но скрыть застывший в нем ужас ей не удалось.

— Что случилось? — с удивлением Павел обнаружил, что голос его срывается. — Что-то с Надей? Да ответьте же!

— Н-ничего. — Дежурная по-прежнему не хотела смотреть ему в лицо. — Ничего особенного. Она жива и здорова. Ей… Да вы не переживайте так! Просто… — она беспомощно развела руками, явно не находя, что сказать.

— Что-то с ребенком?

— Я должна позвонить, — заявила медсестра уже увереннее, — а вы… Подождите минутку, ладно? — Она вышла, прихватив со стола телефон и не забыв выключить компьютер. Оставила Павла одного и в полном недоумении.

Что, собственно, все это значит? Такое странное поведение, размышлял Павел, ни в какие ворота не лезет. Может, он напоролся на неврастеничку? Или действительно произошло что-то ужасное, связанное с его внезапно нашедшейся женой, и дежурная посчитала, что не вправе об этом рассказывать? Когда два дня назад ему вдруг неожиданно пришло извещение, что некая пропавшая без вести три года назад гражданка вдруг неожиданно обнаружилась в роддоме неведомого сибирского городка, Павел мгновенно забросил все дела и примчался туда так быстро, как только смог. У него были на то причины: Надя могла снова исчезнуть так же быстро и незаметно, как и в первый раз, — заметая следы с тщательностью, которая сделала бы честь матерому рецидивисту. Не желая спугнуть удачу, он никому не дал знать о своем приезде и ничего не сообщил ни в милицию, ни в родильный дом. Но теперь Павел уже сожалел, что не выяснил всех подробностей еще в Москве. Возможно, он совершил ошибку.

Вернулась медсестра, все еще встревоженная, но явно взявшая себя в руки.

— Вы должны подождать еще минут десять. Приедет Семен Игоревич, он вам все объяснит.

— Семен Игоревич?

— Наш главный врач. Семен Игоревич Рогов.

— В выходной день рано утром главный врач вскакивает с дивана и бежит на работу только потому, что дежурная медсестра не может или не желает разговаривать с посетителем. — Павел вложил в эту фразу весь свой сарказм. — И вы все еще будете

утверждать, что ничего особенного не происходит?

— Я не должна вам ничего говорить. Собственно, мне только что запретили вообще с вами разговаривать. Но чтобы вы не сидели тут эти несколько минут как на иголках и хотя бы немного успокоились, я кое-что все-таки скажу. Ваша жена действительно жива, и ее здоровье после родов не ухудшилось. Вы сегодня наверняка с ней увидитесь, только несколько позже. Что касается ребенка, которого вряд ли можно назвать вашим — а вы-то это знаете наверняка, и здесь я ничего нового вам не говорю, — так вот, он тоже жив. Что касается его здоровья… ну, тут я могу сказать только одно — ничего не указывает на его скорую смерть. Это все чистая правда, хотя, конечно, не вся. Но это все, что вы можете от меня услышать. Хотите кофе?

Рогова долго ждать не пришлось. Твердыми шагами, мало согласующимися с его почтенным возрастом и внешностью университетского профессора, он прошел через холл, кивнул дежурной и остановился, внимательно посмотрев на Павла, словно оценивая, затем протянул руку.

— Здравствуйте, Павел Витальевич. Я ожидал вас, но, признаться, не так скоро.

— Ожидали меня?

— Вы — единственный близкий родственник Надежды Еремеевой, которого мне удалось разыскать.

Главный врач говорил спокойно и уверенно, но в уверенности этой скользила фальшь.

— Скажите же, наконец, что с ней?

— Думаю, ей предстоит стать мировой знаменитостью. Поймите, я совершенно осознанно воспользовался всей своей формальной и неформальной властью, чтобы пресечь распространение слухов до тех пор, пока не завершатся исследования. Но с вами я буду откровенен — вы ее муж и ваша реакция на произошедшее должна стать решающим аргументом. Я все еще в сомнении, — тут последовала небольшая заминка и новый обмен взглядами, — предать этот случай гласности или нет. Это может вызвать такую реакцию… Пойдемте со мной.

Отказавшись от попыток что-либо понять, Павел молча проследовал за своим спутником. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Рогов продолжал говорить:

— В прошлом году был полностью расшифрован генетический код человека — вы знаете об этом? Нет? Неудивительно. Титанический труд нескольких десятилетий — и что в итоге? Кому это может пригодиться, если генная инженерия под запретом? Ключ к лечению всех болезней, может быть даже к

бессмертию, — и никаких возможностей его использовать, кроме нелегальных. Но к вам-то, Павел Витальевич, это не имеет никакого отношения. Для нас с вами сейчас важно другое. Вы ведь себе представляете хоть немного, как устроена ДНК? То есть, вернее, для чего она нужна?

— Ну, — Павел пожал плечами, — наверное, да. В школе у меня была пятерка по биологии. Это что-то вроде руководства к действию для всех происходящих в организме процессов.

— Значит, так теперь учат в школах? Хм… Нет, в принципе все правильно. Генную последовательность можно понимать как некую программу… А расшифровка генного кода означает, что мы теперь точно знаем, какой ген за что именно отвечает в организме. Но оказалась, что очень приличная часть генного аппарата — порядка сорока процентов — остается незадействованной. То есть программа-то там есть, но она явно лишняя, ни за что не отвечает, если бы у вас или у меня эти гены вдруг пропали, никто не заметил бы никакой разницы.

— И что это должно значить? — спросил Павел — скорее из вежливости, чем из интереса. Складывалось впечатление, что ему просто заговаривают зубы.

— Значить это может все что угодно — но кое-кто, кого, как обычно, не принимали всерьез, заявлял, что это означает: человек на самом деле совсем не то, что мы все думаем, а нечто совсем иное… Скажите, у вас был аквариум с рыбками?

— Нет… Но при чем тут это?

— Потерпите… Я хочу подвести вас кое к чему, что должно восприниматься подготовленным сознанием. У вас должны быть все факты, все фрагменты мозаики… Поверьте мне, это необходимо… Да, вот здесь мы поворачиваем, а дальше спускаемся… в подвальные помещения. Только для персонала, но я проведу вас. Я специально повел вас длинной дорогой, чтобы… Так что там с аквариумом?

— Я же сказал, что у меня его никогда не было.

— У меня вот есть. Раньше я успокаивал нервы, наблюдая за рыбами. Последние несколько дней мне не удается этого добиться. Все дело в том, что их надо кормить. А вы знаете, чем кормят аквариумных рыбок? Сушеными дафниями.

Эффектная пауза Рогова не возымела действия. Главврач явно ждал, что Павел тут же спросит его: «И при чем тут дафнии?» или: «А кто такие эти дафнии?», но тот молчал.

— Дафнии. Водяные блохи. Крохотные рачки, живут преимущественно в так называемых временных водоемах. Обитатели прудов и луж. Когда кончается лето, когда эти временные водоемы высыхают или промерзают до дна — ни один

рачок не выживет. Это вам не мухи какие-нибудь или комары, которые просто впадают в спячку, — нет, вся популяция вымирает начисто. Все лето они в этих лужах живут, размножаются, умирают от старости, успевают смениться десятки поколений; и тут — раз! — и все отбрасывают копыта. Этакий всеобщий экологический кризис в отдельно взятой луже. Впрочем, не всегда он наступает осенью. Если дафнии размножаются слишком уж интенсивно, они способны просто отравиться отходами своей жизнедеятельности, своими отбросами. Вам это ничего не напоминает?

— К чему эти прозрачные аналогии? Будете агитировать за движение зеленых?

— Вот сарказм ваш уж точно ни к чему. Человечеству конец — мне это ясно, как было бы ясно и вам, имей вы хоть каплю экологических знаний. Последний шанс был упущен во время тридцатисекундной войны — она отбросила космонавтику на уровень шестидесятых годов прошлого века. Больше нет надежд на космические ресурсы — а земные подходят к концу. На загрязнение земли, воды и воздуха все давно махнули рукой — международным банкам это выгодно, а обывателю все равно. Вашему поколению, похоже, кажется в порядке вещей, что нельзя подставлять кожу под солнечные лучи, пить воду из родника, ходить по траве босиком? Человечеству конец, и оно это узнает… но ничего изменить уже нельзя.

— А вот теперь, — Рогов остановился и резко развернулся лицом к Павлу, — перейдем непосредственно к вам и вашей жене. Она бросила вас три года назад?

— Да… то есть нет. Она просто пропала. Как я только не искал ее. В наше время трудно просто так взять и исчезнуть, но ей это удалось. И я думаю, что у нее была причина. Существенная, очень важная причина. Мы любили друг друга. Я до сих пор…

— У нее была причина. О, я думаю, партеногенетическая беременность — вполне серьезная причина.

— Парте… что? И, подождите, вы утверждаете, что у нее уже был один ребенок?

— Да нет же! У нее была партеногенетическая беременность, длившаяся три года. Хм, да, я тоже не поверил сначала. Но, знаете что, это документально зафиксировано. Она наблюдалась у десятка специалистов по всей стране все это время. Под разными фамилиями и документами, конечно. Под конец уже прослеживались крайне подозрительные отклонения. Мне крупно повезло, что родила она все-таки под моим надзором. Действительно повезло, несмотря на то что пришлось делать кесарево сечение, самое сложное за всю мою практику. И вот что

вам еще скажу — когда она ушла от вас, она действовала не по своей воле. Вернее… это очень сложно, и я пока даже себе этого не могу внятно объяснить… назовем это временным помешательством. Наведенной шизофренией. Будто в ее голове временно поменялся хозяин — вы понимаете? Сейчас-то она в полном порядке. Спрашивала про вас и очень ждет.

— Так мы к ней сейчас идем? — нельзя было сказать, что услышанное оставило Павла равнодушным, но три года ожидания сделали его подозрительным к хорошим новостям. А Рогов еще не закончил своего рассказа.

— Пока нет. К тому же, вижу, вы не знаете, что такое партеногенез. Я, собственно, до конца не уверен, что это именно партеногенез… Видите ли, это, с одной стороны, интуиция, а с другой — аналогия. Вот вернемся к дафниям. Они способны размножаться двояким способом. Обычный, в нормальных условиях, — живорождение. Партеногенетическое. Это означает, что в размножении участвуют только самки. Но когда наступает пора вымирать, часть самок переходит к обычному, двуполому, размножению. И вот эти-то самки откладывают яйца, которые не бояться ни морозов, ни отсутствия воды, ни большинства всего того, что смертельно для обычных дафний. Они остаются жить, остаются ждать. Может пройти год, несколько лет, даже десятилетия, но яйца сохраняют свой потенциал. И, попав в благоприятные условия, проклевываются. Все начинается заново. Видите, дафниям в целом, как виду, не страшны последствия собственной глупости. А человечеству? Моя аналогия простирается за пределы здравого смысла, но, боже мой, как все похоже! В первый раз за всю письменную историю мы живем среди такого количества токсичных веществ, медленно, но верно убивающих каждого. Но кто знает, может, все это уже было когда-то? И не один раз? У вашей жены… Может быть, я все переворачиваю с ног на голову, но нельзя же утверждать, что подобное необычное рождение… которое и рождением-то назвать нельзя… стало результатом самого обычного зачатия. Конечно нет! Тот, кто родился у вашей жены, не ваш ребенок, но и никого другого. Отца у него вообще нет. Какое-то сочетание окружающих ядовитых отходов вызвало деление неоплодотворенной яйцеклетки и запустило древний эволюционный механизм, ответственный за выживание человечества. Зародыш стал расти и развиваться, но следовал совсем не тому пути, который обычно проходит ребенок, перед тем как родиться. Ему понадобилось гораздо больше времени, чтобы сформироваться, но теперь ему не грозит почти ничто из того, что способно погубить человека. Но то, что он все-таки родился, означает только одно — конец. У

человечества теперь есть надежда, но у нас с вами ее больше нет.

Теперь они стояли у двери в самом конце коридора, которая наводила на мысли о банке или бомбоубежище и вдобавок выглядела абсолютно новой, чем являла собой резкий контраст всему остальному зданию. Наглядное доказательство серьезности происходящего. Чувствуя, как застревают в горле слова, Павел медленно произнес:

— Так вы что, хотите сказать, что моя жена родила… *яйцо*?

— Вот именно.

Оно лежало на стерильно белом столе в комнате, освещенной лишь холодным светом ламп, за дверью из легированной стали с кодовым замком, за звуконепроницаемыми стенами, окруженное многочисленными датчиками в переплетении проводов. Размером с мяч для регби, серое в разводах. Крепкое на вид. Наводящее ужас.

Этот страх шел из самой глубины сознания, где мысли становились инстинктами. Оттуда, где возникали голод и сексуальное желание, жажда власти и любопытство. Самый старый из всех страхов рода человеческого.

— Вы понимаете теперь, что это может натворить? Один только взгляд на него — и хочется руки на себя наложить. Но каким образом оно это делает? Телепатия? Феромоны? Генетическая память? Оно явно должно обладать при рождении — другом рождении, когда выйдет из защитной оболочки, — всеми навыками взрослого организма, иначе ему просто не выжить. Может, оно и сейчас достаточно разумно? Несколько медсестер клятвенно утверждают, что оно пыталось каким-то образом заговорить с ними. Вот только зачем ему это надо? Еще одна мера предосторожности? Опасается, как бы мы его не уничтожили? Видит бог, это достаточно трудно сделать. Оболочка его — неизвестный науке сверхтвердый полимер, не пропускающий никаких видов излучений. Алмазный бур с него соскальзывает. Возможно, гидравлический пресс или что-нибудь в этом роде могло бы с ним справиться. Или атомная бомба. Но я бы на это ставить не стал. Бесполезно. Бесполезно и бессмысленно. Оно только первое. Будут и другие — чем дальше, тем больше. Теперь я точно знаю, зачем человеку нужны сорок процентов балластных генов, но лучше бы я оставался в неведении. Я не уверен, что смогу пережить подобное и не сойти с ума. А другие? Как вы-то это воспринимаете?

— Это… — Павел тщательно взвешивал каждое слово, но нужных найти не мог, — действительно потрясает. Но… можно привыкнуть. Со временем. Если бы он… оно было… каким-то

монстром, мутантом, это не пугало бы так, но… с другой стороны — это же такой же человек, как и все мы. Если ему удастся выжить… думаю, мы должны пожелать ему удачи. Но мы и сами должны попытаться выжить.

— Так вы еще не утратили надежду? — Тон у Рогова был озадаченный. — Возможно, действительно, если преподнести это в такой форме, можно избежать паники. Возможно, если это будет восприниматься как некий стимул, как предупреждение… Ну, не знаю. Во всяком случае, можно попробовать. Что еще остается делать?

На несколько минут комната погрузилась в молчание.

Эманация ужаса, исходящая от яйца, затопила тишину. Но было еще нечто, кроме страха, кроме отчаянья. То, что питало Павла в другом отчаянии три долгих года.

— Теперь я смогу увидеться с женой?

— Да, конечно. Пойдемте, я провожу вас.

— Солнце сегодня очень странное. Какое-то тусклое. Я на него смотрю, и глазам совсем не больно.

— Сейчас закат. Так и должно быть на закате.

— Да? Я не помню. Я столько вещей забыла. Кажется, он забрал себе всю мою память — разве такое возможно?

— Но меня-то ты помнишь? Помнишь, как мы познакомились? Сентябрь, и ворохи желтых листьев, и…

— Помню. Наверное, ему это не понадобилось… Не понадобится. Лишняя информация… Господи, я совершенно не воспринимаю это как своего ребенка — хотя три года носила его в себе… Словно сон. Словно я и не жила все это время.

— Ты говоришь, что не жила эти три года, — я тоже. Сейчас я это понимаю. Я любил тебя, люблю и буду любить, несмотря ни на что. Но ведь жизнь не кончена, что бы там ни говорили могильщики вроде Рогова. У нас еще могут быть дети.

Нормальные дети. Может быть, вообще все обойдется. Люди — это не дафнии.

Он ошибался. Люди, конечно, имели мало общего с крохотными ракообразными, но только не в вопросах выживания. Отложившая яйцо дафния может возвратиться к обычному существованию — плавать, есть, даже иметь обычное потомство. Для продолжения такой безбедной жизни нет никаких препятствий.

Но обычно им на это уже не хватает времени.

Красноярск, Россия

Альберт Гумеров
Клочья памяти моей

Всем, кто мне дорог

Глава 1

«It's just one of those days
When you don't want to wake up…»

Limp Bizkit «Break Stuff»

(альбом «Significant Others»)

— Если вы, молодой человек, считаете, что учеба — это что-то среднее между цирком и развлекательным центром, то я не думаю, что для вас здесь самое подходящее место.

— Но, господин ректор. Я всегда относился к учебе с подобающей серьезностью. Моя зачетная книжка — главное тому доказательство, и Олег вперил в ректора взгляд, от которого у многих преподавателей от умиления наверняка выступили бы слезы на глазах. Но ректор был совсем не прост.

— Отличная оценка не всегда означает серьезное отношение к предмету. — Ректор, выдержав взгляд, продолжил: — Думаю, к вам это утверждение имеет непосредственное отношение.

Он подошел к столу и взял что-то — спустя миг Олег узнал свой курсовик по литературе.

— Вы думаете, это очень остроумно. — Лицо ректора стало покрываться пятнами. — Тема: «Секс в жизни Робинзона Крузо». Но я закрыл глаза даже на это, — ректор многозначительно потряс курсовиком.

— Осторожно, помнете. — Олег понял, к чему приведет этот разговор еще до того, как переступил порог кабинета. Он ждал, что стареющий и уже не всегда справляющийся со своими нервами человек начнет «выпускать пар», но лицо ректора вмиг стало каменно-спокойным.

— Дело в том, что эта курсовая работа скорее по психологии, чем по литературе, — закончил ректор совершенно спокойно.

«Старый козел! — подумал Олег, сразу же: — Опаньки!!!»

Торжествующая улыбка на лице «старого козла» показывала: действительно «опаньки!!!».

Олег совсем забыл, что почти все преподаватели, так же как и ректор, вполне могли позволить себе вживить чипы, позволяющие выхватывать четко сформулированные предложения из мысленного потока собеседника. А совсем недавно принятый закон «О свободе мысли» предусматривал кое-какие наказания за мысленное оскорбление.

— Должен заметить, что это уже не первый случай оскорбления с вашей стороны. Вы не усвоили урок даже после того, как вам не удалось закончить ни ВМК, ни биохимический по той же причине, что стала препятствием и на сей раз.

Группа ждала его на диванчике перед библиотекой. Вопросов никто задавать не стал — и так понятно, чем все кончилось. Утешения Олег принял только в виде похлопываний по плечу — всем, кто был с ним знаком более-менее близко, было прекрасно известно, *как* Олег относится к чрезмерным проявлениям жалости.

Только Чен нарушил молчание своим извечным «Фигня, прорвемся», — казалось, фраза уже успела почернеть от постоянного использования, но, когда Чену намекали, что он ей злоупотребляет, невысокий толстячок лишь поблескивал линзами узеньких очечков и лучезарно улыбался.

Олег подмигнул в ответ. Он был опустошен и раздавлен — турнули уже с третьего факультета, столько времени впустую! Почти. Знания-то он приобрел, но без диплома хорошую работу найти будет совсем непросто, а провести лучшие годы своей жизни, каждый день вкалывая до такой степени, что руки начинают трястись от напряжения, уже когда берешь ложку какой-нибудь безвкусной синтетической бурды за ужином… Если только он будет настолько богат, что сможет позволить себе ужин. А состарившись, жить в доме престарелых, получая скудное пособие, в то время как сиделки будут вытирать остатки синтетической манки с его сморщенного, как чернослив, лица.

Нет уж, хватит! На отца насмотрелся.

Можно, как и сейчас, время от времени промышлять ломом и отсылать часть денег отцу, продолжая врать, что все в полном порядке и его скоро даже ждет повышение. Но работы стало еще больше, поэтому он пока не может его навестить.

Правда, рано или поздно его все равно отследят, поймают и посадят. Уже сейчас Олег осознавал, что с каждым ломом уходить ему все труднее — в последний раз, если бы Рыжесть ему не помогла, Плавник — сам бывший хакер, теперь работающий на «Мацуситу», — наверняка сцапал бы его.

Неплохо было бы устроиться в какой-нибудь маленький

филиальчик той же «Мацуситы», держать сетку и выполнять другую черную работу — это по крайней мере лучше, чем гробить здоровье на заводе. Заработок хоть и не очень высокий, зато стабильный.

Солнце щекотало взгляд россыпью лучей. Мозг с трудом переваривал осознание того, что утро наступило. Уже!

Разбудил Дегтярева саркастический смех ICQ — в простонародье «Аськи». Он бросил полуосмысленный взгляд на будильник, ведя смертельную борьбу с вспухшими и так и норовящими закрыться веками. 13:27. Интересно, кто это мессаги шлет в такую рань?

Со стоном, выражающим нечеловеческие муки, Олег сполз с кровати. Прохлада линолеума едва не сразила вчерашнего студента. Если бы не «Аська», Олег так и остался бы на полу, лелея свою головную боль, но он с упрямством психически нездорового человека во что бы то ни стало решил и в это утро следовать своему правилу — читать почту и ICQ сразу же, как только приходят сообщения.

Так, один тапок найден… Уже неплохо… Интересно, где же второй?.. Ладно, сойдет и так — хотя бы одна нога чувствует себя уютно и вполне комфортно.

Кому не спится в ночь глухую? Точнее, в 13:27?

> «Как самочувствие после вчерашнего?
> *Чен.*
> P. S. Не забудь вытащить Пузо из антресоли. Вторая справа».

Охламон поганый! Муть какую-то спозаранку набил и сидит, небось, на своем чердачке маминого дома, ехидно хихикая и потирая пухлые ручонки.

Вообще-то кота лучше выпустить. Позже. Сперва душ. Холодный.

Олег бросил взгляд на все еще мирно посапывающую и разметавшую по подушке иссиня-черные волосы Вику, и его брови невольно поползли вверх. Он и Вика? Вместе? Пришлось себя ущипнуть и всей душой пожалеть, что он ровным счетом ничего из случившегося вчера вечером, а особенно ночью, не помнит. Да-а… Виктория — утешительница?

Потрясенный, он побрел в ванную.

Не слишком, но все же посвежевший, Дегтярев прошлепал единственным тапком к гарнитуру и, открыв вторую справа верхнюю антресоль, достал пятилетнего трехцветного котяру, глядевшего на хозяина с обидой и укоризной.

— Ладно, Пузо, пошли, я тебе чего-нибудь перекусить дам.

— Какого болта? — проворчал кот. — Я в туалет хочу, а не жрать.

Пузо Олегу подарили бывшие однокурсники с ВМК, предварительно вживив в котяру целую кучу чипов, позволявших трехцветному оболтусу внятно выражать свои мысли и подогнавших уровень его интеллекта почти под стать человеческому. Такие животные не были диковинкой, но стоили баснословно дорого. Самое забавное, что был даже один судебный процесс над овчаркой, покусавшей своего хозяина за пинок. Современное общество, насквозь пронизанное идеями гуманизма, до сих пор не может понять, как ему относиться к подобным животным.

— Слушай, ты тапок мой не видел? — пробурчал Олег.

— Ты же его примерно полгода назад в унитаз смыл, — раздалось из туалета.

Дегтярев хмыкнул и, с удивлением посмотрев на ноги, пошевелил пальцами босой ноги.

Открыв холодильник, Олег достал из его чрева апельсиновый сок и последнюю упаковку йогурта и с наслаждением съел всю баночку.

— Победа, — вяло позвал он Вику. — Пора вставать. Ты-то у нас еще студентка, может, еще к пятой паре успеешь. Хотя ладно, спи.

Олег, Чен, Вика, Рыжесть, Плавник — кто они? КТО? Я их не помню… Ни одного… Не помню… Только ненависть… Не помню, но ненавижу… ненавижу, но не помню… Не помню, ненавидя… Ненавижу, не помня… Ненависть есть память? Во всяком случае, для меня…

Глава 2

Ты прекрасна, словно взмах
Волшебной палочки в руках
Незнакомки из забытого
мной сна…

Сплин «Бонни и Клайд»

(альбом «Фонарь под глазом»)

Он подошел к столу, включил компьютер, подождал, пока око

монитора откроется окончательно, отстучал то, что требуется для входа в Сеть. Наконец, обжигаясь, допив чай и прожевав булочку, Олег прилепил к вискам таблетки мнемоюстов[1] и нырнул.

Это всегда похоже на глоток свежего воздуха после дня, проведенного в душной больничной палате.

Открыл глаза, осмотрелся. В небольшой комнатке стояли: шкаф с книгами, музыкальный центр, куча дисков; на полу лежал древний полосатый матрас — вот такая обстановочка…

Дегтярев подошел к висевшему на стене зеркалу — оттуда на него глядел стареющий юноша лет под двадцать пять — тридцать, постриженный под уже давно снятый с конвейера парикмахерских «теннис» блондин с пронзительно голубыми глазами и довольно мелкими чертами лица — внешность как внешность, ничем не примечательная.

Олег на секунду задумался — волосы изменили цвет на черный, отросли до плеч, глаза потемнели, изо рта высунулась пара клыков.

Спустя еще пару секунд он уже был облачен в костюм-тройку черного цвета и белоснежную рубашку.

Пробормотав: «Вроде неплохо», — Олег вышел на улицы города — когда-то вначале своего существования — копии реального Мегаполиса, теперь немыслимо отличающейся от оригинала.

Все здесь было ярче, поскольку люди в виртуальной реальности не находили причин, чтобы как-то себя сдерживать. Добро здесь было еще добрее, зло — злее, красота — прекраснее, мерзость…

Из-за этого эффекта очень многие вообще отказались от Сети, многие организовали какие-то там сообщества, устраивали демонстрации и вообще всячески выражали свое громогласное «Долой!». Некоторых Сеть упекла в психушки.

Олег шел по улице, в то время как мимо него проходили соблазнительные блондинки, брюнетки и любительницы самых экстремальных цветов (в реальной жизни эти прелестницы вполне могли оказаться прыщавыми девочками или мальчиками переходного возраста, а то и вовсе затянутыми в кожу бугаями — любителями острых ощущений в шипастых ошейниках), широкоплечие красавцы (скорее всего, забитые «ботаники» и клерки), хоббиты, эльфы и прочие любители фэнтези. В большом количестве встречались люди с фантазией настолько неуемной, что их сетевой облик и описать-то можно, только прилагая нечеловеческие усилия.

Например, когда Олег только вышел из своей виртуальной квартирки, на него чуть не налетел небольшой бирюзовый смерч,

увешанный, словно елочными игрушками, сполохами белоснежного пламени.

Недолго думая, Олег направил свои виртуальные стопы в любимый виртуальный бар.

«Винт» был расположен недалеко от его жилища, чем и привлек Дегтярева, к тому же публика там собиралась неглупая и во всех отношениях интересная.

Подойдя к двери, Олег отстучал свой именной код, и его засосал мягкий полумрак «Винта».

Подошел к стойке, заказал… крепкого черного чая. Стоит сказать, что с помощью мнемоюстов, посылающих импульсы в те или иные области мозга, нырнувшие в Сеть в полной мере могли получить вкус любого ощущения, как бы смешно это ни звучало.

— А, Нейро, привет. — Олег обернулся, чтобы утонуть в двух серебряных озерах глаз Рыжести. — Давненько ты сюда не заглядывал.

— Ты же знаешь, что после лома я с недельку вообще не делаю ничего, кроме того, что сплю и пожираю йогурт.

— Ты бы погромче кричал — еще не все в баре тебя слышали. — Рыжесть, подмигнув, усмехнулась, пригубила пиво — сетевиков-трезвенников можно было заносить в Красную книгу. Олег, переполняемый гордостью ввиду своей уникальности, выпятил грудь. — Так что ты сейчас делаешь в Сети?

— Пока расслабляюсь. Правда, скоро надо будет снова искать работу.

— Как учеба?

— Никак. Меня выкинули.

— Мои поздравления. Не боишься попасть на службу?

— Не-а, я в день своего совершеннолетия сделал себе потрясающий подарок — вместе с Beerlady влез кое-куда, кое-что подправил, и теперь на меня ни за что не напялят скафандр. Пусть дно морское исследуют другие.

— Слушай. — Рыжесть вновь подмигнула. — Давай прогуляемся.

Олег кивнул. Погода в Сети всегда стояла великолепная.

Когда они виртуально вошли в виртуальный парк и сели на скамеечку, Рыжесть, понизив голос почти до шепота, сказала.

— Ходят слухи, что на Луну в компанию к неизлечимым часто посылают всех неугодных. Вроде бы даже нескольких наших туда отправили.

— Кого?

— Мудрого Каа, Heretica, Тишину.

— Ни разу о них не слышал.

— Я тоже. — Рыжесть пожала плечами.

— Послушай. — Олег посмотрел ей в глаза. — Колония для неизлечимо больных официально существует уже лет семьдесят — с тех пор, как Единый Совет решил, что на Земле и для здоровых-то места маловато, и убил сразу двух зайцев. И со дня ее основания в обществе циркулируют слухи наподобие того, что ты мне только что рассказала.

— Дыма без огня не бывает. — Рыжесть закурила. — Особенно после того, как смертную казнь и пожизненное заключение заменили ссылкой на Луну. Я просто хочу, чтобы ты завязал с ломом, — когда-нибудь меня не окажется рядом, чтобы прикрыть тебе спину. Попадешься — и до свидания. Мне будет очень тебя не хватать.

— Знаешь, мне ведь больше нечем зарабатывать себе на жизнь. На попить-поесть я достаю либо лично взламывая что-нибудь не очень крупное, либо создавая шумовые эффекты, прикрывая кого-то посерьезнее при крупном ломе. — Олег подмигнул. Оба знали, о чем речь.

— Нейро, я могу дать тебе в долг — на первое время хватит.

— Спасибо, Леська, но не могу же я всю жизнь не вылезать из долгов, да и их отдавать надо, — Дегтярев вздохнул.

— Давай сделаем так: я поспрашиваю у знакомых, может, найдут что-нибудь подходящее.

— Валяй.

— Если будешь питаться не только йогуртами и не будешь особо жлобствовать, то протянешь еще пару месяцев. — Рыжесть встала и, как всегда, не прощаясь, направилась по своим делам.

— Леська. — Олег подбежал к ней, взял ее ладонь в свою. Он чувствовал, что именно сейчас должен сказать ей все — что он один даже тогда, когда вокруг него лучшие друзья, причем не важно, в Сети он или в реальном мире, и что только с ней все по-другому; что каждую ночь перед сном он, соединяя линиями звезды на небе, каждый раз видит ее лицо и что… — Спасибо тебе, Лесь. За все.

Она долго, очень долго смотрела на него, словно догадавшись, о чем именно он думает. А потом на одно-единственное мгновение ее глаза растворили в себе безжизненное серебро металла, утопив Олега в весенней зелени бескрайних лугов, обволокли его цветочным ароматом… Это длилось всего одно мгновение, настолько короткое, что, вынырнув, Олег не был уверен, а не почудилось ли ему. Вдруг это только его разыгравшееся воображение?

Глава 3

Мы не чувствуем боль.
Почему, расскажи, сестра,
Так стало?
И по трубочкам
В нас вливается кто-то чужой —
Так стало.
И по венам бегут
Разноцветные кубики —
Так стало.
На железном столе
Нам укажут дорогу назад —
Так будет.
Уходим на закат,
Уходим на восход.
Не бойся больше ничего,
Не будет больше ничего.

Total «Уходим на закат»

(альбом «1»)

Уже второй месяц Олег Дегтярев работал на одну небольшую фирму — Чен помог устроиться, — которая оказалась всего лишь одной из лабораторий триады. Задачей Олега, как примерно еще пары дюжин специалистов и полуспециалистов, было тестирование новых препаратов психотропного действия. Работы было выше крыши — иногда ее было настолько много, что приходилось вовсе пренебрегать сном. Ах, да! Все делалось нелегально, то есть по документам с фирмой все было в порядке, но вот перед проверками лабораторию всякий раз приходилось перекраивать. Жизнь в таком ритме сильно изматывала Олега, всегда считавшего, что утро бывает добрым, только если проспать до обеда, а каждое пробуждение — это победа духа над телом.

Кто-то посоветовал ему попробовать амфетамин «только в качестве допинга — для поддержания сил». Первое время действительно помогало — чувствовал себя Олег просто великолепно, спать совсем не хотелось, к тому же он под шумок изобрел «одну потрясающую штуку» из остатков того, что им присылали в качестве образцов. В целях безопасности и конспирации все сведения о новоизобретенной дури он хранил в тетради довольно непрезентабельного вида, разумно полагая, что в случае чего компьютер подвергнется обыску в первую очередь.

Позже оказалось, что все не так уж и прекрасно — амфи

постоянно требовал денег; Дегтярев сам не заметил, как крепко подсел на синтетическую дрянь.

Сначала Олег перестал отсылать деньги отцу, потом, когда зарплаты оказывалось недостаточно, он постепенно стал выносить вещи из дома. Потом как-то незаметно не стало зарплаты (и работы). Когда в квартире не осталось ничего, кроме компьютера и Пузо (рука пока не поднялась их продать) и матраса, дряхлого и грязного, как и сам Дегтярев, Олег принялся занимать деньги у друзей, знакомых, знакомых знакомых…

Потом на Олега неожиданно снизошло просветление: он понял, что такая огромная квартира для одного человека — это слишком.

В конце концов он поменял ее (вместе с компьютером и котом — зачем они ему?) на 15 «чеков».

В какой-то момент, отойдя от дозы, Олег вдруг осознал, что остался совсем один. Очень долго он сидел, прислонившись к стене, в чреве какого-то подвала, лелея свою обиду, свое одиночество, беззвучно рыдая и размазывая сопли по давно небритому лицу, — ему больше неоткуда взять денег. Нет денег — нет «чека». Нет «чека» — нет кайфа. Нет кайфа — незачем жить… кому-то. Олег размышлял всего минуту — ни о каких вопросах морали речи не шло, — он просто обдумывал, где удобнее всего сделать засаду. Выбрав вход в подъезд близлежащего дома, Олег направил свои стопы к намеченной цели. Заняв идеальную для нападения позицию — свет на него не падал, зато отлично показывал всех, кто входит, — он стал ждать.

Парень. Молодой и спортивного телосложения. Одет прилично — наверняка куча бабла в портмоне. Нет, слишком рискованно, вполне можно самому получить на орехи.

Две девушки. Симпатичные. Очень. Даже если скрутить одну, другая наверняка успеет поднять за это время такой шум, что уйти ему уже не удастся.

О, самое то! Наконец-то! Старичок. Опрятненький такой, в костюмчике.

Олег был настолько увлечен своей охотой, что не заметил, как в нескольких шагах от него от стены отделилась тень и юркнула в его сторону.

Разряд, парализовавший тело, настолько удивил Дегтярева, что он даже не успел до конца осознать, что теряет сознание.

Глава 4

Что ты видел в своей жизни
хорошего?

Что ты знаешь о цвете неба?
Что ты можешь вспомнить из своего прошлого,
Кроме того, что никогда нигде не был?
Каждый новый твой день
Оставляет на венах ссадины,
И нет света белого — только лишь одна тень,
Солнце твое тобою же и украдено.
Запах цветов — да, вещь банальная,
Но ты не сможешь уже его чувствовать,
Плохо закончится история твоя печальная,
И ты начнешь навсегда отсутствовать.
Смех, слезы, обычные радости,
Глаза той, с которой хочешь быть…
А можно забодяжить себя какой-нибудь гадостью
И навсегда об этом забыть.
Ты убиваешь в себе все самое лучшее,
Все то, что мог бы отдать другим,
Напоказ выставляя одно лишь только худшее,
Ненавидя себя таким.
Ты топчешь мир своими ботинками,
Не замечая, куда наступаешь,
А время от тебя уходит цветными картинками,
Но ты даже этого не понимаешь.

Dolphin «Ботинки»

(альбом «Не в фокусе»)

В комнате не было ничего. Совершенно. Стены и потолок из прозрачного стеклобетона — над головой были тонны воды.

Когда полторы сотни лет назад плотность населения превысила все допустимые нормы, был принят закон — всеми правительствами тогда существовавших еще государств — о колонизации морского дна. С тех пор государства превратились в Единый Совет, все города объединились в Мегаполис, которому в свою очередь стала слишком тесна шагреневая кожа суши, и он ушел под воду. Подводные жилые ячейки имели перед квартирами и домами на суше существенное преимущество, а именно: они были гораздо дешевле своих каменных собратьев. Несмотря на дороговизну технологий, чтобы привлечь покупателей, Единый Совет установил цены, приемлемые для так называемого среднего класса.

Морское дно привлекло десятки тысяч романтиков, жаждущих видеть над головой не птиц, рассекающих воздух, а косяки рыб, не голубизну неба, а толщи воды, цвет которой не поддается описанию. Абсолютно все университеты, так или иначе связанные с биологией моря, само собой, располагались под водой; здесь же, недалеко от места работы (или учебы), жили и преподаватели (так же, как и студенты) этих учебных заведений.

Соединялись между собой все ячейки тоннелями, подобными кровеносной системе подводного мира, населенного людьми. Особо широкие тоннели, предназначенные для передвижения транспортных средств, называли Магистралями. Брали они свое начало на суше.

Колонизация морского дна продолжалась и по сей день — строительство было делом настолько опасным, что воинская повинность была заменена двухгодичной «исследовательской деятельностью». После нее люди либо никогда больше не опускались под воду. Либо настолько влюблялись в глубину, что оставались там жить.

Рыжесть принадлежала к числу романтиков.

— Очнулся. — Леся сдула с лица непослушную прядь. — Извини, что пришлось действовать настолько грубо, — в тоне девушки, однако, не было и тени раскаяния. — Но ты был на грани. Я и так почти опоздала.

— Мы сейчас где? — Олег подошел к стеклобетонной стене, прикоснулся к ней кончиками пальцев. Стена была запрограммирована на пропуск шумов.

— Балтика. Слушай, я как раз ужин приготовила. — Рыжесть

ловко переставила на столик-каталку пару блюд с едой, чашку с чаем — она прекрасно знала о пристрастии Дегтярева к этому благородному напитку и решила его порадовать, тем более и сама она предпочитала черный кофе.

Леся подошла к двери, набрала код и, не переступая порога, вкатила столик внутрь комнаты, в которой находился Олег.

Дегтярев подбежал к прозрачной перегородке, потянулся к руке Леси, но наткнулся на преграду. С укоризной посмотрев на напарницу по сетевым переделкам, произнес:

— Сколько раз в сутки здесь кормят, госпожа тюремщик?

— Достаточно для того, чтобы заключенные не загнулись от голода, — не моргнув, отпарировала девушка. — Дверь я запрограммировала так, что она пропускает все только в одностороннем режиме.

Видя, как Олег жмет на кнопки терминала с той стороны стеклобетона, она добавила:

— Вход в параметры ячейки в твоей комнате заблокирован.

Дегтярев в сердцах выругался.

— Ты просто не представляешь, во что очень скоро на некоторый срок превратишься. — Леся очень печально улыбнулась. — Ты не первый мой знакомый, кого мне пришлось вытаскивать.

Очень долго они молча смотрели друг другу в глаза.

— Они… Они действительно зеленые, — прошептала Леся одними губами и, рывком поднявшись, направилась в спальную комнату — ее ждала пустая кровать. Олега ждал остывший чай…

Расправившись с ужином, Дегтярев лег на пол. Было, конечно, не очень удобно — в подвалах обычно находился какой-нибудь ворох тряпья или, на худой конец, куча мусора, чтобы хоть как-то смягчить каменный пол. Стеклобетон по жесткости ничем не уступал — а, скорее всего, превосходил — строительные материалы, используемые на поверхности. Ну и ладно, зато можно крепко спать, не беспокоясь, что какой-нибудь отморозок запросто воткнет заточку между ребер. Олег уже успел забыть, что совсем недавно он сам ничем не уступал такому вот отморозку.

Очень долго он не мог заснуть — все никак не мог привыкнуть к тоннам мутноватой жидкости над головой вместо чистоты ночного неба с тысячей зрачков, всегда, как казалось Олегу, глядящих на него с разным настроением: добротой, нежностью, укоризной.

Леся… Такая близкая и такая далекая.

Олег и сам не заметил, как заснул.

Когда Рыжесть проснулась, ее взору предстал неспящий уже

Дегтярев, который с какими-то утробными звуками с остервенением пытался расцарапать себе вены — занятие с точки зрения нормального человека совершенно глупое, но для Олега в тот момент составлявшее смысл жизни. Рыжесть пожала плечами и направилась заваривать чай.

Услышав, что соседняя комната подает признаки жизни, Олег подполз к перегородке, разделявшей его и Рыжесть, и прокаркал:

— Леся… Лесь… дай «чек» старому другу. — В ответ девушка просто игнорировала «старого друга». — Я знаю, у тебя ведь есть… Ну что тебе стоит, а?!! — Олег начал хныкать.

Рыжесть вела себя так, словно соседней комнаты вовсе не существовало. Внезапно всхлипывания прекратились. Необычно твердым голосом Дегтярев заявил:

— А я ведь тебя любил… Мразь!!! — последнее слово он прямо-таки выплюнул.

Леся выронила чашку, и пятно кляксой расползлось по девственно чистому полу. Тут же, суетливо семеня ножками, выскочил робот-гном и принялся вытирать покрытие. Рыжесть с каменным выражением лица подобрала чашечку, сполоснула ее и налила новую порцию горячей жидкости. Дегтярев тем временем продолжал:

— Я всегда считал тебя своим другом. — Олег горько усмехнулся. — Всегда тебе доверял…

Вдруг в тихой ненависти Дегтярев с размаху ударил стену с такой силой, что рука онемела и ее пришлось пару раз встряхнуть.

— Конечно, — прошипел он, — конечно, я ошибался. Ведь друзья не запирают тебя парализованным в четырех стенах, где нет даже туалета.

— Чувствуй себя как дома. — Леся забралась с ногами в кресло и, мелкими глоточками отпивая горячий чай, добавила: — Любой угол в твоем распоряжении. Чересчур сильно я тебя кормить и поить не буду, чтобы ты ненароком не захлебнулся в собственном… соку. А запах… Ничего, потерпишь. Впрочем, очень скоро тебе будет уже не до запаха.

— Тварь! Сволочь! Ненавижу! — Дегтярев в изнеможении съехал по стеклобетонной стене, разрыдавшись. — Леся… Лесенька… Ну пожалуйста, всего один «чек». Обещаю, я больше не буду. Ну прощальный, а? Ну хочешь, на колени встану?!!

Дегтярев встал на колени, умоляюще уставившись на Рыжесть.

— Знаешь, мне пора на работу. — Леся встала и, бросив пустую чашку в раковину, послала Олегу воздушный поцелуй, промурлыкав: — Будь паинькой, я скоро приду. Сначала сделай

уроки, потом полчаса посмотришь перед сном телевизор, а потом сразу в постельку. — И она погрозила ему пальчиком.

Леся, едва за ней закрылась дверь, привалилась к стене (обычной, непрозрачной). Она учащенно и прерывисто дышала, цвет лица сделался землисто-серым, в груди кололо.

Она уже сотню раз успела пожалеть о том, что взвалила на себя эту ношу. Сунув под язык стимулятор, она поняла, что еще пару минут такого зрелища — и она потеряла бы сознание.

Спустившись на уровень ниже, Рыжесть села в мобиль и, выехав на пульсирующую такими же, как и она, точками Магистраль, отправилась на поверхность.

Когда Рыжесть вернулась домой, Дегтярев уже полностью утратил всякое сходство с разумным человеческим существом: он, что-то мыча, лежал в луже собственных испражнений и блевотины; скрюченные пальцы пытаются отковырять от пола нечто ведомое только самому Олегу; побелевшие губы трясутся, из уголка рта тоненькой вязкой струйкой тянется слюна.

Глава 5

Давай отсюда уйдем, и станет легче дышать,
Здесь хозяева — дети, они будут стрелять,
Они запомнили лица и стоят за углом,
Пока мы можем идти, давай отсюда уйдем…

Dolphin «Сахар»

(альбом «Ткани»)

— Знаешь, а ведь ты запросто мог загнуться, — промурлыкала Рыжесть на ушко Олегу. — Сердце, например, не выдержало бы.

Дегтярев, не мигая, глядел в прозрачный потолок — он все никак не мог привыкнуть к отсутствию неба над головой.

— Так что считай, что ты легко отделался. Пара вывихнутых суставов и съеденный палец — это просто мелочь.

— Я только боюсь, что снова на какую-нибудь дурь подсяду. Не уверен, что не поддамся искушению. Слушай, — Олег решил сменить тему, — у тебя нет знакомого врача, способного

нарастить палец за приемлемые деньги?

— Да. И что бы ты без меня делал? — Леся, тепло улыбнувшись, поцеловала Олега в щеку, после чего поудобнее устроилась на его плече.

— Кеды бы надул, — буркнул Дегтярев. — И так передоза была не за горами. Или служба безопасности накрыла бы — я ж без двух секунд убийца.

После этого молчание надолго укутало их в свое свинцовое одеяло.

— Лесь, спасибо. Я даже не знаю, как тебя отблагодарить. Вот продам пару органов и на эти деньги куплю тебе подарок.

— Глупая шутка, не говори так больше. — И Рыжесть прижала свой изящный точеный указательный пальчик к губам Олега, словно запечатывая их.

— Лесь, прости меня за то… ну, в общем, я много всякой чуши напорол… Я… Это был не я… Ну… понимаешь…

— Да, я понимаю.

— Я…

— Я знаю, — перебила его Леся. — Я тебя тоже.

Доев яичницу и запив ее крепким черным чаем, Леся стала собираться на работу, а Олег канючить, что провести почти целый день без нее — хуже ломки. В конце концов он смирился, а она уехала.

Дегтярев уже почти устроился на работу исследователем — осталось только подождать официального разрешения. Конечно, от тяжелого труда он в восторге не был, но платить обещали хорошо, а для него это было самым главным в положении, в которое он сам себя загнал, — с долгами-то как-то надо было расплачиваться. Исследователям же платили просто бешеные деньги — не столько за труд, сколько за риск, потому что гибли исследователи просто в огромном количестве. Олег тешил себя тем, что такое положение вещей ненадолго и как только он рассчитается с долгами, так сразу же найдет себе что-нибудь менее оплачиваемое, но более безопасное.

В то же время он зарегистрировался как боец в каком-то виртуальном турнире и даже сумел успешно пройти квалификацию.

Виртуальным гладиаторам также платили неплохо; в зависимости от зрелищности поединка и, естественно, от того, кто победитель, а кто проигравший.

На виртуальных турнирах делали *деньги*. Не деньги, а именно *деньги*. В первую очередь из-за зрелищности — впервые со времен гладиаторов бои велись насмерть. Для зрителя неважно,

виртуальная смерть или реальная, настоящей кровью захлебывается боец или это только образ, передаваемый мнемоюстами.

Впрочем… благодаря тем же мнемоюстам, боль, испытываемая в Сети, ничем не отличалась от боли реальной. То есть если в Сети человеку ломали руку, то в реальности рука оставалась целой и невредимой, зато острота ощущения была полностью адекватна боли реальной, и если не выйти и не перезагрузиться, то мнемоюсты так и будут транслировать абсолютно всю гамму ощущений. Если же кого-то убивали в Сети, то его элементарно выкидывало в реальный мир.

Прилепив мнемоюсты к вискам, Олег влез в Сеть, чтобы превратиться в Нейро.

Зайдя в зал, где проходили соревнования, он был отправлен в ложе для других бойцов. По регламенту их было шестнадцать — восемь сеянных игроков и столько же прошедших квалификацию. Соперников определял жребий.

Олег, тренировавшийся с двенадцати лет и уже давно мечтавший поучаствовать в подобной авантюре, сиял, как медный таз. Он, конечно же, был уверен, что турнир ему не выиграть, однако азарт брал свое.

Его бой открывал 1/8 финала. Рев толпы просто оглушал. Противником Нейро был парень по имени Пепел — альбинос с абсолютно седой головой, коренастый и спокойный, как десять тысяч мамонтов.

— Хадзимэ! — крикнул рефери, мгновенно испаряясь.

Оба бойца выдали головокружительный каскад приемов. Это был танец. Устрашающе прекрасный, как сама смерть. Олег наступал, а Пепел действовал на контратаках, выжидая ошибку противника. Комбинации Нейро вытекали одна из другой, а седой альбинос уклонялся от ударов, с нечеловеческой точностью отбивая выпады Олега. Однажды, когда Олег наносил очередной удар, Пепел схватил его за лодыжку и свалил с ног; толпа взревела, однако альбинос отошел от поверженного противника, всем своим видом демонстрируя превосходство.

Внезапно, уже после того, как Нейро поднялся, Пепел резко выбросил вперед правую руку, с кончиков которой сорвались языки пламени, — банальщина в виртуальной-то реальности, но Олег этого никак не ожидал (он считал, что пригодятся лишь быстрота реакции, ловкость, сила и тому подобное), а потому не успел отпрыгнуть достаточно быстро, и огонь смог дотянуться до левого предплечья.

Пытаясь не обращать внимания на боль, Нейро размахнулся в хлыстообразном выпаде, именуемом «фури учи» и оттолкнул

своего противника. Снова огненные нити, но на сей раз Дегтярев уклонился и нанес круговой удар в солнечное сплетение. А затем вложил всю свою силу в кулак, сломавший оппоненту нос.

Пепел отшатнулся, застонав и забрызгивая виртуальной кровью виртуальные тела, паркет и одежду.

Нейро, закрепляя успех, нанес хук слева, с удовлетворением увидев, как Пепел на несколько секунд потерял ориентацию в пространстве. Проведя еще один удар в лицо, Олег с разворота обрушил боковой удар на колено противника.

Дегтярев прыгнул на корчащегося на паркете альбиноса для того, чтобы размозжить ему голову, но тот откатился, одним точно выверенным движением оказался на ногах и буквально разорвал левую почку Олега. Дегтярев рухнул и попытался отползти от противника в надежде потянуть время, для того чтобы боль немного улеглась, однако у Пепла были совсем другие планы относительно Нейро — он обрушил молотоподобный удар на другую почку Олега. Еще пару секунд спустя Дегтярев уже сидел в одной из комнат подводной ячейки Рыжести — виртуальному телу элементарно свернули шею.

Дегтярев проверил свой счет, с радостным удивлением обнаружив там действительно неплохую сумму — чуть больше половины того, что он вообще должен. И это только за один проигранный бой! Может, ну ее к такой-то матери, эту работу исследователем? Хотя опять бегать с документацией и с пеной у рта? Нет, лучше уж месяц отработать, получить деньги и спокойно уйти.

Глядя на цифры на своем счету, Олег вдруг подумал, сколько «дури» можно набрать на эти деньги.

«Нет! — пытаясь отогнать стучащие участившимся пульсом идеи, сказал Дегтярев сам себе. — Даже думать не смей о том, где можно достать, чек“!»

Однако сознание тут же участливо выдало ему, словно выводя на дисплей, где доза стоит сравнительно недорого.

Одолеваемый этими навязчиво копошащимися в мозгу мыслями, Олег зарыдал. Сквозь пелену отчаяния просочилось осознание того, что эта пытка далеко не последняя, что это расплата за блаженство, которое он получал, что над каждой более-менее значительной суммой он будет вот так рыдать, измеряя все в «чеках».

В мозгу что-то заворочалось, и Олег, подбежав к терминалу, зашуршал клавиатурой:

Меня несет сквозь мышцы по венам
В хитросплетенье твоего подсознанья,

До самых звезд, до корней мирозданья,
Твой мозг опутав паутиной и тленом.

По алым снам, по улыбкам кирпичным
Ступаю я, твое тело съедая.
Ты погибаешь, и это логично,
Я хохочу, в тебе прорастая.

По корке слез, по граням кристальным,
По негативам твоей памяти желтой,
Я иллюзорным узором кинжальным
Пену морскую вдыхаю иголкой.

Ты так доволен участью рабской,
А подо мной хрустят стекла мечтаний.
В твоей сетчатке мешаю я краски,
А ты — лишь раб моих мерзких желаний.

Я, обглодав твой нерв оголенный,
К твоим страданьям остаюсь безучастным.
Рухнувший в зев моей пасти бездонной,
Ты умер в муках, и это прекрасно…

После того как Дегтярев оторвался от клавиатуры и прочитал то, что было написано на мониторе, ему почему-то стало еще хуже — уж больно концовка стиха звучала неутешительно. Нет, умирать, тем более в муках, он, конечно же, не собирался — наоборот, после того, как Леся вытащила его, хотелось дышать полной грудью, а когда она была рядом, то вдобавок хотелось одновременно и смеяться и плакать от счастья, но… но с воспоминаниями о «дури» даже блеск глаз любимой как-то… тускнел, что ли.

Чтобы хоть как-то отвлечься, Олег снова влез в Сеть и зашел на один из турниров — в виртуальной реальности их было несколько.

На сей раз жребий свел его с парнем по имени Сорняк. Соперник был довольно высок, с ярко-зелеными волосами, бледно-салатовой кожей и зелеными же миндалевидными глазами.

Они сошлись в центре зала и начали ходить кругами, пытаясь найти слабые места друг друга. Сорняк словно стелился по паркету, настолько плавными и вроде бы даже неторопливыми были его движения.

Однако когда этот любитель флоры нанес первые удары, Нейро сразу же определил почерк муай тай. Противники такого класса, способные на ходу комбинировать несколько стилей, были в несколько раз опасней. От чудовищной силы круговых ударов ногами следовало уклоняться — для не тайского боксера практически любой блок против этой костедробильни может закончиться весьма плачевно. Когда же Олег сделал пару выпадов, Сорняк очень плавно уклонялся, что было совершенно несвойственно для муай тай.

Олег также знал, что боксеры славятся как мастера ломать шеи, а поэтому из кожи вон лез, чтобы не предоставить зеленокожему возможности это проделать.

Решив рискнуть, Нейро сблизился с соперником и, начав со своего любимого фури учи, сделал выпад в солнечное сплетение, апперкот под мышку и в довершение провел очень жесткий удар в ребра. Это было все равно, что избивать столетний дуб.

Внезапно Олег почувствовал нестерпимый зуд в тех местах, что соприкоснулись с кожей противника. Сорняк стоял и нагло ухмылялся. Только теперь Дегтярев понял, что салатовый цвет коже Сорняка придавала слизь, покрывавшая его тело.

В этот самый миг ладонь бойца превратилась во что-то острое, похожее на узкий лист какого-то растения.

Сколько мог, Нейро уворачивался от этого кинжала, но Сорняку все-таки удалось поцарапать бедро Олега, после чего он сразу же откатился назад.

Дегтярев нанес локтевой удар в голову, ухитрившись не получить ничего взамен.

Олег также припас несколько сюрпризов для своих соперников. Он пристально посмотрел на Сорняка, ловя его взгляд, и как только ему это удалось, Дегтярев стал подавлять волю противника. Сорняк сопротивлялся как мог — вены под зеленоватой и немного люминесцирующей кожей набухли, жилка на виске приобрела сиреневатый оттенок, часто запульсировав.

Вдруг на Олега навалилась усталость — слабость приятными, теплыми волнами шла от небольшого пореза на бедре, наполняя мышцы свинцовой тяжестью. В то же время более-менее оправился соперник Олега, присев на паркет и потирая виски.

Дегтярев понял, что если он сейчас не нанесет смертельный удар, то позже сделать это уже не удастся.

Разбежавшись и из последних сил оттолкнувшись от паркета, Нейро в пируэте взлетел над полированной поверхностью, рассекая воздух.

Удар пришелся Сорняку в голову — Дегтярев еще успел почувствовать, как с сухим треском подались под пяткой кости

черепа…

Он вновь был в подводной ячейке Леси, где-то у балтийского побережья. Голова раскалывалась, рвотный ком подступал к горлу.

Над белым как мел Олегом склонилось полное лицо в узеньких очках и с почти братской добротой в еще более узких глазах.

— Чен, ты че, обалдел?! Кретин, существует двадцатипроцентная вероятность того, что человек свихнется, если его вырвать из виртуальности, просто содрав мнемоюсты!

— Угостишь чаем? — спокойно спросил Чен, и что-то в этом спокойствии очень насторожило Олега. Что-то колючее и холодное. — Да ты не вставай, я сам все сделаю.

Попытавшись встать, Дегтярев почти не удивился тому, что не может и пальцем пошевелить, хотя связан он не был.

— Мы ввели паралитик, — сказал Чен, уже стоявший с кружкой горячего чая. — Так ты вряд ли сможешь выкинуть какой-нибудь фокус. Не волнуйся, — китаец отхлебнул из кружки, — никаких побочных эффектов, кроме слабости и головокружения, не предвидится. — Улыбка Чена лучилась искренностью, добротой и заботой о небезразличном ему человеке. — Триада всегда умела производить качественные… хм… лекарства. — Озорной блеск в глазах. — Сам посуди, мыслить и говорить ты в состоянии.

— Что вам нужно?

— Ты, парень. Во-первых, ты изобрел очень дешевый препарат, на котором можно очень достойно заработать, хоть какое-то время оставаясь если не монополистом, то хотя бы наиболее крупным производителем и распространителем. Данные ты на компьютере не сохранил. Такие дела.

— А во-вторых?

— А во-вторых, ты знаешь, где находится лаборатория. Кто-то посторонний может проникнуть в нее с твоей помощью. Мы этого не хотим.

— Так что, со мной все ясно?

— Ничего личного, пойми, — Чен произнес это с легким налетом грусти в голосе. — Из чисто экономических соображений. Ты ведь и сам прекрасно понимаешь, что лучше устранить одного-единственного человека, нежели устранять целую лабораторию. Оборудование, переезд персонала вместе с семьями… Просто так дешевле.

«Господи! — подумал Олег. — Он с таким спокойствием выносит мне приговор — интересно, скольких людей Чен вот так,

в своей неторопливой манере, убеждал, приводя те или иные доводы в пользу того, что их смерть необходима?»

И что самое интересное, сам Олег не испытывал ни малейшей толики страха. Он предполагал, что перед смертью человек либо бьется в истерике, оглашая своим почти утратившим человеческое воем, либо, если он достаточно упрям для того, чтобы бороться, он буквально выгрызает каждый миг своего существования, либо, наоборот, — такое часто случается с неизлечимо больными — утрачивает всякую надежду на жизнь, укутываясь в пелену апатии и безразличия.

Еще Дегтярев читал, что перед смертью перед глазами умирающего пролетает вся его жизнь, со взлетами и падениями, успехами и неудачами, любовью и ненавистью…

С ним, однако, ничего подобного не происходило; вот она смерть, на этот раз принявшая немного странный, слегка комичный образ круглолицего толстоватого очкарика с кружкой чая в руках, — и ничего! Дегтярев спокоен, как сто тысяч мамонтов. И никаких картинок из прожитого, даже никаких воспоминаний. Вообще ничего, кроме горстки совершенно глупых мыслей: «Может, я какой-нибудь ненормальный? Может, я не совсем обычный человек? Точно! Я гений! Ведь сумел же изобрести совершенно новый наркотик. И из чего? Из помоев фармацевтики! Вот только на жизнь это не обменять. Даже на такую никчемную».

— А чего ради триада до сих пор меня не ликвидировала?

Услышав этот вопрос, Чен печально посмотрел на Олега, вздохнул и произнес:

— Понимаешь, мы действительно не можем расколоть твой препарат, по крайней мере, мои знакомые этого сделать не могут, а к посторонним обращаться неохота. Конечно, мы сделаем это и без твоей помощи, но… время безжалостно, друг мой. У русских и якудзы есть неплохие шансы решить твою загадку раньше нас. А мы *очень* не любим, когда нас опережают. Очень. И благодаря тебе, мой друг, — Чен улыбнулся и взял Дегтярева за онемевшую руку, — мы будем первыми.

— У меня нет мотивации вам помогать!!! — выкрикнул Олег. Все-таки страх начал прогрызать пока еще крохотные дырочки в толстом покрове странного спокойствия. — Вы все равно меня прикончите! Какой смысл мне вам помогать?

Чен молча подошел к столику, взял фотографию Леси в красивой рамке, прикоснулся к изображению кончиками пальцев… Вот теперь Олег окаменел — ему показалось, что даже сердце перестало качать кровь. Интересно, а что будет, если его сердце и впрямь откажется выполнять свою повседневную работу?

— Симпатичная у тебя девушка, — как обычно, с мягкой грустью, сказал Чен. — Знаешь, у нее очень теплые, красивые глаза… зеленые… Знаешь, у меня на родине девушек с зелеными глазами считали волшебницами. Она любит тебя, Олег… И ты ее наверняка любишь — не можешь не любить. Ты ведь готов ради нее на все, правда?

— Слово, — прохрипел Дегтярев. — Дай мне слово, что триада ее не тронет. Я знаю, вы очень трепетно относитесь к своей чести.

— Даю тебе слово, Олег, — ледяным тоном, словно вбивая гвозди, произнес Чен — никакой патетики и торжественности. — Мы ее не тронем, если ты выполнишь наше пожелание.

— Твои любезность и красноречие просто не позволяют мне отказаться.

— Ты же знаешь, я всегда был прекрасным дипломатом, — съязвил Чен в ответ.

— Когда эта ваша чудо-хрень меня отпустит?

— У тебя внутри часовая доза. Следовательно, осталось минут сорок.

— Ха! — Олег расплылся в омерзительной ухмылке. — Мама, я хочу пи-пи.

— Иди под себя, — ответил Чен со скучающим видом. — Мне плевать. Дом-то не мой.

— Урод, — констатировал факт Дегтярев. «Делать пи-пи» он все-таки не решился.

Глава 6

There's something inside me
that pulls beneath the surface
Consuming, confusing.
This lack of self-control I fear is never ending
Controlling. I can't seem
To find myself again,
My walls are closing in.
I've felt this way before —
So insecure!
Discomfort, endlessly, has put itself upon me
Distracting, reacting
Against my will I stand beside my own reflectio
n It's hunting how I can't seem
To find myself again,
My walls are closing in.
I've felt this way before —
So insecure!
Crawling in my skin
These wounds, they will not heal.
Fear is how I fall
Confusing what is real.

Linkin Park «Crawling»

(альбом «Hybrid Theory»)

Иногда невозможно понять, было ли какое-либо событие благом или нет, даже после того, как человеку уже пришлось собрать плоды этого события. Это называется когнитивным диссонансом. Например, ваша девушка уговаривает вас пойти в театр, а друзья предлагают вместе попить пивка и поболеть за любимую футбольную команду.

Если вы идете с любимой представительницей bello sexo в театр, вы уже спустя пять минут понимаете, что спектакль скучный, актеры бездарные, а девушка настолько не разбирается в искусстве, что даже не в состоянии этого заметить.

Если вы идете с друзьями в какой-нибудь бар или — что еще

вероятнее — собираетесь у кого-нибудь дома, то вскоре осознаете, насколько утонченна и прекрасна ваша девушка, что зря вы не пошли с ней в театр, а друзья ваши — просто кучка неотесанных горлопанов, и вообще они люди ограниченные.

То есть вечер *в любом случае* не удался.

В общем, когда при выходе на поверхность на Олега, Чена и сопровождавших их трех головорезов с татуировками на запястьях напали какие-то люди, Дегтярев не понял, что ему нужно — чтобы нападающие сделали отбивную из людей триады или чтобы представители древней китайской организации наваляли якудзе.

В том, что нападавшие — боевики якудзы, Олег перестал сомневаться, когда услышал отрывистые и немного режущие слух выкрики. К тому же Дегтярев японским владел, причем неплохо.

Олег с интересом наблюдал за ходом схватки, но удовольствие от созерцания испоганил один из бойцов якудзы, который схватил Дегтярева и потащил в сторону мобиля, стоявшего неподалеку. Судя по тому, как грубо все это проделывалось, Олег понял, что от якудзы ничего хорошего ждать не придется. Поэтому, когда его волокли, Дегтярев не брыкался и вообще не пытался как-нибудь отбиться — он просто вынул из кармана авторучку и со всей силы воткнул ее в глаз тащившего его японца. Тот взвизгнул, выпустил Олега и, повалившись на асфальт, стал конвульсивно дергаться. Зрелище показалось Дегтяреву не очень захватывающим, поэтому он встал и, подобно спринтеру, побежал как можно дальше от места драки. Побег прервал парализующий заряд, выпущенный из одного из воплощений полета мысли инженеров конструкторского бюро господина Мацуситы.

Очнувшись, Олег не сразу вспомнил события, предшествовавшие потере сознания, а вспомнив, не сразу понял, где находится. Когда же до него дошло, что он лежит прикованным к стенке последней модели черного ворона, оптимизма ему это не добавило.

Олег Дегтярев был достаточно взрослым, чтобы не питать иллюзий насчет правосудия. Тот факт, что его повязали вместе с головорезами из якудзы и триады, не добавлял шансов на победу без потерь. Он даже не знал, поверят ли ему вообще. Скорее всего, нет. Или поверят, но частично, а тогда обязательно последует какое-нибудь наказание, самое мягкое из которых — принудительная работа, скорее всего исследователем морского дна. Да-а, не хотелось работать за деньги, придется работать бесплатно. Только бы с Лесей ничего не случилось.

Их вывели из воронка и провели под конвоем в какое-то

помещение — что-то вроде отстойника, где уже находились человек тридцать, многие из которых обладали весьма непривлекательной наружностью и к тому же были агрессивно настроены.

Из всех участников разборки в этот загон были доставлены только Олег, Чен и всего один громила со стороны триады, причем в весьма помятом состоянии, и четыре бойца якудзы в не менее привлекательном виде. Для того чтобы понять, что случилось с остальными, не требовалось богатое воображение. Сломанная левая рука Чена была наспех перевязана каким-то тряпьем.

— Да, трудно собирать выбитые зубы сломанными руками, — ухмыляясь и сильно шепелявя, сказал Чен.

Несколько человек очень грозного вида подошли к потрепанным триадовцам, но Чен только показал татуировку на запястье — этого оказалось достаточно, чтобы здоровые, потные и небритые парни просто испарились. Триада достаточно могущественна, чтобы отбить охоту с ней связываться у кого угодно, кроме, пожалуй, якудзы, русских и иногда колумбийцев.

— Хочется спросить у наших новых друзей из солнечной Японии, как они ковыряются в носу, когда у них не остается для этого пальцев. — Чен сидел, прислонившись к стене, и рассматривал свою поврежденную руку.

— Что нам грозит?

— Естественно, нас отсюда вытащат, причем очень скоро. — Чен пожал плечами и поморщился. Даже скудное освещение не могло скрыть его бледности.

Некоторое время спустя их привели в здание суда, где искусственный интеллект должен был определить степень их вины и наказание для каждого преступника.

Уже в суде Чен нервным шепотом объяснял Олегу, что, скорее всего, хакеры триады и якудзы сейчас ломают систему защиты, чтобы «беспристрастный судья вынес справедливый приговор».

Однако когда одного из японцев — огромного парня в когда-то безупречно белой рубашке, строгом черном костюме и с дрэдами на голове — приговорили к смертной казни с помощью капсулы, все остальные, включая Чена, начали заметно нервничать.

— Наверняка наши парни постарались, — не совсем уверенно прошептал Чен. — В отместку за смерть почти всей моей команды. Все равно мне его жаль… Капсула — это слишком жестоко. Парень просто выполнял задание.

Капсула была самым суровым наказанием в нынешней системе правосудия. Приговоренного помещали внутрь и, усыпив

его, транслировали самые ужасные кошмары, самые дикие порождения воспаленного безумного подсознания. В конце концов у приговоренного, естественно, не выдерживало сердце. Внутри капсулы устанавливалась видеокамера. Такая казнь была намного более жестокой, нежели пресловутый электрический стул или набившая оскомину газовая камера. А после того как пару пленок с мучениями пустили в Сеть, количество преступлений во всем мире уменьшилось примерно в четыре раза — назидательный эффект использования капсул налицо.

Когда Чен понял, что все без исключения выжившие в уличной мясорубке приговариваются к смертной казни, он запаниковал. Со всеми вытекающими последствиями. Однако несильный электрический разряд очень быстро его вразумил. На время. Олег же был совершенно спокоен — он уже успел привыкнуть к своему приговору, и не важно, кем этот приговор был вынесен — триадой, якудзой, Единым Советом, искусственным ублюдком, Санта-Клаусом…

Судя по всему, якудза и триада прилично насолили Единому Совету, и тому требовался показательный процесс, публичная экзекуция. Естественно, с красиво спланированным и претворенным в жизнь спектаклем — on-line трансляцией в Сеть. А искусственного судью наверняка защищает огромная и, несомненно, очень талантливая армия не только бюджетных программистов, но и привлеченных солидными гонорарами кудесников-нелегалов. У ребят из триады и якудзы просто не было шансов.

Чен пришел в себя. Он потер виски, после чего глаза его подернулись поволокой, и он словно снова вырубился. Олег сообразил, что его бывший однокурсник активировал какой-то вживленный в него чип. Вернувшись в реальный мир, Чен затараторил:

— Я влез в Сеть и просмотрел схему здания, в котором мы находимся. У меня есть переносной портал, действующий на двести метров. Здесь неподалеку расположена стоянка. У нас есть шанс прорваться.

— А зачем мне помогать тебе?

— Думаешь, кто-то знает о моем обещании не трогать твою девушку?

— Лады.

— Ты всегда был умным мальчиком, Олег. — Чен подмигнул. Над его верхней губой и на лбу от волнения выступили крупные капли пота.

В этот момент к ним вошел какой-то человечек с внешностью клерка и посоветовал всем следовать за ним. В ответ все

заухмылялись — в самом деле, как же можно отказаться от такой вежливой просьбы? Тем не менее упираться никто не стал. Они угрюмо — а как еще могут идти приговоренные к смерти? — брели по унылому, темному, как сердце вампира, коридору, упираясь взглядами в спины друг друга.

Внезапно Чен споткнулся и нелепо упал. Неуклюже попытался подняться, но со скованными руками сделать это не так просто, и он снова растянулся на зеркальном полу. Один из охранников подошел к толстяку и, грубо схватив его за шкирку, рывком поставил на ноги.

— Слушай, у меня очки остались на полу. Не мог бы ты оказать мне услугу, я ведь без них слеп как крот.

Охранник с каменным выражением лица обратил свой светившийся от переизбытка интеллекта взор на пол, затем, глядя прямо в щурящееся лицо китайца, такого нелепого и несчастного неудачника, наступил на узенькие очки в тонкой оправе — послышался сухой хруст. Китаец, казалось, вот-вот разрыдается — он выпятил нижнюю губу, надул и без того мясистые щеки и стал похож на ребенка, у которого нехороший дяденька отнял конфетку. Нехороший дяденька осклабился. Потом загоготал.

Чен плюнул в мерзкое ухмыляющееся лицо. В ответ громила зарычал и двинул Чена прикладом в живот — китаец покачнулся, с шумом выпустил воздух из легких и со всей силы ударил обидчика в пах; другие осужденные тоже напали на своих конвоиров. Пара беспорядочных и почти бесполезных выстрелов — один заряд разбил настенные и напольные зеркала, второй оторвал руку последнему подчиненному Чена, — и не успевшие даже удивиться охранники были обезврежены. Толстый китаец, осторожно прижимая к груди поврежденную руку, с остервенением и удовольствием отплясывал на теле растоптавшего его очки конвоира.

«Да-а, скорее всего, этот мертвый мерзавец был просто невинным младенцем по сравнению с моим бывшим однокурсником», — думал Дегтярев, наблюдая за тем, как лицо охранника превращается в мясной фарш.

С лицом мальчишки, только что прокатившегося на санках с самой крутой горки, Чен подобрал оружие и, запрограммировав его на малую мощность, перебил свои наручники; ребята из якудзы занимались тем же, и, опасаясь их нападения, триадовец спокойно их расстрелял, после чего освободил Олега. Третьему парню из их компании наручники уже не были помехой, как не было у него левой руки до локтя. Рана не кровоточила — заряд прижег ее, но китаец был на грани обморока из-за болевого шока. Тем не менее он не издал ни звука.

Чен разорвал подкладку своего пиджака и с жестом фокусника извлек переносной портал, после чего выудил из кармана брюк маленький радар и пару антигравов. Прикрепив их к порталу, он просто шагнул в образовавшуюся дыру в пространстве. Дегтярев и боец триады последовали его примеру.

Олег первый раз пользовался порталом — то есть слухи о его существовании циркулировали в Сети уже лет пять, но информация о приборе была сверхсекретной, и слухи эти были настолько неправдоподобны, что успели набить оскомину. Скорее всего, они распускались либо отделом пропаганды Единого Совета, либо фирмой-разработчиком, либо обеими сторонами. Сразу же появились несколько интервью, взятых у «подопытных кроликов», с упоением повествовавших о своих ощущениях при использовании портала. Тут-то и началась нестыковка — одни описывали переход как кисель, сквозь который они якобы пробивались, другие сравнивали его с полетом, третьи — с чудовищной гравитацией.

Олег ничего необычного при переходе не почувствовал — ощущение было такое, будто он просто открыл дверь и, переступив порог, оказался в другой комнате.

«Комната» оказалась стоянкой челноков, а за спиной торчало шпилеобразное здание Комитета Общественной Безопасности.

На стоянке было всего два аппарата, причем один только что оторвался от поверхности и набирал высоту, сначала очень медленно, с трудом отвоевывая у неба каждый десяток метров, затем, достигнув примерно трехсотметровой высоты, челнок на мгновение завис, а потом быстро устремился ввысь, разрывая пространство и постепенно превращаясь в светящуюся точку.

Из здания Комитета Общественной Безопасности выбежали несколько человек и двинулись по направлению к трем беглецам.

— Все выходы со стоянки уже перекрыты, судя по тому, что эти клоуны совсем не торопятся, — в этот момент отправился в полет и второй челнок.

Чен приготовил портал для использования, но, даже прекрасно понимая, чем он занимается, люди в серых костюмах не ускорили шаг.

Толстяк посмотрел вверх и прыгнул в портал, Олег последовал за ним, чуть помедлив, вошел во тьму перехода и однорукий бандит.

Почему моя память вертится вокруг Олега? Он наверняка сыграл важную роль в моей жизни… Вот только какую?.. Ненависть… Ненависть — ключ ко всему.

Глава 7

Мы легли на дно
Мы зажгли огни
Во Вселенной только мы одни

Гни свою линию
Гни свою линию
Горят огни
Сверкают звезды
Все так сложно
Все так просто
Мы ушли в открытый Космос
В этом мире больше нечего ловить…

Сплин «Линия жизни»

(альбом «25-й кадр»)

Оказавшись внутри корабля, Олег первым делом услышал отборную брань Чена, обильно сдобренную его же хрипами и воплями, шедшую откуда-то сверху. Немного привыкнув к темноте, Дегтярев увидел человек десять, стоящих посреди каюты, и Чена, подвешенного к потолку, — его многострадальная левая рука, и без того сломанная, словно вросла в челнок по самое предплечье. Судя по всему, он самую малость не рассчитал расстояние. С другой стороны, им сильно повезло, что они вообще оказались на корабле.

— Сделайте же что-нибудь! Я не елочная игрушка, чтобы висеть здесь! — И Чен закончил свою речь парой выражений, которые обычно вырезаются из соображений цензуры.

Внезапно один из наблюдавших за всем этим пассажиров подпрыгнул слишком высоко даже для сверхпрыгучего человека и, перекувыркнувшись в воздухе, — полная фантастика! — словно приклеился к потолку, презрев все законы притяжения.

— Отрубай руку ко всем хренам! — орал Чен.

Незнакомец присел на корточки рядом с китайцем и с минуту неотрывно смотрел ему в глаза — Чен даже стонать перестал.

— Сначала будет немного больно, — произнес человек глубоким и чуть хрипловатым голосом. — Потом рука словно онемеет, и ты вообще ничего не будешь чувствовать. Затем, когда

действие анестезии начнет проходить, рана будет очень сильно чесаться, но ты ни в коем случае не трогай ее, иначе боль сожрет тебя, понял?

Чен кивнул.

— Ловите его, — так же безжизненно сказал человек стоявшим внизу.

Затем он послюнявил предплечье Чена — толстяк брезгливо поморщился — и с тихим рычанием стал грызть руку китайца.

Все просто онемели — стоявшие непосредственно под подвешенным к потолку даже не заметили первых капель крови, упавших на них. Когда до ушей Олега, вместе со всеми завороженно следившего за этим жутким зрелищем, донесся хруст костей, Дегтярев вздрогнул и заскрежетал зубами, как и многие мужчины; женщины закрыли глаза, некоторые, отвернувшись, пытались спрятать лица за спинами мужчин, иные — те, чьи глаза были холоднее льда, спокойно следили за происходящим.

Наконец плоть не выдержала веса и оторвалась под тяжестью тела, которое, несмотря на разбрызгиваемую и пачкающую одежду кровь, было заботливо поймано пассажирами челнока.

Чен был бледен, как тысяча мертвецов. Незнакомец прыгнул на стену и, спружинив, приземлился на пол. Подойдя к китайцу, — с его пути благоразумно убирались абсолютно все, — парень сел на корточки точно так же, как он совсем недавно сидел на потолке.

Выглядел он вполне обычно: высокий, атлетически сложенный, черты лица тонкие, нос когда-то был сломан, но это придавало незнакомцу какой-то особый шарм. Правда, одежда его была немного старомодна — обтягивающая футболка, заправленная в черные — вы не поверите в этот пережиток прошлого! — джинсы. К тому же сейчас очень редко можно встретить парня с естественного цвета волосами длиной до плеч и расчесанными на прямой ряд.

— Я Вампир, — представился парень, очень добродушно улыбнувшись; из уголков его рта стекали струйки крови Чена, которой был перемазан весь подбородок прыгуна. — Так меня зовут. Эй! — Вампир встал и обратился ко всем присутствующим. — Я думаю, нам всем следует познакомиться. Возражений нет? — он оглядел каюту: возражений не было, во всяком случае, явного протеста предложение не вызвало. — Начнем с меня, как с проявившего инициативу.

Итак, я, как и некоторые другие пассажиры этого летательного аппарата, специальный агент Комитета Общественной Безопасности. Я под завязку напичкан разного

рода чипами и, естественно, боевыми имплантантами. Вампиром меня прозвали за то, что я могу найти человека по крови. Все вы знаете, что сразу же после рождения производится забор крови, который отправляется в Хранилище. Большинство пробирок так там и лежат до самой смерти человека. Потом ее хоронят вместе с ним. Так происходит в большинстве случаев.

Однако время от времени появляются очень нехорошие дяди и тети, которые угрожают общественной безопасности. Для устранения подобных элементов существуют охотники. Мне дают немного крови из Хранилища, и я, руководствуясь каким-то — может быть, шестым — чувством, ликвидирую нужного человека, в какой бы точке земного шара он ни находился. Проще говоря, я убийца высокого класса… Возможно, самого высокого.

— Послушай. — Олег давно уже все понял, но надежда, как говорится, умирает последней. — Ты сказал, что, как и другие, являешься специальным агентом КОБ. Это что, какая-то операция?

— Ага. — Чен потихоньку начал приходить в себя. — Это хренова операция по департированию наших волосатых задниц с Земли на Луну. — Китаец зашелся истерическим смехом. — Я это понял, когда увидел, на какую высоту поднялся первый челнок. Я полез в портал только потому, что выбора не было.

— Выбор был, — выплюнул Дегтярев.

— Конечно, для тебя капсула может быть заслуживающей внимания альтернативой. — Триадовец пожал плечами. — Слушай, я не вижу Фенга.

— Тот парень, что бежал вместе с нами? Не знаю, может, он решил остаться?

— Скорее всего, он просто промахнулся. Жаль. Я потерял последнего своего бойца.

— Значит, ты принадлежишь триаде, — констатировал факт Вампир.

— Что вы, что вы! — Чен в притворном удивлении замахал рукой. — Я простой животновод из Твери, а здесь оказался случайно. О! — Толстяк поднял указательный палец. — Меня подставили, вот!

Лицо агента КОБ искривила улыбка.

После Чена настал черед Олега рассказывать о себе. Он говорил честно, пытаясь взглянуть на себя под другим углом.

— Да, повезло вам — из огня да в полымя. Радуйтесь хотя бы тому, что попали сюда, а не на другой челнок — на нем перевозят неизлечимо больных, — утешил Олега Вампир.

Потом пошли истории других спутников Дегтярева — некоторые рассказы были эмоциональными, иной раз их авторы

срывались на истерику, и их приходилось успокаивать, другие, наоборот, были холодны и безжизненны. Объединяло их одно — это были истории отчаявшихся и обреченных на смерть людей. Проклятых и проклинаемых. Здесь были террористы, хакеры, подстрекатели мятежей, наемные убийцы и просто неугодные Единому Совету — все те, кого «идеальное» общество Земли отторгло, безнадежно пытаясь очистить себя.

Олег слушал своих собратьев по петле едва ли вполуха — он думал о той, которая спасла его из лап одного монстра лишь для того, чтобы он попал в пасть к другому.

Рыжесть…

Леся…

Олег никогда не узнал о судьбе девушки, которая стала причиной того, что он прожил немного больше, чем отмерил ему наркотик. К счастью, не узнал…

Через несколько часов после того, как триаде стало известно об участи Чена и его команды, к подводной ячейке Леси подъехал мобиль с боевиками. Ужасы, пережитые ею в течение следующих часов, не стоит описывать.

В конце концов ее заперли в пустой комнате. Каждые несколько часов приходили люди и делали ей инъекцию героина.

Наркотик заменил ей все — любовь, пищу, сон, жизнь… Из ее комнаты постоянно слышались то смех, то рыдания, то какое-то непонятное бормотание.

Она «сгорела» за два месяца, но Олег так никогда об этом и не узнал.

— Как управляется корабль? — спросила Ним — высокая светловолосая девушка лет двадцати пяти (то ли хакер, то ли киллер, Олег не помнил точно).

Пара человек подошла к двери и определила, что дверь заблокирована изнутри. Чен решил включиться в общественную жизнь челнока — он закрыл глаза, и пятнадцать секунд спустя раздался щелчок, возвещавший о благополучном открытии двери. Китаец улыбнулся:

— Милости прошу всех, кто разбирается в программировании и во всем, что с ним связано. Чай, кофе, сигареты? Остальных настоятельно прошу не вмешиваться.

В кабину пилота протиснулись Ним и еще один парень, назвавшийся Розовым Слоном.

Вопреки надеждам, через час напряженной работы оба взломщика вышли из кабины пилота с физиономиями кислыми настолько, что всем сразу все стало ясно. Автопилот

заблокировать не удалось.

Розовый Слон сразу же завалился спать, а Ним плюхнулась рядом с Ченом, Олегом и Вампиром.

— Слушай, супергерой, — обратилась девушка к агенту. — Если ты такой сверхчеловек, то как ты умудрился оказаться среди нас, отбросов.

— Я просто отказался выполнять задание. — Парень поправил волосы. — Я не устранил человека, который… в общем, я не смог.

— Ой, только не надо нас уверять, что ты стал пацифистом. — Ним еще не совсем отошла от неудачи в кабине пилота, и ей требовался объект для вымещения злобы.

— Я и не собирался — они заказали мне моего отца.

— Слушай, извини. Я не хотела. — Ним положила руку ему на плечо. — Прости, — она говорила с искренностью, на которую способен только приговоренный к смерти человек.

— Они все равно его убьют — просто поручат это кому-нибудь другому.

— А кто твой отец? Чем он мешал КОБ?

— Мой отец — Иржи Младич.

Всем, кто был с Сетью на ты, это имя говорило о многом. Иржи Младич был самым талантливым программистом в юности, самым лучшим взломщиком в молодости, а позже стал самым лучшим специалистом «Мацуситы» по информационным технологиям. Это была живая легенда всех сетевиков мира. Крови этого человека жаждали все корпорации (кроме, естественно, «Мацуситы») и, пожалуй, большая часть членов Единого Совета, за исключением представителей Азиатского Блока.

— Не убивайся. — Чену хотелось похлопать Вампира по плечу, но левой руки у него не было, а делать это правой было не очень удобно, поскольку он сидел с другой стороны. — «Мацусита электрик» находится под защитой якудзы, а они мозгами не разбрасываются. У них есть парни даже покруче тебя. Только без обид.

— Не может же им все время везти.

— Все в руках Всевышнего, — включился в беседу Розовый Слон, которому надоело валяться на жестком полу. — Все происходящее во вселенной уже предрешено. Без Его разрешения даже лист с дерева не упадет.

— Я закоренелый материалист, — без всяких эмоций сказал Вампир.

— Ты когда-нибудь видел глобус?

— Да, — не понимая, к чему клонит хакер, ответил бывший агент КОБ.

— Это очень маленькая модель земного шара, так? — Все собравшиеся вокруг непроизвольно кивнули. — Как глобусы появляются на свет?

— Ну, их делают на заводе, — Вампир пожал плечами.

— То есть получается, что ты спокойно воспринимаешь тот факт, что многократно уменьшенную модель Земли кто-то сделал, но отказываешься верить в то, что оригинал также произведен на свет *кем-то*. Такая громадина не могла появиться просто так, на пустом месте.

— Почему же он за всю историю человечества ни разу не показался? — кто-то решил просто нарваться на конфликт.

— Все истинно великое не нуждается в зрительном образе, — со всепрощающей улыбкой ответил Розовый Слон.

— Все равно…

— Подлетаем! — крикнул кто-то из кабины пилота.

— Добро пожаловать в новую жизнь, мальчики и девочки, — ухмыльнулся Чен. — При выходе прошу не толпиться, всем будет вручено по рекламному проспекту и ванильному мороженому. Большое спасибо за то, что решили воспользоваться нашими авиалиниями. Приятного вам отдыха.

Вампир вышел на середину каюты и с очень серьезным видом начал давать наставления:

— Думаю, нам следует держаться вместе — больше шансов выжить. Как это ни прискорбно, нас наверняка ждет целая делегация. Кто не знаком ни с каким видом единоборств и совсем не имеет боевых имплантантов? — В ответ вверх взметнулись четыре руки, принадлежащие девушкам. — Вы будете внутри кольца, образованного остальными. Советую уже сейчас извлечь из сумок респираторы и ножи, поскольку потом может не хватить на это времени.

Глава 8

Слева — берег, справа — ночь,
Под ногами ворохи огня…

Tequilajazzz "Кроме звёзд"

(альбом "Целлулоид")[2]

Олег в который раз вытер о штаны вспотевшие ладони. В голове липкой почкой набухала истерика. Казалось, в этот раз смерть подходит слишком уж близко — даже когда он услышал

свой приговор в зале суда, Дегтярев чувствовал себя иначе. Сейчас… сейчас его сковывал страх… даже не страх, а животный ужас. Воистину, ожидание смерти хуже самой смерти.

— Нас разорвут на куски, — заявил Чен «заговорщицким» шепотом так, чтобы его услышали все, кроме находившихся в кабине пилота. — И это еще лучший из вариантов. По крайней мере, в этом случае умрешь быстро. Другое дело, если до тебя дотронется какой-нибудь прокаженный, — тогда будешь умирать долго и мучительно, покрываясь слизью и заживо превращаясь в гниль. — Чен подмигнул и улыбнулся. — К тому же…

Что будет «к тому же», триадовец сообщить не смог, поскольку его перебили — буквально в миллиметре от шеи китайца в стену вонзился нож — стандартный, из набора, выданного каждому (кроме, разумеется, Чена и Олега). Чен сглотнул и, выдернув нож, принялся со всех сторон придирчиво его оглядывать. В конце концов кивнул с издевкой «а-ля в знак благодарности» его владельцу — огромному бородатому детине в клетчатой безрукавке с бурной растительностью на верхних конечностях. На одной из этих конечностей висела довольно симпатичная латиноамериканка, из тех, кто поднял руку в ответ на вопрос Вампира о боевых имплантантах и единоборствах.

Взбешенный бородач подбежал к Чену, не реагируя на попытки девицы его остановить (попытки сводились к капризному нытью: «Кейс, не надо!»). Китаец, добродушно и глупо улыбаясь, вяло поднялся.

— Ты меня достал, — заявил тот, кого девушка назвала Кейсом, воткнув указательный палец в грудь Чена. — А я сегодня нервный.

— Ну извини, я не знал, что ты такой ранимый, — триадовец был сама вежливость. Олег понял, что хама в безрукавке ничего хорошего не ждет.

— Этого мало. В качестве извинений хочу, чтобы ты почистил мои ботинки, толстяк. — И Кейс выставил левую ногу, демонстрируя остроносые сапоги со шпорами.

Чен наклонился, всем своим видом демонстрируя свои намерения отполировать сапоги до блеска. Здоровяк захохотал.

Внезапно гогот его превратился в бульканье, а из распоротого брюха с хлюпаньем начали вываливаться внутренности. Кейс с изумлением на лице пытался воспрепятствовать этому процессу с помощью упомянутых уже волосатых верхних конечностей. Наконец он бухнулся на пол.

Чен сосредоточенно вытер нож о клетчатую рубашку поверженного врага.

— Знаешь. — Триадовец повернулся к Дегтяреву. — Японские

самураи всегда пытались разрубить печень противника, полагая, что это есть средоточие отваги воина. Это, конечно, не катана, но ведь и я не самурай. — Чен оглядел потрясенных пассажиров челнока и добавил с извиняющейся интонацией: — Я даже не японец.

— Не стоило его убивать, — заявил Вампир.

— Он назвал меня толстяком.

— Мы все очень сильно пожалеем об этом — его будет сильно не хватать, когда мы прилунимся.

— Знаешь, я уже по нему соскучился. — Чен с кривой усмешкой подошел к латиноамериканке и молча взял сумку с набором Кейса, которую черноволосая красавица уже считала своей.

— Кем был этот кусок мяса? — Триадовец вновь занял место между Вампиром и Олегом.

— Кеннет Эйсон, террорист, взорвавший Сфинкса и Эйфелеву башню.

— А в Сеть пустили информацию, что башню взорвали террористы из Восточного Сектора.

— Да, в течение последних четырехсот лет три четверти всех терактов якобы совершают они.

— А на самом деле?

— На самом деле любой теракт — ход в тонкой политической игре. Знаете о самом большом скандале начала двадцать первого столетия? Изучали историю?

— Это когда на одну из тогдашних империй уронили несколько пассажирских летательных аппаратов? — Ним поморщилась.

— Именно. — Вампир подмигнул девушке. — Первоначально тогда все также свалили на террористов Восточного Сектора. А помните, что было потом? Война с тем государством, в котором вроде бы прятался главный подозреваемый. До трагедии имперская промышленность переживала упадок, а после инцидента военные просто завалили заводы заказами, поскольку для проведения военных кампаний необходима просто куча всего. — Бывший агент КОБ поднял вверх указательный палец. — Империи этот теракт был необходим, как электрический разряд для реанимирования промышленности, а маленькая восточная страна просто подвернулась под горячую руку. Налицо подъем экономики целого сектора с помощью всего-навсего одного теракта.

— Если я тебя правильно понял, то Кейс взрывал для Единого Совета. — Олег был просто ошарашен.

— Скажем так: он был наймитом одного из Блоков Единого

Совета.

Этот разговор помог Олегу избавиться от назревавшей истерики, и теперь, посмотрев по сторонам, Дегтярев увидел, что каждый спасался от нее по-своему: кто-то впал в апатию и с совершенно безразличным видом пялился в стену; кто-то в кабине пилота пытался наверстать упущенное в тесном общении с противоположным полом; кто-то со зловещей улыбкой сжимал-разжимал кулаки, представляя себя героем несостоявшейся еще битвы; кто-то тихо рыдал на плече соседа; кто-то с яростью кромсал ножом стенку каюты; Чен напрягал всю свою силу воли, чтобы не чесать культю — ему вообще было не до посадки; Ним с невозмутимым видом ножом чистила ногти; Вампир просто молча сидел, смежив веки; Розовый Слон шепотом молился.

Олег внезапно осознал, что находит какое-то странное садомазохистское удовольствие в созерцании чужой безысходности и даже в том, что сам он является собратом по петле этих несчастных.

Дегтярев мысленно улыбнулся и, поражаясь собственному спокойствию, — разве не он совсем недавно корчился, пытаясь совладать с истерикой? — подошел к мальчишке лет пятнадцати, скрючившемуся в углу и что-то царапающему на мятом-перемятом клочке бумаги невесть откуда взявшейся авторучкой.

— Привет, — миролюбиво начал Олег. — Ты-то как сюда попал? Я не помню твой рассказ о себе.

— Это, наверное, потому, что я ничего о себе не рассказывал. — Мальчишка в упор посмотрел на Дегтярева глазами, постоянно менявшими свой цвет. Голос был поразительно тверд.

— Почему?

— Не захотел. — Пожатие плечами. — Я вообще не люблю моральный стриптиз. Зачем обнажать свою душу перед незнакомыми? Тем более что умрут-то после этого не все, а в живых обычно остаются подонки и подлецы.

— Да-а, умеешь ты поднять настроение — зарядил меня оптимизмом на всю оставшуюся жизнь.

— Не очень длинную, кстати говоря. Ты сам начал этот разговор. Меня упекли сюда за «подстрекательство к мятежу и пропаганду антисоциальных настроений», а я всего лишь написал книгу.

Олег молча смотрел в каждое мгновение менявшиеся зрачки пятнадцатилетнего старика, гадая, что могли они видеть за свою короткую жизнь такого, чтобы превратить обычного мальчишку в черствого циника. Вспомнив о возрасте своего собеседника, Дегтярев решил поинтересоваться, почему Альберт — так звали

мальчика — не поднял руку в то время, как Вампир спрашивал о боевых имплантантах и прочем. У мальчика не было гипертрофированных мускулов, и он ну никак не смахивал на серьезного бойца какого-нибудь вида единоборств.

— Ну, во-первых, в меня действительно кое-что вживили, во-вторых, я достаточно неплохо кое-чем владею, а в-третьих…

Мальчик пристально посмотрел в глаза Олегу, и того закружило в водовороте эмоций и грез, почему-то постоянно изменявших свой цвет. Дегтярев тонул в этих радужных кружевах — захлебываясь, он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть.

А потом так же внезапно все кончилось, и Олег осознал себя лежащим на полу с чьим-то ножом у своего горла. Чужой нож держала *своя*(!) рука. Глаза абсолютно всех находящихся в каюте были устремлены на него; за частоколом ног валялся кто-то окровавленный.

— Прямо-таки день сюрпризов. — Вампир присел на корточки рядом с окончательно растерявшимся Олегом, неуловимым движением отобрав нож. Затем, резко обернувшись, посмотрел на по-прежнему сидевшего в неудобной позе и что-то записывавшего светловолосого мальчишку-подростка. — Ну надо же! Вот уж кого не ожидал здесь встретить! Значит, тебя все-таки поймали — спустя столько лет и жизней. Чужих. Дамы и господа, позвольте представить вам Альберта Лейбена — самого молодого и одного из самых искусных и жестоких охотников за людьми последнего поколения, поэта, ценителя искусств и просто очень умного человека. — Вампир отвесил поклон. — Его тело где-то на семьдесят процентов состоит из искусственных органов, имплантантов и прочих полезных в хозяйстве вещей. КОБ пытался поймать его с тех пор, как господину Лейбену исполнилось тринадцать. Сейчас ему восемнадцать и на его счету смерти четырех лидеров различных Блоков Единого Совета, тридцати двух крупных банкиров и президентов корпораций и целых две — специальных агентов Комитета Общественной Безопасности.

— Ты держишь в руках нож из моего набора. — Охотник за людьми посмотрел Вампиру в глаза, и тот отвел взгляд. — Ты можешь оставить его этому парню — мне он ни к чему.

В этот момент челнок начало нещадно трясти — летательный аппарат вошел в атмосферу Луны, искусственно созданную людьми лет через двадцать после основания на спутнике Земли первой колонии.

Первая колония, само собой, располагалась под куполом, сооруженным наподобие подводных ячеек, с той разницей, что строили его люди намного более квалифицированные, да и технология хоть и немного, но все-таки отличалась.

Первоначально из Луны собирались сделать что-то вроде курорта, позже отправить астрономов, построить несколько баз для подготовки космонавтов — в общем, сделать Луну цитаделью науки.

Этим благородным планам не суждено было сбыться, потому что какой-то умник решил, что гораздо дешевле превратить спутник Земли в хранилище радиоактивных отходов, тем более что все больше людей переселялись в подводные ячейки, а морское дно в то время уже давно выполняло функцию этого самого хранилища. Отправлять радиоактивный мусор на Луну показалось тогда гораздо безопаснее. В общем, предложение прошло на ура.

Потом какой-то другой гений, работавший на русскую мафию, которая в то время переживала период расцвета и обладала могуществом, какое не снилось даже нынешней триаде, изобрел установку по созданию искусственной атмосферы. Опытный образец установки подпольно собрали где-то в Средней Азии и совершенно нелегально использовали на Луне — так сказать, провели эксперимент. О мотивах братвы до сих пор ходят легенды. Известно, что по пьяни или на спор русские и не такое творили.

Землю в тот период сотрясали судороги глобальных эпидемий, и зараженных или даже заподозренных в том или ином заболевании зачастую просто уничтожали — Единый Совет «ликвидировал очаги», а соседи и прочие «борцы за чистоту» просто убивали. Причем очень часто вполне здоровых, но непохожих на них.

В такой обстановке депортировать инфицированных на Луну было гораздо гуманнее, чем подписывать им смертный приговор. Демагоги, конечно, тут же бросились с пеной у рта бить себя пяткой в грудь, заявляя об обратном, но дебаты очень скоро прекратились.

До отправки первого челнока с «прокаженными» на Луну были завезены почва, семена, животные и все необходимое для жизни; контейнеры со льдом регулярно сбрасывались на поверхность спутника — дело, конечно, дорогостоящее, однако это гораздо дешевле дани миллионами человеческих жизней и вымирания.

Еще до этого ученые, обитавшие под Куполом — та самая первая колония, — изобрели устройство, ликвидирующее разницу в притяжениях. За это изобретение обитатели первой колонии заплатили просто колоссальную цену — они не могли вернуться на родную планету, потому что прибор, названный гравитатором, вмешался во вселенную, именуемую человеческим организмом, и

всех тех несчастных, попытавшихся вернуться на Землю, просто расплющило, размазав по поверхности планеты. Впрочем, они были сами виноваты, потому что не обратили внимания на предупреждения оставшихся. Что ж, кто не рискует, тот… живет гораздо дольше.

Когда обитателям Купола сообщили о скором появлении соседей, первая колония очень быстро была превращена в неприступную крепость. Сами обитатели называли это сооружение либо Колпаком, либо Цитаделью.

И если инакомыслящие иногда допускались под Колпак, то «прокаженным» путь туда был заказан.

Атмосфера Луны, так же как и земная, состояла из семи слоев, но слои эти были намного (а некоторые и во много) тоньше, а потому и защита изгоев была не ахти какой. Следовательно, продолжительность жизни даже абсолютно здоровых людей резко сокращалась.

Все это раз за разом толкало «прокаженных» и отвергнутых Цитаделью на ее приступ, однако все эти попытки до сих пор заканчивались безрезультатно, лишь умножая отчаяние нападавших.

Луна вне Купола была поделена между целой сворой группировок, образовавшихся в этой обители проклятых и проклинаемых.

Взвизгнув, челнок завис над этим гадюшником и спустя мгновение выплюнул кают-компанию, оказавшуюся просто большой защитной капсулой, которую спустили парашюты, подобные огромным цветам одуванчиков. А челнок вместе с уединившимися в кабине пилота вновь пробил тонкие слои атмосферы Луны и был таков.

Защитная капсула не имела иллюминаторов, и находившиеся внутри люди были слепы и глухи, не ведая, что творится за стенками «кают-компании».

Чудовищной силы удар о поверхность обрушил всех на пол; кое-кто не избежал вывихов, одна из девушек сломала ногу.

Едва оклемавшись, Вампир построил всех в боевой порядок и, не дожидаясь, когда на них нападут, сам выбил дверь капсулы.

Снаружи было тихо. Слишком тихо для того, чтобы не таить в себе нарыв готовой в любой момент лопнуть гноем смертельной опасности.

Плотно сомкнутое кольцо людей ступило на поверхность своего нового дома — прибежища изгоев и так называемых отбросов общества, порожденных обществом же, так стремящимся хотя бы казаться идеальным. Только больное общество способно

породить таких, как Альберт Лейбен, Вампир, Чен, Кейс и даже Олег Дегтярев. Плоть общества отторгла их, словно отмирающие или больные клетки…

Больные! Прокаженные! Они везде, а потому им, здоровым, пока еще не зараженным, лучше двигать подальше от этого места.

Дегтярев уже хотел высказаться по этому поводу, когда услышал — вместе с остальными — какие-то странные звуки у себя за спиной. Обернувшись, Олег увидел замыкавшего их отряд человека висящим, вернее, подвешенным над землей. Захлестнувший тонкую петлю на шее несчастного, человек уже вовсю копошился в сумке своей жертвы. Кто-то метнул нож, и убийца, даже не вскрикнув, рухнул на поверхность Луны. Вырвавшись из строя, обладатель ножа бросился за своим оружием и сумкой убитого.

Когда парень уже шел обратно, с капсулы на него прыгнуло нечто человекообразное с длинной гривой и шипообразными наростами на руках и ногах, с лица, подобно бороде, пластами свисала кожа.

С воплем ужаса парень понесся к своим, однако чудовище, которое, несомненно, когда-то было человеком, в три прыжка нагнало свою обезумевшую жертву и, сбив ее с ног одним ударом шипастой лапы, свернуло несчастному шею.

Кольцо людей попятилось со всей возможной скоростью — никто не побежал, потому что большая часть людей была профессионалами, прекрасно понимавшими, что выжить в таком месте можно только вместе, а те, кто этого не понимал, не побежали, потому что Вампир обещал «сожрать с потрохами тех, кто попытается свалить». Неизвестно, какой смысл он в эти слова вложил.

Однако, как оказалось, они зря опасались чудовища — оно, завалив добычу, просто не обращало внимания на все остальное. Видимо, животные инстинкты полностью возобладали над разумом этого существа.

Впрочем, для новоприбывших — всех, кроме одного, — это был несомненный плюс, так как монстр убивал не для удовольствия, а добывая себе пищу. Глядя, а некоторые просто слыша, как чудовище трапезничает, мгновенно расстались с содержимым своих желудков, с тихой радостью осознавая, что не они бросали тот злополучный нож. О двух потерянных наборах также никто особо не сожалел — остался в живых, и на том спасибо.

Не успел отряд отойти от капсулы на более-менее приличное расстояние, как из-за холма неподалеку вышла довольно малочисленная — человек пять-шесть — группа людей, которая

целеустремленно направилась к уцелевшим после приземления.

Сначала отряд под предводительством (никому даже в голову не приходило оспорить его лидерство) Вампира не придал появлению аборигенов особого значения — его группа была почти в три раза многочисленнее, но после испуганного крика Дегтярева: «Прокаженные!!!» — все принялись напряженно вглядываться в шесть неторопливо шагавших фигур.

Строй, естественно, сломался, ввиду того что кто-то все-таки решил убежать от греха подальше; кто-то — и таких было большинство — настороженно медленно отползал от подозрительной шестерки местных. Хуже всего пришлось тем, кто вывихнул ноги, а таких оказалось ни много ни мало четыре человека. Трех пострадавших девушек несли проникшиеся к ним жалостью мужчины, а единственному травмированному парню пришлось хромать, кривясь от боли, — нести себя он никому не позволил, а «костыль» сбежал одним из первых, едва услышав слово «прокаженные».

Шестерка приближалась с неумолимостью катка, и вторая группа — те, кто не разбежался, — уже могли разглядеть изъеденные язвами лица, сочащуюся из рваной плоти слизь, чуть согнутые пальцы, мелко вздрагивающие руки… и нечеловеческую всепоглощающую ненависть к тем, кто все еще здоров, кого еще не коснулась зараза.

Хромающий парень все больше отставал, и всем — и «прокаженным» и новоприбывшим — было ясно, что ему уже вряд ли удастся уйти. Едва осознав это, парень вынул из набора нож и со стоном бросил свою сумку отряду Вампира.

Высокий синеволосый юноша с кошачьей грацией, не выдержав, скинул с плеча сумку и дернул молнию на штанах, обнажив левое бедро. Напрягшись, он засунул руку *внутрь* бедра и, шипя и кривясь от боли, извлек из него длинный кинжал с костяной рукоятью.

— Айвор, не надо, его вряд ли удастся спасти. — Вампир схватил парня за плечо, попытавшись его остановить. Айвор просто выдернул плечо и побежал к хромому, оставляя в пыли следы своих ботинок.

Когда он подбежал к вывихнувшему ногу, того от «прокаженных» отделяло шагов пятнадцать — двадцать. Схватив парня в охапку, Айвор что было сил побежал обратно, однако ноша изрядно затрудняла движение, и в конце концов они оба упали.

Поднявшись на одно колено, хромой резанул ножом по голени первого подошедшего неизлечимого, Айвор в прыжке отрубил «прокаженному» голову. Один из пятерки уцелевших

попытался схватить синеволосого бойца сзади, но сильнейший удар в живот заставил его кожу лопнуть с сухим треском, и нога застряла в жиже внутренностей.

Айвор не пытался воспрепятствовать падению — уже заваливаясь, он резко вытянул руку с клинком перед собой, и еще один несчастный упал с пронзенным насквозь горлом.

Его напарнику повезло немного меньше — в наличии имелся лишь выбитый глаз и нокаутированный противник; нож в схватке отобрали.

Двое оставшихся «прокаженных» решили ретироваться (вместе с новоприобретенным ножом).

Счастливые и довольные тем, что отбились, Айвор и спасенный им парень побрели к ожидавшему неподалеку отряду.

— Если вы сделаете еще шаг в нашу сторону, мы будем вынуждены закидать вас ножами. — Вампир и Айвор в упор смотрели в глаза друг другу: одни были полны грусти, другие — недоумения, но сомневаться в словах бывшего агента КОБ не приходилось.

— Почему?

— Вы имели физический контакт с «прокаженными» и наверняка заразились. Айвор, я пытался тебя остановить… Я оставлю две сумки с наборами — они ваши по праву. Надеюсь, мы больше никогда не встретимся.

Отряд, сократившийся почти наполовину, попятился по пыльной равнине.

Вампир так ни разу и не оглянулся — он не видел, как к двоим отверженным подошла пара уцелевших в схватке «прокаженных», и как четыре фигуры неторопливо двинулись в противоположном направлении.

Значит, Олег… значит, эта тварь тоже на Луне. Почему-то у меня такое ощущение, что именно из-за него я и оказался в этом скопище уродов. Олег — ключ ко всему… ключ к моей прошлой жизни… ключ к моей памяти… остается сущая малость — найти его.

Глава 9

Я хочу принести тебя в жертву
тому,
Кто когда-то пришёл за тобой…

Ва-БанкЪ "Шаман"

(альбом "Нижняя Тундра")[3]

Равнина сменилась небольшим лесочком, и Розовый Слон заметил, что к лунному климату лучше всего адаптировались хвойные — остальные растения были какими-то хилыми и выглядели довольно убого.

Не успел отряд углубиться в лес, как в людей полетели копья и всевозможные тяжелые предметы; все снова сбились в плотное кольцо, готовые в любой момент отразить атаку, однако нападавшие не показывались.

Вдруг один из тех, кто стоял в живом кольце, прикрывая девушек, не умевших драться или получивших травмы, вскрикнув, схватился за живот, после чего благополучно рухнул на землю.

Еще стонущего беднягу Вампир перевернул на спину, и его глазам предстала ужасная рваная рана.

Словно материализовавшийся из воздуха Лейбен одним резким движением свернул бедолаге шею.

— Так гуманнее, — пояснил он.

Внезапно Чен выхватил нож у одной из девушек и метнул в ничем не примечательное скопление рахитичных растений.

Тут-то и началось самое удивительное: клинок, не долетев до кустарника, воткнулся прямо в воздух где-то в метре от земли — так, во всяком случае, всем показалось, — и из этого места фонтаном начала хлестать кровь.

— Все, кому имплантированы тепловые датчики, активируйте их, — крикнул триадовец. — Остальные просто размахивайте ножами.

Датчики оказались только у самого Чена, Лейбена, Вампира и Ним, остальные, сбившись в кучу, строго следовали указаниям однорукого китайца.

Счастливые обладатели искусственных глаз прыгали, носились вокруг ощетинившегося и постепенно вырезаемого отряда, уворачивались от чего-то невидимого, угрожающе рычали и ругались и вообще очень сильно смахивали на людей, дерущихся с собственными тенями. Вот только раны, которые они получали, были вполне реальными.

Чен, зажимая горло своей единственной рукой, упал на спину, чтобы никогда уже не подняться.

Лейбен, каждый раз запуская обе руки (которые уже почти по локоть были в крови) в пустоту, вынимал из нее еще трепещущее сердце.

Вампир с воплями орудовал не только ножом, руками и ногами, но и весьма успешно использовал зубы, в очередной раз

повергнув в шок впечатлительных девушек.

Ним, казалось, двигалась с какой-то ленцой и даже с некоторой медлительностью, и только блеск в ее глазах выдавал чувство азарта, которое она испытывала. Руки ее непрерывно двигались, словно бы отдельно от всего остального, без всякого ритма — совершенно хаотически, и движения эти прерывались на доли секунды, во время которых Ним делала резкие выпады, после чего с довольной улыбкой переходила к очередной невидимой жертве.

После схватки, которая кончилась так же внезапно, как и началась, было решено устроить привал, во время которого все перекусили сухим пайком из набора, запивая его водой из фляг, а Олег похоронил Чена.

Когда Дегтярев отошел от могилы, в душе личинкой-паразитом поселилось чувство, что вместе со своим бывшим однокурсником он хоронит последнее звено, связывавшее его с Землей. Конечно, оставались еще воспоминания о Лесе и отце…

Потратив четыре часа на сон, отряд двинулся дальше. Куда? Никто не мог внятно ответить.

— «Невидимки», — сообщил Вампир. — Эту банду «накрыли» три года назад в Африке. Чистейшая операция — «невидимок» взяли в полном составе.

— А почему они стали невидимыми для невооруженного глаза?

— Имплантированными могут быть не только органы. Искусственно измененная пигментация кожи — и ты становишься хамелеоном-переростком. Впрочем, об этом нам может поведать наш общий знакомый, правда, Альберт?

Лейбен в ответ промолчал.

— Откуда тебе известны подробности фактически о каждом преступнике? — вмешался Розовый Слон. Лейбен криво усмехнулся.

— Кровь. Тех, кого я укусил, могу перечислить поименно с чтением их полного досье. Краткую информацию обо всех более-менее крупных преступниках я имею вот здесь, — Вампир постучал по своему лбу кончиками пальцев, — как спецагент КОБ. Информационная база постоянно обновлялась до того момента, как я… хм… ушел в отставку.

— Твое танто-дзюцу — настоящее произведение искусства, а меня просто тянет ко всему прекрасному, — с этими словами Лейбен подошел к Ним.

— Это признание? — Ним выгнула бровь.

— Нет, простая констатация факта с элементами легкого флирта.

— Знаешь, — тряхнув золотыми локонами, девушка улыбнулась, — ты первый, кто честно заявляет, что флиртует со мной.

— Всегда приятно быть первым. Ты выглядишь, да и вообще ведешь себя так, словно весь твой жизненный путь усеян осколками разбитых мужских сердец.

— В чем-то ты прав, — Ним попыталась состроить задумчивую мину, но опять рассмеялась. — Но это были не только мужские сердца. Нет! Не в этом смысле! Я имела ввиду сердца подружек и жен покоренных мной мужчин.

— Слушай, когда мы только подлетали к Луне, ты что-то нам впаривал про религию. — Олег Дегтярев и Розовый Слон шли рядом, и несостоявшийся программист, биохимик и филолог решил поговорить о чем-то, надеясь найти в человеке со столь странным именем интересного собеседника.

— Я не фанатик, просто долг каждого верующего принести Свет в жизнь как можно большего количества людей, — ничуть не смутившись, охотно пояснил взломщик.

— Ты христианин?

— Видишь ли, в чем дело. — Розовый Слон ненадолго впал в задумчивость. — Христиане, по сути, многобожники.

— Да ну?!

— Посуди сам, — сетевик выставил ладонь, приготовившись загибать пальцы. — Во-первых, Бог отец, во-вторых, Бог сын, в-третьих, Святой Дух.

— А ты, значит, не христианин, — Олег не спрашивал, а всего лишь констатировал факт. Это становилось интересным.

— Нет, — Розовый Слон отрицательно помотал головой. — Я монотеист. Бог един, и он еще ни разу не являл свой лик ни одному из смертных.

— А как же Христос?

— Иисус Христос — пророк Всевышнего.

— Да-а, озадачил ты меня, Слоняра, — Дегтярев не лукавил, он был настолько поглощен спором с самим собой, что даже не заметил, как отряд вышел из лесочка на открытую местность, которую вполне можно было назвать равниной, если бы не впадины кратеров.

Вампир вновь собрал всех в боевой порядок, и кольцо людей, заметно уменьшившееся в размерах, поползло по равнине, словно какой-то неведомый зверь.

Смертельная опасность не замедлила появиться. На этот раз ничего экзотического — обычные люди свирепого вида с какими-

то стальными частями капсул — заточенными или выглядевшими внушительно за счет своего веса.

Орда оборванцев выпрыгнула из ближайшего кратера, подобно чертику из табакерки, однако отряд новоприбывших был вполне готов к появлению чего-то подобного, поэтому не побежал и не растерялся никто, только Лейбен вышел из строя, мотивируя это тем, что так ему будет гораздо удобнее.

Первый наскок банды, насчитывавшей примерно двадцать человек, живое кольцо оборонявшихся отразило, правда не избежав при этом потерь; никто не оглядывался, чтобы посмотреть, что же творится у него за спиной, потому что это было чревато, но звук удара чего-то тяжелого, треск ломающихся костей, тихий запоздалый стон умирающего и дикий визг девушек слышали все.

Пятиться было некуда, поэтому живое кольцо просто встало, чтобы либо погибнуть, либо победить — в бегстве не было спасения.

Олег во время боя использовал весь свой арсенал, но битва насмерть в реальном мире существенно отличалась от виртуальных схваток — здесь изыски наподобие фури учи были почти бесполезны, потому что нападавших было почти в два раза больше и, сразив одного соперника, можно было получить смертельный удар от другого, находящегося рядом и с радостью готового выпустить тебе кишки или воткнуть нож в открывшуюся в момент удара спину.

В общем, несмотря на довольно осторожный стиль ведения боя, Дегтяреву сломали нос и нож, правда, он умудрился умертвить своего противника и завладеть каким-то подобием обоюдоострого полутораручного меча, выточенного из стальной балки. С помощью этого оружия Олег прервал процесс жизнедеятельности еще двух головорезов, после чего, получив удар по голове, благополучно потерял сознание.

Очнулся Олег около костра, осторожно прислушиваясь ко всему происходящему вокруг. Услышанное более всего походило на обычную вечернюю суету: кто-то чавкал едой, кто-то что-то бормотал, кто-то шепотом о чем-то спорил, кто-то шипел от боли, тихо матерясь.

Вместе с осознанием себя пришли боль и тошнота, бороться с которыми не было ни сил, ни желания.

Увидев, что Олег стал подавать признаки жизни, бывший агент КОБ подошел к опорожнявшему свой желудок Дегтяреву и справился о самочувствии.

— Паршиво. Мы победили, судя по тому, что все еще живы.

— Да, но нас осталось всего пятеро, — Вампир был не очень расстроен, — заварушка была такая, что каждый уже сто раз успел попрощаться с жизнью. Люди в очередной раз доказали себе, что они гораздо страшнее очень многих чудовищ.

— Кто? — задал Дегтярев вполне логичный вопрос.

— Я, ты, Лейбен, Ним, Розовый Слон плюс еще два субъекта, которые очень помогли нам в этом побоище.

Олег хотел было посмотреть на присоединившихся к команде старожилов, но боль сотнями атомных бомб разорвалась внутри черепной коробки, размазывая по ее стенкам скудные остатки давно скисшего серого вещества.

— Не вставай, потом все равно их увидишь. Их зовут Паук и Каннибал. Один неплохо дерется, а у другого пушка.

— Что?!

— Огнестрельное оружие, причем в прямом смысле этого слова: выстреливает струями огня метров на тридцать. Не спрашивай меня, где они его достали, — я просто этого не знаю. Чтобы не перегружать твою больную голову ненужной информацией, скажу, что пушка не требует боеприпасов — после сорока зарядов ее аккумулятору требуется для восстановления ровно полчаса.

— Как они протащили на Луну преобразователь?

— Если бы я знал, тоже захватил бы парочку. Одно меня радует: хорошо, что эти парни на нашей стороне.

— С чего это они начали нам помогать?

— После окончания баталии они потребовали ровно половину всех наших сумок с наборами.

— И вы согласились?!

— А что нам оставалось делать? Они бы нас как мишени в виртуальном тире перестреляли. После чего спокойно забрали бы себе все, что только смогли.

— И почему они решили сохранить нам жизни? — В альтруизм Олег уже давно не верил. Единственным исключением из правила (звучавшего примерно так: «корысть — венец человечества в целом и каждого человека в отдельности») была Рыжесть, но она была слишком далеко… в прошлой жизни.

— Так легче дойти до Цитадели. «Всемером выжить легче, чем вдвоем» — так они сказали. — Вампир скорчил гримасу. — Кто-то из классиков фэнтези — к сожалению, совершенно не помню кто — сказал, что если ставить целью не выжить, а остаться человеком, то выжить можно везде… Мы тоже идем в Цитадель или куда-нибудь еще?

— Каннибал — а он в этой паре за главного — сообщил, что под Колпаком собираются все сливки здешнего общества.

— А ты думаешь, нас там ждут с распростертыми объятиями?

— Нет, но шанс попасть туда у нас все-таки есть, а в Цитадели, как я понял, получше, чем под открытым небом.

— Что ж, лучше один раз увидеть, чем сорок — услышать, — Олег попытался подняться, но Вампир снова остановил его.

— Я смотрю, ты собрался под Купол прямо сейчас, но если ты находишься в прекрасной физической форме, потому что прохлаждался во время последней заварушки, — бывший агент КОБ усмехнулся, глядя на бледное до зелени лицо Дегтярева, — то кое-кому пришлось совсем несладко. У нас привал, поэтому пока можешь расслабиться. Сейчас все успокоятся и лягут спать; на часах — Розовый Слон.

— Говори что-нибудь — просто разговаривай, чтобы отвлечь меня от этой невыносимой боли. — Ним, шипя и кривясь, наблюдала за тем, как Лейбен колдовал над жуткого вида рваной раной, покрывавшей все левое плечо и левую сторону груди.

— Все, я так больше не могу. — Альберт опустил руки, с мукой глядя на девушку.

— Мне суждено умереть от потери крови? — выдохнула Ним и закусила губу.

— Надеюсь, что нет. — Лейбен грустно улыбнулся. — По крайней мере, мне очень этого не хотелось бы, потому что… без тебя мир для меня станет гораздо более тусклым.

Лейбен поднял руку и уставился на свой указательный палец, слегка морщась от неприятных ощущений. Из-под ногтя медленно выползала игла шприца, только без оного. Ним с интересом ждала, что же будет дальше.

Альберт очень нежно взял руку девушки, поцеловал ее и, воткнув иглу в одну из венок над костяшками пальцев, сжал свою руку в кулак.

— Что это? — прошептала Ним трясущимися губами.

— Я, конечно, не ходячая поликлиника. — Лейбен убрал с покрытого жемчужными капельками лба прилипшие к нему золотистые локоны и, едва касаясь кончиками пальцев, провел ими по побледневшей щеке девушки. — Но готов пожертвовать очень многим ради тебя. Да, я совсем тебя не знаю, но я могу умереть за одну твою улыбку. Считай, что у тебя появился телохранитель. Это препарат, ускоряющий процесс регенерации. В мои пальцы когда-то были вживлены капсулы с этой дрянью. На данный момент осталось еще четыре. Они способны вернуть человека к жизни… В общем, через пару дней будешь почти как новенькая.

— А шрамы останутся?

— Скорее всего. — Убийца, только что спасший жизнь, улыбнулся. — С ними ты будешь смотреться еще интереснее.

— Почему все влюбленные мужчины выглядят одинаково смешно, превращаясь в детей?

— А я и есть ребенок. Мне и восемнадцати-то нет.

— А когда ты впервые убил? Если не хочешь — не отвечай.

— В тринадцать. На меня напал охотник за органами, но ему не повезло — я продал его органы и, таким образом заимев целую кучу денег, впервые задумал немного усовершенствовать свое тело. Потом настал черед главаря банды территории, на которой я проживал в то время. Я и не подозревал, что закон той группировки гласил, что убивший лидера сам становится главарем банды. Знаешь, — Лейбен очень грустно улыбнулся, — будучи тринадцатилетним мальчишкой и имея за своей спиной почти сто двадцать головорезов, я действительно был полон желания изменить мир к лучшему.

— И чем же это кончилось? — Ним завороженно наблюдала за собственным восстановлением — рана затягивалась буквально на глазах.

— Банда раскололась на две части — тех, кто беспрекословно мне подчинялся, и тех, кто *очень* желал моей преждевременной смерти. В конце концов мои люди проиграли — их истребили почти полностью, но горстке все-таки удалось скрыться, — восемнадцатилетний старик злорадно засмеялся, — вместе со всей казной банды. Позже мы разделили эти действительно большие деньги поровну и разбежались кто куда. Я потратил почти всю свою долю на операции, уже тогда вполне понимая, чем придется зарабатывать на жизнь. — Лейбен пожал плечами. — Иногда мне заказывали тех, кто вместе со мной унес часть бандитской кассы, но я всегда оставлял за собой право отказаться от заказа. Твоя очередь. — Альберт подмигнул.

— История моей жизни не очень интересна: всю свою сознательную жизнь я занималась взломами и написанием различных вирусных программ.

— А где обучалась танто-дзюцу?

— Улица, — слишком равнодушно ответила девушка.

— Не лукавь. Я ведь тебе все о себе рассказал, на улице такому не научишься.

— Ладно, я жила в Азиатском Секторе, в месте, которое раньше называлось Токио, и все деньги тратила на обучение единоборствам. Файло воровала по заказу, а при таком раскладе у заказчика часто возникает соблазн «кинуть» беззащитную девушку. В таких ситуациях особенно приятно выпотрошить кого-нибудь не только виртуально, но и позволить себе чуточку

рукоприкладства в реальной жизни. Правда, один из этих толстозадых уродов сдал меня КОБ с потрохами — и вот я здесь. А ты как попался?

— Ты будешь смеяться, но в этой компании за головой Иржи Младича посылали не только Вампира. Правда, я, в отличие от него, отказываться не стал.

— Кто нанял?

— КОБ. Во-первых, если бы я добился успеха, они в свою очередь тоже очень обрадовались бы. Правда, выполнив задание, я точно подписал бы себе смертный приговор. Во-вторых, даже если бы я не преуспел, то существенно облегчил бы жизнь шедшей за мной, — в этом я уверен на все сто, — опергруппе, изрядно потрепав телохранителей Младича.

— И как успехи?

— Окончания спектакля я не видел. Дело в том, что я оказался между якудзой и спецагентами КОБ. Убедившись, что прорваться в любом случае не удастся, и прекрасно понимая, что якудза меня точно в живых не оставит, я пошел напролом через опергруппу. Кстати, можешь смело приплюсовывать еще трех агентов к тем двум, о которых Вампир говорил еще в капсуле. Таким образом, КОБ в любом случае оказался в выигрыше — они поймали опасного преступника и возмутителя спокойствия и, может быть, взяли Иржи Младича. Как ты себя чувствуешь?

— Спать охота.

— Ладно, испаряюсь. Можешь спать спокойно — нас охраняет Слоняра, а он в последней мясорубке ни царапины не получил.

Разбудил его чей-то предсмертный вопль, и, мгновенно сообразив, что отряду угрожает опасность, Альберт начал расталкивать всех, кто расположился рядом; этим же занимался и сын Иржи Младича.

Все, кроме Паука и Розового Слона, были в добром здравии — первый был сильно избит и порезан, второй попросту исчез.

Недоумевающие люди бросились беспорядочно расспрашивать пострадавшего, однако восемнадцатилетний охотник за головами негромко, однако так, чтобы услышали все, велел замолчать и спросил у Паука, в каком направлении скрылось то, что им угрожало. Гигант махнул рукой, и Лейбен стал напряженно всматриваться в темноту и шумно втягивать воздух.

— Кровью пахнет только от тебя, — спустя минуту гневно прошептал Альберт, ткнув пальцем в грудь верзиле. — А там я ничего не услышал.

— Ну и что? — бросил Паук.

— Если я ничего там не увидел, значит, там нет ничего

живого. И одного из наших тоже. Нигде нет его следов. Ты не можешь сказать, где он.

— Я ему не нянька. В любом случае мне повезло, ему — нет. — С минуту они смотрели друг другу в глаза, потом, заметив, что взгляд Паука стекленеет, Вампир оттащил его в сторону. Верзила тут же схватился за сердце.

— Какого ты влез?! Эта тварь точно увязла по уши. Он мне ответит! Обещаю.

— У нас нет доказательств, что Слона убил Паук. В конце концов, у нас вообще нет доказательств смерти Розового Слона.

— Он мертв, и тебе прекрасно это известно. И эта погань приложила к этому руку. Слон — единственный из всех присутствующих, кто оказался здесь просто потому, что кому-то не понравился, и его решили подставить.

— Не похоже, что вы были друзьями. — Олег ползал по земле, пытаясь найти хоть какие-то следы убийцы. — Откуда ты вообще о нем что-то знаешь?

— Не твое дело! — рявкнул Лейбен, но секунду спустя добавил: — Мне его заказывали примерно декаду назад. А у меня есть привычка изучать человека до того, как я соглашаюсь на дело. Или отказываюсь.

— И что послужило причиной твоего отказа на этот раз? — В голосе Вампира не было и тени насмешки или ехидства.

— Этот человек из тех, кто прикрывал мне спину, когда я сам еще не мог постоять за себя. Потом наши пути разошлись, и я долгое время о нем ничего не слышал. — Альберт сел. — За это время он полностью изменился. Руст — это его полное имя — не устраивал терактов и акций протеста, не убивал и не калечил людей — он выпускал в Сеть философские трактаты, доказывающие существование и единство Господа, своей логикой завоевывая сотни тысяч сердец. Единому Совету это не понравилось, и парень оказался здесь. Самое интересное, что он даже ни разу не пожаловался… Я собственноручно вырву сердце убийцы.

— Ладно. — Вампир перекинул сумку с набором через плечо. — Не думаю, что кто-нибудь сможет уснуть после всего происшедшего, а поэтому я предлагаю двигать отсюда как можно быстрее. Чем раньше мы окажемся под колпаком, тем скорее наша жизнь войдет в более спокойное русло.

— Если мы вообще там окажемся, — буркнул Олег, сделав глоток из фляги.

С мрачными лицами и не менее мрачной решительностью во что бы то ни стало дойти до цели сократившийся до шести человек отряд вновь заковылял по равнине.

До следующей остановки на группу несколько раз пытались напасть, но Каннибал отгонял всех выстрелами из преобразователя, что существенно облегчило жизнь отряда, к тому же значительно экономя время и силы.

На часах осталась Ним. Она заняла удобную для обзора всего лагеря позицию, чтобы мгновенно поднять тревогу, не дав кому бы то ни было подкрасться незамеченным, расположившись на огромном валуне, привалившись к которому, усердно изображая спящего, сидел Альберт Лейбен.

Посреди ночи, очнувшись от звуков какой-то возни, все в лагере нашли Лейбена, державшего за горло Каннибала, прижимая того к глыбе валуна так, что коротышка только дрыгал ножками, что-то хрипя. Нельзя сказать, что Лейбен был атлетического телосложения с бугрящимися под одеждой мускулами, но, увидев эту картину, никто особенно не удивился.

Одним резким движением свернув коротышке шею, Альберт прекратил его страдания.

Вытерев руки о штаны, Лейбен обернулся, чтобы посмотреть в удивленные лица Вампира и Олега: отряд теперь состоял всего из четырех человек.

— Будь добр, объясни, что здесь произошло. — Вампир сел на землю по-турецки, всем своим видом показывая, что у него куча времени. — А то я уже совсем запутался в догадках.

— Пошли, я покажу тебе кое-что, — с этими словами Лейбен начал обходить валун. Ним с усмешкой следила за ним сверху.

Сначала показались чьи-то ноги в обуви и брюках, — раньше все это принадлежало Пауку, а затем взорам пораженных молодых людей предстало нечто невообразимое: тело человека было словно вывернуто наизнанку, а прямо из торса где-то на уровне груди торчал какой-то страшного вида отросток, покрытый хитином, причем все вокруг трупа было обильно орошено человеческой кровью и мерзко пахнувшей вязкой жидкостью неопределенного цвета.

Олег отошел в сторонку и громко проблевался, Вампир же, сев на корточки, стал с интересом рассматривать тело.

— Это что?

— Это то, что сожрало Розового Слона и имело те же намерения относительно нас всех. Вернее, Пауку доставалась лишь часть — он делил добычу с Каннибалом. Коротышка заслужил свое прозвище не на пустом месте. Они не собирались в Цитадель. Мы, кстати, тоже туда не дошли бы.

— Это что, новая болезнь? — Олег с омерзением покосился на тело Паука.

— Нет, это результат экспериментов с генами. — Вампир

оглядел всех. — В Средние века существовал миф о больных ликантропией — так называемых оборотнях, — кожа которых в полнолуние выворачивалась наизнанку, являя миру истинную сущность ликантропа, его волчью натуру. В те смутные времена любого заподозренного в этой болезни убивали, сдирая с него кожу живьем. Единый Совет одобрил разведение таких чудовищ, вот только монстры, подобные Пауку, пострашнее средневековых оборотней. Паук — результат неудачного эксперимента по ксенотрансплантации — пересадке чужеродных генов в геном человека. У него и некоторых других подопытных проявились некоторые побочные эффекты… а у меня — нет. — После этих слов у Олега и Ним буквально отпали челюсти от удивления. — Не надо делать такие глаза. Тебе-то, Альберт, уж точно известно, что спецагенты КОБ представляют собой смесь генома человека с генами животных, насекомых и птиц. А сам-то ты не есть дитя эксперимента? — Вампир пристально посмотрел на Лейбена.

— Я всегда считал, что всевозможные генетические извращения гораздо опаснее любой атомной бомбы.

— Конечно, пичкать себя искусственно усовершенствованными органами намного лучше.

— Только не надо этих философских диспутов о костылях для человечества. — Лейбен сплюнул. — Старо как мир. Я просто пользуюсь благами цивилизации.

— Ну что, двинулись? — подал голос Дегтярев. — Если мы каждый день теряем несколько человек, то чем быстрее все это дерьмо кончится, тем лучше.

— Отлично, — отозвалась Ним, спрыгивая с камня. — Ведь ты следующий на очереди.

— Именно. — Лейбен подмигнул Олегу. — Здесь часовые долго не живут.

А что, если он умер, так и не дойдя до Купола? Что тогда делать мне, ведь человеку, не имеющему представления о своем прошлом, лучше забыть о будущем…

Глава 10

И мне, стало быть, не мил
весь этот свет,
Где все мои подруги
нарожали детей,
Где друзья не узнают меня в
лицо,
Где на золотых рыб ставят

сотни сетей…

Пилот "Дорога в рай"

(Альбом "Джоконда")

— Месяц вы все будете жить здесь, — лысый, словно бильярдный шар, человек в сером заканчивал свою речь, отчеканивая каждый звук. — По истечении испытательного срока достойнейшие из вас войдут непосредственно в саму Цитадель. Желаю удачи, дамы и господа. — И Бильярдный Шар исчез. То есть исчезла, конечно же, его голограмма. Сам он все это время находился за вторым слоем стен Колпака.

Вторая стена крепости была монолитной и являлась неотъемлемой частью Купола.

Первый слой представлял собой сложенное из каких-то глыб, обломков строений и камней подобие крепостной стены, в которой к тому же кое-где зияли трещины. Это было бы убогой карикатурой, если бы не выглядело так угрюмо.

— Ну и дошли мы до Колпака, — пробурчал Олег. — Перлись сюда только для того, чтобы нас, как собак, держали у дверей, но не пускали в дом. — Он с трудом прожевал и проглотил зачерствевший кусок пайка, с беспричинной злобой оглядывая такие же малочисленные, несущие на себе печать скитаний группы измученных лишениями людей, иногда цепляясь взглядом за одиночек.

«Для того чтобы выжить здесь в одиночку, надо быть сумасшедшим, — пронеслось у него в мозгу. — Намного более сумасшедшим, чем все остальные».

— А мне теперь на все плевать. — Ним уже пару дней назад впала в апатию, поэтому ее последней фразе никто ничуть не удивился. Даже Лейбен бросил бесплодные попытки вернуть девушку к жизни — пробудить у Ним этот интерес мог только один человек. Сама Ним.

Но ей было плевать абсолютно на все. Лишь иногда в ее глазах вспыхивали искорки азарта — когда во время той или иной стычки Ним встречала достойного соперника, ухитряющегося нанести ей пару-тройку царапин. В остальное время, даже в минуты смертельной опасности, девушка выполняла все с выверенной точностью робота-автомата.

Лейбен подошел к Ним и, поцеловав ее грязный, спутавшийся, когда-то сверкавший золотом локон, прошептал, заглядывая внутрь того, что скрыто палитрой ее сказочно красивых глаз:

Пусть скрипки пишут для тебя акварелью
И колокольчик звенит твоим смехом в груди,
А я стану горным потоком, нежным пеньем свирели,
Чтоб котенком тереться о ноги твои.

Ним улыбнулась — так горько, как умеют только приговоренные к жизни, — потом послала Лейбену воздушный поцелуй, потом, разрыдавшись, упала Альберту на руки и очень долго так и лежала, уткнувшись лицом в грудь охотника за людьми. В это время она больше всего походила на заблудившуюся в лесу своих эмоций и впечатлений маленькую девочку. С глазами убийцы.

Очень долго Ним сотрясали рыдания — до тех пор, пока нервное истощение и легкое убаюкивание Лейбена не погрузили ее в сон.

Альберт молча смотрел на ставшее таким безмятежным лицо девушки, на опадающую и вздымающуюся грудь, вслушивался в тихое посапывание, и из его постоянно меняющих свой цвет зрачков теплыми прозрачными каплями скатывалась печаль, оставляя на запыленном лице грязные полосы и соленый привкус на растрескавшихся губах.

Внезапно монолит стены Купола на несколько мгновений словно испарился, и стоявшие за ней люди побросали в сторону кучек оборванцев какие-то емкости, после чего их вновь разделила незыблемость Колпака. Все произошло настолько быстро, что никто даже удивиться не успел.

— Псам кинули кость. — Олег сплюнул. — Пошли делить жратву.

Ним будить не стали, договорившись набрать продуктов и на нее.

Однако сделать это оказалось не так просто, как предполагалось вначале, — никто не собирался цивилизованно становиться в очередь и, получив свою порцию, тихонечко отходить в сторону. Это были убийцы, прошедшие через все жернова дикой, вытравливающей из души все человеческое мясорубки. Здесь безраздельно властвовал закон сильного.

В общем, около оставленных людьми Купола емкостей была настоящая бойня, из-за чего Олега, как самого слабого, отправили охранять беззащитную Ним. Дегтярев не возражал — он прекрасно понимал, что там, у еды, ему делать нечего, — даже при самом плохом исходе лучше один день поголодать, чем поливать своей кровью этот ставший таким ненавистным спутник.

Впрочем, Дегтярев не пошел прямиком к Ним — он

справедливо решил, что здесь можно добыть еду и без особого кровопролития, — следует лишь подождать подходящего момента. Сейчас именно такой момент. С тихим хихиканьем, поражаясь, почему эта идея никому больше не пришла в голову, Олег быстрым шагом пошел вдоль стены. Иногда он ненадолго останавливался для того, чтобы подобрать сумки с остатками наборов тех недотеп, которые, побросав все, бросились к еде. И недостатка в недотепах не было. К тому же, здраво рассудил Олег, многим из них эти наборы уже не понадобятся.

Взяв три сумки, Дегтярев побежал к спящей девушке — не стоило привлекать к своей группе внимание этих зверей.

В сторону побоища он старался не смотреть, но стоны, крики, лязг и хруст все равно вероломно вгрызались в его пыльный мирок с легким налетом апатии и плохого настроения.

Некоторое время спустя, под звуки все еще продолжавшейся баталии, вернулись Вампир и Лейбен, с ног до головы измазанные и забрызганные чужой кровью, неся вожделенные концентраты и воду.

Когда Олег представил их вниманию свои трофеи, никто не проронил ни слова.

Подойдя к Ним, Альберт легонько тронул ее плечо. Сев на корточки, он стал очень нежно кончиками пальцев поглаживать руку девушки, повторяя линии на ладони.

— Давай буди свою прелестнейшую из русалок и приступим к чревоугодничеству. — Олег раскланялся в шутовском поклоне.

Лейбен повернул к Дегтяреву застывшую на его лице гипсовую маску и безжизненным голосом продекламировал:

Палитра желаний — акварель на холсте —
Рвется бабочкой к смерти на свечу в темноте,
Чтобы вспыхнуть на миг веселым огнем,
Пейзаж моей жизни — стена за окном…

Последнюю фразу Альберт произнес шепотом, и шепот этот на добрый десяток секунд поверг Вампира и Олега в полнейший ступор, но потом, одновременно смахнув его кисельную тяжесть, они рванулись к Ним, уже осознав, *что* именно произошло.

Фосфорная бледность уже расплылась по мечтательно-прекрасному лицу Ним убивающим все живое пятном, превращая совсем недавно кипевшего эмоциями человека в неподвижную куклу.

Альберт, зарычав, вытянул руки в сторону все еще копошившихся около емкостей с концентратами и водой тел, и с кончиков его пальцев с тихим шипением брызнули молнии

(«Прямо как в Сети», — подумал Олег), которые, ворвавшись в эту мешанину людей, расплескали их, словно камни, брошенные в стоячую воду.

Ее похоронили недалеко от стены, выбравшись через одну из трещин.

Два земных дня Лейбен не отходил от могилы, не замечая ничего вокруг — ни предлагаемых концентратов, ни советов поспать хоть немного, ни крадущихся, для того чтобы отомстить, чудовищ в человеческих обличьях, которых Вампир и Олег устраняли.

На третий день Дегтярев, проснувшись, увидел Лейбена, за обе щеки уминавшего концентрат. Не сказать, что еда сразу же вернула Альберта к жизни, но уже это проявление интереса к чему-то помимо смерти Ним вселяло оптимизм.

Вампир, сидевший рядом с охотником за людьми, привалившись к стене и поедая упомянутые уже концентраты с неменьшим аппетитом, с набитым ртом пытался (судя по всему, уже не первый десяток минут) хоть как-то утешить Лейбена. Киллер его просто не замечал.

— Просто настал ее черед. Он, — Вампир поднял глаза к небу, — может забрать свой дар — жизнь — в любой момент, и ничто не в состоянии помешать Ему.

— Второй раз, — ничего не видя перед собой, прошептал Лейбен.

— Что, прости? — не понял Вампир.

— Это случается уже второй раз. Во второй раз я встречаю девушку, ради которой готов на *очень* многое, и второй раз меня лишают этого.

— Те люди, которых ты убил, тоже были кому-то дороги.

— …были кем-то любимы, — шепотом продолжил Лейбен, — кем-то потеряны… кем-то оплаканы…

— Ты жестокий человек, Вампир, — вмешался Олег. — Я думал, ты пытаешься вернуть его к жизни.

— Человек ли? — Вампир улыбнулся каким-то своим мыслям. — Я тоже через это прошел. Ты ведь не думаешь, что я всего лишь машина? Мне пришлось… ликвидировать очень многих, и у всех этих людей были родственники, друзья… поклонники. У моего нелегального коллеги, по крайней мере, было право отказаться от заказа, я же, отказавшись единожды, очутился здесь. К тому же Лейбен гораздо лучше… экипирован.

— Угораздило же меня оказаться в компании сразу трех убийц, — ухмыльнулся Дегтярев. — Что в такой ситуации делать

бедному студенту?

— Стой, а почему трех? — Альберт еще с трудом до всего доходил.

— Вампир, — Олег с серьезным видом начал загибать пальцы, — Альберт Лейбен и некто Олег Дегтярев.

Им пришлось пережить еще четыре дележа концентратов и воды, прежде чем перед дюжиной измочаленных людей-чудовищ предстала голограмма холеного Бильярдного Шара, возвестившего, что испытательный срок окончен и всех их просят пройти в помещение для дезинфекции, причем сделать это следует как можно скорее, потому что «дозорным удалось засечь большие скопления „прокаженных", с приличной скоростью двигающихся в сторону Купола, скорее всего для очередного штурма. В общем, кто не успеет, будет оставлен на растерзание этим несчастным».

Голограмма исчезла, и в тот же миг в стене Купола открылась дверь, в которую, похватав свои пожитки, побежали все. Кроме Лейбена — он побежал к трещине и, перемахнув через осколки стены, устремился к невысокому холмику — последнему прибежищу тела той, которую он любил.

Постояв секунд пятнадцать, Альберт наклонился, для того чтобы взять на память горсть земли с ее могилы, но, тут же передумав, выпрямился и, сняв с шеи цепочку с медальоном — маленьким серебряным сундучком, — очень осторожно открыл его и, высыпав на могилу Ним град тусклых желтоватых песчинок, присел на корточки и аккуратно смешал песок с темной почвой, завезенной на Луну с самых разных уголков Земли.

— Майуко… Ним… Я очень люблю вас, но время жить фетишами былой любви ушло. Настало время жить без любви… — И, поднявшись, он тихо побрел к Колпаку.

Лейбен не ускорил шаг, даже когда за спиной раздались топот и завывания «прокаженных».

Стена мгновенно стала монолитной, едва Альберт зашел под Купол. Самый ретивый из преследователей был так близок, что впечатался в стену в том месте, где, казалось, только что стояла добыча.

Все, кто когда-либо в своей жизни посещал подводные ячейки или кому довелось в них жить, едва оказавшись под Колпаком, сразу же вспомнили эти времена, поскольку материал, из которого была изготовлена стена с внутренней стороны, более всего напоминал стеклобетон — такой же монолитно-нерушимый и односторонне прозрачный.

На сей раз Бильярдный Шар появился во плоти, а не в

качестве голограммы.

— Поздравляю вас, дамы и господа, — начал он (обращение было произнесено с едва заметной издевкой). — Отныне вы — часть колонии. Еще не известно, какое место вы займете, но, смею вас заверить, жизнь под Куполом отличается от всего того, что вам довелось увидеть снаружи. Сейчас вас обработают репеллентом и на очень короткое время разместят в карантинной зоне. Не пугайтесь, — Бильярдный Шар обозначил на своем лице улыбку, — несмотря на довольно неприятное название, это не грозит вам ровным счетом никакими неприятностями. Просто у вас возьмут анализы, и вы будете ждать результатов. Честно говоря, анализы стали поступать сразу же после того, как вы впервые проглотили что-то из контейнеров с едой, — пища была буквально нашпигована жучками. Теперь мы всегда будем знать, каково ваше физическое состояние, какое питание вам необходимо и где вы находитесь.

— Очень мудрое решение. — Вампир сплюнул. — Так легче устроить охоту на неугодных.

— Вы правы, молодой человек. — Бильярдный Шар широко и плотоядно улыбнулся. — Абсолютно все, кто оказался на Луне, далеко не ангелы. За каждым необходимо вести контроль, и лучшие умы — из тех, естественно, кто не прижился на Земле, — создали систему слежения, превосходящую ту, которая имеется в распоряжении Комитета Общественной Безопасности. И гораздо более дешевую. Карантинная зона — это кельи по периметру Купола. Прошу вас, следуйте за мной.

После этих слов Бильярдный Шар развернулся и пошел по направлению к стене, часть которой как бы растворилась, обозначив выход в коридор, — определенно, развитие техники на Луне обгоняло земное.

«То, что этот хрен не боится поворачиваться к нам — убийцам и отщепенцам — спиной, наводит на мысль о том, что он, скорее всего, очень надежно защищен, — размышлял Дегтярев. — Чен обязательно бы это проверил». — Олег улыбнулся своим мыслям.

Их всех расфасовали по совершенно одинаковым изолированным камерам с одной прозрачной стеной — видимо, для того, чтобы им не было скучно.

Снаружи в Купол бились всевозможные монстры, когда-то бывшие людьми, и «прокаженные». Штурм был бестолковым и безнадежным. В конце концов отвечавшим за оборону Колпака, видимо, надоело это однообразное и утомительное зрелище, и они просто пустили газ. Все те несчастные, кто хоть раз его вдохнул, падали замертво, более проворные и сообразительные,

увидев, что происходит с собратьями по оружию, убегали прочь — тем, кто находился в карантинной зоне, смотреть на это было не очень приятно. Чтобы избежать какой бы то ни было эпидемии и в то же время избавиться от тел «прокаженных», трупы облили какой-то очень сильной кислотой (опрыскивающие установки, выглянувшие из бойниц, более всего напоминали водометы), за несколько минут с тихим шипением и сероватым дымком растворившей то, что не так давно жило и двигалось.

«Ну и вонь, наверное, там сейчас стоит», — пронеслось в голове у каждого, кто это видел, с той лишь разницей, что у некоторых в головах эта мысль пронеслась подобно челноку, оставляя горький привкус, у других же мозг зацепился за нее, вызывая на лице гаденькую усмешку.

Счет времени Олег потерял уже давно — он понимал, что его прошло уже очень много, только не знал, сколько именно, но этот факт Дегтярева не больно волновал.

Однообразный вид за окном-стеной уже давно успел набить оскомину, и от сумасшествия спасали лишь воспоминания о Лесе и отце. Нет, он не лелеял свое одиночество; по сути, он не считал себя одиноким — он просто был один… так ему казалось.

Когда Олегу в очередной раз принесли еду, он заметил, что парень, заносивший тарелки, выглядит каким-то… испуганным, что ли.

— Что случилось-то? — с ленцой осведомился Дегтярев.

— Да один из ваших исчез, — с недоумением ответил парнишка.

— В смысле? — Олег подошел и заглянул пареньку в глаза.

— Просто исчез. — Тот часто заморгал (наверняка не преступник, а родившийся уже здесь). — Я принес ему еду — как обычно, — а его просто не оказалось в келье. Я сразу же ломанулся в видеоцентр к Zik'у. Он просмотрел диск с видеокамеры кельи пропавшего и сказал, что тот просто исчез — в воздухе растворился, что ли? Тут почти вся верхушка Колпака на ушах стоит.

— Такого еще не было?

— Не-а.

Олег взял еду и, повернувшись к пареньку спиной, зашагал к тому месту, где обычно валялся.

Если кто-то за ним сейчас и наблюдал — упомянутый уже Zik или кто-нибудь еще, — то он наверняка видел блуждающую мечтательную улыбку на лице Дегтярева.

Олег специально не спросил имени исчезнувшего — он и так прекрасно знал, кто именно был этим человеком-невидимкой.

Глава 11

«Даже шуты иногда умирают всерьез…»

Кирпичи «С другими»

(альбом «Сила ума»)

Когда они покидали опостылевшую карантинную зону, Бильярдный Шар и другие представители Купола ничем не выказывали смятения, замешательства, в воздухе не висело напряжение — все было как всегда.

Когда Олег понял, *почему* они могут быть так спокойны, в горле встал ком. Протолкавшись к Бильярдному Шару, Дегтярев заорал ему прямо в его мерзкую рожу:

— Надеюсь, он выпустил кишки достаточному количеству твоих подонков, чтобы ты по ночам просыпался в холодном поту!!!

На лице длинного как жердь человека в сером не дрогнул ни один мускул.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — бесстрастно отчеканил он.

Олег с ревом занес руку для удара и в ту же секунду отлетел к противоположной стене, по пути снеся еще пару подвернувшихся собратьев по несчастью. До того как потерять сознание, он услышал тихий, но твердый голос Бильярдного Шара:

— Телекинез — весьма полезная в повседневной жизни вещь. Подберите его и отправьте в лабораторию.

В себя Олег пришел оттого, что кто-то монотонно бубнил себе под нос что-то неразборчивое где-то совсем рядом. Еще на это повлияла ноющая боль в запястьях и щиколотках.

Видимо, Дегтярев как-то выдал себя, потому что противное бормотание прекратилось. Вместо него уши начало резать шарканье обуви по полу.

В поле зрения вплыл стилизованный злой гений со всеми надлежащими атрибутами: всклокоченной седой шевелюрой, белоснежным халатиком, узенькими серыми брючками и сумасшедшим блеском в толстых линзах очков.

— Очнулся, голубчик? — Злой гений мерзко захихикал. — Меня зовут Исаак Абрамович Зингельшухер! — Он воздел руки в

том направлении, где должно быть небо, полуприкрыл веки и вздернул подбородок.

«Шиза, — промелькнуло в голове у Дегтярева. — У него явная тяга к патетике, а мания величия, судя по всему, приобрела такие гигантские размеры, что ее впору назвать величием мании. Кстати, на этом можно сыграть, так как выпускать меня он наверняка не собирается».

— А? — Олег вновь сфокусировал взгляд на пугале в белом халате.

— Я говорю: меня зовут Исаак Абрамович Зингельшухер! — Исаак Абрамович шире расставил ноги, напустил во взгляд еще больше сумасшествия и еще выше задрал подбородок. Видя, что на пленника это не произвело ровным счетом никакого впечатления, профессор расстроился и, уронив руки, сварливо поинтересовался:

— Что, совсем ничего обо мне не слышали? — Олег ответил извиняющейся улыбкой. — Ничего, вы обо мне еще услышите! Все! — Опять те же жесты. Дегтярев закатил глаза и громко выругался.

— Эх, молодежь! Совсем не уважаете старших, — посетовал Исаак Абрамович. — Куда катимся?

— Ну, вы-то уже точно больше никуда не укатитесь, — пробурчал Олег.

— Молодой человек, вам пора делать укол. — В руке профессора как по волшебству появился шприц.

Без дальнейших разговоров он вколол Дегтяреву какой-то дряни, отчего тот мгновенно перестал быть прекрасным собеседником.

В очередной раз очнувшись, Дегтярев обнаружил себя в стальной клетке где-то в углу лаборатории. Голова пульсировала болью настолько острой, что Олег вновь опустился на пол и опять потерял сознание.

— Профессор, — Олег сплюнул на пол. — А почему ты запихнул меня в обычную средневековую клетку, а, скажем, не в какое-нибудь силовое поле или другую высокотехнологическую хрень?

— Молодой человек, во-первых, не надо мне тыкать…

— А ты мне не выкай! — грубо перебил его Олег, с удовлетворением узрев гримасу неудовольствия на лице Зингельшухера.

— Во-вторых, — процедил Исаак Абрамович, — на «силовое поле или другую высокотехнологическую хрень», как вы изволили

выразиться, расходуется слишком много энергии. Поэтому и приходится использовать клетку — варварство, конечно, но эффект тот же. Ну-с, — Исаак Абрамович выловил откуда-то шприц с зельем, — спокойной ночи, молодой человек.

Дегтярев был слишком слаб, чтобы сопротивляться.

Разлепив распухшие веки, Олег увидел перед собой мутное пятно, которое постепенно превращалось в Альберта Лейбена, сидящего на корточках.

— Слава богу, — прокаркал Дегтярев. — Я все-таки умер. Ну и хреново же здесь.

Лейбен закашлялся и привалился к железным прутьям, которые — как и большинство металлических вещей на Луне — были сделаны из обломков капсул или контейнеров для льда.

— Так они все-таки не смогли тебя поймать?

Дегтярев пристальнее вгляделся в лицо мысленно похороненного уже человека. Лейбен выглядел немногим лучше трупа: он был бледен как кость, с потрескавшимися губами и затянутыми мутной пленкой глазами, к тому же он постоянно кашлял и хватался за виски трясущимися руками — все остальное время эти руки зажимали жуткого вида рваную рану в левом боку.

— Мне везет. Пока. — Охотник за головами вымученно улыбнулся.

— В таком состоянии тебя надолго не хватит.

— Ты меня плохо знаешь. — Вновь гримаса-улыбка. — Не из таких переделок выбирался.

Несколько минут они сидели в молчании, пока Альберт его не нарушил:

— Мне бы еще немного продержаться. То, что происходит сейчас внутри меня, не столько результат ранения, сколько борьбы самого организма с тем, что в него запихнули извне. Можно сказать так: фагоциты пытаются уничтожить жучки, проглоченные вместе с пищей. Поэтому я чувствую себя довольно некомфортно.

— Пытаешься в очередной раз выйти из-под контроля?

— Хочу стать призраком. Этакой легендой Купола, человеком-невидимкой. А что это за невидимка, если каждый может по монитору вычислить его местоположение? Никакой мистики, ничего сверхъестественного, а без этого жизнь становится скучной. — Лейбен усмехнулся.

— А ты не боишься принимать пищу? Ведь в ней тоже могут быть жучки.

— Не думаю. Это слишком дорого. Зачем? Если можно

пичкать жучками только те партии, которые дают новичкам.

— Почему фагоцитоз происходит только в твоем организме? Я, например, тоже не в восторге от жучков.

— Потому что ты — это ты, а я — это я. — Альберт пожал плечами — для него вопрос был откровенно глупым, а ответ настолько очевидным, что просто казался аксиомой.

— Ну, мне пора, а то скоро твой профессор очнется. — Убийца встал и размял мышцы.

— А что ты с ним сделал?

— Нажал на один из нервных узлов.

— Эй, — Олег удивленно вскинул брови. — Ты что, не собираешься меня освобождать?

— Нет, — Лейбен отрицательно замотал головой.

— Почему?

— Потому что ты — подопытный кролик, лабораторная крыса, и кто знает, что именно закачал в тебя Зингельшухер. Он, кстати, известен на весь Купол как коллекционер болезней — не обращал внимания на колбочки вокруг клетки? Ты бы еще в холодильник заглянул… В общем, я не убил тебя только потому, что боюсь подцепить прикосновением что-нибудь смертельное, а молнии — слишком грубо. А не боюсь разговаривать с тобой потому, что уверен на все сто, что та хрень, которая сейчас внутри тебя, не передается воздушно-капельным путем, иначе Зингельшухер уже давно ходил бы в скафандре. Ну, пока. — И, не дожидаясь того, что выдаст ему Олег, убийца скрылся, оставив Дегтярева наедине с действительно мрачными мыслями.

Олег опять вспомнил о том, что перед смертью у человека перед глазами успевает промелькнуть вся его жизнь… И опять, сколько он ни тужился, у него ничего не вышло. Было дико себя жаль, очень хотелось просто сидеть и рыдать от этой пресловутой жалости к себе. Вдруг Дегтярев осознал, что смотрит на себя как на персонаж какой-нибудь книги или сетевого сериала. Интересно, может, это тоже признак близкой смерти? Да-а, любовь к себе — чувство, редко остающееся безответным.

Это лелеяние безысходности было нарушено грубо и вероломно — звуком извне. Звуки были покашливаниями, вздохами и руганью Исаака Абрамовича.

Из своей клетки Дегтярев видел, как Зингельшухер буквально прополз в комнатку, предназначение которой даже не пришлось угадывать, — Исаак Абрамович не удосужился закрыть дверь и принялся с остервенением извергать содержимое желудка.

— Этого не может быть, — заявил Исаак Абрамович Олегу. — Это просто невозможно. От тебя невозможно заразиться смертельной болезнью. Так, — профессор закатал рукав

девственно чистого халата, выудил из белоснежной бездны кармана шприц, плюхнулся на пол, — надо прогнать себя через тестер, — продолжал он убеждать себя.

Коллекционер болезней потянулся к шкафчику, стоявшему неподалеку, вынул из его чрева какой-то шланг, перетянул — с опытом многолетнего наркомана — себе предплечье и вогнал стерильное железное жало в ртутный поток вены. Но вместо того чтобы впустить в себя радужные пузырьки снов, шприц забрал часть того, что бурлило в Исааке Абрамовиче.

— Я убежден, — дрожащим от страха и отчаяния голосом пролаял Зингельшухер, — что этот приступ не имеет никакого отношения к моим экспериментам. А обморок — всего лишь следствие переутомления.

Олег поцокал языком и покачал головой в притворном сочувствии:

— Бедный, бедный профессор. Интересно, какого цвета волдырями ты покроешься? — Дегтярев с садистским наслаждением смотрел на трясущиеся губы и посеревшее лицо Исаака Абрамовича. Он решил, что не стоит развеивать обреченность профессора рассказом о визите Лейбена, вследствие которого Зингельшухер и отключился. Вернее, был отключен. Зато теперь у Олега появилась любимая тема разговора с любимым профессором. — Ну же, мой мальчик, не стоит так расстраиваться — мы все умрем… Кто-то раньше, кто-то позже. Но я уверен, такие сволочи, как ты, просто обязаны умирать в муках — в этом есть высшая справедливость. Злодеи умирают не только в сказках. Может, укололся или вдохнул что-нибудь не то?

Профессор в течение дня раза четыре прогнал свою кровь через тестер и, не найдя ровным счетом ничего опасного, немного успокоился, хотя некоторые сомнения — так уж устроен человек — все равно остались, и Дегтярев, прекрасно это понимая, как мог, играл на нервах Исаака Абрамовича.

Дни превратились в цепь беспамятства и пробуждений; время протекало где-то в другом месте, стороной обходя клетку с запертым в ней человеком, единственным развлечением которого были язвительные нападки на другого несчастного в белом халате, время от времени появлявшегося в поле зрения.

Сейчас, однако, в поле зрения Олега был совершенно другой человек — светловолосый мальчишка-подросток с постоянно меняющимся цветом глаз, хрупкий настолько, что невольно начинаешь задумываться, *как он-то здесь оказался?!*

— Сегодня ты выглядишь гораздо лучше. — Дегтярев поскреб успевшую отрасти бороду.

— Спасибо. — Лейбен улыбнулся. — Сейчас я и чувствую себя не в пример лучше.

— И каково быть призраком?

— Лучше, чем в клетке, уж поверь. — Увидев, как сильно погрустнел после этих слов Дегтярев, Альберт решил поделиться новостями. — Недавно разыскал Вампира. Он неплохо устроился — стоит в охране гравитатора — сердца Купола, да, по сути, и всей лунной цивилизации. Случись что с гравитатором, и прощай все живое вне Колпака.

— Ты вроде что-то про отпрыска Иржи Младича хотел мне рассказать.

— Он раньше за льдом за пределы Купола ходил — лед и прочее необходимое для жизни, чего здесь нет, в капсулах с челноков сбрасывают. Чтобы все это сюда перетащить, нужны рабочие, но на эти экспедиции постоянно нападают. Вампир сопровождал караваны вместе с одной из тринадцати групп охранников. Потом его перевели. Сейчас охраняет эту штуку.

— А со мной-то что? — проскрипел Олег голосом, треснувшим от тоски.

— Надежд напрасных не строй: ты стопроцентно не жилец. — В голосе убийцы не было какой-либо жестокости, просто он не видел смысла притворяться, да и… настало время жить без любви. — Сколько тебе осталось и сильно ли ты будешь мучиться, не знаю, но обязательно достану эту информацию. Делов-то — влезть в комп этого червя.

— Спасибо.

— Ты вообще ничего странного в своем поведении не заметил?

— Да нет, — Олег наморщил лоб, пытаясь вспомнить хоть что-то, выходящее за рамки его обычного поведения. Безрезультатно.

— А ты не чувствуешь слабости, там, головокружения, тошноты? — Альберт сказал это так, что Дегтярев понял: с ним точно что-то происходит, но сам этого не осознает. А вот Лейбен знает.

— Это все оттого, что ты слишком мало спишь. Истощение организма.

— Наоборот. Я сплю слишком много. И это ненормально.

— Это тебе только кажется. — Лейбен сел на корточки. Видно было, что он ведет внутреннюю борьбу. В конце концов он шумно выдохнул и, не глядя Дегтяреву в лицо, тихо начал:

— Распад личности, Олег. Причем одна часть не ведает, что творит другая. Вначале доминировал ты, теперь же… Обычно при распаде личности обе составляющие тянут одеяло на себя

одновременно. У тебя же есть четкое разграничение: сначала один, потом другой.

— А тот, второй… Он какой? — Дегтярев выглядел так, будто по нему каток прошелся.

— Он чудовище, Олег. Одержим манией убийства: ищет типа по имени Олег Дегтярев, полагая, что он — ключ к его памяти. Самое страшное — он умный. По крайней мере, тебе он ни в чем не уступает.

Кстати, пока ты нужен профессору, он будет тебе помогать. Я видел, как он постоянно вкалывает тебе какую-то бурду, поддерживающую твои силы. Если бы не Зингелыиухер, ты бы давно уже слетел с катушек. У тебя и так мозги кипят — спишь-то ты всего по паре часов в сутки.

— Он просто продлевает агонию.

В ответ Альберт лишь пожал плечами.

— Каким образом вторая личность становится доминирующей?

— Все очень просто (по крайней мере внешне). — Лейбен прикрыл глаза. — Как только твое сознание выключается, на сцену выходит номер второй. Обратное превращение — полностью идентичный процесс с точностью до наоборот. Ладно, скоро профессор вернется. Я пошел.

— Слушай, а чем занимается Зингельшухер, кроме коллекционирования всякой чуши?

— Он хочет уничтожить все живое на Земле. Да-да, не надо смеяться, типичный злодей с манией величия.

— Ты тоже это заметил?

— Он хочет поместить пробирки с культурами в капсулу на борту челнока, а когда челнок будет пролетать над поверхностью планеты, капсула раскроется, и пробирки разобьются о тротуары Мегаполиса. Очаги заражения вряд ли удастся локализовать, по Земле пойдут волны эпидемий самых ужасных болезней, вирусы большинства которых склонны к мутациям почище гриппа. Человечество стремительно катится в пропасть. В жалких останках живой плоти еле улавливается подобие некогда процветавшего вида homo sapiens — вот чего он хочет. — Мотивирует это тем, что Единый Совет ежовыми рукавицами пытается вылепить идеальное общество, в то же время безжалостно уничтожая абсолютно всех неподходящих под стандарты. Все довольны. Кто не согласен, того очень скоро депортируют на Луну. Он часто называет земное общество кривым зеркалом с искаженными устоями и моралью.

— И это причина убить все разумное на целой планете?

Лейбен в который уж раз промолчал.

— Одно радует: до челнока ему никогда не добраться.

— Ошибаешься, — перебил Олега Альберт. В ответ на удивленный взгляд Дегтярева он продолжил: — Очень давно на Луну сел челнок — сбой в программе, — и, пока никто об этом не пронюхал, его спрятали достаточно надежно для того, чтобы о нем знала только верхушка Купола, — даже горючее слить не успели. На Землю в нем никого не послали — всем ясно, что это самоубийство, — но поняли, что челнок — вещь в хозяйстве нужная. Когда же здесь объявился Исаак Абрамович со своей идеей глобального отмщения, ученого взяли под покровительство, намекнув, что мечта его вполне осуществима.

— Убить профессора, и дело с концом. — Уж на кого, а на Зингельшухера Дегтяреву было глубоко плевать.

— Не все так просто. Колпак найдет другого ученого, одобряющего уничтожение земной популяции. Я хочу повредить челнок. Пока я даже не знаю, где он находится. Ну все, пока. — И Лейбен растворился в коридоре.

У Дегтярева созрел план освобождения.

Едва заслышав шаги Исаака Абрамовича, Олег притворился спящим.

— Странно, должен был уже проснуться, — пробормотал профессор, прошаркав в лабораторию, а минуту спустя уже возвращаясь со шприцем в руке.

Дегтярев позволил сделать себе инъекцию, после чего, скрутив несчастного профессора, запер его в опостылевшей клетке.

Найдя подходящие предметы гардероба, Олег переоделся, потом, все-таки решив привести себя в порядок, побрился и принял душ (помимо доставляемого с Земли льда, здесь были также и установки, полностью очищавшие воду, то есть это была, так сказать, вода многоразового использования. Во всяком случае, она уже была многократно пропущена через организмы обитателей Колпака), после чего вышел «на улицу». Коридор отличался от лабораторного только шириной и высотой потолка. Ах да, еще его заполняли туда-сюда снующие люди.

В принципе площадь Купол занимал не такую огромную, как предполагал Олег: более всего Колпак был похож на муравейник или научный городок при каком-нибудь подводном университете.

Словно бродяга, он слонялся по коридорам купола. Погруженный в собственные мысли и то и дело натыкаясь на встречных, Олег даже не заметил демонического вида долговязую фигуру в длинном кожаном плаще, постоянно следующую за ним по пятам.

Ненароком свернув в безлюдное ответвление и даже не

осознав своей ошибки, Дегтярев был сбит с ног незнакомцем, принявшимся осыпать свою жертву градом чудовищных по своей силе ударов. До того как потерять сознание, Олег еще пытался прикрыть руками то, что более всего напоминало о себе жуткими взрывами боли, — почку, ребра, нос и многое другое, что еще могло понадобиться в дальнейшей жизни, — но очень скоро мутный багровый кисель окутал сознание, и Дегтярев перестал вообще что-либо чувствовать.

Очнувшись, он понял, что не сможет и пальцем пошевелить, не вызывая дикую боль, — впрочем, просто лежать было немногим лучше. Те еще ощущения!

Дегтярев понятия не имел, сколько времени он вот так провалялся, истекая кровью, точно так же как не имел он понятия, что было нужно напавшему на него отморозку и чем все-таки закончилось это избиение.

Впрочем, найдя в себе силы перекатиться на бок, Олег мгновенно получил ответ на последний интересовавший его вопрос.

Демонического вида долговязый незнакомец в длинном кожаном плаще лежал на спине, широко раскинув руки, и в его настежь распахнутых глазах было отражение… нет, не чистого голубого неба, а всего лишь потолка. Правда, такого же чистого, как небо. Тело незнакомца не имело повреждений. Почти. У него было разорвано горло — из шеи просто выдрали кусок плоти.

Что же касается времени, то его прошло уже достаточно для того, чтобы кровь из раны уже перестала рваться не то что толчками, но и скромным тоненьким тягучим ручейком.

Со стоном поднявшись на ноги, Дегтярев потратил уйму усилий на то, чтобы снять с тела убитого им бандита (а убитый, вне всяких сомнений, был бандитом) плащ. Олегу плащ очень понравился, и он, решив, что мертвецу плащ все равно без надобности, а мародерам хорошую вещь оставлять не очень-то хотелось, с удовольствием примерил похожую на крылья Вампира обновку.

Вспомнив о Вампире, Дегтярев решил непременно найти Младича-младшего, для чего — он сам пока не знал.

Кое-как выбравшись из переулка — все тело, казалось, состоит из одного сплошного синяка, — Олег нащупал в кармане своего нового приобретения пачку каких-то таблеток. В зажатой руке он обнаружил нетронутую упаковку стимуляторов. Сунув в рот прозрачную капсулу, Дегтярев с блаженством подождал, когда она растворится. Спустя пару секунд боль уже исчезла — она растворилась вместе со стимулятором.

О том, что произошло в безлюдном ответвлении-коридоре, Олег старался не думать. А о чем тут думать-то? Вторая часть личности Дегтярева, которую сам Олег решил называть Маньяком, сократила популяцию подонков ровно на одного.

«Как только твое сознание выключается, на сцену выходит номер второй», — звучали в голове Олега слова Лейбена.

Пару часов Дегтярев бродил по Куполу, пытаясь найти гравитатор, но глупо было искать вообще какое-либо обозначение этого объекта — скорее наоборот, его постарались обставить как можно неприметнее.

Вскоре на Олега навалилась усталость, причем не просто навалилась, а огрела по внезапно разболевшейся голове трехтонной дубиной — действие стимулятора закончилось. Вместе с усталостью, причем так же резко и бесповоротно дала о себе знать боль, переливаясь всеми своими оттенками в сознании своей жертвы. Усталость была настолько дикой, что Дегтярев просто свалился без чувств, уступая право командовать собственным телом.

Вновь пришел в себя Дегтярев в уже знакомом безлюдном переулке рядом с умерщвленным им же бандитом, когда-то носившим длинный кожаный плащ.

Физическое состояние Олега стало еще хуже (если такое вообще возможно). Его постоянно мучили тошнота и головокружение — первые признаки сотрясения мозга, — лицо превратилось в кровоточащий кусок мяса; каждый вдох отзывался острой болью в легких и вообще в области ребер. Сплюнув, Олег долго смотрел на тягучий сгусток крови, совсем недавно бывший его частью. Большинство зубов также совсем недавно были превращены в костяное крошево.

Но самый удивительный и неприятный сюрприз лежал рядом с самим Олегом — бледный как мел, судорожно хватающий окровавленным ртом воздух Вампир с довольно неаккуратной и постоянно булькающей дыркой в животе.

Увидев это зрелище, Олег расплакался. Рыдания рвали его на части. Одного взгляда на бывшего агента КОБ хватало, чтобы понять, что Вампир больше принадлежит миру потустороннему, нежели этому.

Очень осторожно, даже нежно Олег убрал со лба Младича прилипшие пряди. Вампир, более ориентируясь на прикосновения, чем на звуки и зрительные образы, тихо, еле слышно прошептал:

— Олег… Дегтярев… это… он…

Шепот прервался. Вампир отошел в мир иной.

Сунув руку в карман плаща, Олег обнаружил еще одну неприятность: у него осталась всего одна капсула стимулятора.

Дегтярев посмотрел на свои ладони. Господи, вот этими руками он сам убил если не друга, то человека, хоть что-то для него значившего.

Причем против своей воли, не ведая, что он творит. Вот какие в жизни бывают повороты.

Оставив за спиной еще один кусок прошлого, превращая целую человеческую жизнь всего лишь в еще один клочок своей памяти, Олег вновь побрел из коридора.

Кое-как добравшись до лаборатории Исаака Абрамовича, Дегтярев освободил профессора и, игнорируя вопросы и недоуменные взгляды Зингельшухера, молча побрел в ванную.

Промыв раны, Олег сунул в рот последнюю капсулу стимулятора и попросил профессора собирать свои колбы, потому что «настало время казнить палачей». Дегтярев как-то не задумывался над тем, вправе ли он решать, кому жить, а кому умирать, — ему просто показалось, что сейчас самое время преподать урок разжиревшему Единому Совету. Отбросы общества? Отлично! Пусть все знают, что у проклятых и проклинаемых есть право протеста. И ерунда, что после *такого* выражения протеста с лица планеты, словно сор из избы, будет выметен разум.

Вам не нужны инакомыслящие? Им не место на Земле? Отлично, теперь не будет вообще никого, кроме инакомыслящих! И последние станут первыми!

— Пошли, — Исаак Абрамович потряс Олега за плечо.

Они поднялись куда-то, о чем Олег вообще не подозревал, — это был другой уровень Купола. Собственно, кроме колпака, над ними ничего больше не было — ни потолка, ни чего-либо еще.

Сам колпак был полупрозрачный, и темное небо казалось каким-то заплесневевшим или покрытым слоем пыли, но все равно потрясало впечатлительные натуры своей сказочной красотой.

Олег особой впечатлительностью не отличался, поэтому вверх даже не взглянул — его больше интересовал стоявший неподалеку челнок.

Исаак Абрамович, попискивая от вожделения, вытащил из кармана своего халата что-то сильно смахивающее на пульт дистанционного управления и нажал на какую-то кнопочку, после чего створки капсулы внутри челнока лениво раскрылись и профессор, войдя внутрь, стал выкладывать из сумки пробирки с культурами.

Однако едва он вышел из капсулы, как тут же получил неуловимый для человеческого глаза удар в солнечное сплетение, из-за чего пульт из его рук выпал и, звякнув пару раз, замер на безразлично-холодном полу. Следующего удара профессор пережить уже не смог — травма, как говорят доктора, несовместимая с жизнью.

Незадолго до этого Олег, прекрасно осознающий, к чему это может привести, начал движение по направлению к одиноко лежащему пульту.

Видя, что Лейбен сфокусировал свое внимание на нем, Олег прыгнул…

…парк, карусели, сладкая вата, папа, мама, шум, много других детей с родителями…

…школа, красивая форма, улыбающиеся учителя, много других детей вокруг…

…котенок, такой смешной и пушистый, которого папа подарил на день рождения…

…Инга пахнет цветами…

…нет ничего более жестокого, чем смерть близких…

…а университет — та же школа…

…Леся…

Еще в полете ему был нанесен смертельный удар, не изменивший, однако, траекторию полета тела, — Лейбен в этот раз немного перегнул с эстетизмом, — и оно, естественно, будучи не в состоянии погасить инерцию, всем своим весом плюхнулось на пульт…

«Получилось!» — промелькнуло в затухающем сознании Олега за секунду до того, как окунуться в вечность.

Были нажаты все кнопки.

Начиненный смертью челнок, неуклюже набирая высоту, выпорхнул из на мгновенье исчезнувшего, для того чтобы его пропустить, Купола и полетел к Земле, постепенно превращаясь в крохотный мерцающий огонек.

Приговор вынесен и приведен в исполнение.

* * *

В произведении были использованы тексты песен групп «Limp Bizkit», «Сплин», «Total», «Dolphin», «Linkin Park», «Пилот», «Би-2», «Кирпичи».

Авторская благодарность:

Paradise Lost, P.O.D., Korn, Papa Roach, Depeche Mode, Океан Ельзи, а также всем группам, тексты песен которых были использованы в произведении, — *за звуковую поддержку,*

Виктору Косенкову — *за то, что всегда отвечает на не всегда умные вопросы;*

Виктору Бурцеву — *за «Зеркало Иблиса» и алмазную трилогию;*

Борису Долинго — *за трезвость мышления и чувство юмора.*

Special thanks to:

Рыжесть, Твоя Совесть, Розовый Слон, Ухо Сволочи, Ним, (с) Кошка, Цитадель, Невест@.

Набережные Челны, Россия

Владимир Фильчаков
Паук

Корзунов выпил, понюхал хлебную корочку, посмотрел мутно.

— Так и живешь, значит, — сказал, обводя взглядом столовую. — Ничего, ничего. За третий сорт сойдет. Ты не обижайся, — остановил он Прошина, собравшегося было возмутиться. — Не обижайся, сам ведь знаешь, как сейчас люди живут. Вон, Кузьмина возьми. Писатель, между нами, так себе. Конъюнктурщик. Коммерческую лабуду гонит. А особнячок его видел? Ну то-то. У тебя, конечно, что же, чисто, ухожено, выше среднего, но… не то. Квартира. У меня, кстати, так же. И столовая почти такая, с кухней совмещенная, и гарнитурчик похож, только другого цвета. Ну, ты видел, знаешь. Да ты наливай, не стесняйся. — Корзунов помолчал, выпил, вытер губы рукой, подхватил с тарелки соленый огурчик. — Ммм, вкусный, сволочь. Где покупал? Ах да, ты же сам солишь. Хоть бы рецепт списал. Да знаю, знаю, что раз двадцать списывал. Ну не получается у меня огурцы солить. Мягкие выходят и осклизлые. А у тебя, стало быть, талант есть. — Он загрустил, тяжело вздохнул. — Так о чем это я? Ах да, о Кузьмине. Между нами, опять же, я тоже писатель не ахти какой. Да чего греха таить. Ну и ты не Достоевский. Да не дергайся ты! Я ведь к чему клоню? Таланту у нас, брат, не хватает. Мы даже коммерческую лабуду гнать не можем. Тут ведь как? Тоже талант нужен. А? А ты думал? Это ведь рынок, брат, там нужно держать нос по ветру. И чутье иметь. Так-то вот. Я ведь к чему клоню? — Корзунов навалился на стол, приблизил пухлые губы к лицу Прошина и прошептал: — Есть, говорят, человечек такой, у него можно таланту… — он замолчал, подмигнул.

— Что? — выдохнул заинтересованный Прошин.

— Купить! — Корзунов разрубил воздух ладонью.

— Ффу! — выдохнул Прошин, отстранился от лица собеседника. — Ну ты сказал тоже! Купить! Если б его можно было купить…

— А ты послушай, послушай, — сурово произнес Корзунов, приглаживая редкие сальные волосы, зачесанные назад. При этом он неотрывно смотрел на Прошина маленькими неподвижными глазками. — Не маши руками, не пугало, чай. У меня и адрес имеется. Сходи. Попытка не пытка.

— А сам-то что же?

— Я, — Корзунов опустил глаза и заметно смутился. — Не

могу я…

— Это почему же?

— Ну… — глазки Корзунова забегали, он спрятал руки под стол и нервно хрустнул пальцами. — Боюсь я! — выпалил неожиданно.

Прошин вздрогнул.

— А я, стало быть, не боюсь?

— Ну, ты же у нас всегда был смелый, — забормотал Корзунов, заглядывая Прошину в глаза. — Ты же всегда был рубаха-парень, которому все нипочем, что море, что ручей.

— Какой ручей?

— Да это я так, к слову! Решайся, старик, я тебе адрес дам. А потом уж и я, следом за тобой, помолясь.

— Ну давай, — неожиданно согласился Прошин, протянул руку.

Корзунов остолбенело уставился на руку. Потом начал хлопать себя по карманам, достал пухлое портмоне, из него посыпались какие-то листки, чеки, квитанции, он бросился поднимать.

— Сейчас, сейчас, — бормотал Корзунов исступленно. — Где же она? Ага, вот!

Он поднял смятую и надорванную бумажку, на которой карандашом был написан адрес. Прошин посмотрел, кивнул. Корзунов бережно спрятал бумажку обратно.

— Так пойдешь?

— Пойду, — легко согласился Прошин.

— Э, никуда ты не пойдешь! — пытливо вглядываясь в лицо собеседника, заявил Корзунов. — Сидишь и думаешь, как бы поскорее от меня отделаться. Я-то уйду, уйду. А вот ты-то останешься. А потом всю жизнь будешь вспоминать адрес, и не вспомнишь ни за что. Локти ведь изгрызешь себе! А второй раз я тебе бумажку не покажу…

— Королева девять, квартира семнадцать, — буркнул Прошин.

Корзунов потупился, хмыкнул.

— Гляди-ка, запомнил. Ладно, я пойду. — Он поднял грузное тело со стула, постоял немного, опираясь о стол, выпрямился.

— Погоди, — смущенно сказал Прошин, кивая на бутылку. — Допьем хоть…

— Старик, да разве ж я за этим к тебе приходил? Ты думаешь, у меня дома таких бутылок нету? Эх!

Корзунов с досадой махнул рукой и пошел в прихожую. Прошин заспешил следом.

— Март месяц, — прошептал Прошин, глядя в небо, с которого сыпались крупные снежинки.

Он зябко поежился, поправил кашне и продолжил путь. Быстро темнело, кто-то красил небо черной краской и прокалывал в нем отверстия для звезд. Прошин давно не бывал в этой части города и плохо ориентировался. Кажется, где-то здесь. Ага, вот! Улица Королева. Интересно, какого Королева? Того самого, который космические корабли строил, или какого-нибудь «героя» гражданской войны, прославившегося в боях с собственным народом?

Нечетные номера оказались на другой стороне улицы. Осторожно ступая, чтобы не поскользнуться, Прошин перешел дорогу, огляделся. Старые, еще дореволюционные дома. Узкие окна, лепные карнизы, атланты с вздутыми мускулами. Пустые подворотни, решетки на окнах первого этажа. Прошин завернул в подворотню дома номер девять, прошел по двору, где под снегом стояло несколько автомобилей, высились мусорные баки и детский грибок.

— Не подскажете, где квартира номер семнадцать? — обратился он к подростку в яркой спортивной куртке.

— Там, — парень махнул рукой в сторону подъезда, закрытого тяжелой металлической дверью. Он заинтересованно посмотрел на Прошина и неожиданно спросил: — И вы туда же?

— В смысле? — Прошин остановился, и у него противно заныло в желудке.

— Да нет, — смутился парень. — Это я так, про себя.

Прошин постоял немного, посмотрел ему вслед. И какого черта он, Прошин, сюда все-таки приперся? Купить таланту? Взвесьте, пожалуйста, сто пятьдесят граммов. В бумажный кулек, как в старину. Ха! Ведь смеялся же в душе над Корзуновым! Ах да, его пригнало сюда любопытство. Эдакий писательский интерес — а каким это образом здесь простаков облапошивают? Вдруг пригодится когда?

А может, не ходить? Враки ведь и надувательство одно. А почему не ходить? Вдруг встретится некий типаж, которого потом можно будет описать в новом романе? Этакий маг-кудесник в черном плаще со звездами, творящий пассы над ретортами, в которых кипят ядовитые жидкости. Вздор! Что за штамп! Сидит там одутловатая старуха в пуховой шали, раскидывает засаленные карты и врет про судьбу, глядя честными глазами. Наврет и про талант, недорого возьмет.

Писатель вздохнул, еще раз глянул в черное небо, сеющее снег, и побрел к подъезду. Железная дверь оказалась запертой на кодовый замок.

Прошин усмехнулся — цифры один, семь и девять были почти стерты пальцами. Он нажал кнопки, и дверь распахнулась. Подъезд приятно поразил писателя. Во-первых, везде горели лампочки. Прошин вспомнил, какие скандалы устраиваются у него в подъезде по поводу замены перегоревших лампочек, потому что домоуправление менять их ни в какую не хочет, хоть расстреляй всех. Во-вторых, в подъезде изумительно чисто. В-третьих, стены окрашены не траурной зеленой краской, а веселой голубой эмалью. Ну и в-четвертых, на двери квартиры номер семнадцать во втором этаже висела табличка из нержавеющей стали, которая сообщала черными буквами, что в ней проживает некто Ройстерман А. М.

Прошин нерешительно потоптался перед этой дверью. Ох, польстил ему Корзунов, когда говорил, что он, Прошин, рубаха-парень и смельчак, ох, польстил! Искуситель хренов! Вот его бы самого сюда, под дверь с табличкой, пусть бы хоть кнопку звонка надавил, а то у Прошина руки не поднимаются. Нет, он смельчак, смельчак! Вон, Корзунов признался же, что боится. А Прошин пришел. Стоит под дверью, мнется. И за одно это его уже можно назвать героем. Или дураком. Как кому больше нравится.

Прошин насмелился наконец, нажал кнопку. В глубине квартиры мелодично прозвенел колокольчик. Писатель спрятал руки за спину, потом испугался, что это может выглядеть слишком вызывающе, заложил руки в карманы пальто, снова испугался, скрестил на груди, потом опустил. И тут щелкнул замок, и дверь открылась. В щели показался равнодушный старушечий глаз, горбатый нос, верхняя губа, покрытая жесткой щетиной, и подбородок лопатой.

— Я… Эээ… к Ройстерману… А Эм, — сказал Прошин, глядя на старуху сверху вниз и ужасаясь ее малому росту — в ней было не более метра тридцати пяти.

— Вам назначено? — надменно осведомилась карлица.

— Эээ, да, — соврал Прошин и тотчас же струсил, с тоской подумав, что его тут же выведут на чистую воду.

Старуха сделала приглашающий жест рукой, причем писатель заметил, что рука невероятно худа и напоминает мощи. Прошин вошел, и за ним с тюремным лязгом захлопнулась дверь. Он оглянулся. Старуха исчезла из передней, оставив его одного. Он снял пальто, повесил на антикварного вида деревянную стойку с вешалкой, пригладил волосы, рассматривая себя в огромном черном зеркале в тяжелой раме. В зеркале отражался робкий человек лет тридцати пяти, высокого роста, худой, с усами и пробивающейся бородкой.

— Ну-с, молодой человек, проходите, — неизвестно откуда

раздался мужской голос, и писатель вздрогнул.

Он потоптался нерешительно и двинулся в раскрытую дверь. Комната, в которой он очутился, пройдя по коридору, скорее всего, служила кабинетом. Тяжелые книжные шкафы совершенно скрывали стены, за стеклянными дверцами угадывались книги в кожаных переплетах с золотым тиснением; посередине кабинета стоял внушительных размеров письменный стол, освещаемый массивной настольной лампой с зеленым абажуром. Рядом возвышалось кожаное кресло с высокой спинкой. За столом сидел хозяин кабинета, необычайно похожий на давешнюю старуху, и насмешливо разглядывал посетителя. Несколько минут стояла тишина.

— Зачем же вы, сударь, обманули мою сестру? — спросил хозяин, щуря глаза под мохнатыми бровями. — Вам ведь вовсе не назначено?

— Я… Эээ… извините, — Прошин совсем смутился, не зная куда деться от стыда, и попятился было назад.

— Сядьте-ка, — повелительно сказал хозяин, и Прошин послушно упал в кресло, сложив ладони на коленях и не смея коснуться спинки. — Соблаговолите кратко изложить цель своего визита.

Писатель начал что-то мямлить, мычать, пытаясь иносказательно передать свою мысль, опасаясь высказать ее прямо. Впоследствии он никак не мог вспомнить, что именно говорил, потому что под взглядом Ройстермана совершенно потерялся. Очнулся он только тогда, когда хозяин рассмеялся трескучим смехом.

— Что? Как? Купить таланту? Ну, вы, сударь, рассмешили старика!

Отсмеявшись, Ройстерман сурово посмотрел на писателя и молвил зловещим голосом:

— Это вам Корзунов наговорил глупостей?

— А вы знаете Корзунова?

— Я и вас теперь знаю, — непонятно ответил старик. — Врун, болтун и хохотун. Кажется, так у Высоцкого? — и неожиданно сказал голосом Корзунова: — Не маши руками, не пугало, чай. У меня и адрес имеется. Сходи. Попытка не пытка.

«Елки-палки, — смятенно подумал про себя писатель и добавил крепкое словцо. — Он еще и голосам подражать может».

— Могу, — согласился старик, и Прошин совсем съежился. В голове у него сделалась каша, и эту кашу кто-то интенсивно размешивал, не давая сосредоточиться. — Так, стало быть, насколько я понял из вашего путаного объяснения, вы пришли купить у меня таланту?

Прошин униженно кивнул.

— Что делается, — вздохнул старик и встал, подойдя к писателю вплотную. Прошин увидел, что он в длинном, до пят, халате, и что их лица находятся на одном уровне. — Что делается! Не вы ли говорили Корзунову, что талант не купишь?

— Откуда вы знаете? — слабея, прошептал Прошин.

— И правильно говорили! Какого черта? Ах да! Я понимаю. Надежда на чудо. Человеку свойственно надеяться. Даже тогда, когда надеяться уже совершенно не на что. Вы полагаете, что я могу творить чудеса?

— Полагаю — да! — неожиданно для себя выпалил Прошин.

— Хм! — старик смерил его глазами, постоял, покачиваясь, потом резко вернулся на свое место за столом. — И вы готовы платить?

— Ну… в разумных пределах.

— Сто тысяч! — объявил старик и вперил в писателя тяжелый взгляд.

— Долларов? — ахнул Прошин.

— Молодой человек! — старик надменно задрал нос. — Я знаю не только Корзунова, но и вас. Я уже имел случай сказать вам об этом. Сто тысяч долларов вам не одолеть. Рублей.

— А… Простите… Гарантия? Гарантию вы даете?

— Молодой человек! — старик укоризненно покачал головой. — Вы не в магазине, и покупаете не холодильник какой-нибудь. Я гарантий не даю. Более того, вы можете надеяться только на чудо! Поэтому подумайте, прежде чем платить. Крепко подумайте!

— Спасибо! — Прошин вскочил. — Спасибо! У меня столько сейчас нет, но я соберу, я соберу! Непременно! Обязательно! — выкрикивая, он кланялся и двигался в сторону передней.

— Я провожу вас, — сказала невесть откуда взявшаяся старуха, и у писателя мелькнула шальная мысль о том, что это сам старик, который надел парик с длинными седыми волосами, забранными в жидкую косицу, и сменил халат.

Он выпал из квартиры совершенно оглушенный, в невменяемом состоянии, вылетел из подъезда, страшно поскользнулся на льду, чудом не упал, безумными глазами обвел двор и побежал к выходу.

— Откуда ты его знаешь? — в сотый раз вопрошал Прошин, нависая над Корзуновым, который молитвенно складывал ладони и кроил мину воплощенной невинности.

— Поверь, старик, не знаю я его, — бубнил он, глядя на Прошина со страхом. — Чем хочешь поклянусь. Мамой поклянусь,

женой, дочерьми…

— Не надо! — Прошин бегал по корзуновской столовой, всплескивая руками. — Не надо клясться! Но он сказал, что тебя знает!

— Послушай, старик, ну мало ли кого он там знает! — Корзунов быстро схватил бутылку водки, плеснул себе в рюмку и залпом выпил, Прошин даже ахнуть не успел. — Я про него от Кабанова услыхал. Тот по пьяни мне слезно признавался, что собирается к этому Ройстерману сходить. Вот ей-богу! — Корзунов накладывал на себя размашистое крестное знамение. — А по трезвяни смотрел на меня коровьими глазами и открещивался обеими руками!

— А! — Прошин безнадежно махнул рукой, сел на стул, ссутулился.

— Сколько он запросил? — раскрыв рот, хрипло выдавил из себя Корзунов.

— Сто тысяч рублей.

— Всего-то? — Корзунов хохотнул, покачал головой.

— Всего-то? — Прошин вскочил, снова забегал. — У меня и половины нет!

— Я тебе займу. Нет, не все, но двадцатку займу. Насобираешь с миру по нитке.

Прошин сел, уставился на приятеля.

— Ты рехнулся? С чего ты решил, что я буду платить? Это ж надувательство одно!

— Не рехнулся я! — Корзунов приблизил лицо, зашептал, оглядываясь на кухонную дверь. — Надувательство, как же! Кузьмин вон купил таланту себе. Знаешь ведь, как он живет…

— Вздор! — закричал Прошин, Корзунов зашикал на него, тот прикрыл рот рукой. — Вздор, говорю. У Кузьмина писательского таланту ни на грош. Графоман, да и только.

— Ты, Витя, дурак или кто? — спросил Корзунов, глядя с непритворным ужасом. — Я ж тебе объяснял, что писать так, как Кузьмин, тоже талант нужен. Или не объяснял? Тебя вот издают такими тиражами? Про тебя по телевизору трещат день и ночь? Ты премии получаешь? Сколько книжек ты издал? Три? Четыре? И что? Тебя хоть раз остановила на улице девчонка с горящими глазами, чтобы выпросить автограф?

— Было…

— Врешь! — убежденно сказал Корзунов. — На тусовках было, не спорю. Но там у всех автографы просят, даже сами фэны друг другу в книжечки пишут. На долгую добрую память. А? Ну согласись, согласись!

Послышался стук, и робкий голос жены Корзунова

поинтересовался, не нужно ли чего-нибудь мужчинам. Хозяин высунул голову за дверь, пробормотал:

— Душа моя, у нас очень важный разговор, нам не надо мешать.

— Ну так что? — грозно спросил он у Прошина, нависая над ним.

Прошин пожал плечами, поежился.

— Враки все это, — произнес неуверенно.

— Ну конечно! Ну конечно! — Корзунов хлопнул себя по толстым ляжкам, принялся ходить из угла в угол. — Враки, а что ж еще! А ты попробуй! Попробуй, а потом скажешь, враки или нет. — Он остановился у стола, постоял минуту, потом резким движением разлил водку по рюмкам, поднял свою, осушил. Прошин неуверенно последовал примеру.

— Да я уж и так думаю, — проговорил Прошин, поглядывая на приятеля, — может, и правда заплатить?

— Заплати! — Корзунов навалился на Прошина, зашипел в ухо: — Заплати! Я тебе двадцатку дам, если окажется надувательство — можешь не отдавать. А?

— Ну?! — поразился Прошин.

— Вот и ну! Я сказал, значит, можешь не отдавать. А если правдой окажется — отдашь как миленький. Послушай, талант — это такая штука, которая ни алгебре, ни физике неподвластна. Чем черт не шутит? А?

— Вот хрень! — после долгой паузы с тоской выговорил Прошин. — У меня только тридцать, да твоя двадцатка — полсотни еще не хватает…

— Это мы мигом! — Корзунов схватил трубку радиотелефона, принялся тыкать в кнопочки дрожащим толстым пальцем. — Сейчас обзвоним всех, насобираем!

Прошин уверенным шагом шел к Ройстерману, перепрыгивал лужи и старательно обходил участки грязи, перемешанной башмаками прохожих. Во внутреннем кармане пиджака лежала толстая банковская пачка. Входя в подъезд, он тщательно вытер ноги о жесткий коврик у порога, поднялся по лестнице.

Дверь открыл сам старик.

— Так, — сказал он, разглядывая писателя, который старался не смутиться и не отвести взгляда. — Насколько я помню — господин Прошин собственной персоной?

— Я деньги принес, — буркнул писатель и сглотнул неожиданно сгустившийся комок.

— Ну, заходите! — весело сказал Ройстерман.

Они прошли в кабинет. Старик взгромоздился на стул,

Прошин неуверенно присел в кресло. Помолчали. Прошин спохватился, достал пачку тысячных купюр, аккуратно положил на стол.

— Вот, — сказал он и кивнул в сторону денег. — Соблаговолите расписочку…

— Что? Расписку? — вскричал старик. — Ах, ну да, ну да.

Он достал лист бумаги, раскрыл старинный чернильный прибор, обмакнул перо с янтарной ручкой, очень четким почерком написал расписку, залихватски подписался, осушил чернила массивным пресс-папье и протянул лист Прошину. Тот прочитал, подтолкнул деньги пальцем. Старик взял пачку, небрежно бросил в ящик стола. Возникла неловкая пауза. Потом Прошин кашлянул, жалко улыбнулся:

— Эээ… А как же… товар?

— Товар? — старик вдруг захохотал. Потом резко оборвал смех. — Ах да… Извините, просто вы очень веселите меня. Я не могу смотреть на вас без смеха. Товар ваш такого рода, что его не взвесишь, не отмеришь и не нальешь. Но материальное воплощение вам будет, не беспокойтесь. Да вот и оно! — с этими словами он протянул Прошину еще один лист бумаги, мелко исписанный почти полностью. — Возьмите. Нет-нет, не читайте сейчас, все равно ничего не поймете! Потом, потом, когда придете домой. Да никому не показывайте! Ни жене, ни детям, ни Корзунову! Корзунову именно ни в коем случае! Иначе колдовство пропадет…

— Колдовство? — слабо выдохнул Прошин.

— Ну а вы как думали? Я ведь не Господь Бог. Я скорее… Но не будем о грустном. — Старик осклабился, показав большие желтые зубы. — Спрячьте лист и поспешите домой. И никому! Помните об этом!

Прошин не вышел, выплыл из кабинета. Каким-то непонятным образом он оказался на улице, огляделся и поплыл к подворотне. Он не чувствовал собственного веса. Он летел, летел!

Прибежал домой, проскочил мимо удивленной жены в кабинет, заперся на замок, постоял в раздумье — замок показался ему не совсем надежным. Выбежал в прихожую, схватил швабру, метнулся назад. Заложил шваброй ручки двери, замкнулся. С той стороны неуверенно поскреблись, и голос жены поинтересовался, что такое он делает.

— Не мешай мне! — прорычал Прошин, с разбегу бросился в кресло.

Достал листок, полученный от Ройстермана, вгляделся в него. Ему ничего не удалось понять. Какие-то буквы, кое-где мелькают слова, но когда к ним возвращаешься взглядом, их уже

нет. «Глупость», «талант», «деньги» — эти слова встречаются часто, но исчезают, исчезают, и нет никакой возможности их поймать.

— Витя, — послышался слабый голос жены. — Тебя к телефону. Корзунов.

— К черту Корзунова! — проревел в бешенстве Прошин. — Я ему потом перезвоню! И не мешай мне, я же просил!

Он с досадой отшвырнул листок, забегал по кабинету. Через некоторое время до него дошло, что он не переобулся и топает по ковру в грязных башмаках. Никогда ничего подобного он себе не позволял. Он снял ботинки, подвигал пальцами ног в старых черных носках. Идти за тапочками не хотелось. Снял плащ, пиджак, подумал немного и швырнул в угол, не узнавая себя. Упал в кресло, придвинул к себе клавиатуру компьютера и начал с остервенением стучать по клавишам.

— Витя, ну ты даешь! — глядя на Прошина круглыми глазами, сказал Корзунов. — Три дня сидишь взаперти, на звонки не отвечаешь. Жену бы хоть пожалел! Она места себе не находит. А ты что? Не жрал, похудел, глаза впалые, нос острый, морда сиреневая. Что ты хоть делал-то?

— Работал я, Леша.

— И что? Наработал что-нибудь?

— Наработал, — Прошин сладко потянулся, кивнул на стол, где лежали отпечатанные листы. — Возьми, почитай.

Корзунов схватил листы с такой быстротой, что Прошин отшатнулся, впился в текст глазами, начал читать.

— Ммм, — произнес он через минуту. — Ты с ума сошел, да?

— В каком смысле?

— Тебя за такой текст редакторы порвут на части!

— Не порвут… — неуверенно произнес Прошин.

Корзунов не ответил. Закончив чтение, он нервно смял листы, не замечая, что делает, посмотрел мимо Прошина.

— Ну? — не выдержал тот.

— А? Что?

— Как тебе… рассказик?

— Рассказик? Это вот ты называешь рассказиком? Нет, погоди, я не знаю, что сказать. Погоди… Извини, я бумагу помял… Послушай, я пойду, ладно?

— Ну иди, — Прошин растерянно заморгал.

Корзунов двинулся к выходу, у двери остановился, повернулся и неожиданно выпалил:

— За тобой должок! Двадцать штучек. — И вышел.

— Вот тебе! — прошептал Прошин, удивленно глядя вслед

приятелю. — И что это значит?

Он посидел немного, глядя в одну точку, потом встрепенулся, огляделся и заорал:

— Марина! Жрать хочу, подыхаю!

— Сейчас, сейчас! — отозвалась жена. — Все готово.

Прошин стоял и смотрел на дверь, ничего не понимая. Была табличка, ему ли этого не помнить! Была. Черными буквами: Ройстерман А. М. И где она теперь, спрашивается? Дверь та же, а от таблички и следа не осталось! Нет, точно — дверь та же. Вот эту царапину он тогда еще заметил.

Позвольте — табличка была прикручена шурупами. Ну-с, и где же следы от шурупов? И потом, она ведь не один день висела, должен был след остаться на краске!

Постояв немного, он нерешительно надавил на кнопку звонка. Дверь открыли через минуту. На пороге стояла молодая девица вульгарного вида в желтой футболке, из которой просились наружу огромные груди.

— Ну? — сказала она.

— Эээ… Ройстерман А Эм… — с тоской глядя на груди, вымолвил Прошин. — Здесь живет?

— Нет тут никакого Ройстермана! — заявила девица и хотела было захлопнуть дверь, но остановилась и продолжила: — И не было никогда!

— Как нет, — проговорил Прошин, когда дверь с грохотом закрылась. — А где же он?

Он протянул руку к звонку и тут же опустил. Нет так нет. Табличка пропала — может, и в самом деле нет?

А собственно, зачем он сюда пришел? Это Корзунов просил похлопотать за него. Вчера вечером позвонил и голосом провинциального трагика сообщил: «Эта сволочь требует сто тысяч баксов! Представляешь, Витька, — баксов. А где я столько наберу? Ты вот что, замолви за меня словечко, а? А я тебе должок прощу. А?»

Он еще что-то говорил, а Прошин слушал, думая с тоской, что придется идти, разговаривать с Ройстерманом, просить за Лешку. И вот он пришел, превозмогая себя, и нате вам! Таблички нет, Ройстермана нет, зато есть девчонка с огромным бюстом. Но Корзунову девчонка, конечно же, не нужна. И двадцать тысяч теперь придется все-таки отдавать. Эх!

Прошин вышел во двор, заметил скамеечку перед детской песочницей, сел. А ведь Корзунов так ничего и не сказал про тот рассказ, который Прошин давал ему читать. На все расспросы пыхтит, бешено вращает глазами и молчит. Что бы это значило?

Талантливый рассказ? Так почему бы не сказать? Жаба давит? Наверное. Значит, и правда — талантливо. Вот чертовщина!

Он достал мобильный телефон, нехотя набрал номер.

— Алло! Леша? А никакого Ройстермана тут нет. А вот так — нет. Что я, дурак, что ли, адрес перепутать? Нет его, и весь сказ. Зато есть девка с большими сиськами. Приезжай, сам убедись. Тебе понравится.

Трубка заговорила злым голосом что-то нехорошее и нецензурное. Прошин поморщился и отключился.

Он стал ждать, разглядывая тополя с набухшими почками, окна старого дома, напоминающие фасеточные глаза насекомого, рыжую пожарную лестницу, на которой по очереди качались как на турнике двое мальчишек, гуляющую с коляской старушку и проржавевший «запорожец» на деревянных колодках вместо колес.

Во двор, разбрызгивая лужи, влетела желтая «Волга» с шахматной доской наверху. Из нее выбрался грузный Корзунов, постоял перед Прошиным, посмотрел с неудовольствием и шагнул в сторону подъезда. Прошин двинулся было следом, но Корзунов остановил его жестом. Прошин пожал плечами, сел на скамью, сложил руки между колен. Такси стояло с включенным мотором, водитель курил папиросу, сплевывая в лужу через открытое окно. Корзунова не было минуты три. Наконец он вышел, не глядя на приятеля, сел рядом, помолчал.

— На месте он, — проговорил с неудовольствием. — Сволочь! Губы поджал, нос задрал, гундит что-то надменное. Засранец! А ты тоже хорош! Какого черта — нет его, нет его? Тут он, чтоб ему ни дна, ни покрышки!

— А сестрица его тоже там? — зачем-то спросил Прошин.

— А! — Корзунов махнул рукой.

Таксист посигналил нетерпеливо. Корзунов посмотрел исподлобья, однако поднялся, сделал знак Прошину следовать за ним. Ехали почти всю дорогу молча. Только когда подъезжали к дому Корзунова, тот неожиданно сказал:

— Сто тысяч! Как думаешь — стоит овчинка выделки?

— В смысле?

— В смысле, смогу ли я своим талантом окупить затраты? И как быстро?

— Это вопрос… — Прошин смутился.

— Вот то-то и оно. Рассчитаешься с таксистом. И не перечь! Это из-за тебя я вынужден был лететь сломя голову.

Прошин снова работал. Заперся в кабинете, никого не впускал, на все вопросы из-за двери бешено рычал что-то

невразумительное. Оказалось, что в сутках всего двадцать четыре часа. Мало, мало!

Периодически он падал прямо на клавиатуру, засыпая, и просыпался в бешенстве от того, что заснул и не может вспомнить те мысли, которые приходили до сна. Он с ужасом видел, что не может передать на бумагу то, что теснилось у него в голове, толкаясь и крича от нетерпения. По несколько раз переписывал целые куски, выбирал лучшие варианты. Он не понимал, представляет ли его творение хоть какую-то литературную ценность, или это бред взбесившегося графомана. Жене читать не давал, потому что не готово. Перечитывал сам, но никак не мог сосредоточиться на главном, потому что цеплялся к мелочам, правил и вычеркивал, вычеркивал и правил.

Наконец очередной рассказ был готов. Он получился большим, но на повесть никак не тянул, хотя бы потому, что в нем было всего три действующих лица. Мелькал там еще четвертый персонаж, но эпизодический, второстепенный и выписанный схематически, хотя Прошин и постарался придать ему черты живого человека.

Он ощутил жуткую, всеобъемлющую пустоту в груди. Нервно ломал пальцы, ходил из угла в угол, поглядывая на отпечатанные листы. Он не понимал, отчего ему сделалось так плохо. Рассказ написан. Можно дать его почитать кому-нибудь. Марине, например, или Корзунову. Нет, сперва Марине, он всегда давал читать в первую очередь жене. Отчего же так неуютно в душе? Оттого, что работа закончена?

— Марина! — крикнул он.

— Я здесь, — донесся слабый голос из-за двери.

— Можешь войти.

Он отпер дверь, пропустил жену, которая вошла, бросив на него испуганный взгляд.

— Прочитай.

— Витя, но как же…

— Читай! — страшным голосом сказал Прошин, и жена вздрогнула, протянула руку к листкам. — Читай! — повторил он, а сам выбежал на кухню, внезапно ощутив нечеловеческий голод.

Он ел и ел, и никак не мог остановиться. Глотал холодные котлеты в белом застывшем жире, вареный картофель; кусал сало, не отрезая, рвал зубами твердый сыр, прихлебывая холодный чай. Жевал, давился. Внезапно почувствовал боль в желудке, остановился с полным ртом. Сколько он не ел? Три дня? Неделю? Нужно быть осторожнее, как бы сдуру не загнуться.

Он медленно встал из-за стола, пошел в кабинет, на ходу дожевывая кусок. Марина сидела за столом, уронив голову на

руки, и плакала.

— Что ты? — потрясенно прошептал он и неожиданно для себя подумал, что у него очень красивая и стройная жена, которой он в последнее время уделяет так мало внимания. — Что ты?

— Я не знаю, — сквозь слезы отозвалась она. — Не знаю. Не спрашивай!

Она вдруг разрыдалась в голос и выбежала из кабинета, оставив потрясенного Прошина стоять с забытым куском во рту. Он не нашел в себе силы выйти следом, успокоить ее. Постоял немного, сел, поворошил листы с рассказом, попытался сфокусировать зрение на них, но буквы плыли, смазывались, смысл слов ускользал. Неожиданно это взбесило его, он смял листы в большой тугой ком, швырнул в угол и яростно и в то же время беспомощно заорал.

Потом он кое-как оделся и выбежал из дому. Бродил по улицам, смотрел невидящими глазами на темнеющее небо, огни витрин, проносящиеся по дороге автомобили. Он шел куда-то и не мог сказать — куда. Его толкали, дважды обругали, но он ничего не замечал. Его обходили, потому что он шел прямо, смотря куда-то сквозь прохожих. Но неожиданно возникло препятствие в виде какого-то большого человека, который не стал его обходить, а преградил дорогу. Прошин постоял немного, слегка пожал плечами и попытался обогнуть препятствие, но сделать это ему почему-то не удалось. Человек неожиданно обхватил его руками, сильными и жесткими, как пожарные шланги под давлением.

— Что такое? — Прошин предпринял слабую попытку вырваться и тут же прекратил сопротивление.

— Не что, а кто, — сказал человек, и Прошин понял, что это Корзунов. — Далеко ли собрался?

— Куда глаза глядят, — тихо ответил Прошин.

— Ага! — удовлетворенно произнес Корзунов и отпустил его. — И куда ж они у тебя глядят?

— Я не знаю! — плачущим голосом проговорил Прошин.

— Вот то-то и оно! — подхватил Корзунов. — Не знаешь, так зачем идешь? Мне Марина позвонила, просила тебя найти и вернуть.

— Марина? — Прошин пожал плечами, посмотрел равнодушно.

— Но-но! — строго сказал Корзунов. — Ты тут спектакли из дурдома не закатывай! Здесь тебе не театр, а ты не актер. Ну-ка, посмотри мне в глаза! Так. Смотри, смотри!

Прошин посмотрел. Что-то такое было в глазах приятеля, что-

то неуловимое и тревожное. Прошин вздрогнул, огляделся, поежился.

— Ну? — Корзунов смотрел испытующе. — Очухался? Вот и славно. Знаешь что? А пойдем-ка в кабак? Тебе напиться нужно.

— Ты думаешь?

— Уверен! — Корзунов достал трубку, набрал номер. — Марина? Да, я. Он со мной. В невменяемом состоянии. Буду приводить в чувство. Что? Нет, дома не получится. Мы с ним зарулим в одно местечко, здесь недалеко. Потом доставлю его живым и здоровым. Утром только будет больной. Ну, тогда уж и ты за него возьмешься. Нет-нет, только так. Да. Пока. — Он обернулся к Прошину, улыбнулся. — Добро получено. Пошли. И не вздумай упираться!

Он потащил Прошина в какой-то ресторанчик. Прошин не сопротивлялся, его охватила апатия. Они сели за столик, Корзунов по-барски щелкнул пальцами, и тут же к ним подлетел услужливый официант. Прошин не слышал, что заказывает приятель, он сидел, смотрел в одну точку и очнулся только тогда, когда Корзунов заставил его поднять рюмку с водкой. Они выпили, Прошин принялся вяло ковырять вилкой в тарелке.

— Ты закусывай, закусывай, — посоветовал Корзунов. — А то тащи тебя потом на руках.

— Слушай, Леша, — произнес Прошин похоронным голосом. — Я устал. На кой черт он мне сдался, этот талант? Что я такого написал? Он мне всю душу вывернул. Я теперь чувствую себя как аэростат без воздуха…

— Брось, старик! — бодро сказал Корзунов, наливая по второй. — Я тебе не говорил, а теперь скажу. Твой первый рассказ… ну, после того как… В общем — шедевр. Я чуть не удавился от зависти. Честное слово! И другой тоже. Я не читал, мне Марина сказала по телефону. Ты ведь давал ей? Ну вот, ну вот.

— Брось, Леша, — Прошин вяло махнул рукой. — Шедевр не шедевр. Никто этого не напечатает. Вся штука в том, что это мало кто понимает. Я имею в виду то, что рассказ талантлив. Редакторы-то уж точно не поймут. Только после смерти автора. А оно мне надо — после смерти?

— Как не поймут?! — взревел Корзунов. — Они что — дилетанты? Они квалифицированные! Они знают свое дело! Ну ладно, один не поймет, второй не поймет, пятый… Но десятый поймет! И вот только не надо мне говорить, что у нас читающая публика — дура. Не верю! Вся дура у нас — в нечитающей публике, в той, которая пялится в телевизор и дуреет от рекламы пива!

Он замолчал, налил по третьей.

— А забери у меня этот талант, — неожиданно сказал Прошин.

Корзунов поперхнулся водкой, выпучил глаза и посинел. Прошин испугался, принялся колотить его по массивной спине.

— Ты что, сволочь? — прохрипел Корзунов, кашляя и роняя слезы. — Смерти моей захотел, такое под руку говоришь? — Он отдышался, схватил бутылку минеральной воды и высосал ее до капли. — Ты, брат, говори, да не заговаривайся! Отвечай за свои слова. А то за такие шутки…

— Я не шучу.

Корзунов замолчал, с испугом уставился на приятеля.

— Я не шучу, Леша, — повторил Прошин, глядя пустыми глазами куда-то мимо Корзунова. — У меня такое состояние, с каким в петлю лезут. Помнишь Есенина, Маяковского? Сейчас говорят, что их Сталин убил, руками ГПУ. Брехня, Леша! Их талант убил. Он их иссушил и съел, как паук муху. И меня съест! Не сегодня, так завтра. Или послезавтра. А я не хочу! Лешка, забери у меня этот чертов талант!

— Погоди, старик, — испуганно моргая, сказал Корзунов. — Давай-ка еще выпьем. Ты просто устал. Так работать нельзя. Нужно отдыхать, расслабляться. А хочешь, к девкам пойдем? Ну что ты головой машешь? Пойдем! Отвлечешься от дурных мыслей…

Прошин пьяно мотнул головой, посмотрел на Корзунова в упор.

— Забери, а? Ведь ты ж хотел.

— Хотел. И сейчас хочу. Но почему твой? Пусть он мне моего даст. Уж меня-то не слопаешь, как муху, уж я-то его вот где… — он показал огромный кулачище.

— Забери, — из последних сил умолял Прошин.

Корзунов долго смотрел другу в глаза. Отвел взгляд, нервно помял руки.

— Поехали! — сказал строго, поднимаясь.

— Куда?

— Как куда? К Ройстерману этому. Ну, поехали!

— Его же нет…

— Откопаем! Под землю залезем, но найдем. Да на месте он, я ж проверял.

Он бросил на стол тысячную бумажку, схватил Прошина в охапку и потащил на улицу. В такси Прошина развезло, он привалился к теплому боку приятеля и заснул. Но путь был недалекий и скоро Корзунов растолкал его и поволок по какой-то лестнице, остановился перед знакомой дверью, на которой висела

та самая табличка. Прошин улыбнулся ей, как старой знакомой.

Дверь открыл сам старик, посмотрел на приятелей, правый уголок губ у него слегка дрогнул, он посторонился, пропуская их в квартиру. Они прошли, не раздеваясь, Прошин упал в кресло и вознамерился заснуть, но Корзунов его тут же встряхнул, возвращая к действительности. Старик подтолкнул Корзунову антикварный стул на гнутых ножках, тот сел, держа Прошина за шиворот.

— Зря вы пришли сейчас, молодые люди, — сказал хозяин. — Спьяну такие дела не делаются…

— А скажите-ка нам, — Прошин пьяно хохотнул, — кто вы такой?

Корзунов снова встряхнул его и он замолчал.

— Приходите завтра, — сказал старик. — Хотя нет, завтра вы будете больны. Лучше послезавтра.

— А вы думаете, приходить к вам на трезвую голову не страшно? — спросил Корзунов незнакомым, каким-то тонким и дребезжащим голосом. — Уж поверьте, мы все взвесили и за себя отвечаем.

— А деньги принесли? — старик ощерился, показав никотиновые зубы.

— У меня нет таких денег, — сказал Корзунов, набычившись. — И вы это прекрасно знаете. Речь идет об обмене. Забираете у него и даете мне. Какие деньги? На хрена *вам* деньги? Сделайте!

— А он, — старик кивнул на заснувшего Прошина, — согласен, стало быть?

— Да он сам же и предложил! — Корзунов выпустил ворот приятеля, тот осел глубоко в кресле, и на лице его появилось довольное выражение.

— Знаю. — Хозяин встал из-за стола, подошел к Прошину. Тот зачмокал, что-то пробормотал и хохотнул. — Ну что ж, быть посему! А сейчас — забирайте своего приятеля и проваливайте!

Корзунов с готовностью перекинул руку Прошина через плечо, подхватил его и понес к выходу. Прошин был гораздо ниже ростом, и ноги его болтались, как у повешенного.

Прошин с тоской сидел в кабинете и поглядывал на трубку радиотелефона. Только что он позвонил Корзунову, но его самого не услышал. Трубку взяла Лена, жена Корзунова. Она говорила тихо, прикрывая микрофон ладонью:

— Работает он, Витя. Что? Нет, не заперся. У него в кабинете и замка-то нет. Зачем бы ему запираться? Работает. Я уж Бога молю, чтоб не помешало что, не спугнуло. Мы все на цыпочках

ходим. За последние два года это первый случай, когда он *так* работает. Так что и не проси, не позову. У тебя срочное дело? Нет? Ну вот. Я передам, он перезвонит.

Хм, работает. Он еще пожалеет о том, что произошло.

Прошин подтянул к себе клавиатуру. Экран компьютера засветился. Оказывается, за время обладания талантом он написал пять больших рассказов. Они лежали в папке под названием «Ройстерман». Прошин поежился, переименовал папку в «Прошин» и затолкал ее подальше, чтоб не мозолила глаз. «Потом почитаю», — решил он.

На душе было пусто, но покойно. «И слава богу!» — подумал Прошин.

Корзунов позвонил вечером, в одиннадцать часов.

— Привет, старик! — начал он бодрым голосом. — А я тут так плодотворно поработал! Сейчас отдыхаю. Ммм, старик, это что-то! — продолжал он, понизив голос. — Это просто радость какая-то! Я как на крыльях!

— Я сначала тоже был как на крыльях…

— Вздор! — заявил Корзунов. — У меня не тот случай. Я, в отличие от тебя, не стану пахать как проклятый. Понемногу, понемногу. Я не такой дурак, как ты, чтобы сгореть в неделю. Мне это дело нравится, зачем же себя испепелять? Вот так-то, старичок, вот так-то.

Он еще что-то говорил, но Прошин не стал слушать. Он отключился, подошел к окну. Снаружи шел дождь. Мокрые зонтики уныло двигались в разные стороны, будто самостоятельно. Проезжали машины, брызгая водой. На душе было покойно, но пусто. Страшно пусто. Он потерял что-то важное, значительное, причем отдал это добровольно.

— Ну и пусть, — сказал он, с силой сжав кулаки. — Жили же раньше — и ничего. Проживем и теперь.

Улан-Удэ, Россия

Михаил Меро
Копирайтер

По моему мнению, в последний день лета, да еще когда плюс тридцать в тени, любое общение с начальством противопоказано. Но босс ясно дал понять, что хочет побеседовать со мною именно сегодня. И мне пришлось оторвать задницу от любимого кресла, пересечь по диагонали задыхающуюся Москву и к 15.00 прибыть в офис PR-агентства, где обычно я появляюсь лишь затем, чтобы забрать очередной гонорар.

Босс старше меня на пять лет, но вместо моего пивного пуза, выпирающего из-под застиранной тенниски, под его шелковой сорочкой просвечивает рельефный пресс, на запястье — часы за штуку баксов, а у подъезда его дожидается новенький «Пежо-406».

— Привет, Михаил, — Илья встал из-за стола и пожал мне руку. — Присаживайся.

Когда босс приглашает меня *побеседовать,* это может означать одно из двух: или назревает срочная и ответственная халтурка (баксов так на 200–300), или качество моих материалов в последнее время резко ухудшилось, и мне будут вправлять мозги. Но в этот раз у босса было для меня припасено нечто пооригинальнее.

— У нас вырисовывается очень интересный долгосрочный проект, и я хочу, чтобы ты в нем участвовал, — произнес он. — Пока не вдаваясь в подробности, скажу, что это уникальный пищевой продукт. Наша задача сейчас — собрать команду специально под этот проект и детально разработать стратегию PR-кампании на ближайшие полгода. Да, заказчик обещает очень неплохие деньги…

Когда он уточнил, о каких суммах идет речь, меня уже можно было заворачивать в подарочную упаковку. Я заранее был готов взяться за эту работу, даже если предстояло писать о пищевой ценности собачьих фекалий.

Так происходит всякий раз, когда я собираюсь послать к чертям эту непыльную, но надоевшую до тошноты работенку и уехать на полгода в Индию или Таиланд — у босса наклевывается новый проект, сулящий баснословные доходы. Нет, он никогда не обманывает. Доходы поначалу действительно кажутся баснословными, но скоро эта басенка надоедает и возвращается желание свалить из столицы далеко и надолго.

Да, так продолжается уже четвертый год, и я ни разу не нашел в себе сил отказаться от регулярных гонораров ради

иллюзорной свободы. О чем только я не писал за это время — о шампунях с биоактивными добавками и омолаживающих кремах, о силиконовых и коллагеновых имплантантах, о липосакции и маммопластике, о кровельных и отделочных материалах… Проходя мимо прилавков с газетами и журналами, я все реже вижу издания, в которых хотя бы раз не вышла моя статья — естественно, подписанная редактором.

— А кто заказчик? — спросил я.

— Компания Genetic Research. Но мы будем продвигать не компанию и не торговую марку, а целый класс продуктов питания, созданных современной биоинженерией. Назовем их клонированными белковыми продуктами, хотя слово «клонированный» здесь не совсем уместно. Спец из Genetic Research очень долго объяснял мне, в чем разница между клонированием и выращиванием тканей из стволовых клеток… Ну, это уже детали.

— И что это за белковый продукт? Мясо мамонта?

— Мясо мамонта — звучит сильно, но на вкус оно, поверь мне, просто ужасно. Другие варианты?

— Неужто динозавра?

— Эк тебя к Спилбергу занесло… Попроще, поближе к современности!

Дронт? Морская корова? Вариантов у меня больше не было, разве что…

Я уставился на босса с глупой недоверчивой улыбкой. Предположение было слишком диким, чтобы его можно было озвучить. Чересчур диким, если бы не реакция босса на мои мучения: Илья улыбался все шире и лучезарнее. Он словно авансом прощал мне любую произнесенную чушь.

— Но это не… — Я замялся. — Ты это серьезно?!

Босс был в восторге от моей реакции.

— Вот на чем базируется первый этап кампании! — Илья щелкнул пальцами. — Шок! Это первая естественная реакция любого человека — и мы направим ее в нужное нам русло. На этом этапе крайне важно расшатать самые устойчивые стереотипы. Нужно постоянно подчеркивать, что для производства клон-мяса не разделывают клонированных младенцев и уж тем более не крадут маленьких девственниц из стран третьего мира. Продукт производится из культуры клеток, выращиваемой в стерильных условиях, но это не аморфная масса, а полноценная волокнистая мышечная ткань. К тому же это идеально сбалансированный, неаллергенный продукт питания, содержащий полный набор незаменимых аминокислот и микроэлементов…

— Представляю себе объем работ… — сказал я.

— Вообще-то формирование позитивного общественного мнения идет уже полгода по всему миру. Ты наверняка замечал, что по ТВ стало больше сюжетов об обычаях папуасов или индейцев Амазонии, а недавно резко усилился ажиотаж вокруг темы клонирования человека. Улавливаешь, куда ветер дует? Мы с первыми публикациями как раз успеем вскочить на гребень волны. Наша задача — развернуть общественное мнение на 180 градусов и подготовить почву для открытой рекламной кампании. То, что сейчас однозначно табу, через пол года станет экстримом, вроде поедания сырых говяжьих мозгов или червей, а через год-другой будет просто очень дорогим удовольствием — как черные трюфеля или белужья икра. Потом себестоимость производства неизбежно упадет. И через пять-семь лет это будут есть все. Вырезку клон-мяса можно будет купить в любом супермаркете, как сейчас — лягушачьи лапки, акульи плавники или филе змеи, а реклама сосисок из клон-мяса будет крутиться по ТВ наравне с роликами о женских прокладках и жвачке. Но пока наша целевая группа — люди с большими деньгами.

Я поинтересовался, насколько это законно.

— А что тебя смущает? Насколько я знаю, Уголовный кодекс не предусматривает наказания за каннибализм. Более того, формально поедание клон-мяса не является каннибализмом, потому что культура клеток — это не человек. И с юридической точки зрения технология получения клон-мяса совершенно чиста: клетки получены от добровольных доноров, пребывающих в добром здравии…

— Но без скандала не обойдется, — заметил я.

— Скандал — это признак бездарной PR-кампании. Помнишь, мы писали о регенерирующих кремах с экстрактами из человеческой плаценты или абортивного материала? Там используется настоящая человеческая плоть! Но никто не возмущается, а продажи этих чудо-кремов растут.

Мы припомнили еще пару примеров из совместной успешной работы.

— Когда пройдет первый шок, заработает основная маркетинговая фишка: каждая порция клон-мяса имеет имя. Естественно, имя донора. А доноры подобраны самые знаменитые: Владимир Путин, Бритни Спирс или Фидель Кастро — в ассортименте сотни самых известных имен. Маркетологи из Genetic Research предлагают слоган «Piece of Energy — piece of Person». Что-то вроде «Кусок энергии — кусок личности». В русском варианте это должно звучать столь же ярко и неоднозначно: «Вкус будущего» или «Вкус известности»…

— Да, идея с именами отличная.

— Это термоядерная идея! Тут есть и религиозный, и мистический, и сексуальный компоненты. Помнишь, почему аборигены съели Кука? Они верили, что, поедая человека, получаешь его силу и таланты. И эта вера спит в каждом из нас… пока спит. Но скоро можно будет услышать: «Скушай, сынок, кусочек Билла Гейтса — станешь таким же умным».

— Хорошо, но где тут сексуальный компонент?

— А ты представь, что такое для подростка — положить в рот кусочек Анны Курниковой… Это же все равно, что обладать ею!

Мы обсудили содержание вводного цикла статей для молодежных журналов вроде «Ом» или «Молоток». На следующей неделе мне предстояло отобрать из внештатников двух-трех самых башковитых авторов и наметить для них фронт работ.

— Потом надо будет заняться специализированными изданиями, — произнес Илья. — Стиль, здоровье, ночная жизнь и, главное, — рестораны…

— По-моему, не стоит так распылять силы.

— Видишь ли, для заказчика эта часть проекта особенно важна. По всему свету полно подпольных клон-ресторанов с оккультным душком. В пику им будет открыта целая сеть легальных ресторанов, и «Клон-стейк» на Ордынке — первый их них.

Пока клон-мяса нет в меню, но если знать, что спрашивать… Кстати, наши сотрудники, занятые этим проектом, смогут там бесплатно ужинать каждый месяц. Лично я с женой собираюсь туда в эту субботу. А ты можешь сходить завтра, попробовать, так сказать, проект на вкус, — и он вручил мне проспектик ресторана и два квиточка-приглашения.

Мы еще полчаса обсуждали разные мелочи, но я больше не мог сосредоточиться — так веяло холодом от этих квиточков под ладонью. Отгоняя крамольные мысли вернуть приглашения и забыть сюда дорогу, я мило распрощался с боссом и лишь мельком заглянул в комнату отдыха, хотя загорелые после отпусков сотрудницы в коротеньких юбочках и обтягивающих маечках наперебой зазывали меня попить кофейку. При виде их голых рук, животиков и коленок мне вдруг показалось, будто я уже в том самом ресторане, где подают человечину. И сейчас мне предложат выбрать, из чьей ляжки приготовить отбивную.

Весь вечер я не находил себе места. Слоняясь по бульварам, периодически доставал из кармана мобильник, выбирал в меню номер моего ласкового Котенка, но не решался набрать его. Где-то в мозгах колебались крохотные весы — идти или не идти.

Конечно, можно написать о клон-мясе сотню статей, так ни разу его не попробовав. Ведь не мазался же я каждым кремом, о котором писал, и не вставлял себе силиконовые титьки… Но это дурацкий, никому не нужный компромисс с совестью. Как сказал босс, через пять-семь лет клон-мясо будут есть все. Поэтому нет смысла строить из себя праведника в борделе.

Большой палец дрогнул, и мобильник набрал номер Котенка. Когда я услышал ее веселое «алло!», в голове все окончательно встало на свои места.

— Салют, Котенок! У нас есть шикарная возможность сходить завтра на халяву в новый ресторан. Ну да, что-то вроде подарка от моей конторы. Живая музыка, лучшие французские вина и… экстремальное меню. Не скажу, все равно не поверишь. Нет, шипящие тараканы — это уже не экстремально…

Котенок так и не выпытала у меня этой страшной тайны. Но могу поспорить, завтра она ни секунды не будет колебаться, прежде чем отправить в рот кусочек какой-нибудь знаменитости. О да, она всегда подает мне пример изумительно простого отношения к жизни. Возвращаясь домой, я решил, что завтра закажу себе бифштекс из Стивена Кинга.

Москва, Россия

Владимир Данихнов
Свидание с детством

Часы показывали 01:23. Ноль-один-два-три. Будто слова из детской считалочки. Детство… Когда оно было? Ярик переступил с ноги на ногу, сладко зевнул, перевел взгляд с огромных электронных часов на ночное небо.

Небо осталось тем же самым, что и десять, сто, тысячу лет назад. Есть вещи, которые меняются медленно — есть вещи, которые меняются быстро.

Люди, например.

Ярик посмотрел на руку: опять ногти все изгрызены. Первое свидание, нервы, тщательный подбор костюма. И как результат: об этой мелкой детали совсем позабыл.

Хоть ландыши догадался захватить.

Ноль-один-два-три…

Корявые грязные ногти мгновенно вытянулись, скрывая рубчики, оставленные зубами; грязь превратилась в легкий незаметный налет; затянулась трещинка на мизинце. Через несколько секунд рукам Ярика мог позавидовать лучший стилист планеты.

Если бы он сумел их увидеть, конечно.

Ярик залюбовался ногтями. Подумал, может, стоит разрисовать их каким-нибудь узором, но быстро отказался от этой мысли. Вдруг Лика сочтет его пижоном?

Ни за что на свете!

Легкий цокот каблуков по мостовой.

Ярик замер в ожидании, в предвкушении встречи.

Серая тьма, разбавленная светом редких фонарей, выпустила из своих объятий прекрасную черноволосую незнакомку в облегающем красном платье. Сердце Ярика замерло, а потом забилось как бешеное.

Лика! Она так прекрасна…

Девушка вышла в круг света, и его сердце оборвалось. Ну что же это такое?

Эту девушку Ярик уже видел.

— Лика… — пробормотал он, даже не пытаясь скрыть разочарование в голосе.

Девушка подошла ближе, поправляя миниатюрную черную сумочку, свисающую с плеча. Остановилась шагах в десяти, задумчиво посмотрела на Ярика сквозь тонкие изящные очки.

— Ты забыл *это* мое имя? — спросила девушка низким

грудным голосом.

— Инна… — Ярик вздохнул. — Ну что опять произошло?

Девушка засмеялась тонко и весело, мигом меняя голос:

— Я пьяная, Ярик. Разве незаметно? Выпила вина, раздухарилась…

— Что случилось?

Она посмотрела на него, едва заметно улыбнулась, меняя лицо, превращая его в морщинистую маску столетней старухи.

— Мне надоели наши игры, Ярик… — прохрипела девушка. Подняла к лицу правую руку. Посмотрела на узловатые, вялые пальцы. Пошевелила ими.

— Больно… — проскрипела старуха.

— Инна, не надо… — прошептал он.

Приготовленный букетик ландышей рассыпался по ветру, умчался в ночь, обнимая темный воздух.

— Что не надо, Ярик? — спросила старуха.

Запах застарелого пота, пряный аромат приближающейся смерти.

— Я думал, эта ночь будет особенной, Инна, — сказал Ярик. — Ради моей милой девочки я отыскал старый журнал с фотографией… того человека, что сейчас стоит перед тобой. Разве он тебе не нравится, солнышко?

— А я ради тебя стала такой, какой действительно должна была быть, — хихикнула старуха и протянула ему руку.

Дряхлая умирающая плоть — Ярик отшатнулся, брезгливо сморщил нос.

— Почему все должно происходить именно так? — обиженно крикнул он.

— Потому что это правда, милый мой, — ласково произнесла старуха. — Потому что человечество погибло полвека назад. Вот почему.

— Но мы-то остались… и мы можем жить вечно…

— Зачем мне вечность? — взвизгнула старуха. — Зачем мне все это? Верни моему дряхлому мозгу детство, милый! Сотри мои воспоминания, убей мой жизненный опыт! Сколько лет мы меняем личины, притворяемся другими людьми, чтобы разнообразить наши отношения? Мне надоело, Ярик…

Она присела прямо на мостовую, обхватила седую голову руками.

— Я устала… — пробормотала Инна. — Чертовы нанороботы, что снуют во мне — они уничтожили весь мир, но они поддерживают жизнь в нас с тобой. Почему они не могут убить воспоминания? Я хочу все забыть… я просто хочу все забыть…

— Может, так и надо? — осторожно спросил Ярик,

присаживаясь рядом. — Мир очистился от скверны, остались только мы вдвоем… чтобы дать миру новую жизнь… как Адам и Ева…

— Я хочу ребенка… — пробормотала Инна, раскачиваясь из стороны в сторону. — Но у меня забрали и это… Почему эти малютки, которые могут изменить тело, не могут вылечить бесплодие? Я хочу ребенка, слышишь, Ярик?

Ее лицо разглаживалось — нанороботы возвращали телу Инны былую красоту. Зеленые глаза сверкнули как два изумруда.

Инна встала и толкнула Ярика в грудь.

— Ты слышишь?

Он поднялся, несмело улыбнулся. Ярик не знал, что сказать.

— Что, не можешь помочь мне? Да ты ничего не можешь… урод! Да, урод! Думаешь, я не знаю, каким бы ты был, если б не эти роботы? Маленький прыщавый урод, ублюдок чертов! Я видела фотографию, которую ты прячешь в своей квартире.

Нервы вздрогнули, как гитарная струна, боль прошила сердце Ярика тупой цыганской иглой.

Ну что ж…

Лицо его плавилось, изменялось, кости ныли, подчиняясь приказу хозяина. В мозгу бушевал ураган.

Менять тело — это все-таки больно.

Глаза — новый цвет.

Руки — короче пальцы.

Грудь — впалая.

Ноги — кривые, узловатые.

Прыщи… как глупо, даже их надо вернуть…

Перед Инной стоял худой нескладный парнишка в обвисшем черном костюме.

— Привет, Инна, — поздоровался с ней Ярик. — Да, я такой. Отец в свое время здорово потратился на нанороботов, которые сейчас живут во мне. Которые позволили мне стать… становиться тем, кем захочу. Я случайно остался в живых после того, как закончилась война. Встретил тебя — к этому времени я уже умел изменять внешность. Ведь именно из-за этого ты и влюбилась в меня, правда, Инна?

Он стоял перед ней не в силах поднять глаза.

А когда все-таки решился — увидел, что Инна плачет.

— Солнце мое… — прошептала последняя девушка на Земле.

Она плакала.

И еще менялась.

Ее тело плыло, корчилось в судорогах, стонало от боли: кожа стала болезненно-бледной, грудь маленькой, руки кривыми и непропорциональными. То же случилось и с ногами — одна

короче, другая длиннее.

Новое тело явно не было приспособлено для жизни — Инна вскрикнула и упала ему на руки.

Ярик обнял свою девушку, машинально погладил ее по волосам, которые стали вдруг сухими и ломкими.

— Я была такой, — прошептала Инна. — У меня был ДЦП — детский церебральный паралич. Когда появились эти нанороботы… мои родители собрали последние гроши… малютки-роботы вылечили мое тело… была война… я пряталась в бункере…

Она плакала у него на плече, шептала что-то бессвязное, хватала кривыми руками его узкие плечи.

Оба они были уродами.

Но Ярик вдруг впервые за столько лет почувствовал себя счастливым.

— Спасибо, Инна… — ласково прошептал он.

Она подняла к нему заплаканные глаза.

— За что?

Он улыбнулся:

— За правду… за твои слезы… за то, что ты обнимаешь меня…

Инна улыбнулась сквозь слезы и пробормотала:

— Не будь ребенком, Ярик…

Он посмотрел на старинные электронные часы и тихо сказал:

— Я хочу быть ребенком, Инна… ведь только это и заставляет нас забыть… все эти годы… все это время…

— Тогда тс-с-с!.. Не спугни наше детство… 1:23

2:34

3:45

— Раз-два-три-четыре-пять…

— Вышел зайчик погулять… сколько мы еще так будем стоять, Ярик?

— Сколько угодно, Инн… у нас полно времени…

Ростов-на-Дону, Россия

ПРОБЛЕМЫ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

Алекс Тивирский
Заповедник

Привычная толчея городского транспорта. Сотни примелькавшихся лиц. Годы мы ездим так — на работу, с работы. Знаем траекторию друг друга. Этот выйдет здесь, на следующей войдет курносая студентка. А следом — старушенция в развалившихся кедах (кто-то из внуков отдал?). Она таскает эту обувку уже года полтора. И вечные колготы плюс неопрятный платок. И слезящиеся глаза. Рядом примостится мужик — в деловом костюме, но воняет, как грузчик. Ему выходить через две — сразу подойдет к киоску, купит газету, уткнется в спортивную колонку. Дальше я не увижу — в серебряный вагон хлынет толпа. И «томно» задышит в затылок смазливая блондинка (дешевые духи, ядовито-сиреневая помада, затертая сумка). А сопливый мальчишка будет снова лепить кусочек розовой жвачки на сиденье. И кто-то обязательно сядет на этот размазанный кругляшек. Ругнется, попытается отодрать прилипшую намертво сладкую резину…

Иногда в вагоне появляется Кто-то Из Них. Неизменно в очках. Глазеет на нас, хлопая себя по груди — не то восторг, не то недоумение. Поди Их разбери.

Лет пять назад появились у нас. Братья по разуму, чтоб им… Приняли нас в какой-то «галактический союз» — а толку? Мы все равно так и останемся на своей планете. Нас не выпускают. Каждый день сотни, да что там — тысячи звездолетов приземляются и взлетают. Из разных миров. А нам туда хода нет. «Нельзя, — говорят. — У вас тут заповедник. А у нас там дикая жизнь».

Как же, «заповедник». Нашли себе цивилизацию, не тронутую высокими технологиями жизни, и теперь глазеют на нас. Как на дикарей. А очки зачем? Да кто знает? Много слухов ходит. Одни говорят — солнце у нас слишком яркое. Другие думают — это Они так защищаются от местных микробов. Сделали, мол, себе защитные поля и вмонтировали в стекла, чтобы наше сознание не корежить тем фактом, что заразные мы все поголовно. А в очках вроде бы прилично.

Нам не дают это чудо техники. Много чего дали — сотни полезных технологий. Даже летучие вагоны, на которых я теперь домой за считанные минуты добираюсь. Лекарства — любые. Стоит нам только заикнуться — сразу тонны медикаментов. Приборов. Их долбаные специалисты обучают наших, как этим

добром пользоваться.

Даже оружие — и то привозят! У Них кое-где настоящие звездные войны бушуют — таких пушек навезли, изверги галактические, уму непостижимо. А очки — ни в какую.

И всегда, что бы где ни заваривалось, поганцы эти инопланетные — тут как тут. Наблюдают.

Смотрят, как мы убиваем друг друга. А потом лечим или восстанавливаем. Их же методами.

Сволочи! Ненавижу их.

Не-на-ви-жу!!!

И Они это знают, чувствуют. Морды свои очкастые от меня воротят.

Еду на работу — обозреваю заспанные рожи. Еду домой — морды те же, но уже усталые. Нормальная фаза проходит где-то когда-то. Только мне ее не видно.

А дома? У подъезда днем и ночью сидит дедулька в залатанном жилете. Сосед с третьего. Целый день в обнимку с радио. Только меня увидит — сразу новости футбола, политики и криминала. Осчастливит двадцатиминутной лекцией и заткнется.

Дверь грохочет, немытое окно цедит мутный свет, грязные ступени — третья с трещиной, почтовые ящики. Все на месте. Ненавижу.

У лифта, как всегда поддатый да измятый, жилец из квартиры с васильковой дверью. Жена покрасила. Чтобы он отличал во что ломиться хоть по цвету. Я прихожу — этот уже нализался. Сидит, пьянь, ждет, когда кто-то лифт вызовет. Сам не помнит, на каком этаже живет. А ползти вверх и искать — лень. Или сил нет.

И так каждый день. Иногда разнообразие в виде соседской кошки, пригревшейся на нашем коврике. Зараза, орет шибко, если ее с лестницы спустить. Но если в окно выкинуть — меньше слышно. Хорошо, ученая стала: как видит меня — удирает.

Возвращаясь к себе, первым делом иду на кухню. Голоден я. Готовит моя неплохо. Но раковина часто полна грязной посуды… Тоже мне, хозяйка… Может, снова ее «поучить»? Помогло ведь в прошлый раз. Вон, еда в холодильнике теперь всегда есть.

И зачем я на ней женился? Впрочем, когда женился, знал зачем. Это после увольнения она изменилась. Выдра зачуханная. Сидит себе на чердаке весь день, солнца не видит. Совсем в вампира превратилась — только по вечерам спускается вниз. Забирался я как-то к ней на чердак, смотрел, что она делает. Идиотка, лучше бы хозяйством занялась, а то ерунду несусветную рисует. Не умеет, а малякает целыми днями. Какие-то фигурки искореженные, рахитичные лошади да больные, битые плесенью

пейзажики. Я осторожно намекнул: «не в свое дело полезла», а она разревелась. Двое суток со своего чердака не слазила. Потом я немного напомнил ей о дисциплине. Ну, пришлось, конечно, свозить эту чокнутую в больницу, пару ребер срастить. Но на мои же деньги. Сам заработал, сам и потратить могу.

Зато она теперь каждый вечер спускается. Исправно сидит возле меня часок-другой. Потом — постель. Если мне хочется, конечно. Дальше — не знаю. Может, она спит рядом до утра. А может, снова на свой чердак забирается. Мне без разницы. Мне утром на работу. Некогда о таких мелочах думать…

Поначалу хотел я развестись, а потом решил — ну ее. Снова искать бабу? Они же все одинаковые.

Вон, фифа-бухгалтерша — почти дистрофичка. Ножки тонкие, каблуки-иголки. Движется тебе навстречу — ну чисто конструкция из проволоки.

Только прическа как-то спасает положение. Заглянул однажды к худорбе этой на чай. Ну ничего, постанывает она профессионально. А все остальное — фигушки. Не накормит, пивка не выкатит. Даже поговорить с ней толком невозможно. Так что к бухгалтерше я наведываюсь, если уж совсем припрет.

А образина с первого этажа? Та, от которой муж сбежал и оставил с тремя детишками? Мимо ее двери проходишь — слюной ведь изойти можно — до того вкусно пахнет! И пироги, и борщи, и жаркое!.. Но эту расплывшуюся рыхлятину даже в темной подворотне зажать нельзя. Импотентом станешь.

Как-то забрел я к ней — сумку какую-то помог донести. Она меня булочками угостила. Вкусными. Ну, хотел я отблагодарить ее, как сам понимаю. Она же два года без мужика… Шарахнулась в сторону. Пришибленная клуша…

Оно и к лучшему — до сих пор не понимаю, что на меня нашло?

Нет уж, мне моей идиотки зачуханной хватит.

Захочется хорошо ночку провести — сниму кого-то. А моя выдра хоть и не фигуриста, зато воспитанию поддается. Стирает, полы моет иногда — и ладно. Пусть сидит на своем чердаке. Что она там делает — мне без разницы. Туда я года полтора не поднимался. Зачем?

Так и живем: она — сама по себе, я — сам по себе.

Скука. Дом-работа. Работа-дом. Рожи. Очкастые инопланетчики.

Каждый день.

Только одна радость осталась. Книги.

Я много читаю. Запоем. Не глядя на названия и имена авторов.

Но по большей части фантастику. Не ту, где про звездолеты — этого добра я насмотрелся. А ту, где про другие реальности — параллельные, перпендикулярные, еще фиг знает какие…

И так ведь хочется закрыть глаза и оказаться там, в мире, о котором читаешь!

Чтобы острый меч в руках.

Быстрый конь.

Бескрайняя степь, покрытая рубиново-алыми маками.

Или ромашками. Или… неважно — но чтобы до горизонта.

И дожди, сверкающие миллионами алмазных капель.

Медово-золотые горы.

Или…

Да что говорить?! Кому? Этому сброду? Вон их сколько — шатаются вокруг, в свои заботки мелкие погружены. Не думают, что где-то может быть столько прекрасного. Ну и пусть гниют, опутанные рутиной, пусть.

А я — не такой…

Серебристый вагон умчался, унес моих попутчиков. Дальше мне идти пешком. И думать, что этот день будет таким же, как и все те, прежние — прожитые и забытые.

Сворачиваю к дому…

…и едва не задыхаюсь.

Вот это удача!

Невероятная!

Единственная технология, которую так и не подарили людям, обиженно поблескивала в траве. Я огляделся — не наблюдает ли кто? Быстро поднял очки и сунул их в карман. Пусть торчит дужка — так и надо. Нормальный гражданин идет по улице и в кармане у него самый обычный предмет. Стилизованный под эту недосягаемую штучку, но ничего особенного.

Главное — не привлекать внимание. Идти спокойно.

А хотелось быстрее оказаться дома, надеть очки и… Что увидеть? *Что?* Перехожу на бег. От нетерпения. Это же надо! Я — обладатель тайны! Самой заветной, самой желанной тайны на Земле!

Не верится.

Стоп! Балбес! Ведь меня могут вести спецслужбы, войду в подъезд — возьмут, тепленького. И не то жалко, что возьмут, а то, что я в руках это чудо инопланетное держал, да не глянул ни разу.

Нет уж! Пошли вы все. Кто нашел, тот и пользуется, — и водружаю очки на нос.

Смотрю вокруг — так обидно! Ничего не изменилось, *ничего!*

Все, как было — и деревья, и дома… Дорога, машины стоят… мячик забытый лежит… А вдруг нужно быть *не*землянином, чтобы увидеть?

Вот и дом мой. И сосед-сморчок с третьего сидит — сейчас начнет про политику… Может, удастся пробежать мимо? Чтобы он не заметил? Кажется, задремал старикан. Или задумался…

Вокруг него кружат мухи, мотыльки, жуки… Синяя с оранжевым бородавчатая жаба пристроилась на приемнике — улыбается зубато… земноводное с зубами? Сдергиваю очки — нет ничего. Один старик сидит, задумался, под ноги глядит… А смотрю через стекла — они снова тут. Носятся, мельтешат… Зеленая навозная муха — жирная, с заплывшими глазами и толстыми пальцами на лапках… *Стоп!* Это же муха? Вроде бы… но почему-то напоминает крикливую бабенцию: раз в три-четыре месяца эта неопрятная мымра появляется в нашем подъезде и исчезает в квартире на третьем этаже. Иногда с ней приходит мужчина — рыхлый, точно разварившийся пельмень. Э… да вот же он — не то трутень с надорванным крылом, не то дистрофичный шмель, измазанный сажей. Ему тяжко летать, он постоянно шлепается в пыль, замирает, снова взлетает в попытке догнать супругу — и опять падает… И юркий мотылек с золотистыми крылышками тут же, порхает, попискивает восторженно: «Деда, а деда, расскажи еще про фею из добрых писем и чудовище в дымоходе!» И зеленая муха тотчас бросается ястребом, жужжит: «Не смейте ребенку глупостями голову забивать — дети должны расти прагматиками и реалистами».

Назойливым хором звенят кузнечики и грохочут цикады, словно две тысячи кастаньет. А жаба на приемнике то и дело хватает насекомых скользким языком, жует и выплевывает… И у каждой букашки — лицо человеческое. Маленькое, искореженное, но человеческое. И все звенят, дребезжат, кричат, плачут, просят, умоляют… а потом — срываются и уносятся… Жаба ковыляет вслед.

И старик остается один.

В ти-ши-не…

А вокруг — поле гладкое, белое… Мертвое.

И прорастает, вскормленное беззвучием, дерево. Из крови. Пульсирует ствол, перегоняя алую жидкость. Листья-капли набухают на ветках, срываются зловещим дождем. Но ни плеска, ни шороха, ни приглушенного звона…

Только всхлипывает приемник, словно устал кричать, изгоняя одиночество.

…Внезапно я понимаю, что старик смотрит на меня — испуганно-удивленно.

— Что с вами? Плохо?

— Нет, все в порядке.

Разворачиваюсь и ухожу. Нет, убегаю, спасаюсь от видения. А сердце забывает о ритме, сбивается, сволочь. Пора менять этот кусок мяса на хороший инопланетный «метроном». Пока не поздно…

Стою, прижавшись к стене, восстанавливаю дыхание. И думаю: надо бы выбросить эти очки.

По лестнице спускается клуша-разведенка. Шла бы дальше, видеть ее не могу. Но нет — останавливается, почту проверяет, роется в ящике, словно какой-то безмозглый идиот мог прислать ей любовное письмо или чек на миллион… Юбка с пятном на заднице — не смотрела, что ли, дура, в зеркало перед выходом?

Свет через мутное оконце проникает в подъезд, падает на ее рожу. Нет, нужно запретить бабам с такими лицами ходить по улицам. Глазки маленькие, блеклые, ресниц нет — выгорели? Или спалила, наклоняясь над своими кастрюлями? Кожа дряблая, серая. А прическа!!! Запущенный газон, а не прическа. Волосы торчат в разные стороны, словно банку клея на голову ей вылили да подвесили вниз башкой на целую ночь. И эти непонятные нитки, тянущиеся из головы, — цветные, толстые, тонкие — вьются, рассыпаются по плечам, спускаются на пол. Разрастаются, ложатся на ступеньки, сплетаются… узорами. Кружевами. Рисунками неземной красоты. Огонь, снежинки, кристаллы. И бисеринки по ним — светящиеся или матовые. Одни смеются, скачут по нитям солнечными зайчиками. Другие — лежат кляксами.

И нет ни подъезда, ни лестницы, ни почтового ящика: весь мир — узоры, переплетения, узелки, бусинки…

От меня тоже тянется ниточка. Серая, тонкая. Вплетается в кружево, петляет, рисует нехитрые завитки и… обрывается. Только узелок не дает моей нитке покинуть узор…

Кружевной мир покачивается, переливаясь, и расплывается. Громыхнула дверь, выпустив толстуху.

Осталась лестница, почтовый ящик, ступени — третья с трещиной, мутноватое окно.

И я…

Спотыкаясь, бреду к лифту. Пьянь тут как тут — приклеенный. Нет, не хочу смотреть на него, очки долой! Но никак не сорвать их с лица — словно приросли, проклятые! Глаза бы закрыть, да я не успеваю.

Погружаюсь…

Склянки, бутылки вокруг — шагу не ступить. Ни неба, ни земли не видно. Надломленные солнечные лучи бьются в

осколках, и умирает раздробленное светило…

Оглядываюсь — что в этом сосуде? Парты, крошечные парты, вырастают. Появляются стены, училка в затасканном костюме брезгливо морщится, глядя на стоящего у доски…

В другой бутыли что-то липкое и грязное копошится, бранится… мерзость.

В третьей, четвертой да еще в добром десятке — кривляющиеся рыла, корчащиеся в судорогах тела. Силуэты растворяются в булькающей жиже, расползаются дымом цвета гнили. Мимолетные. Неизменно отвратительные…

Вот еще одна стекляшка. Но не просто мутный сосуд, в котором что-то было, да исчезло. Там внутри мерцание, свет, разноцветные переливы. Приближаюсь, вглядываюсь… Девушка бежит по полю. Вплетенной в ее кудри лентой играет ветер, а вокруг маки и ромашки — до самого горизонта… почти как в моих мечтах. И кажется — вот сейчас юная незнакомка взмахнет крыльями, взлетит птицей, забыв на траве васильковую ленту, и потеряется в небе. Догнать бы ее и никогда не выпускать из рук. Но она — маленькая фигурка в стеклянной бутылке — недосягаема…

Ни для меня, ни для пьянчуги, лежащего в луже собственной мочи.

И знать бы еще, зачем его стерва-жена покрасила дверь в *такой* цвет? Васильковый…

Вызываю лифт, жду, когда нетрезвеющий сосед заползет внутрь. Он поглядывает на меня удивленно: хоть и пьян вдрызг, а сообразил, что я сегодня не сказал ему «поживее, вонючка»…

Не смотри на меня так. Я скажу. В другой раз.

Вот и моя квартира. А сердце колотится. Как у всех — слева. Отбивает гимн асимметрии… крикнуть бы ему «заткнись!», да не могу. Увы.

Ключ никак не войдет в замок, и я в ярости колочу ногой по двери — сговорились! Кошка, лакомившаяся у мусоропровода тухлой головой селедки, опасливо косится на меня и удирает вниз. Предусмотрительная дрянь. Ничего, попадется она мне еще… А дверь не поддается. И никак не слиться с долгожданным «я дома» — последний шаг, шажок крохотный остался, а его не пройти. Ломаю ключ в замке, колочу в дверь — никакой реакции. Снова лахудра моя заперлась на чердаке, сидит в наушниках и слушает свои тупые баллады на языке, которого не понимает. Дура! *Дура!!!* Открой! Муж пришел!!!

Не слышит…

Я б… да сейчас… да эту проклятущую деревяшку… ногой… чтоб ее… и…

Но дверь отворяется сама. Не заперта была.

Идиотка, снова забыла закрыть на замок.

Ну да черт с ней, сегодня прощаю.

Хлопаю створкой, матерюсь погромче — хозяин я или нет?! Сейчас прибежит моя «ненаглядная» и получит за то, что не открыла вовремя.

Странно. Не идет. Чем она там занимается? Опять малюет, ненормальная. Убью…

Сказал же ей вчера: когда я возвращаюсь домой, ты — чистая, накрашенная, в красивой одежде — должна сидеть и *ждать*. И тогда у тебя будет все.

Поднимаюсь на чердак — пусто. Нет ее. Но убрано, весь хлам разложен по полочкам и коробкам. Чисто.

Так-так… и обед есть, и посуда вымыта.

Хо-ро-шо! Значит, лахудра моя за ум взялась, поняла, наконец-то, что дурью страдала. Здорово! Значит, правильно в книженции написано: надо ставить перед женщиной цель и добиваться, чтобы выполнялось. Ну, моя-то знает: у меня «добиваться» и «добивать» — синонимы.

Да вот и она сама — дрыхнет на диванчике. Расфуфыренная, даже туфли новые натянула! Чудеса! Все-таки хороший я учитель, действуют мои слова на убогих. Ладно, спи, идиотка, спи… чучело мое недобитое. А я посмотрю пока — что там у тебя за рычажок такой западающий в башке. Буду знать — дергать будет удобнее…

Ну-ка, инопланетная технология, давай показывай, раз уж не избавиться мне от тебя никак.

Странно. Ничего не меняется. Почти. Только стало черно-белым. Может, звезданулись очки, пока я в дверь-то ломился? И выдра моя неизвестно куда делась. Нет ее! Но ведь только что тут лежала, на диване!

Эй! Отзовись!!

Заглядываю на кухню. И попадаю в ловушку. Металлические монстры тянутся ко мне, хватают, бьют головой о холодильник, топят в раковине, полной мутной воды… выдираюсь, бегу по коридору. Врываюсь в спальню. А тут все бесцветное. Окон нет. Потолка — тоже нет… над головой серое марево — то ли небо, то ли безнадежность. Только углы исчезающими линиями рвутся ввысь.

Четыре угольных штриха. Как четыре копья. И кажется, вверху венчают их чьи-то обрубленные головы… На месте кровати — пропасть. В такую если упасть… нет, лучше не падать. Ведь там, внизу, живет чудовище. Оно не сожрет тебя и не выпьет твою кровь. И даже не покусает. Просто будет рядом. Всегда. А ты

будешь умирать под его диктовку. Сам себе вырвешь сердце. Вставишь вместо глаз зеркальные осколки. Сломаешь крылья и гвоздями прибьешь пальцы к земле. Твои мечты вытекут из ран, смешаются с грязью. А чудище станет наблюдать. Без радости. Без наслаждения. Без любопытства. Но не позволит тебе отступить от плана — все должно быть, как оно желает…

Не дышу, отступаю от края пропасти…

Бегу на чердак — где-то же должна быть моя лахудра — пусть объяснит, что происходит! Несусь по лестнице, а ступеньки под ногами не скрипят — поют. И словно помогают мне быстрее подняться. И на душе становится легко…

Ну же! Ты должна быть тут!

Вбегаю и…

…лечу…

Нет, не падаю. Но несет меня куда-то — и не разобрать направления.

Мир взрывается красками. Цветами, звуками, огнями и смехом. Хочется радоваться, веселиться — отныне и бесконечно. И не сметь грустить! Здесь нет места темному. Здесь не приживется печаль.

Вы ждали меня, дивные создания? Это ликование — в честь меня?

Но кто вы?

Изумрудные птицы, на чьих крыльях сверкает золото.

Длинноухие четвероножки, плетущие из травы чудные домики.

Двуглавые гиганты-онги, изрыгающие пламя.

Юркие крохотные лелиоки с волшебными голосами.

Пышнохвостые теми ноги и кружевные семжальки.

Шигоры, зунзуни и гуоры. Бежионы. Амевии…

Сколько вас! И почему я знаю ваши имена?

Почему здесь и солнце, и дождь, и снег, и ночь, и лето — одновременно? И падают листья, червленые-золоченые. И рвутся на волю тонкие зеленые травинки…

А воздух прозрачный, и видно далеко. Но не понять — город вокруг или лес… И строения, сросшиеся с деревьями — перекрученные, выпускающие ветки и корни.

А вот и мое чучело. Сидит на полянке.

Странно, я думал, она будет этакой волшебной феей. Красавицей. У которой вьются волосы, длинные ресницы обрамляют глаза, шуршат складки на платье, трепещут на ветру прозрачные накидки… Но нет ничего. Она такая же зачуханная выдра: свитер заляпан краской, драные джинсы. Жидкий хвостик торчит на макушке. Все, как наяву… только она светится.

Улыбается. Смеется. Я давно не видел ее такой… полной жизни.

Она оборачивается и замечает меня — незваного гостя. Смотрит пристально… всего мгновение. Или целую вечность. Разглядывает, словно не узнает…

И растворяется. А мир вокруг трескается, осыпается искрящейся пылью. Вот улетают птицы, а деревья пожирает неизвестная точка схода… та, из которой растет перспектива… Я остаюсь наедине с осиротевшей геометрией. И мне больше нечего ждать.

Нечего…

Закрываю лицо руками, не в силах смотреть. И лишь тогда понимаю, что последние произнесенные слова еще звенят в воздухе.

— …ухожу от тебя…

Уходит…

Нет, ушла! Уже ушла.

Почему же я не радуюсь? Ведь несколько минут назад я не ощутил бы ни капли сожаления. А теперь кажется, что потеряно так много… Но ведь я просто посмотрел на нее… внимательно. Всего лишь!

Что ж это такое? Неужели очки эти нас наизнанку выворачивают? Выпускают закованное в душу — и хорошее, и плохое.

Люди, живущие рядом. Как же так? Вы все оказались не такими, как снаружи. Обман… вместо серого однородно-вязкого вас наполняли цвета, краски, чувства…

А что со мной? Если посмотреть на *меня* — кто живет там, внутри? Я знаю или не знаю? Это так легко проверить.

Нужно только подойти к зеркалу, взглянуть на свое отражение.

И…

— нЕльзяаАаааааа, — шелестит над ухом, и чья-то рука осторожно избавляет меня от недавней находки.

Существо в темном балахоне стоит рядом. Не понять, как оно здесь оказалось. И когда. Кто-то Из Них. Понятно зачем — это должно было случиться…

И что дальше?

— Ну, мне известна ваша «страшная тайна». Теперь вы меня убьете?

Пришелец смотрит на меня укоризненно. Словно я сказал невероятную глупость.

— тебЯа нЕ наАаадДо уБиивАать, — произнесло существо, слегка склонив голову. — По-ЗднОоооооо…

Оно бережно прячет в футляр очки. Потом на миг замирает —

и слегка преображается: становится выше, худее… чуть больше похожим на человека.

— Извиняюсь. Я не имею права оставлять это, — объясняет мне, как неразумному младенцу. — Вам нельзя даже знать об этой технологии.

— Почему?!

— Сначала вы разучитесь мечтать, быть разными. Как мы разучились… — мой гость произнес это печально. И мне показалось, что я разговариваю с женщиной. — После будете часами смотреть в зеркала и ждать появления удивительного и неповторимого. Того, что недоступно другим. А в итоге растеряете все… все до последней капельки… Мы не можем этого допустить. Вы для нас заповедник. Напоминание о том, какими раньше были все расы в галактике.

Существо продолжает говорить. Что-то правильно-нудное. Про то, что мы должны уметь видеть друг друга, не пользуясь невероятными технологиями. Про то, что все сокрыто в нас самих. И никакое стекло не подарит нам ничего нового. И не отнимет.

Но я уже не слушаю. Плетусь на кухню. Не знаю зачем. Наверное, чтобы не слышать эту инопланетную болтовню… Тупо пялюсь на холодильник. На вмятину в дверце… вспоминаю, как моя выдра осела на пол, держась за разбитую голову. А кровь, просачиваясь меж пальцев, капала на пол… За что я ее тогда?

И прежде, и после, не однажды — за что?? Но она никогда не плакала при мне.

Ни разу… А я ни разу не просил у нее прощения.

Вот они мы какие — заповедные. Глядите на нас. Восхищайтесь. Ужасайтесь.

Или не смотрите. Закрывайте глаза, чтобы не видеть…

Я знаю, почему Любой Из Них постарается от меня отвернуться… и почему моя зачуханная идиотка никогда не вернется.

Знаю.

У меня же были эти вожделенные инопланетные очки. И я смотрел на свое отражение. Пусть всего одну секунду. Или меньше.

Но я помню увиденное в зеркале…

Хадера, Израиль

Алекс Гарридо
Кукла

Сколько себя помнил, он мастерил кукол — из любого добра, что ни попадет под руку. Не постоянно, но рывками, запоями. Они не задерживались дома, расходясь по друзьям. Изредка он делал куклу в подарок специально — с такими легче было расставаться. Те же, что оставались в доме, какое-то время нежно любимые висели на стене, приколотые к обоям швейными булавками, потом оказывались заброшенными в небрежении в дальнем шкафу, нижнем ящике стола, застревали между папками и старыми журналами в секретере.

Ему советовали делать кукол на продажу — он соглашался, но так и не смог. Ему казалось, что они слишком наспех сделаны. Не так, как делают кукол на продажу, а как рисуют набросок, торопясь уловить ускользающую жизнь, которую легче передать малым количеством точных штрихов, чем подробным выписыванием деталей.

Но ему говорили, что его куклы прекрасны. Что они — не просто так.

Он и верил и не верил, зная, как небрежно приметаны с изнанки все детали, зная, что, если отвести шерстяные нити, изображающие волосы, от лица «манюни», станут видны узелки и стежки, да еще черными нитками, потому что белая катушка в момент вдохновения оказалась черт-те где, видимо в другой комнате или, может быть, на кухне — кто б ее искал?

Ни выкроек, ни прикидок заранее — никогда. Он ловил жизнь непосредственно из лоскутов, протягивая их между пальцами, укладывая так и эдак, резал криво, стегал широко, наскоро пряча неровные края и подтягивая стежками то, что торчало не на месте. Глаза он делал из круглых черных блесток. Этого добра у него было много: когда-то ими была обшита повязка на голову, ее еще мать мастера носила в молодости. В детстве ему досталось за распотрошенную просто так повязку. Под плотной чешуей зеркально-черных блесток оказалась капроновая сеточка. Это было давно. Потом блестки пригодились ему — он покупал другие, но с новыми, купленными в магазине, ничего не вышло. Манюни получались только с теми, старенькими, покрытыми по уже затускневшей поверхности тоненькими трещинками.

Мастер пришивал глаз черной ниткой, несколькими стежками-лучиками, и они вдруг оказывались распахнутыми

ресницами вокруг блестящего зрачка. Рот мастер делал по-разному. Иногда даже просто подрисовывал фломастером улыбку, а то пришивал одну под другой две красные бисеринки — получались прелестные губки бантиком. Брови мог нарисовать, мог и вышить. Волосы нарезал из шерстяной пряжи и прядь за прядью пришивал к затылку. Мог оставить свободно болтаться по сторонам манюниного лица, мог с помощью ниток закрепить в умопомрачительной прическе. Пряжу выискивал в секондах — разрозненные моточки самых неожиданных цветов, и стоят совсем дешево. По секондам же — в ящиках с откровенным тряпьем — собирал лоскуты. Для того чтобы наряжать своих манюнь, выманивал и выклянчивал вышедшую из моды бижутерию у всех подруг и подружек. Как-то так из ничего собиралась красавица-манюня. Отдавая в хорошие руки, он целовал ее и наказывал вести себя хорошо и принести удачу в новый дом.

Еще он делал арлекинов и пьеро, ангелов, принцев в кольчуге, связанной на спицах из тонкой медной проволоки.

И однажды он сделал Каспера.

Каспер был набит обрезками ажурных колготок тогдашней подруги мастера, и от этого натура его была нежной, ранимой и художественной. Это сразу было заметно по взгляду его широко расставленных глаз, которые мастер наметил двумя перекрещенными стежками черного шелка. Алым шелком он вышил Касперу застенчивую улыбку. Руки и ноги у Каспера были длинные и тонкие, очень гибкие — из Каспера, будь он человеком, вышел бы непревзойденный танцор или гимнаст. Мастер одел его в пестрое трико, как у арлекина, а красные туфли с длинными носками украсил большими желтыми бусинами, будто бубенцами.

Мастер раздумывал, не подарить ли Каспера подруге на Новый год или день рожденья, но как-то неохотно раздумывал. Это всегда так бывало: расстаться с только что законченной куклой было выше его сил. Вот если бы Каспер сразу был задуман, как подарок, тогда другое дело… А Каспер был задуман просто как Каспер, он скорее даже сам придумался, мастер просто выпустил его наружу при помощи лоскутов и ниток.

Тем более подруге Каспер не понравился: какой-то унылый, сказала она. Мастеру стало обидно за Каспера, но он ничего не ответил. С этой подругой спорить себе дороже было.

Так Каспер висел на стене, а подруга приходила почти каждый вечер, фыркала и советовала мастеру убрать подальше это убожество и не позориться. Мастер не спорил, но Каспера не убирал.

Может быть, лучше убрал бы. Может быть, ничего бы и не случилось.

А так Касперу было очень обидно. Мастер часто приписывал куклам свои чувства, и по его разумению Касперу было очень обидно, а мастеру было очень неловко перед ним. И постепенно, совсем по другим поводам, он стал часто спорить с подругой, все чаще и чаще, даже — и особенно — когда и повода-то никакого не было. А подруга стала появляться все реже и реже, наконец совсем редко, а потом они очень громко поругались. Они и раньше ругались, и тогда подруга не приходила пару дней, а потом мастер сам ее приводил. А теперь он не привел ее.

Вот так, брат Каспер, сказал он. Вот так-так.

А Каспер молчал: что тут скажешь? Он чувствовал себя очень неловко, ведь это из-за него мастер поссорился с подругой. Ему даже стыдно было радоваться, что она больше не придет и не станет высмеивать его длинные конечности, рот до ушей (а как раз ушей-то у него и не было) и нелепые крестики вместо глаз (и прекрасно все видно!).

У мастера начался очередной период одиночества, которые он переносил с трудом, на грани депрессии. Вот, брат, говорил он Касперу, совсем не умею жить один. Плохо мне.

И от нечего делать стал разговаривать с Каспером. Так, между делом, обсуждал с ним что приготовить поесть, если не из чего, — но вдвоем они непременно что-нибудь придумывали, ведь Каспер понимал, что мастеру есть необходимо.

Устраиваясь в кресле или на диване почитать хорошую книгу, мастер брал Каспера к себе: на колени или прислонял спиной к животу, чтобы ему было видно. Вместе они слушали музыку и смотрели телевизор.

Надо же, говорил мастер, с тобой все гораздо терпимее.

Но рано или поздно такие периоды заканчивались, потому что мастер на самом деле не мог жить один, и тот, кто присматривает за такими, как он, обязательно посылал ему человека, чтобы пережить еще часть жизни.

На этот раз их было двое. Мастер пришел домой с двумя очень милыми девушками. Одна была блондиночка с застенчивой улыбкой, как у Каспера, и близорукими глазами, стеснявшаяся очков и почему-то не носившая линзы. Вторая была, представьте себе, дальнозоркой, и носила очки в элегантной оправе, и вся была эдакая… Волосы она красила в темные тона с какими-то особенно шикарными отливами и пользовалась яркой помадой, и все это ей шло чрезвычайно. Каспер для себя назвал их милочкой и красавицей, и мастер тоже — как-то они уже совпадали в мыслях…

Милочка очень смущалась, но смотрела на мастера очарованным взглядом. И Каспер ей сразу понравился, такой славный, открытый весь и очень нежный. Беззащитный такой.

Мастеру тоже больше нравилась милочка, а красавица просто была ее подругой, поэтому некоторое время приходила в гости вместе с милочкой, а потом перестала приходить.

Ну что ты, глупыш, утешал мастер. Не придет она — зачем мы ей? Такая она вся, вся такая! Смотри, какая милочка у нас добрая, какая ласковая, заботливая, готовит как — не то что мы с тобой! По-настоящему. И котлетки умеет, и борщ, и блины. А чего не хватает — с собой приносит. И что ей туда-сюда с пакетами таскаться? Пусть уже у нас живет?

Пусть, соглашался Каспер, но шелковые крестики подмокали — совсем чуть-чуть, незаметно.

Что же делать, что же делать, терзался мастер, ведь я — вот, живой, сам себе человек, а он только через меня и может жить. И надо же! — я сам ее сюда привел.

Ничего, говорил Каспер. Ничего. Я же… я же не настоящий.

Маленький ты мой, да ты в сто раз настоящей ее, она же кукла самоходная, ну что ты…

Ничего.

Потом у милочки был день рожденья, и она отмечала его у мастера. И пригласила свою единственную, с раннего детства, подругу. Ту самую. Красавицу.

Каспер встретил ее огромной улыбкой и букетом фиалок, которые мастер устроил ему в сложенные руки. И красавица подошла и взяла у него из рук фиалки и поцеловала в середину лица, потому что носа у Каспера не было.

Ничего так посидели: попили красного вина и чая, поели пирога и печенья, испеченных милочкой. Мастер рассказывал очень смешные анекдоты. Все смеялись. Красавица подарила милочке тушь для ресниц. Милочка смущалась, как всегда, а потом побежала с зеркальцем на кухню — пробовать.

Они остались втроем. Пойду помогу ей, сказала красавица.

Подождите.

Да?

Хотите, я…

Иди сюда, у меня не получается! — позвала из кухни милочка.

Извините, сказала красавица.

Ну вот…

Потом они пришли обе — красивые-красивые. У милочки глаза стали в пять раз больше, и губы она накрасила красавицыной помадой. Да ты у меня красавица, сказал мастер.

Но для Каспера было не так.

Давайте танцевать, сказала красавица, даром я, что ли, кассеты принесла? Давайте мамба намба!

И они стали танцевать, а Каспер смотрел на них из кресла. Ему тоже хотелось танцевать, чтобы красавица увидела, какие у него необыкновенно гибкие руки и ноги и как чутко он ловит ритм. А еще бы медленный…

И мастер посмотрел на него и пригласил красавицу на медленный танец и поставил любимую касперову «Стрейнджерз ин зэ найт». Еще, просил его Каспер, еще! И мастер танцевал и танцевал с красавицей, не выпускал ее из рук, и еще долго не отпускал из гостей, так что автобусы уже не ходили, и пришлось ловить мотор. Когда он пошел ее провожать, он оглянулся на Каспера и сказал: хотите, подарю его вам.

Ну что вы! Он очень милый, но куда же я его?

На стену. Или на подушку. Он очень мягкий.

Я уже не маленькая, важно ответила красавица. А на стене у меня он смотреться не будет. И не в стиле совсем. Спасибо, не надо.

Видишь, я сделал все, что мог.

Спасибо.

Когда мастер вернулся, милочка плакала, заливалась слезами. Мастер попытался ей все объяснить. Она не поверила. Ты совсем свихнулся со своими лоскутнями. Устроился бы лучше на работу. Так я и поверила. Конечно. На нее все мужики западают. А ты со мной только потому, что она на тебя и внимания не обращает.

Да нет же! Ты самая милая!

Вот-вот. Милая. Всего-то.

Да я же люблю тебя.

Что ж ты раньше не говорил? Только сейчас. Все, нечего мне мозги пудрить. Не маленькая.

Ну все, хватит, взорвался мастер. Это он на Каспера закричал. Хватит. У тебя внутри — старые рваные колготки, я сам тебя сшил, и не очень хорошо к тому же. Все наружу. Иди-ка сюда. И мастер булавками приколол его на место, на стену.

А милочка… ну, она ведь тоже любила мастера, и дала себя утешить, и Каспер со стены смотрел на то, как сползало, сползало и наконец сползло на пол одеяло, смотрел и смотрел, потому что, приколотый булавками к стене, не мог ни отвернуться, ни закрыть глаза.

Но боль боли рознь, и боль от булавок, когда их, вонзенные в затылок, и руки, и ноги, приходится выдирать из обоев, все же легче перенести, чем ту, которая терзала колготочное нутро. Под

утро милочка спросила, что это, как бубенчики звенят? Ой, это здесь, что это, мама! Мастер приподнялся — только тень метнулась в темном коридоре, лязгнул замок.

Вот паршивец! Мастер прыгал на одной ноге, не попадая в джинсы, и бормотал: свихнулся, да? я же говорил!

Лифт еще не работал, и мастеру пришлось бегом по лестнице с девятого этажа — спросонок чуть ноги не переломал. Каспера он нашел перед подъездом, в луже. Он лежал вниз лицом и вокруг его головы покачивались синеватые бензиновые круги — колеблющимся нимбом. Видимо, он выбросился с балкона: на некоторых этажах двери на общий балкон давно и окончательно были сломаны.

Тоже мне, Анна Каренина, почему-то сказал мастер и вынул Каспера из лужи. Он был мокрый насквозь, грязная вода текла с него ручьями. Живой? Каспер кивнул и всхлипнул. То-то же. Ну и что мне теперь с тобой делать? Может быть, я еще уговорил бы ее взять тебя — лежал бы где-нибудь на шкафу в чемодане. Хотя, конечно, какие у нее чемоданы на шкафу… А теперь? Мастер ощупал голову Каспера — вода потоками излилась из покривившихся крестиков-глаз. Маленький мой… И — что было делать? — мастер прижал его к голой груди, потому что, когда человек страдает, нужно прежде утешить, а потом мыть и сушить. Хотя… Мастер подумал, что мытье и сушение сами по себе — процедуры приятные и утешительные, и потому решительно направился домой — вверх по лестницам девяти этажей.

Ты же человек, говорил ему мастер, выставив из ванной всхлипывающую милочку. А раз человек — обязан терпеть, даже когда терпеть невмоготу. Нечего унижаться. Глаза не щиплет? Терпи. Да кто она такая, чтобы ты из-за нее — в грязную лужу?

Я хотел умереть.

Не выйдет.

За что? Разве ты не можешь меня распороть?

Что? Урод несчастный. Ни за что на свете. Подожди. Я тебе скажу страшную вещь. Это только еще первая любовь — мы все через это проходим. Тебе еще любить и любить… Как кого? Откуда я знаю? Я мог бы сделать для тебя манюню, но, во-первых, тебя это не устроит, правда? Во-вторых, не знаю, выйдет ли еще такое чудо. И в-главных, нельзя же создавать человека, не оставляя ему выбора. Да и ты ведь не кукла и не куклу хочешь любить.

Так, а теперь придется повисеть вот здесь, пока вода стечет, а потом положим тебя на батарею…

Что значит — зачем ты меня сделал? Что значит — ненавижу? Я тоже так умею говорить, когда совсем плохо…

Эй, что это в тебе ворошится? Так… так-так… милый, да никак у тебя завелось сердечко… Живи.

(— Каси, знаешь, я должна тебе сказать… Может быть, ты даже разговаривать, даже видеть меня после не захочешь, но я не могу… Я хочу, чтобы все было честно. Между нами такое… Я не думала, что любовь — это так. Вот так. Понимаешь?

— Не говори ничего, не надо. Если ты так боишься, не говори. Зачем? Что угодно, все-все, что угодно, скажи — и ничего не изменится. Это не я тебя люблю, это не ты меня любишь, это сама любовь в нас.

— В тебе — да. А во мне что… Я тебе скажу.

— Ты дрожишь вся.

— Я скажу! Я должна тебе признаться. У меня сердца нет. У меня внутри…

— Рваные колготки?

— Нет, — растерялась она и беспомощно захлопала ресницами. — Синтепон от старой куртки…)

Калининград, Россия

Олег Мушинский
Цивилизация в опасности

О дорогой святой Дисмас, почему ты не хочешь, чтобы кто-нибудь другой сделал в этом мире хоть что-нибудь полезное?!

Николас Ван Рийн

Тем вечером подозрительно быстро стемнело. Прикорнул буквально на пару минут, открываю левый глаз — а высоко в небе уже висит полная луна. Пора на работу. Лень, конечно, но долг, и желудок зовет.

— Подъем, Рэнг-Драмагор! — решительно командую я сам себе.

Потягиваюсь, тщательно умываюсь, чешу лапой за ухом и смотрюсь в треснутое зеркало. Я люблю смотреться в зеркало, потому как сам себе очень нравлюсь. Из зеркала на меня с искренним восхищением смотрит черный кот с пошарпанной мордой бывалого бойца. Крепкие лапы, мощная грудь, умный проницательный взгляд. Ну просто красавец! И это не только мое мнение. Вот только левый бок немного облез. Прошлой ночью, когда я исполнял серенаду своей очередной возлюбленной, какая-то ненормальная старуха плеснула кипятком из окна. Как же звали ту кошечку?.. Не помню. Вот так, имя уже забыл, а бок все еще болит. Несправедливо все-таки устроен мир. Ладно, хорош философствовать.

Бегом пересекаю двор, на ходу приветствую охранника:

— Привет, человек!

Никакой реакции. Впрочем, Мудрейшие давно установили, что люди абсолютно глухи к телепатическим сигналам, так что я на него не обижаюсь. Навстречу мне выруливает огромный рыжий котище с идиотским желтым бантом на шее. Должно быть, из охраны Адмиралтейства, клан Морских Котов. Не люблю я их. В сущности, могли бы быть классными ребятами, да чересчур высокого мнения о себе. Однако правила вежливости диктуют свое.

— Привет тебе, великий истребитель грызунов, корабельная крыса, — последние два слова, естественно, глубоко про себя.

— Привет и тебе, могучий крысобоец, — откликается тот.

Судя по морде, тоже попридержал парочку-другую сигналов. Ну да дохлая крыса с ним. Беги своей дорогой, рыжий, а мне

налево, в Архив. Вид этого огромного сине-черного здания всегда вызывает у меня чувство благоговения. Его угловатый силуэт в свете бесчисленных фонарей кажется мне не менее величественным, чем сама Ночь.

А рыжий не торопится.

— Надеюсь, на земле клана Мудрого Когтя все спокойно?

Очень интересно. Тон вежливый, а вот сам вопрос — не очень. Что ему за дело до нашей территории? Несколько секунд разрываюсь между любопытством и желанием дать по уху. Рыжий, похоже, улавливает ход моих мыслей, и он ему определенно не нравится.

— Прошу прощения за нетактичный вопрос, — спешит он дать задний ход, — я только хотел спросить, не заметил ли ты что-либо необычное этим вечером?

Совсем интересно. Признаюсь, я настолько заинтригован, что говорю правду.

— Нет, ничего. А должен был?

Пауза. Затянувшаяся.

— Да нет, — наконец говорит рыжий. — Нет. Я просто так спросил.

Ну да, просто так! Как бы не так! Давай, выкладывай, что тут у нас стряслось. Но рыжий молча разворачивается и исчезает в узком проходе между складом и Архивом. После секундного замешательства я, естественно, бросаюсь за ним. Черной молнией пролетаю проход и вылетаю во внутренний двор. Нет рыжего. Я туда, сюда, но он как сквозь землю провалился. Ну и дела.

Тщательно, но абсолютно безрезультатно обследую двор. Никаких следов. Что за чудеса?! А ведь так я и на ужин опоздать могу. Поскольку искать следы на сытый желудок определенно проще, я легко запрыгиваю на высокий забор и, бросив во двор прощальный взгляд, спрыгиваю на другую сторону.

Место вечернего сбора клана — задний двор, куда выходит дверь Кухни, — на мой взгляд, одного из величайших изобретений просвещенного человечества. Конечно, большую часть производимой здесь Еды съедают сами люди, но и нам остается немало.

Клан уже здесь, почти в полном составе. Кое-кто роется в мусорных баках, остальные более-менее терпеливо ждут.

— Всем привет! — посылаю я на бегу телепатический импульс.

Меня заметили, мне рады. Друзья шлют приветы, кошечки игриво выгибают спины, Вассеран — здоровенный черный с белой грудью котяра, глава клана — величественно поворачивает ко мне массивную голову.

— Привет и тебе, Рэнг-Драмагор! Что так задержало сегодня твой бег?

Спешить нам некуда, и я обстоятельно рассказываю о встрече с рыжим. История на редкость любопытная, к тому же я — великолепный рассказчик, так что очень скоро меня уже внимательно слушает весь клан, оставив на время свои мелочные заботы. Странное поведение рыжего интригует, его таинственное исчезновение интригует еще больше.

— А может быть, ты его просто не заметил в проходе и пролетел мимо, как черная молния? — улавливаю я ехидный сигнал.

Я резко поворачиваюсь, чтобы достойно отшить нахала… И тут замечаю Ее. Прекрасное нежное создание с дымчатой шерсткой и изумрудно-зелеными глазками. Она определенно здесь впервые. Слишком уж неуверенно жмется к стене.

— Это Кошмирра, — верно истолковав затянувшуюся паузу, сигнализирует мне Вассеран. — Была домашней, но ее за что-то изгнали и оставили здесь сегодня в полдень. Я разрешил ей остаться с кланом.

Бедная девочка. Совсем одна в этом суровом мире. А ведь она так нуждается в моем внимании и заботе. И я направляюсь к ней, не обращая внимания на насмешливые сигналы друзей и возмущение моих подружек.

— Привет. Я Рэнг-Драмагор, самый умный, храбрый и нежный кот в этих диких краях.

— Нисколько не сомневаюсь в этом, — спокойно отвечает она.

Я поражен. Такая красавица и при этом столь проницательна и умна. Я рассыпаюсь в комплиментах. Тут весьма кстати появляются двое людей-служителей и подают ужин. Как истинный джентльмен, я приглашаю даму к столу. Отшвырнув с ее дороги серого котенка и дав по носу Саандру, который вдруг тоже вообразил себя джентльменом (это он-то!), я подвожу Кошмирру к выставленным в ряд мискам. Она осторожно нюхает и брезгливо морщится.

— И это можно есть?

— Можно и нужно, — заверяю я ее. — Следующая кормежка завтра вечером, и разносолов не ожидается.

Я давно заметил, что Кухни милитаристских структур человечества не склонны к разнообразию, но Еда в общем-то неплохая и питательная, зря Кошмирра морщится. Видела бы она, что перепадает на обед (и то не всегда!) нищим безработным кланам из городских кварталов. Кошмирра вздыхает, но начинает есть, осторожно вылавливая из общей массы наиболее

аппетитные кусочки. Ну и умничка.

С едой управились быстро. Вассеран поднял голову, требуя внимания.

— Это была славная еда, собратья мои. Пришло время отработать ее и показать всем грызунам, кто здесь хозяин!

Кровожадный рев раздается ему в ответ. Кошмирра жмется ко мне, и я тут же с удовольствием беру ее под свое покровительство.

— Значит, рыжий вошел в проход между Архивом и складом и там пропал? — уточняет у меня Вассеран.

Я подтверждаю.

— Не нравится мне это, — говорит Вассеран. — Ладно, за работу. Саандр, ты со мной.

И они исчезают за углом.

Как несправедливо! Я, а не Саандр должен был пойти с ним. Но с другой стороны, кто-то же должен показать новенькой Архив… А, ладно, справятся без меня. В конце концов, Саандр хоть и неотесан, как дикий камышовый кот, но зато самый лучший следопыт в нашем клане. После меня, разумеется.

Все эти мысли вихрем проносятся у меня в голове, пока мы все разбегаемся, просачиваясь в здание и рассредоточиваясь по этажам.

Собственно, Архив начинается с третьего этажа, первые два — для других служб, но мы контролируем все здание. Кошмирра бежит рядом и старательно запоминает хитросплетения коридоров, лестниц и вентиляционных путей, особенно отмечая места, где люди время от времени оставляют нам блюдечки с молоком. Молоко она любит. Действительно вкуснотища, но лично я предпочитаю сметану. О, Сметана! При одной мысли о ней у меня начинают течь слюнки. Божественный вкус.

Тающая во рту Нежность, медленно растекающаяся по телу и уносящая меня куда-то далеко-далеко, в мир Великой Кошачьей Мечты…

Размечтавшись, чуть было не врезаюсь в чьи-то сапоги. Непорядок.

— Привет, пушистый. Завел себе новую подружку, а?

Мне улыбается высокий седой человек в синей форме. Адмирал Зарин. Он здесь главный и знает все и всех, даже котов из нашего клана. Правда, никого из нас он не называет по имени, но я не возражаю. Все лучше, чем те собачьи клички, которыми награждают нас люди. Я просто уверен, даже вопреки мнению Мудрейших, что адмирал понимает нас. Просто не хочет признать это, чтобы не обидеть своих ущербных подчиненных. Какой тактичный человек.

— Доброй ночи, адмирал Зарин, отдыхайте спокойно. Пока я жив, ни одна крыса не коснется ваших бесценных отчетов и докладов. А это со мной Кошмирра, она изгнанная, но Вассеран разрешил ей присоединится к клану.

Адмирал наклоняется и легко поднимает Кошмирру на руки.

— Какая красивая киска, — произносит он, почесывая ей за ушком. — Выгнали из дома, да? Ну ничего, ничего. Меня вот тоже выставили со службы и запихнули сюда. Вначале тоскливо, а потом привыкнешь. Скучно только.

Он еще что-то говорит, продолжая ласково взъерошивать шерсть у нее на загривке. Кошмирра начинает урчать от удовольствия. Про меня как будто все забыли. Возмущенно мяукнув, я демонстративно поворачиваюсь, чтобы уйти, но тут адмирал осторожно опускает Кошмирру на пол.

— Бегите, хвостатые, а мне еще поработать надо. Будет скучно — заходите в гости.

Я с небрежным видом принимаю приглашение. Возможно, если будет время, мы и зайдем в его кабинет. Грызуны редко проникают так высоко, но долг обязывает проверить все здание. К тому же у адмирала есть свой холодильник, где могут совершенно случайно оказаться очень вкусные вещи… Но! Работа прежде всего.

И мы бежим дальше. Осмотр этого этажа не занимает много времени, и мы с Кошмиррой по лестнице поднимаемся на следующий…

Второй поворот налево — кабинет адмирала Зарина. Из-под двери выбивается тонкая полоска света. Значит, адмирал все еще на посту. Рядом с дверью — неизменное блюдечко с молоком. Для нас.

Сзади раздаются шаги, я быстро поворачиваю голову. Фыр-р-р, ложная тревога. По коридору идет секретарша адмирала. Должно быть, несет ему ужин, — он, как и я, любит ночью чего-нибудь перекусить. Да, так и есть. В руках у нее небольшой поднос. А на подносе… *сметана!!!* Целый стакан сметаны! Так, значит, адмирал решил нас угостить?! Великолепно!!!

И я в нетерпении начинаю кружить перед дверью.

— А ну, брысь!

Секретарша бесцеремонно отпихивает меня ногой и входит в кабинет. Я, возмущенно мяукнув, устремляюсь за ней… И дверь закрывается у меня перед носом.

Да как она смеет!!! Отдай сметану, собачье отродье! Нет, я просто в бешенстве. Так бы и разорвал ее на куски.

— Мерзавка, — шиплю я, в ярости царапая дверь.

Кошмирра смотрит на меня как-то странно. Ей, выросшей в человеческом доме, такие дикие эмоции, должно быть, в новинку. Надо срочно взять себя в лапы, а то еще подумает обо мне пес знает что. Женщины — такие странные существа… Понемногу я успокаиваюсь. В конце концов, никто не выигрывает все время. Терпение — вот залог успеха охотника. Рано или поздно мне представится возможность просочиться в кабинет, и я ее не упущу. А пока…

— Продолжим обход. Осмотрим пока соседние помещения.

И я как ни в чем не бывало направляюсь дальше по коридору и забегаю в следующий кабинет, но тут меня останавливает приглушенный расстоянием сигнал.

— Рэнг-Драмагор, где ты?

Я безошибочно узнаю Вассерана и начинаю четко рапортовать.

— Немедленно сюда! — прерывает он меня. — Встречаемся там, где ты потерял этого рыжего. У него тут, кажется, возникли некоторые проблемы.

Я потрясен. Впервые на моей памяти Вассеран не дослушал, да что там, полностью проигнорировал мой доклад. М-да, сегодня явно не мой день, но я решительно беру себя в лапы.

— Все понял, сейчас будем.

— Нет. Только ты. Немедленно!

Ну, это уже пес знает что! Оставить Кошмирру одну, такую слабую и беззащитную, в двух прыжках от Сметаны. Но долг зовет. Кстати, интересно, почему долг всегда зовет не вовремя и не туда, где тепло и вкусно? Надо будет обдумать эту мысль на досуге. А сейчас мне необходимо спешить.

— Извини, кисонька, дела, — бросаю я опешившей Кошмирре и выскальзываю за дверь.

Пожарная лестница совсем рядом, и я стремительно сбегаю вниз. А вот и вход в подвал. Мягко спрыгиваю на трубы и бегу по ним. Где-то дальше разбитое подвальное окно, наш запасный выход. Однако я до него не добегаю. Чуть выше труб в стене зияет аккуратная круглая дыра с оплавленными краями. Из нее льется мягкий лунный свет, который и привлекает мое внимание. Очень интересно.

Осторожно обнюхиваю дыру. Ничего особенного, пахнет паленым… А как еще должен пахнуть горелый пластик?.. Непонятно. Что могло прожечь отверстие в полуметровой стене? Да еще так аккуратно… Ладно, меня ждут. Обдирая бока, быстро вылезаю наружу. А дыра могла бы быть и побольше.

— Вассеран, я на месте.

Нет ответа. Странно. И тут я ступаю лапой во что-то жидкое и

липкое. Это еще что такое? Брезгливо отряхиваю лапу и внимательно принюхиваюсь. Великий Коготь! То, во что я вляпался, есть не что иное, как лужа крови с плавающим в ней клоком рыжей кошачьей шерсти. Некоторые проблемы, да, Вассеран?

— Вассеран!!!

Я определенно начинаю беспокоиться.

— Вассеран!!!

И тут моих рецепторов касается слабый, едва различимый сигнал. Я мгновенно пеленгую направление и мчусь туда, обегаю трансформаторную будку и натыкаюсь на Саандра. Точнее, на его призрак…

В паре метров над землей висит, чуть покачиваясь, серо-коричневое облачко с четырьмя растопыренными лапами. Очень похоже на Саандра. Только теперь сквозь него видна антенна на стене склада.

— Рэнг-Драмагор?

— Точно, Саандр, это я. Ты меня видишь?

— Нет. Просто ты единственный кретин, который не удрал бы отсюда без оглядки… Как мне холодно…

Саандр, как всегда, в своем репертуаре. Ладно, потом разберемся.

— Держись, Саандр, сейчас я тебе помогу.

Я в легком замешательстве и не очень представляю себе, что надо делать, но и оставить его так не могу. Надо срочно звать на помощь.

— Нет, Рэнг-Драмагор, не шуми, — тихо просит Саандр. — Они еще могут быть где-то здесь. Они могут слышать нас.

— Кто? — переспрашиваю я, но Саандр, кажется, меня уже не слышит.

— Они… Они напали на нас внезапно. Мы нашли кровь и шерсть рыжего… А потом они напали… Маленькие серые тени… От Вассерана ничего не осталось… Я храбро сражался… Но они победили… А я все падаю и не могу упасть… Теперь уже скоро…

— Ты никуда не падаешь, Саандр, ты висишь все там же, — заверяю я его, — ты, главное, держись там.

— Ты не понимаешь…

Сигнал медленно тает и вместе с ним тает в воздухе Саандр.

— Да что же это?! Кто же их так?

Так, стоп, прекратить панику. Первым делом предупредить всех наших об опасности и сматываться отсюда, пока не поздно. Тут мой взгляд падает на дыру, из которой я недавно вылез. Ее наверняка проделали те, кто убил Вассерана и Саандра. И сейчас они где-то там, в здании, готовятся нанести новый удар. Надо

срочно подать сигнал тревоги! Но нет, Саандр ведь предупреждал, что эти таинственные убийцы могут слышать нас, и мой сигнал только спровоцирует атаку. Не исключено, что на меня. А мне что-то очень не хочется становиться их следующей жертвой. Но ведь в здании почти весь клан. И Кошмирра. И Сметана…

Ныряю обратно в дыру и замираю. Принюхиваюсь. Некоторое время внимательно осматриваю трубы. Ничего нового или подозрительного. Я бывал здесь раньше сотни раз, но еще никогда подвал не казался таким темным и зловещим. И я в нем один, совсем один. Как когда-то очень давно, еще котенком, когда я прятался здесь от грозы.

— Вперед, Рэнг-Драмагор, — шепчу я себе, — стоя здесь, ты никому не поможешь.

И я медленно крадусь по трубам к выходу из подвала, вздрагивая и прижимаясь к трубе при каждом шорохе. Нервы уже явно на пределе. И тут ярко-красный луч бесшумно перерезает трубу прямо передо мной.

— Мия-я-у!!!

С диким криком лечу вниз. Приземляюсь удачно, на все четыре лапы — и тотчас отпрыгиваю в сторону. Весьма своевременно. Серое крутящееся облако накрывает место моего приземления и, не обнаружив намеченной жертвы, с шипением опадает. Я ныряю вперед, в проход между контейнерами. Надо поскорее уносить лапы. Я бросаюсь за угол и прыгаю в пролом в стене. Здесь, в лабиринте труб и контейнеров, у меня чуть больше шансов, но все равно их определенно маловато. Огибаю очередной контейнер и нос к носу сталкиваюсь со здоровенной крысой.

— Твое счастье, грызун, что мне не до тебя, — шиплю я, отшвыривая крысу в сторону.

— Так ты действительно думаешь, что сможешь убежать?

Потрясенный, я останавливаюсь. Крыса говорит на языке Разумных, да еще так чисто и четко?! Я медленно поворачиваюсь.

Крыса стоит в проходе и спокойно смотрит на меня. Приглядевшись, я замечаю у нее на спине странный механический нарост, какая-то ужасная смесь алой плоти и ядовито-зеленой электроники. Кошмарная штука! Прямо как будто из спины растет. А венчает эту мерзость угловатая конструкция с короткой трубкой, которая начинает медленно поворачиваться в мою сторону. Нутром чувствую, пора сматывать удочки. Чем бы ни была эта хреновина, но мне она точно не нравится.

— Берегись!

Здравый совет, и я определенно собираюсь им воспользоваться. Но тут сильный удар сбивает меня с лап и отбрасывает в сторону. Красный луч со злобным шипением проносится мимо. Одним прыжком вновь оказываюсь на ногах.

Ну, это уже слишком!

Кто это меня?! Оказалось, рыжий. Он жив, хотя и несколько потрепан.

— Умри! — пищит крыса, выпуская очередной луч. Рыжий шипит и легко отпрыгивает в сторону.

— Только после вас, — отвечает он.

Желтого банта на шее уже нет, вместо него — странный ошейник с парой похожих наростов. И с них срывается пара зеленых шипящих лучей. Вокруг крысы на мгновение вспыхивает зеленое сияние. Невидимая защита поглощает лучи. Вот это да!

— Уходи отсюда! Скорее! — сигнализирует мне рыжий.

Может, действительно смотаться, пока не поздно? Но нет, я должен вначале разобраться, что же здесь происходит. Страшная крыса пока увязла в поединке с рыжим и, сдается мне, не выйдет из него живым. Рыжий легко уклоняется от ее выстрелов, а сам постоянно попадает в цель. Если бы не эта защита вокруг крысы, давно бы ее поджарил.

Я запрыгиваю на ближайший контейнер, чтобы лучше видеть происходящее. Не самое лучшее решение. С другой стороны на контейнер прыгает с труб еще одна крыса-мутант…

— Мр-р-ряу!

Признаюсь по секрету, я настолько ошалел от страха, что бросаюсь прямо на нее. Крыса даже пискнуть не успевает, когда я наработанным движением вцепляюсь в ее горло. Кровь у крысы кислая и противная на вкус. Но и отпустить страшно. Вдруг она сразу придет в себя. Тогда пиши пропало. Нарежет ломтиками и подаст к завтраку свежепрожаренным.

— Порядок, кот, она мертва.

Краем глаза улавливаю движение. Рыжий рядом.

— Ты уверен? — не разжимая челюстей, спрашиваю я.

— Абсолютно.

Ладно, поверим специалисту. Осторожно разжимаю челюсти. Точно, самая обыкновенная дохлая крыса. Даже страшный нарост куда-то пропал.

— Ну вот и ладно, — говорит рыжий. — Еще двумя меньше. Давай-ка убираться отсюда, пока остальные не напали.

— Остальные?! Какие остальные?!

Неужели этот кошмар никогда не кончится?!

Мне снова становится страшно. А рыжий вместо ответа поворачивается и устремляется прочь. Что за хамская манера

завершать разговор! Ладно, сейчас не время и не место заниматься этикетом. И я бегу следом за рыжим, на ходу давая указания. В наших подвалах и свои, бывает, плутают, а этот чужак без меня заблудится раньше, чем успеет переставить все четыре лапы.

На выходе из подвала нас встречает перепуганная Кошмирра.

— Что случилось, лапочка? — как можно беззаботнее спрашиваю я.

Незачем ее раньше времени волновать. Надо вначале разобраться, что тут за чертовщина у нас творится. А ведь рыжий это знает, определенно знает.

— Я слышала голоса, — неуверенно начинает Кошмирра. — В подвале…

— Какие голоса? — тут же вклинивается рыжий.

Я вспоминаю о правилах вежливости, хотя рыжий этого определенно не заслуживает.

— Перед тобой Кошмирра, — боец клана Мудрого Когтя, — представляю я ее рыжему, и добавляю: — А ты свое имя мне так и не назвал, так что представляйся сам.

— Не было времени, — ответил рыжий. — Вы можете называть меня просто Рыжий, сударыня. Я слышал, что меня здесь называют именно так. И все-таки, что за голоса вы слышали?

Нет, у него определенно талант раздражать меня. Сотни вопросов крутятся в моей голове, а этот болван, вместо удовлетворения моего, между прочим, законного любопытства, заводит разговор про какие-то голоса. Ему точно нужен Мудрейший-психиатр! Или мне?

Кошмирра задумчиво смотрит в потолок.

— Я побежала за тобой, Рэнг-Драмагор, но услышала в подвале какие-то странные голоса.

Они говорили по-нашему, но сигналы были какие-то странные, неразборчивые… И страшные. Я… Я решила подождать здесь, но больше ничего не было, пока вы не появились.

— И правильно сделали, что не пошли дальше, — сказал рыжий.

— А что там было? — спрашивает меня Кошмирра.

— Крысы, — говорю я. — Только странные они какие-то, мутанты, наверное. С какой-нибудь радиоактивной помойки сбежали. Вот он, — я указываю на рыжего, — точно знает.

— Да, — отвечает Рыжий. — Но мне нужно спешить. В другой раз, хорошо?

Ну да, тебя только отпусти!

— И куда же ты собрался? — интересуюсь я. — Это наша территория и тебе бы не помешало разрешение бегать по ней,

если, конечно, ты не ищешь неприятностей на свою шкуру.

— Что я ищу, это только мое дело, — спокойно отвечает Рыжий.

— Уже нет! — грозно вскидываюсь я. — Эти мутанты убили двоих наших, причем один — глава Клана.

— Ну… они не то чтобы совсем убиты, — возражает Рыжий. — Скорее, исключены. Тоже, конечно, неприятная штука.

— Не вижу разницы!

— А мог бы увидеть, если бы я не толкнул тебя там, в подвале.

— Да если бы не я, ты до сих пор блуждал бы по этому подвалу в поисках выхода.

Рыжий замирает в нерешительности.

— Ладно, согласен, тут ты здорово помог, — наконец говорит он. — Я видел карты, но они оказались не слишком-то точны.

— Карты! — презрительно фыркаю я, несколько успокаиваясь. — Да их составляли самые глупые из людей, которые к тому же никогда не были в Архиве. Без проводника здесь делать нечего.

Некоторое время Рыжий задумчиво смотрит на меня, потом сдается.

— Ладно, покажи мне путь в Библиотеку, а я расскажу, что знаю об этой истории.

Ну вот и договорились. Втроем мы бежим по коридору к пожарной лестнице.

— Так откуда эти крысы? — спрашиваю я.

— Из будущего, — спокойно отвечает Рыжий.

От неожиданности я резко останавливаюсь.

— Откуда?!

— Из будущего, — повторил Рыжий медленно и с расстановкой, как Наставник маленькому котенку. — Отстоящего от настоящего примерно на девятьсот лет.

Вот это да! Справиться с изумлением удается не сразу. Нет, он определенно врет! Путешествия во времени невозможны. Я сам слышал, как об этом говорил радиоприемник в кабинете самого адмирала Зарина. Но тогда откуда эти мутанты и их жуткие лучи?

— Ты уверен? — осторожно спрашиваю я.

— Абсолютно.

— Но откуда… как ты это узнал?

— Я сам прибыл из будущего вслед за ними.

Ну и дела.

— Прошу вас, давайте поторопимся, — говорит Рыжий. — У нас очень мало времени.

И мы бежим дальше, на ходу переваривая эту дикую информацию. Мысли скачут, как расшалившиеся котята. Дыру в стене, к счастью, так и не заделали, и мы без помех вылезаем на лестницу.

— Наверх, третий этаж. — командую я. — Ладно, допустим. Они прибыли из будущего. Но зачем? В будущем так все плохо?

— Для них — да. И потому цивилизация в большой опасности.

Мы ныряем в вентиляцию и по очереди спрыгиваем на стеллажи. Тускло светят дежурные лампы, но нам этого света вполне достаточно. Рыжий тщательно обследует помещение, наверное ищет мутантов. А я пока даю общий сигнал покинуть здание. Тревога высшего уровня. «Исполнять немедля, не возражать и не рассуждать». Короче говоря, удирать без оглядки. Рыжий несет какой-то бред о необходимости скрытности и тишины, но я его просто игнорирую. Безопасность клана превыше судеб цивилизации. Впрочем, Рыжий зря волнуется. В Библиотеке — никого. Люди уже ушли, а эти твари еще не появились. Пора бы и нам с Кошмиррой сматываться и не мешать Рыжему спасать цивилизацию, но меня гложет враг всех котов и кошек — любопытство.

— Так в чем проблема, Рыжий? Что такого ценного утратили вы в своем будущем, чтобы предпринять такой путь? Не на прогулку же собрались.

— Это уж точно. Судьба всей цивилизации под угрозой… В вашем времени живет один человек, которого можно назвать Мудрейшим. Его зовут Зарин. Адмирал Зарин. На старости лет он был перемещен с боевого корабля в ваш Архив, где долго изучал нашу жизнь и оставил после себя огромный труд, который позволит продолжившим его дело людям общаться с нами на равных.

— Ценное достижение, — замечаю я. — Так они даже здороваться с нами будут?

— Подожди, Рэнг-Драмагор, — продолжает Рыжий. — Дело не в этом. Как тебе, я думаю, давно известно, люди издревле и безуспешно борются с крысами. Союз человеческой и кошачьей расы позволил, наконец, полностью выиграть эту войну. В наше время крыс почти не осталось. Но те, что уцелели, каким-то образом узнали о возможности путешествовать в прошлое, создали машину времени и отправили своих лучших воинов уничтожить этот опасный труд.

— Вот как?!

— Именно. Поэтому, когда мы захватили их лабораторию, я был послан следом за ними, чтобы предотвратить катастрофу.

Надо помешать им поджечь Библиотеку! Иначе ход истории пойдет совершенно в другом направлении.

Мрачноватая перспектива, хотя лично я ничего не понимаю. И от этого еще страшнее. Мы молча сидим в темноте, погруженные каждый в свои мысли. Надо отметить, у меня эти мысли совсем не веселые. А ведь я был прав, Зарин действительно нас понимает, и этот его труд только подтверждает мои догадки. А гнусные крысы хотят его спалить! Я обвожу взглядом стеллажи с книгами. Интересно, какая из них — та самая?

И где сейчас адмирал? Наверное, сидит себе дома, в тепле и уюте, и даже не подозревает, какая тут разворачивается борьба за его книгу. Надо будет обязательно ее прочесть. Когда появится время.

Мысли плавно перекидываются на адмирала. Он всегда так добр к нам. К нему всегда можно запросто зайти в гости и угоститься чем-нибудь вкусненьким… Сметана!!! Да ведь у него в кабинете целый стакан сметаны. Пропадет же!

— Послушай, Рыжий, а ты своим лучом можешь в двери дыру проделать?

— Конечно. А зачем?

— Понимаешь, тут совсем рядом кабинет того самого Зарина. Разве ты не хочешь его посетить? Так сказать, пройтись по историческим местам.

— Сейчас нет.

— Но почему?! Это же, так сказать, живая история! Ты сам себе не простишь, если не побываешь там!

— Я себе не прощу, если позволю крысам сжечь Библиотеку. Судьба цивилизации висит на волоске.

Кошмирра подозрительно косится на меня. Ох уж мне эти умные женщины! Думают о других пес знает что.

Кстати, о других.

— Послушай, Рыжий, а что ты говорил про то, что наши как бы не совсем умерли?

Рыжий чешет лапой за ухом.

— Я смутно представляю механизм воздействия, — признается он. — Но в принципе дело обстоит так: попавший под удар объект как бы размазывается по времени от настоящего до некоторой точки в будущем, где вновь материализуется, когда настоящее доходит до этого будущего. Все это время объект субъективно воспринимается как некий фантом, призрак. Разумеется, если будущее сильно изменить, настоящее может никогда не сойтись с той точкой в будущем.

— Звучит жутко, но интересно, — говорю я. — Тебе бы

Наставником быть.

— А я и есть Наставник. Точнее, был им до Войны.

Я быстро переоцениваю свой взгляд на Рыжего. Наставник — это звучит гордо! Ведь сколько таланта и терпения надо, чтобы управляться с этими неугомонными и бестолковыми котятами…

— Но к чему такие сложности? — спрашивает Кошмирра.

Хороший вопрос. Умная девочка.

— Видишь ли, Кошмирра, — снова пускается в объяснения Рыжий. — Убить в прошлом не так-то просто. Любое необратимое воздействие также необратимо воздействует на будущее. Поэтому любое глобальное изменение должно быть минимально по объему и тщательно просчитано. Иначе может возникнуть парадокс, типа где-то в далеком будущем загнал кот крысу в подвал, где та встретила другую крысу, и далее родился у них крысенок, который вырос, отправился в прошлое и убил того кота еще котенком. Следовательно, те крысы никогда не встретились, но от их встречи остался крысенок. Его существование и есть парадокс. А время парадоксов не любит. Так что крысенку тоже кранты — и это в лучшем для него случае. А то так и будет в петле времени болтаться, погибая и возрождаясь снова и снова, пока за давностью лет история эта не потеряет всякий вес.

Надо же, как излагает. Заслушаешься. Мне этого абстрактного крысенка даже жалко стало. Но тут появляются не абстрактные, а самые настоящие крысы и становится по-настоящему жарко.

Подробности сейчас я помню смутно. Пять штук сразу в дверь проходят — и на нас. Кошмирра со свойственным ей благоразумием прыгает вверх и удирает по стеллажам. Рыжий бросается в атаку и с ходу поджаривает одну крысу, которая вроде бы нацелилась на меня. Остальные наваливаются на него. Тут я соображаю, что меня-то они не тронут, парадокса побоятся, и прыгаю вниз. Перепуганный грызун, кажется, со страха забывает о парадоксе, но и мне не впервой убивать загнанную в угол крысу. Главное, сделать это очень быстро. Итак, одна есть. Вторая пытается накрыть меня облаком и размазать по времени, но это облако движется слишком медленно. Его хорошо метать из засады, а в открытом бою оно многого не стоит. Легко ухожу от двух таких и прыгаю на стол. Потеряв меня из виду, крыса начинает метаться. Боится. Правильно делает. Я прыгаю на нее сверху и увеличиваю свой счет до двух.

Остальных прикончил Рыжий. Но и ему на этот раз досталось. Рыжий ведь не мог стать причиной парадокса, так что крысы садили по нему без пощады. Бедняга еле дышал.

— Как твои дела, Рыжий? Нужна помощь?

— Жить буду.

— Надеюсь… Кошмирра, слезай оттуда. Враг разбит.

Кошмирра осторожно прыгает на пол и с ужасом оглядывает поле боя.

— Вы просто герои, парни.

— Точно, — подтверждаю я. — Особенно я.

Кошмирра склоняется над Рыжим.

— Здесь нужен Мудрейший-Врач. И срочно.

— Не беспокойтесь за меня, — еле слышу я Рыжего. — Миссия выполнена… Помощь уже в пути… Скоро я буду в своем времени… Там мне помогут…

— Если ты не загнешься раньше, — перебивает его Кошмирра. — Эй, Рэнг-Драмагор, хватит изображать памятник самому себе. Иди сюда.

Ох уж эти женщины. Припадая на ушибленную лапу — и когда я успел, — иду к ним. Вдвоем мы аккуратно зализываем раны Рыжего, потом Кошмирра внимательно осматривает мою лапу. Ничего серьезного, заживет как на собаке.

— Лучше бы на всякий случай убрать трупы, — говорит Рыжий. — Мало ли кому что в голову взбредет.

— Нет проблем, — отвечаю я. — Скинем в шахту лифта, он все равно не работает. Думаю, его еще не скоро починят.

Рыжий выдает нечто, похожее на смех.

— И в моем времени он не работает.

А это без малого девятьсот лет! Приятно сознавать, что некоторые вещи остаются неизменными.

Кошмирра наотрез отказывается приблизиться к монстрам, пусть даже и мертвым, так что таскать трупы до шахты приходится мне одному.

Один, второй, третий, четвертый, пятый… Готово. Лет через девятьсот их обглоданные дикими сородичами кости вернутся домой своим ходом. Интересно, а их прибытие не породит какого-нибудь парадокса? М-да, тут нужна голова посветлее, чем моя. А поскольку я почти что гений, это серьезное препятствие. Где в нашем Архиве найти полноценного гения? Разве что адмирал, но он пока еще не научился полноценно с нами общаться. При мысли об адмирале я снова вспоминаю про сметану. Какое общение может быть более полноценным?!

Быстрый взгляд на Библиотеку. Вроде бы все тихо. Враг разбит, Кошмирра зализывает раны помятому герою, сам герой в отрубе. Ладно, я мигом.

— Я ненадолго, — сигнализирую я Кошмирре.

Кабинет адмирала Зарина буквально рядом, всего два поворота по коридорам. А это что такое?! В двери кабинета

проделана снизу аккуратная дыра. Замаскирована под прогрызенную, но я-то знаю, чьих это лап дело.

И тут я понимаю. Не за книгой пришли они. Книга что, адмирал новую напишет, лучше прежней. Нет, они на самого адмирала нацелились. А в Библиотеку поперлись, чтобы Рыжего отвлечь.

Я быстро пролезаю в дыру — что ж они их такими узкими-то делают — и оказываюсь в кабинете. В маленькой приемной — никого. Я вообще не понимаю, зачем эта комнатушка адмиралу. Здесь никогда никого нет. Дверь в соседнюю комнату приоткрыта, и я иду туда.

Адмирал все еще здесь, сидит за столом и что-то пишет. Большущие очки на носу придают ему очень солидный вид. Почему он никогда их не носит, когда ходит по Архиву? Я быстро осматриваюсь. Сметаны нигде не видно. То ли адмирал нас не дождался и съел сам, то ли убрал в холодильник. Надо проверить эту версию. Но не сейчас. Краем глаза замечаю движение по ковру слева и бегу туда.

Точно. Еще один грызун.

Тот резко поворачивается.

— Собрался умереть, кот?

— А парадокса не боишься? — вопросом на вопрос отвечаю я.

— Боюсь, — внезапно признается грызун. — Но я здесь именно затем, чтобы создать парадокс. Одним больше, одним меньше…

И он без предупреждения стреляет в меня. Я со страху с диким воплем бросаюсь прямо на него. Видимо, этот мутант ожидал от меня чего-то другого, потому как страшный луч безвредно прошел над моей головой, чуть не опалив уши. Меня так и трясет от страха и ярости, когда я хватаю крысу. Вот и все. Никаких парадоксов. Просто еще одна удачная охота и еще одна дохлая крыса.

— Молодец, охотник, — слышу я голос адмирала. — Какого зверя завалил.

Привлеченный нашей возней, адмирал вылезает из-за стола и поднимает крысу за хвост. Нарост с ужасами будущего уже пропал, так что смотреть адмиралу особо не на что, разве что на размеры. Крупная все-таки крыса оказалась.

— Давай-ка избавимся от этой гадости, — предлагает адмирал и, не дожидаясь моего согласия, швыряет ее в вечно голодную пасть мусоросжигателя.

Недолгое шипение и нет больше посланца из будущего. Страшная машина. Не дай мне Великий Коготь туда по ошибке морду сунуть. А вот куда мне морду бы сунуть, так это в

холодильник. Просто для контроля.

И я выразительно трусь о холодильник. Адмирал понимает, но плохо. Надо ему побыстрее книгу писать и самому первому ее прочесть. На его вызов является ночной дежурный, человек, естественно. Адмирал делает ему выговор за крыс на третьем этаже, описывает мой подвиг и с ходу отправляет на кухню, а потом звонит каким-то санэпидемиям. Наверное, типа тех неуклюжих человеков, что в прошлом году целую неделю, чертыхаясь, ползали по подвалам, раскладывали по углам совершенно несъедобную гадость и смешили мышей.

Ну да ладно, где там этот дежурный?! В первый раз лично для меня человек бегает на кухню. Это приятно. Правда, этот олух вместо сметаны приносит кусок печенки, но я не обижаюсь. Тоже очень вкусно.

А до сметаны я еще доберусь, не будь я Рэнг-Драмагор!

Санкт-Петербург, Россия

Владислав Силин
Апельсин с древа познания

Скажи кто Берналю Диасу дель Кастильо, что тот при жизни попадет в рай — конкистадор плюнул бы в глаза обманщику. Вызвал бы на дуэль — видит бог, лжецы ненавистны честному идальго! Но… не станем торопиться. Крестовый поход — время странное, волшебное. С людьми, несущими слово Божье, подчас случаются удивительные истории.

* * *

Над башнями покинутой крепости поднялся утренний птичий гомон. Напоенный лесными испарениями туман стекал по улицам, обнажая плоские крыши домов, полуразвалившиеся стены, черные провалы окон.

Пучки травы у стен колыхались, словно перья в прическе индейской принцессы. Сквозь туман проглянуло небо — и Диас мог поклясться, что восток алеет девичьим румянцем. Округлые холмы на севере внушали фривольные мысли. Смуглая красавица, прибывшая в лагерь с посланием от короля ацтеков, полностью захватила мысли молодого конкистадора.

Берналь помотал головой, отгоняя сон. Мокрое древко пики скользило в руках, от плаща несло сырой шерстью. Святая Мадонна!., как хочется закрыть глаза!..

Второй караульный бесстыдно спал на посту, завернувшись в старую попону. Он мог себе это позволить. Какой, скажите, бдительности требовать от людей, охраняющих тюрьму? Какой безумец решится бежать вглубь лже-Индии, — в страну скорпионов, саранчи, вулканов и ядовитого кустарника?..

— Эй, Берналь! — донесся из зарешеченного окошка голос. — Что, дрыхнешь?.. Глазки слипаются?..

В словах узника звучала насмешка. Сам Илирий из Афин, еретик и безумец, мог обходиться без сна неделями.

— А ведь придержи язычок, — продолжал он, — спал бы нынче в тепле и уюте. А, Берналь?..

Акцент Илирия напоминал Диасу рынки родной Кастилии. Казалось, в лицо пахнуло жаром раскаленных мостовых, запахами имбиря, меда, козьего сыра. Тоска по родине резанула сердце.

— Закрой пасть, еретик!.. — рявкнул он. — Клянусь святым Себастьяном, мое терпение не безгранично!

Грек захихикал.

— Грозен, грозен! Дурной поэт, несчастливый влюбленный… А ведь душонка твоя у меня на ладони. Мелкая душонка, простая. И мыслей всего три. Первая: проткнуть шпагой Гонсалеса, который сосватал тебе эту каторгу. Вторая — о безбожной принцессе, Владычице Морской, в чьем взгляде — блеск моря и зов кораблей…

Сердце Берналя стукнуло и провалилось куда-то в живот. Дело даже не в том, что Илирий угадал его мысли. Эка невидаль!.. Проклятый еретик слово в слово повторил строчку из поэмы, над которой бился юный кастилец. Внезапно Берналь почувствовал отвращение. Осквернённая Илирием, метафора показалась ему тусклой и напыщенной.

Нет! воистину, он…

— А третья мысль — ты считаешь меня дьяволом. Берналь, Берналь!.. Отпусти меня, и я исполню любые твои желания. Девушка падет в твои объятья, хочешь?.. У нее нежная кожа… как глупы поэты, толкующие о бархате и шелках!..

Песок, соль… Диас застонал и прикрыл глаза. Спать хочется!..

— …В карманах зазвенит золото, а люди восславят твои бессмертные творения.

При этих словах неудачливый поэт нашел силы улыбнуться:

— И даже зов кораблей?

— Нет. Заставить читать твои стихи не под силу даже мне. Но есть ведь презренная проза. Берналь! подумай!.. Ты станешь знаменит. Отпусти меня!..

В кустах зашуршало. Прислонившийся было к стене, солдат вскочил на ноги.

— А ну молчать! — возвысил он голос. — Святая Мадонна, я сумею заткнуть тебе глотку, нечестивец!..

Сон отхлынул. Берналь ощущал непонятное возбуждение и тревогу. Как истый конкистадор, он чтил Бога, а к врагу рода человеческого испытывал сложные чувства. Дьявол в его понимании был совершеннейшим противником — сильным и могущественным, учтивым и коварным.

Кем-то вроде Эрнандо Кортеса.

* * *

Ставни плотно прикрыты; в камине потрескивает огонь. Хозяин кабинета не любит ночной сырости: в походах он надышался свежим воздухом на всю жизнь.

Кортесу не спится. Злые мысли одолевают его, заставляя мерить шагами комнату. Всякий раз, как он проходит мимо стола, пламя лампы колеблется, и причудливые тени мечутся по стенам. Разгоряченный ум конкистадора видит в них перья и ракушки, украшающие тела индейцев. Ядовитую осоку и зловонный кустарник, в изобилии устилающий путь воинов Христовых.

Надо смотреть правде в глаза. Конкистадоры попали в отчаянное положение… но ведь где вход, там и выход, верно?..

— Ну, — не выдержал Кортес, — что скажешь, падре Алонсо? Чудеса — это ведь по твоей части?

Дремавший в кресле человек встрепенулся. Помассировал веки, хрустнул пальцами.

— Я думаю, — сказал он, — что нам не стоило уходить из Вера-Круса.

Кортес кивнул. В душе сорокалетнего инквизитора из Толедо жили две страсти: любовь к интригам и религиозный фанатизм. В малых дозах то и другое безвредно, однако Алонсо меры не знал. Когда инквизиторское рвение брало верх, на его лице резко очерчивались скулы, а щеки вжимались, словно целуя друг друга. Если же душа монаха обращалась к мирскому, нижняя губа капризно выдвигалась вперед. Еще ни разу Эрнандо не видел, чтобы эти гримасы уживались вместе.

— Сегодня утром мы должны встретиться с Морской Владычицей, — веско проговорил конкистадор. — Дать ответ на ее загадки или… или изгнать из крепости. Ее присутствие несет искус. Ты ведь знаешь, что такое солдат в походе?..

— Прожорливость медведя-шатуна, жадность крысы, похотливость козла. Я слышал, увещевания фрея Бартоломью возымели действие. Распутница прикрыла срам перьями и морскими раковинами.

Кортес плотно сжал губы. Вновь зазвучали беспокойные шаги.

…Следует оговориться: никто и никогда не мог назвать ханжой Кортеса из Эстремадуры. По крайней мере безнаказанно. Прелести принцессы волновали его в той же мере, что и любого мужчину.

Но раковины!..

О-о, эти раковины! В них-то и заключался кошмар, постигший армию конкистадоров. И в них же таилась надежда.

* * *

Чтобы отправиться в поход, Кортесу пришлось проявить воистину сатанинскую изворотливость. Губернатор, совет по

делам Индий, король — все они требовали денег, денег, денег…

Кортес поставил на карту все свое состояние. Он опутал сетью интриг Амадора де Лареса — королевского бухгалтера; втянул в отчаянную игру губернаторов колоний. В результате одиннадцать кораблей под его предводительством отправились в путь и 13 марта (ах, несчастливая дата!) 1519 года высадили десант на поросшем пальмами мысе.

Конкистадоры основали город и назвали его Вилья-Рика-де-ла-Вера-Крус. Длинное мелодичное название, на случай, если их подвиги воспоют в песнях.

Чтобы не испытывать соблазна вернуться, Кортес приказал сжечь корабли. Часть войск осталась в Вера-Крусе, остальные конкистадоры двинулись дальше, вглубь материка.

С этого момента пошли чудеса. Местные жители никак не могли взять в толк, чего от них хотят страшные бородатые люди в железных шкурах.

В сущности, война — штука простая. Дело даже не в арифметике…[3] И не в технологии.[4] Война — это шагистика, логистика и дипломатия. К сожалению, индейцы не пользовались речью, а значит — их нельзя было искушать и предавать, водить за нос и манить ложной надеждой. Кроме того, они не носили одежды. Это обстоятельство казалось Кортесу самым опасным.

Вдумайтесь! Нет богачей и нищих. Нет арабов и евреев, мусульман и язычников, верных и неверных. Нет мельчайших трещинок, в которые так обожает вбивать клинья хитроумный капитан-генерал Кортес. Нет раскола.

Индейцы жили в раю. В раю, где с избытком хватало змей, но яблоки то ли размером не вышли, то ли сорт попался неподходящий.

Скрепя сердце Кортес написал доклад королю Карлу. Конкистадор надеялся, что вопрос разрешится сам собой. И в самом деле: есть Вера-Крус, есть обширные земли, есть переселенцы Старого Мира. Чего еще желать?

А туземцы… Ну что ж… Туземцы так и останутся тенями в ночи. Маленьким народцем. Колонисты будут оставлять для них плошки с молоком, вешать в сенях ножи, шептать обереги.

На крайний случай всегда есть мечи, не правда ли?.. Острые, холодные, но самое главное — *железные.* Мечи и мушкеты.

…План этот Кортес лелеял недолго. Ровно до того момента, как встретил первого человека, одетого в перья, ракушки и небольшую полотняную ленточку (на щиколотке левой ноги). А еще человек нес за спиной деревянный меч. С лезвием, составленным из острых обсидиановых пластинок.

Напомню еще раз: туземцы не носили одежды и не знали

оружия. А значит, с жителями лже-Индии случилось нечто странное. К добру или худу — капитан-генералу предстояло это выяснить.

Вернувшись в Вера-Крус, испанцы обнаружили, что город пуст. Люди покинули его, лишь в городской тюрьме томился еретик Илирий. Кто он, откуда взялся — никто не помнил. Солдаты пожимали плечами, когда их спрашивали о греке.

Через несколько дней пришла Морская Владычица с посланием от ацтекского короля. Поскольку речью ацтеки не пользовались, послание было зашифровано в танце.

К сожалению, разгадать его испанцам оказалось не под силу.

* * *

— Визит Владычицы следует отложить, — осторожно начал падре Алонсо.

Капитан-генерал промолчал, и святой отец продолжил:

— Ее пляски не имеют смысла. В свой первый визит она скакала вокруг лагеря на одной ножке. — Губа Алонсо предательски дрогнула, но скулы взяли свое. — Искус?.. Несомненно! Нам пришлось отдать приказ о недопустимости плотских сношений с местными… м-м-м… жительницами нехристианского вероисповедания.

Кортес опять промолчал.

— А потом? — Понсе сплюнул. — Что за мерзость, прости господи!.. Знать бы…

— Так что же ты предлагаешь? — не выдержал конкистадор.

О, если бы толедские грешники в этот миг видели скулы отца Алонсо! Ужас превратил бы их сердца в носовые платки!

— Пытать Илирия, — жестко сказал он. — На костер колдуна. Он единственный остался в крепости, хотя мог свободно бежать. Святая Мадонна, — инквизитор закатил глаза, — и слепцу ясно, что гарнизон пропал его стараниями!

Кортес пожал плечами.

— Альварадо нашел их. Ты ведь знаешь, что с ними случилось.

— Но, дон Эрнандо, козни дьявола!., не пренебрегай отцом Лжи, молю тебя!..

Кортес читал мысли монаха так же легко, как Илирий — мысли Диаса. Неудивительно, что падре Алонсо спорил… Дьявол, еретики, козни и происки — это была обжитая территория. Уютная, родная, милая. При одной же мысли о Народе Ночи желудок монаха завязывался узлом.

Дело в том, что детям всегда рассказывают сказки… О Рип-ван-Винкле, например. О жителях сумерек, о феях. Фрей Алонсо слишком хорошо помнил времена, когда прятался под кроватью, слушая истории заезжих миссионеров. Дивные, упоительные истории — о Тех, Кто В Ночи Похищает Людей.

Жители Вера-Круса все как один ушли в лес. К нечестивым туземцам, в их проклятый богопротивный рай.

Взгляд Алонсо был красноречив, и Кортес сдался.

— Что ж… допросим Илирия, — нехотя согласился он. — Пусть расскажет о том, что произошло в крепости.

Монах сцепил пальцы. Настал его звездный час.

— Да будет так! Я кликну фрея Бартоломью, он приведет ере…

Фраза повисла в воздухе. Пламя камина истончилось, пошло дымом. Конкистадор и монах в ужасе перекрестились.

— Не трудитесь, святой отец, — произнесли угасающие угли. — Фрей Бартоломью стар, незачем ему бегать туда-сюда. Я уже здесь.

Возле погасшего камина сидел грязный всклокоченный человечек в хитоне. От него шел тяжелый козлиный дух; жиденькая бороденка топорщилась поганым клоком. Эрнандо мог поклясться, что глаза у гостя разного цвета.

* * *

— Илирий?!

— Илирий?!!

Пока падре Алонсо пучил глаза и решал, что ему сделать — втянуть щеки или выпятить губу, еретик времени не терял. Он рухнул на колени перед капитан-генералом:

— Прошу великодушно простить, алькальд. Я без зова, но вы нуждаетесь во мне.

— В тебе, Князь тьмы? — Монах наконец совладал со своим лицом. Скулы победили. — Тебя ждет костер, порождение ада!

— О да, — еретик вновь поклонился. — Вы почитаете меня за дьявола, но это ошибка. Я всего лишь нищий Иапетид, изгой и неудачник.

— Но…

— Подожди, святой отец, — остановил монаха капитан-генерал. — Разобраться надо.

Он обернулся к еретику:

— Объясни, как ты попал сюда.

— Не будем об этом, — замялся Илирий. — Этот фокус

стар… Вы нужны мне, я нужен вам. Все просто.

Глаза его блеснули:

— Я вот что скажу, алькальд… Ты хочешь бороться с Народом Ночи? С ацтеками?

— Да.

— Тебе не победить их. Ты стремишься научиться думать как они; но ацтеки не думают. Бремя разума их не тяготит — в том они счастливей тебя!..

Тут Илирий понес такую околесицу, что даже видавший виды Кортес поморщился и отшатнулся:

— Стой, стой! — замахал он руками. — Толком говори, чего хочешь.

— Я, алькальд, одного хочу. Чтобы настало царство разума на Земле.

— Разума? Занятно.

— Я могу дать им разум. Тогда ты победишь, Фернандо!

— А может, на костер его? — с надеждой подал голос отец Понсе. — Клянусь муками Христовыми, Царство Божие — оно как-то ближе…

Илирий вздохнул. Подошел к столу, сгреб лампу.

Бороденка затрещала в огне, словно клок пропитанной жиром пакли. Глоток, еще один… Монах побледнел. Илирий вытер губы и поставил наполовину опустевшую лампу на стол. Затем произнес извиняющимся тоном:

— Больше не стану. Вы в темноте плохо видите, да и вкус у масла… не того… Нет, костер меня не возьмет.

Он икнул и с его губ сорвались язычки пламени.

— Мы, алькальд, лучше полюбовно договоримся. Туземцы невинны; тебе никогда не победить блаженных. Чтобы сломить врага, надо его заставить думать по-нашему, и я в силах это сотворить. Скажите, капитан-генерал, пусть не гонят меня, когда Владычица Морская объявится. Дальше уж мое дело.

* * *

Кортес делил людей на дураков и умников — так удобнее. Дураки поступают так, как поступали сотни поколений дураков до них. Это приятно и легко. Дураки пользуются уважением сограждан, их любят и берегут.

Другое дело умники. Они поступают как хотят и чаще всего ломают шеи. Иногда, очень редко, им удается совершить нечто небывалое. Тогда их записывают в «Почетные дураки», а дурацкие скрижали дополняются новой главой и указаниями, как жить

последующим поколениям.

Ох, как не хочется перемудрить самого себя!..

Илирий, сын мятежного Иапета… Грязный грек, в чьих глазах порой мелькает насмешка. Кто ты? Над чем смеешься?.. Откуда появился среди конкистадоров?

Как выбрался из тюрьмы?

— Я на свободе, пока Берналь забыл обо мне, — пояснил еретик, подбрасывая на ладони апельсин. — Нет лучшего засова и дверных петель, чем людская память. К счастью, в данный момент он занят — подбирает рифму к слову «Пенелопа».

— Но… их же всего три?.. — Губа падре Алонсо неуверенно дрогнула.

— Рифмы «галопом» и «пучок укропа» он уже истратил.

— Для настоящей поэзии Берналю не хватает искренности, — усмехнулся капитан-генерал, — и веры в себя. В античные времена было иначе… Гомер рифмовал Пенелопу с чем угодно — и ничего. Написал «Одиссею».

…Все трое немного нервничали — по разным причинам. Кортес чувствовал, что стоит на пороге великой империи; Понсе боялся греховной красоты Владычицы. Что приводило в трепет Илирия — не знает никто.

Вот загремели на лестнице грубые башмаки.

— Идут, идут! — ворвался брат Бартоломью. — Госпожа Владычица Морская!

Дверь заскрипела, и…

…морской прибой заполнил башенный зал. Был ли Диас дель Кастильо неискренен и зажат — судить сложно. Известно одно: поэтом он был никудышным. Хотя бы потому, что не верил своему поэтическому чутью.

В глазах Владычицы Морской действительно жил блеск моря. В ее походке звучал зов кораблей. Капитан-генерал заерзал на своем троне. «Сволочь я, — промелькнуло в его голове. — Сжег корабли, погубил чудную сказку странствий…»

Девушка вошла и поклонилась. Движения ее были легки и прекрасны. Следом явилась свита: четверо дюжих молодцов с обсидиановыми мечами в руках. Ракушки и перья, украшавшие смуглые тела, вольно пародировали испанский доспех.

Именно эти ракушки и перья месяц назад убедили капитан-генерала, что с Вера-Крусом не все ладно. Мода на султаны из перьев не возникает на пустом месте — за этим всегда что-то стоит. Страсть к подражательству, например. Или чье-то представление о приличиях…

А может — любопытство. О, если бы любопытство!..

Пируэт. Еще и еще. Танец-загадка, ацтекские верительные

грамоты. Девушка застыла в грациозной позе, глаза ее смотрели с вызовом.

«Она приветствует меня, — подумал Кортес. — Меня и моих соратников. Сейчас она задаст свой вопрос».

* * *

В голове каждого человека живет болтунчик. Он говорит, говорит, говорит… не прерываясь ни на секунду, постоянно. Именно из-за него мы слепы и глухи. Не замечаем почти ничего вокруг себя.

А еще болтунчик ревнив. Он не любит, когда слушают кого-то другого.

Ацтеки не пользуются речью. Мир для них прост и целен; каждый конкистадор — как на ладони, со всеми своими страхами и предрассудками, желаниями и запретами. Им не нужно знать языка, чтобы понять щеки, нос, голову. Руки, ноги и живот.

Когда ацтеки *молчат*, болтунчик паникует. Запомните хорошенько: Морская Владычица не читает мыслей и не внушает их. Просто болтунчик не терпит безмолвия и старается думать за двоих. За своего хозяина и за безмолвного ацтека.

«Я знаю ваш этикет, — смеялись глаза Владычицы. Ее руки, грудь и бедра. — Мы станем говорить иначе. Кто ответит на мои загадки?»

— Я, — сказал Илирий.

«И ты найдешь, что подарить моему королю? — спросил ее нос. — Человеку, которому принадлежит мир?»

— Да.

Еретик с поклоном протянул девушке апельсин.

«Герменевтика, — уважительно подумал Алонсо. — Символизм. Мы несем вам сладость истинной веры — вот что значит этот жест. Умно, умно!»

Капитан-командор истолковал иначе:

«Конкистадоры сильны и отчаянны. Кто думает по-другому, глуп, как этот апельсин».

Морская Владычица надкусила оранжевую кожицу и сморщила носик. Миг — и золотистый мячик запрыгал по полу.

«Мы уничтожим вашу мощь», — понял Кортес.

«Нам не нужна ваша вера!» — решил Алонсо.

Илирий взял нож у Эрнандо. Шкурка плода лопнула под стальным лезвием; еретик разрезал апельсин напополам и положил к ногам Владычицы.

«Сталь сокрушит вас так же легко, как этот плод, — в глазах

Кортеса читалось восхищение. — Клянусь святым Бенедиктом, как это по-парфянски!»

«Чтобы понять любовь Христа, следует… следует… мнэ-э-э…»

Девушка замерла. Она стала на колени, прикоснулась носом к благоухающим долькам.

Лизнула.

Конкистадоры затаили дыхание.

«Она склоняется перед сияющим престолом Всевышнего! — затрепетал фрей Алонсо. — О чудо! чудо!.. Сладчайшая благодать снизошла на язычницу!»

«Какая попка! М-м-м!.. А грудь?!» — подумал Кортес.

Морская Владычица подняла сияющий взгляд.

«Я согласна, — загремело в головах конкистадоров. — Буду ждать на опушке леса. Но только трое, не больше! Я отведу вас к королю ацтеков».

Миг — и зала опустела. Потрясенные испанцы переглянулись.

— Неслыханно!

— Неслыханно!

Наконец-то они пришли к единому мнению.

— Ну а теперь-то, — с дрожью в голосе спросил Алонсо, — можно я возведу его на костер?..

* * *

Часто случается, что историю мира вершат сущие пустяки. К примеру, втянутая щека или нервно подергивающееся веко. При всех своих недостатках капитан-генерал был мудрым человеком. Он умел выбирать момент. Быть может, в том и заключалось его умение быть великим?

Кортес подождал, пока нижняя губа собеседника выдвинется вперед, а затем сказал:

— Да. После обеда.

Прозвучи фраза чуть раньше (пока Алонсо находился во власти щек) — история двинулась бы другим путем. Вряд ли кто-то смог бы переубедить фанатика.

— Но…

«Безумец! — пискнул испуганный голосок в голове Алонсо. — Ты же знаешь, что пламя — это всего лишь пламя. Быть может, Великий Торквемада способен зажечь Истинный Огонь… Но ты-то — не Торквемада!..»

Монах зажмурился. Яркие картины пронеслись перед его внутренним взором.

Вот Илирий, обложенный хворостом. Языки пламени вьются,

не в силах причинить ему вред. Сочувственный (и немного ехидный) взгляд еретика, недоумевающие глаза солдат.

И — сам Алонсо Понсе, объясняющий конкистадорам происходящее в свете последней папской буллы.

— К королю отправлюсь я, — словно сквозь вату донесся до него голос Илирия. — Ацтеки любопытны. На этот крючочек я их и поймаю — как поймал Владычицу Моря. Разум, разум! Воистину, это будет божественный дар!.. Я поднесу им дворцы и империи, богов и нищих, города и умение прятать смех… Войны. Золото. В спутники же возьму двоих: святошу и плохого поэта.

Даже не раскрывая глаз, Понсе знал, что ответит Кортес.

«Господи Всевышний! — подумал он в отчаянии. — На все Твоя власть, но… Господи!!! молю Тебя!!! Сын Твой шел на Голгофу, а я… я…»

— Хорошо. Можешь взять падре Алонсо и Берналя.

«Интересно, — мелькнула бестолковая мысль, — каково это — быть богом?»

Инквизитор ощутил прикосновение к руке. Козлиный запах ударил в ноздри.

— О чем задумался, святой отец? Идем.

Алонсо помотал головой:

— Скажи…

Слова давались с трудом. Замерзшие, больные.

— Скажи, грек, зачем тебе… это все?.. Ты отец лжи, но…

— Вы зря считаете меня дьяволом, — тихо сказал Илирий. — Просто… когда-то я оказал вам эту услугу. Я украл небесный огонь и раздал людям. С тех пор я обречен делать это вновь и вновь. Выслушивая оскорбления, проходя по всем кругам ада…

А все потому, что память у богов куда лучше, чем у людей. Не так ли, могучий титан, добронамеренный сын Иапета?

* * *

Высоко-высоко в небе горят звезды.

«Светлячки», «мириады», «сияющие россыпи» вспыхивают в мозгу конкистадора, но тут же исчезают, унесенные порывом ледяного ветра. Поэтический дар Диаса капитулировал еще позавчера, сломленный обезоруживающей красотой пустыни.

Негромко потрескивает пламя костра. Заунывно кричит птица в ночи, и свист ветра вторит ей.

Владычица Морская сидит напротив Диаса — тихая, немного испуганная. Ее плечи окутывает солдатский плащ; к перьям в волосах добавился клочок бумаги — одна из поэм влюбленного

конкистадора.

На вид девушке лет восемнадцать. Если вглядеться повнимательнее, становится заметно, что у нее немного оттопырены уши, нос украшает свежая царапина, а щеки вымазаны сажей. Но что влюбленным до таких мелочей?..

— …ты прекрасна, великолепна!.. — бубнит поэт. — Падре Алонсо окрестит тебя и наречет Мариной. Это почти то же, что и сейчас, верно?.. Тебе понравится. Моя любовь не имеет границ, Марина!.. Я принесу к твоим ногам все сокровища мира.

Вид у него препотешный, как у голодного теленка.

А девушке не до смеха… То ли рай, в котором живут ацтеки, не знает любви. То ли истертых вялых слов недостаточно, чтобы вскружить голову ацтекской принцессе, но нет радости в ее душе. Грубый плащ ранит нежную кожу Владычицы. Запах железа, крови и пороха, идущий от солдата, заставляет сердце сжиматься от боли.

— Марина… Марина!..

Эти латы, меч… зачем?!.. Клинок, стальные грани!..

Так жгут. И ранят!.. больно ранят!..

— Марина…

…А чуть поодаль на кошмах лежат падре Алонсо и еретик из Афин. Предмет их беседы не столько красив, сколько занимателен:

— …ага, в Китае. У тамошнего монаха.

— Да ну?!.. Святая Мадонна!..

— Они так в духовенство принимают. Бросил сумку и — хрясь палкой по хребту. Во, гляди — шишка!

— Иди ты!.. То есть, клянусь святым Августином. И ты, значит, у нас китайский монах?

— Я, — голос Илирия нисходит до шепота, — знаю вашу природу. Девчонка ведь не апельсин бросила. Кто в мире живет, тому вещей не надо, — так толкуй.

— Иди ты!.. Вот ересь, прости господи!.. А с ножом?.. с ножом как?..

— Двойственность ума. Все в мире имеет свою противоположность. Как апельсин делится на дольку и дольку, так мир делится на добро и зло, черное и белое, левое и правое.

…Как видно, у Илирия есть свое толкование событий.

Грек ошибается. Это неудивительно: понять одну-единственную женщину подчас сложнее, чем всех людей в целом.

* * *

Путешествие длилось всего неделю. Наверняка не обошлось без магии: ведь много позже, когда Берналь пойдет с армией конкистадоров, когда начнется официальная история, вошедшая в учебники, поход растянется на месяцы. Да, влюбленные не замечают времени. Но не настолько же!

Теночтитлан близился — волшебная столица ацтеков. Страшная и захватывающая сказка…

В хрониках Диаса вы найдете город мостов и каналов, жрецов и пирамид. Город, сверкающий золотом и белым камнем.

Это так.

И не так.

Не было окровавленных алтарей. Не было ста тридцати шести тысяч черепов. Что же было на самом деле?.. Поэтический дар юного кастильца и фанатизм монаха.

Удивительной силы, способной превратить жителей лже-Индии в империю, пока что не существовало. Туземцы жили в раю — сказочный волшебный народец… Никто не строил городов, потому что города не нужны счастливым.

* * *

— Ох! О-ох!

Илирий забился на голых камнях, прижимая ладони к правому боку.

— Диас! — прохрипел он. — Пристрели!.. прокля…тую тва-а-арххх!

Конкистадор недоуменно завертел головой. Высоко в небе парила черная точка; орел охотился, выискивая в траве полевок.

— Стреля-а-ай! — визжал еретик. — Боольна-а-а!!!

Берналь скинул с плеча мушкет. В миг, когда должен был прогреметь выстрел, ствол резко бросило вверх.

«Не убивай! — запульсировало в мозгу. — Не надо!»

Марина сжалась в комок, баюкая раненую руку. В глазах ее застыли слезы. Еще бы! Любое прикосновение к железу оставляло на коже ацтеков страшные ожоги.

— Марина!!!

Берналь бросился к девушке, но при этом он совершенно забыл о своей кирасе. Взвыв, Владычица поползла прочь.

— Подожди! Марина! постой, я сейчас!..

Загремела сталь. С остервенением конкистадор сорвал с себя меч, отбросил в сторону. Мушкет, наголенники — все полетело в общую кучу. Едва последняя крупинка железа упала на траву, вокруг путников поднялись стены; небо над головой стало

стремительно темнеть, скрываясь за уступчатыми сводами.

«Это дворец короля? — Взгляд Диаса забегал по сторонам. — Но тогда здесь обязательно должны быть барельефы…»

Барельефы появились.

«…и гобелены!»

С гобеленами вышла заминка. Диас склонялся к батальным сценам, а отца Алонсо влекли картины духовного содержания. В результате стены дворца украсились полуабстрактными рисунками. На них квадратные люди в зубчатых шапочках карабкались по маленьким зубчатым пирамидам, держа в руках зубчатые пучки травы.

В глубине зала возник украшенный золотом и драгоценными камнями трон. На нем сидела фигура в плаще из орлиных перьев. Голову ацтекского короля украшал золотой венец, шею — ожерелье из жадеита. Восемь золотых креветок поблескивало на груди властителя.

Конкистадоры рухнули на колени.

«Сейчас он спросит, с чем мы пришли, — всполошился Диас. — Что мы несем его людям… Мир? Любовь? Холодную сталь? Я должен рассказать об испанском короле! Жаль, Кортеса нет с нами…»

«…поведать о благости и величии Христа, — лоб отца Алонсо покрылся холодными каплями. — О милосердии Девы Марии. Господи! вразуми меня!..»

Илирий молчал. В руках его появился апельсин. Миг — и он стал яблоком. Еще — языком огня.

— Король! Твоя посланница любит игры и загадки. Я тоже их обожаю. Думаю, она уже сообщила тебе, с чем мы пришли?..

На лице короля отразилось любопытство.

— Я принес тебе удивительную игрушку. Дар, от которого до сих пор не отказывался ни один человек.

«Я заинтересован. Любопытно!..»

— Угадай, что это? — продолжал Илирий. — Нельзя отбросить, делит вещи напополам, сладкое и горькое одновременно?..

«Не слышал никогда».

— Еще бы! Это запретный плод. Его прячут от тебя, хотя другие, — еретик кивнул на испанцев, — сполна насладились его вкусом.

«Запретный плод? У нас есть запретный плод? Дай мне его!»

— Ты уверен? Огонь и железо, колесо… Телевизоры, компьютеры и микроволновые печи. К этому быстро привыкают, знаешь ли.

«Дай!»

— Говорите! — шепнул Илирий спутникам. — Я подарю разум туземцам, но разум несет противоречие. Потому вы здесь. Вы — разные. Ну же! говорите!..

…За годы, что прошли со времен конкисты, Диас повидал многое. Казалось бы, давние воспоминания должны истаять под грузом новых впечатлений, но эта картина навсегда останется перед глазами.

Счастливое лицо ацтекского короля.

Глаза Марины, исполненные боли.

И голоса, голоса… Звенящие, напряженные, требовательные. Голос отца Алонсо, излагающий догматы веры. Голос самого Берналя. В его словах — свист стали, запах цветущего миндаля в садах Гранады, радость поэта, поставившего последнюю точку.

«Господи!., что мы наделали?!!

Пусти нас обратно в рай, Господи!!! Слышишь?.. мы погибаем здесь!!!»

Язычок пламени в ладонях титана развернулся и проник в голову ацтекского короля. Необратимое свершилось.

* * *

Король сидел в своих покоях, радуясь, как ребенок. Белые бородатые люди подарили чудное развлечение, восхитительное и прекрасное.

Вот в чашке плещется густой чоколатль. И сама чашка — не чашка, а шикаль. На грудь давит ожерелье из чальчиуите, курится копаль…

Какое чудо! Вещи, события, люди — все прячется за маленькой горсткой звуков. Это — разум.

Слова жесткие, колючие, теснятся в голове.

Больно с непривычки.

Ничего. Дайте подумать (подумать!)… Теокали — за окном. В руках у воина — остро отточенный макуавитль или куаувололли?.. Все равно! А эта круглая штуковина, которой он закрывается? Кетсалькуешио. Или даже — кетсальшикальколиуки.

Король Сумеречного народца развлекался. Не раз и не два у него мелькала мысль (мысль! мысль! о счастье!), что длинные слова, в общем-то, и не нужны… Произносить тяжело. Вон испанцы — говорят «щит» и хорошо себя чувствуют. Без всяких там «кетсальшикальколиуки».

Но попробуйте остановить ребенка, когда он дает имена вещам!

Матлауакакки. Касик. Тлашкала.

Одно плохо… Женщины, с которыми он поделился игрушкой, ведут себя странно. Закутывают тело колючими тканями, хихикают, прикрываются, когда на них смотрят. Мужчины становятся агрессивными.

И голова болит…

Тематлатль. Куаутемок.

Теуле. Теуле?..

Да. Гость с переменчивым лицом что-то говорил об этом. Как-то это слово связано… с тем, что бывает — и не может быть?..

Ох, голова моя, голова!..

Придите ко мне все страждущие и…

Теуле!!!

Боги — на языке испанцев.

* * *

— Берналь! Берналь, очнись!

Юноша открыл глаза. Рядом с его ложем сидела Марина. Плечи девушки покрывал цветастый плащ, расшитый варварскими узорами, в волосах сверкали золотые украшения.

Дворец стал таким зримым, тяжелым. Существующим.

— Берналь, я боюсь! Игра, которой вы обучили короля… Что-то злое творится, я чувствую!

Абстрактные «ценные сорта древесины» еще вчера превратились в кедр и черное дерево. Белые стены — оштукатурены; по орнаменту бегут мельчайшие трещинки. Ацтеки с удовольствием приняли забаву. Их мир обретает вещность.

— Я боюсь, Берналь!

Сердце бывшей Морской Владычицы бьется, словно пойманная птица. Плечи сотрясает крупная дрожь.

— Я… я моря не чувствую! — В словах девушки звучат слезы. — Всего лишь кинула апельсин этому вашему… с бородкой. Хотела, чтобы он очистил…

— Ну, ну, успокойся, милая! — шепчет Диас, гладя девушку по волосам. — Не бойся. Я с тобой!

— Берналь… — Марина крепче прижалась к груди поэта. — Они хотят убить тебя!

— Что?..

— Я чувствую это… Я… я люблю тебя, Берналь!!!

К сожалению, Диас не знал языка ацтеков.

* * *

Вот уже почти неделю гости из испанского лагеря жили при дворе ацтекского короля. С каждым днем столица империи становилась все четче и ярче. Ацтеки все меньше походили на волшебный народец, и все больше — на жителей лже-Индии, как их представляли гости.

Ловушка захлопнулась. Страшный дар Илирия поработил туземцев, и можно было возвращаться обратно.

Это и тревожило инквизитора.

Лицо фрея Алонсо находилось в беспрестанном движении. Он замышлял. Он злоумышлял. Профессиональное рвение не давало священнику спать спокойно.

«Илирий, — билось в висках. — Илирий!»

Присутствие гнусного еретика было невыносимым. Тень Торквемады висела над плечом, и манила, и звала, и качала укоризненно головою.

«Илирий!.. Илирий! Помнишь ли долг свой, брат?..»

К сожалению, уничтожить негодяя не было никакой возможности. Среди отравленных разумом туземцев титан пользовался неслыханной свободой.

В голове священника зрел план. Чтобы претворить его в действие, требовалось особое благоволение фортуны, счастливый случай. И (как обычно бывает в таких случаях) он не замедлил представиться.

В дверь постучали.

— Да-да, — сказал Алонсо. — Войдите.

Дверь распахнулась. Краснокожий человек в орлином плаще ворвался в покои священника.

— Ваш дар, — быстро заговорил он. — О, ваш дар!..

— Что, сын мой?..

— Я смущен и раздавлен, многоликий человек! Где мне найти поддержку и опору?..

Алонсо подобрался. Речь ацтека звучала для него тарабарщиной: «атли», «шики», «лиуки»… Но интонации, интонации! Ухо исповедника мгновенно поймало знакомые нотки.

— Твоя душа жаждет успокоения?

— Да!

— Ты страждешь?

— Да! Да!

«Кецаль! Коатль!» — эхо разнеслось по запутанным переходам дворца.

«Теуле!»

— Я принесу тебе свет и покой. Слушай же!

* * *

Миссионеры знают, как сильно зависит религия от языка. У таитянцев, например, нет понятия «грусть», но есть недоступные нам toiaha и pe'ape'a. Как объяснить им, что сын Божий скорбит о человечестве?..

Попробуйте перевести слово «аскет» на язык бушменов. Получится «грязный старик с торчащими ребрами». Или того хуже: «хочу пареных бататов с ящеричным соусом».

Но самое страшное — втолковать дикарю, что есть «посланец бога». Истинные миссионеры готовятся к этому загодя. Они принимают ванну, выпивают стопочку коньяка для храбрости и глотают сырые яйца. Чтобы голос не подвел в нужный момент. И все равно им страшно.

Дело в том, что боги любят шутить. Миссионер может закашляться, муха забьется в ухо благодарного слушателя, раскат грома заглушит проповедь. И тогда — вместо «посланца бога» в разум дикаря войдет Кецалькоатль.

Миссионеры знают это, но все равно отправляются в пустыни. Жажда общения сильнее страха.

— …а потом святой Марк притащил за собой медведя. Представляешь?!

Король кивнул. Анекдоты о святых ему нравились. Правда, этим людям сильно не везло в жизни: их жарили на кострах, сдирали живьем кожу, колесовали. Насчет последнего стоило бы узнать получше.

Вообще, Теуле — это увлекательно.

«Ке! Цаль! Ко! Атль!»

Кроме того, некоторые моменты вызывали недоумение. Святое причастие, например. Как это — кровь и хмельное пульке одновременно?.. А тело и маисовая лепешка?.. У короля были идеи на этот счет,[5] но он не рискнул их высказывать.

— Мы построим тебе огромное жилище с множеством ступенек, о разноликий человек! — восторженно приседал он. — Тебе понравится. Расскажи — что еще угодно этим могущественным Теуле?

…И священник рассказывал — красиво, пышно, образно. С использованием метафор и аллюзий. Он поведал о рвении,[6] о пылающих сердцах на алтаре служения, о жизни, отданной Богу.

Завершил же свою речь призывом уничтожать еретиков. И даже — «Кецалькоатль!» — указал первую жертву. И не одну.

* * *

Город походил на бурлящий муравейник. Ацтеки метались в растерянности, еще бы!.. Им предстоял первый праздник в жизни, а никто не рассказал, как к нему готовиться. Сама мысль, что все предыдущие дни были будничными, казалась им поразительной.

— Куда же запропастился этот проклятый Илирий?.. — недоумевал Берналь. — Нам давно пора возвращаться.

Он мчался по запутанным коридорам дворца, распахивая двери. Путь его был отмечен женским визгом и проклятиями мужчин. Конкистадору было все равно. Испанских идальго трудно смутить.

— Алонсо! Святая Богоматерь, где ты? Где ты, черт возьми?..

Дворец кончился, а Илирий как в воду канул. Оставалось поискать в уступчатой пирамиде, что появилась несколько дней назад. Идти туда совершенно не хотелось.

— Ладно, — ободрил поэт сам себя. — Я в щелочку загляну и обратно, хорошо?

Пирамида встретила его темнотой и зловонием. Привычный нос солдата без труда угадал в нем запах крови. По спине побежали мурашки.

— Илирий?.. — позвал Берналь. — Илирий?..

— Да здесь я, здесь, — послышался усталый голос грека. — Закрой дверь, сквозит.

Бронзовые створки захлопнулись. Последняя полоска света под ногами Берналя растаяла.

— Э-э… Извини, что я…

— Не стоит беспокойства, Диас. Как там Марина?..

— Благодарю, хорошо.

— Заботься о ней. Она славная девушка, поверь моему опыту. Вы будете отличной парой.

В темноте захлопали крылья. Запах крови усилился.

— Э-э… Спасибо. А кто там с тобой?..

— Не обращай внимания… Один старый знакомец. Подкармливаю его, как могу. Печень мне все равно не скоро пригодится.

Повисло принужденное молчание. Слышно было тяжелое дыхание еретика, да кто-то возился у дверей, пытаясь войти. Наконец Илирий кашлянул:

— Диас?.. Я вот что хочу сказать…

Дверь загремела, открываясь. Тоненькая фигурка замерла на пороге, и сердце Диаса подпрыгнуло. Силуэт Марины он узнал бы из тысяч и тысяч других.

— Ты не вовремя, друг мой. Сейчас здесь окажется много

жрецов, понимаешь?.. Неудобно получится. У людей праздник, а ты…

— Берналь?.. — жалобно позвал женский голос. — Берналь, где ты?.. Я не вижу!..

Каждый шаг Владычицы сопровождало мелодичное позвякивание, словно она несла в мешке стопку жестяных тарелок. Девушка сгибалась в три погибели под тяжестью огромного тюка.

— Марина, я здесь!..

— Берналь!..

Любовных объятий не получилось. Руки поэта наткнулись на что-то тяжелое и жесткое.

— Они… они… — всхлипывала девушка. — Берналь, они хотят… принести тебя в жертву! Берналь!

— Но…

Железо с грохотом посыпалось из мешка. Меч, кираса, мушкет, поножи.

— Берегись!

Загремели медные ставни; столб света ударил сверху, заставив зажмуриться. Когда Диас открыл глаза, небывалое зрелище открылось ему.

Огромный, грубо вылепленный идол высился над ним. Лицо его… лучше бы оно не было таким знакомым. Щеки Кецалькоатля втянулись внутрь настолько, что превращали голову бога в оскаленный череп.

Вдоль стен крадучись перебегали закутанные в шкуры люди с обсидиановыми мечами. Жрецы и воины.

— Марина, за спину! — рявкнул Диас. — Скорее! Будем пробиваться к выходу!

Конкистадор торопливо облачился в доспехи. Приладил пояс, закинул мушкет на плечо. Ацтеки не делали никаких попыток помешать ему. Тихо плакала девушка, прижимая к груди изъязвленные железом руки.

Вот и все. Пора в обратный путь.

Один из жрецов двинулся навстречу Диасу, размахивая каменным мечом.

— Нечестивец!.. — начал он. — Ты попла…

Ремиз! Выпад!

Познания ацтеков о мире обогатились новой философской категорией.

* * *

Боевое искусство Теночтитлана создал Берналь Диас. По крайней мере никто из ацтекских воинов этого не оспаривает.

Сыны орла и ягуара, потомки лис и волков — на самом деле они потомки тех, кто пытался остановить влюбленного кастильца. Сколько их было, сколько осталось на заляпанных кровью плитах — считать бессмысленно. Те, кто выжил, возглавили армии. Стали правителями городов и провинций.

Берналь и Марина бежали по улицам юного города. Причудливые сады, каналы, мосты, белоснежные дворцы выплывали навстречу. Столица империи рождалась из хаоса, словно Афродита из пены.

А нетерпеливая воля Илирия… Да полно! Так ли его звали — насмешливого и бесцеремонного богоборца?.. Кто скажет?..

Прометей! Дарящий огонь.

И все-таки он достиг своего… Разум, проклятый и благословенный дар, отравил Сумеречный народец подобно чуме. Пустыри вокруг дворцов обросли ветхими хижинами, на полях зазеленел маис. Двинулись в путь сборщики налогов.

Кортес мог торжествовать. Вчерашние обитатели рая поделили себя на тлашкальцев и чолулу, на тотонаков и семпоальцев. Вспыхнула вражда, и отныне конкиста была обречена на успех. Чем все закончилось, вы прекрасно знаете и без меня.

Так что же, спрошу я, — неужели жалость и любовь Илирия к людям пропали зря?.. Неужто он принес ацтекам лишь боль и страдания?..

Миссионеры объяснят индейцам вечные истины. Поплывут из Африки корабли с грузом невольников. Войны, восстания…

Это — разум. Ничего не поделаешь.

Но все же… все же…

Две фигуры на мосту — мужская и женская. Женщина — в широком варварском плаще, ее волосы украшены перьями. Мужчина — в испанских латах, при мече.

— Я люблю тебя, Берналь! — шепчет она.

— Марина, любимая!..

Насмешка? Да.

Но черт возьми!.. Если Диас наконец поверит в зов кораблей и блеск моря — для меня это станет пусть слабым, но утешением.

Рига, Латвия

Андрей Максименко, Юлия Сиромолот
Ветер на дне колодца

Ужели мы попали в сети,
В сияние ночного Солнца?
Как листья разметает ветер,
Что мечется на дне колодца…
Оно — не камень и не птица,
Ничтожно малое в огромном:
Не разорвать. И в нить не свиться.
Не вознести, не бросить в омут…

Ч.

Уснул Теночтитлан. Медленно вплыл в день. Жалюзи спущены, шторы задернуты, но светлое пятно все-таки дрожит на полу. Это Солнце обгладывает вершину пирамиды Тольтахуа — напротив.

Мир изменился, но не Солнце, оно по-прежнему не друг мне. Да и никому… но я так отвлекусь и начну рассуждать сейчас о другом. Буду курить без счета черные сигареты, забуду пить пиво, и оно степлится. Жар в бамбуковых щелях поплывет красным, карамелью, — значит, до вечера я опять просидел, заговаривая час от часу с платяным шкафом, оскалившим дверцу.

Говорить-то мне больше не с кем.

Зато как я вспоминаю! Я в своих воспоминаниях роскошествую: они мои в самом окончательном смысле.

Декан, доктор, продажный боец, живописец, вещуны, прихлебатели, прекрасная женщина!

Где вы теперь? В каких слоях?

По памяти я все-таки поставлю ее первой. Катерину. Хотя, вначале было слово Декана… но я не стану припоминать Декана Лелюка именно сейчас. Успею еще. Я считал тогда, что отрастил себе достаточно длинный поводок, чтобы послать Декана с его очередным беспочвенным и безвоздушным заданием — на фиг. Сначала временно. А потом — хотя бы время от времени.

Рейс из-за океана сел на полчаса раньше. Такое бывает только на нашем побережье. Попутный ветер! Что за ветер!

Рыжеволосая, в талии тонкая, в остальном — что надо, метр восемьдесят на каблучках… Вся в белом, и даже сквозь купол

аэровокзала просвеченная теночтитланским Солнцем. Все ее изумляло: лавсановый балахон, которым надо было укутаться с ног до головы, площадь, обильно политая маревом. А между дрожью жары верхней и нижней, то есть наведенной от камней, — незыблемый шоколадный коатлекль с бликами на гладкой коже.

В Теночтитлан ее привел наш бесконечный театральный фестиваль. Дала мне карточку с золотым цветком в углу. Издание не совсем для дам, не вполне для мужчин, кое-что на подростковом жаргоне, советы, как сберечь здоровье в очень большом городе… так она сама отрекомендовалась. Я взглянул повнимательнее — не притворяется ли? Нет, она откинула капюшон — мы ехали в задраенной, как БТР, «сюизе», — и от незагорелого лица чужестранки шла прохлада.

Гостья удивилась, когда я посоветовал лечь спать среди раскаленного бела дня. Ведь она приехала увидеть чудо, беспрерывное извержение вулкана страстей, ветер на дне колодца, что еще там… как же спать? Зачем? И Артем Тарпанов, небрежно красуясь превосходством настоящего «теноко», пояснил, что все чудеса и извержения в Городе Пернатого Змея смотрятся хорошо да и бывают, собственно говоря, исключительно ночью. Ни один талант, даже самый меднолобый, не выдержит дневного Солнца, оно здесь плавит мозг и испаряет кровь — вот уж лет триста или более.

Ну, что же делать — она вздохнула, а я, помедлив, сколько прилично, спустился в пустой вестибюль башни «Нопаль Виц». Приятное знакомство возобновится с закатом, сейчас я спешил. Мало ли кто из приятелей-полуденников вынырнет сейчас из-за тростниковых занавесок — а мне еще нужно доложиться Кочету, что сиуатль прибыла и устроена. На этом, пожалуй, одно расписание заканчивалось, а потом еще была назначена встреча — не то чтобы напрямую из Лелюковых дел, но близко.

Хотя при моей-то работе правильно было всякого, вплоть до бабульки на кассе в общественном сортире, считать человеком Декана. Я привык примеряться к совпадениям текстов, прислушивался к обмолвкам дикторов теленовостей… И не удивлялся, что якобы случайное слово попутчика в самолете может оказаться паролем. А на том конце пароля упомянутая выше бабуля даст сдачи чужеземной монеткой. По каковой монетке тебя признает лавочник, и, доставая с полки альбом Дали, «нечаянно» уронит тебе на голову тяжеленный справочник «Суеверия шарракин»… Правда, в случае, о котором речь, тактика Декана была несколько иной. Он просто посадил где-то (может быть, что и под замок) целую бригаду аналитиков и

шифровальщиков. Сама суть казуса была такая тонкая, неопределенная, что эти мученики прикладной мелогвистики вынуждены были вылавливать информацию, пользуясь самым несвязным и независимым источником — всемирными новостями. Они проделывали какие-то многоступенчатые процедуры, а результат их каторжного труда поступал ко мне — как ни странно — в форме все тех же новостей. Прямо на сетевой принтер «Кетцаля». Моя задача была уже много легче, я всего только применял таблицы Маркова и бросал пакаль[7], чтобы узнать следующий ход. Таким образом, за несколько дней до того, как появилась Катерина, я уже знал — оно называлось Перо Эммануила.

Но еще раньше Йош Вашкаштра, аркаимский беглец… Да, тушка Йош, который попросту ни в какие расписания не укладывался. Никогда. Лелюковой подставой он не был и к внешней жизни моей ацтланской не относился. Да и что общего у Артема Тарпанова, без стыда и совести, с духовидцем весом в добрых два центнера? Разве только шоу ольмеков, в котором Йош был на сцене, а Тарпанов, со «Смуглой Девой» в зубах и восхищением в сердце — в зале, в глубокой тьме. Однако же их частенько видели вместе в компании прочих «ольмеков» рано утром, когда уже все отплясано и выручка подсчитана, — в каком-нибудь «Ягуаре и Попугае». Да бог с вами, любопытные! Пиво они пили вместе да трепались, вот и все. Ничто так не сближает, как свежее «Манитобо» под игуану. Сущее отдохновение был для меня этот толстый, вечно насморочный гениальный плясун. Напившись пива, он начинал сморкаться, вытирать слезы и рассказывать про прекрасный Аркаим. Авестийские песни пел, читал стихи. Жить в Теночтитлане Йошу было несладко: как истинно верующий, он почитал Солнце, трепетал к нему любовью, но ясноликий бог был тут слишком близок к рабу своему Вашкаштре — обжигал… И так его жизнь обламывала во всем. От священного подсолнуха у него была аллергическая сыпь. В шерсти священного ягуара, на процессию которого он упорно ходил каждый год, таилась астма. Шоколад, томаты и перец обрекали на голодную диету. Да бог с ней, Йош мог на запасах подкожного жира въехать даже в бриллиантовую страну Гренландию, хватило бы на полгода автономного существования. Беда была в том, что он как раз жить не мог без священного чего-нибудь. Я его мог бы понять — у самого прабабка в лесах из березовой веры в рябиновую перекидывалась, — но уж очень восторжен был мой приятель. В последние месяцы только и разговоров было у него, что про какого-то чудо-доктора

Леопольда, который-де может его избавить от мистической аллергии. Мол, целит он без таблеток и шарлатанства, почти одним приятным разговором, и так тонко дает понять духовную природу недуга, что отекам и сыпи ничего не останется, как отступиться… Чихая, Вашкаштра взахлеб пояснял: священный подсолнух он еще выносить не может, это в следующем сезоне, но что касается ягуара — о!!! Я бы, в общем, порадовался за беднягу. Но он стал мне этого доктора усиленно рекомендовать. И познакомил нас в конце концов, хоть я об этом и не просил. Доктор вынырнул из каменного чана с парной минеральной водой в клубе «Соланика» и развернул передо мной все побрякушечные приемы людоведа. Пока Йош то ли по деликатности, то ли предусмотрительно хлюпал в бассейне вместе с прочими «корешками», чудо-лекарь Леопольд Гнездович разоблачил меня как приезжего (по светлым корням волос, так он сказал), обратил мое внимание на отсутствие телесной гармонии, будучи сам изрядно брюхат… и так далее. При этом он постоянно напоминал, что не консультирует и что все его советы в данный момент абсолютно бесплатны. Так что мне остро захотелось ему уплатить, чтобы он уже почувствовал себя консультирующим и умолк. Заткнуть ему рот было нечем (я сам сидел нагишом в каменной чаше), удовольствие от купания сошло на нет; я полез вон, обернувшись к нему самой негармоничной частью своего прекрасного тела, — у меня там было светлое пятно с заходом на поясницу, след от Дракона, цветной татуировки в пять мегабайт. Картинку пришлось свести уже на службе у Декана, воспоминание не из приятных, но другого отсутствия гармонии я за собой, ей-богу, не знал. А доктор хитро щурился мне вслед, примечал, сканировал.

Йоша я, конечно, не утопил, как хотелось, сразу. Потому что уже через минуту, когда доктор исчез в испарениях целебной воды, сообразил, что такие выпады абсолютно не в манере Декана. На всякий случай дома еще раз тщательно проверил все, что мне успели прислать мелогвисты. Сделал десять поисков по разным параметрам (в том числе по бороде, черной бороде, Леопольду и бане), два комбинированных — убил несколько драгоценных ночей. Ничего не нашел. Матрицы, конечно, не молчали — этого не бывает, но индекс связности стабильно был меньше пяти.

Поэтому в следующий раз, когда толстячок в белом возник из-за спины счастливого Вашкашгры, я был гораздо терпимее. Мало ли что? Надо же ему практику расширять. Он ни разу так и не смог попасть, что называется, в точку: на его провокации я

отвечал в своем лучшем стиле — парадоксами. Теперь уже и не помню, как всплыла в нашем многоборье та тема… мы, видно, болтали о книгах вообще. Или об истории? С доктором приходилось держать ухо востро, он даже из пятен томатного соуса на салфетке, которой я вытирал губы, умудрялся делать какие-то далеко идущие выводы. Однако же было ли это на фоне совокупляющихся жриц-черепах в аквариуме Храма Вечности (восторженный Йош маячил поблизости), то ли на базаре — посреди маринованных ростков и алой фасоли… слово вылетело, а я поймал, будучи на сто процентов уверен в том, что доктор — не зацепка.

Я должен был заехать к нему за книгой, которую он всячески мне накануне рекомендовал, и потому-то спешил, оставив прекрасную чужеземку в «Нопаль Виц». Она, ей-богу, была реальнее любого из чудес, и я, принимая холодный артезианский душ в бывшей фотомастерской, пламенно и со старанием просчитывал орбиту вблизи этой славной Новой звезды. Сколько она тут пробудет? Неделю или две… время есть. Если только она не глупа и не вздумает в самом деле пропадать на фестивальных толкучках. Но на дуру не похожа и на дурочку — тоже. Плохо будет, если окажется синий чулок, феминистка или того хуже — лесбиянка. Нет, я в принципе не готов отстреливать последние два типа существ… но то в принципе. В теории. А на практике, когда распустишься весь перед нею, а она высматривает в толпе юниц с голодными глазами… тьфу, крокодил!

И все-таки звезда была пока отдалена, а встреча назначена. Я бы, в сущности, и не пошел туда… что мне эти докторовы читанки… однако пакаль советовал — идти. И я послушно шмыгнул под безумным прессом Солнца, втиснулся в скользкое кожаное сиденье «сюизы», скользкими пальцами повернул ключ, скользкой ступней выжал сцепление… поехал, одним словом, в самый пекельный предвечерний час на окраину, в подпольный кабинет.

Место и в самом деле было подпольное. В подвале дома в тольтекской слободе. Сверху — восемь метров кладки из дикого камня, каждой каменюкой можно убить богатыря. Окна — щелями, под самой деревянной крышей, да кое-где между камнями просвет. И под землю это чудо фортификации уходило на добрых два метра, освещаясь дневным сиянием через полукруглые проемы на уровне почвы. Зато у доктора было прохладно без всяких кондиционеров. Гнездович вздумал было поить меня гуаюсой,[8] но я отказался. Не тот был тип доктор, чтобы с ним разделять питье большой дружбы. Я приложил все

старания, чтобы поскорее отделаться и домой — отсыпаться за вчера, и позавчера, и сегодня… В конце концов обошлось созерцанием довольно китчевой коллекции узелковых писем (висели они повсюду, как дешевое макраме у моей бабушки, только макраме было невинное, а письма, хоть доктор об этом и не догадывался, полны ужасных проклятий, семиэтажной матерщины во всех богов и Великую Змеиную Мать, и самым ходовым было выражение «спустить шкуру от макушки до задницы»…) Книга, которую Гнездович мне подал с многозначительным видом, оказалась в самодельном картонном переплете, перехваченная резинками. Я поблагодарил отрывисто и сбежал как можно скорее. У меня еще оставалось два часа до захода Солнца.

И эти два часа (не считая обратной дороги из слободы в Кухум Виц) я удачно проспал. Никто меня не тревожил, даже мадам Квиах не шастала туда-сюда со своими уникальными фотоснимками на стекле. Проснулся другим человеком. Который знать не знал ничего ни о каких Перьях (и вообще во всю эту чушь не верил), и которого ждала ночь развлечений в компании прекрасной дамы. Как сказал об этом Чатегуатеквокотетл…

В «Нопале» я поднялся на сорок третий этаж, окунулся в сильно кондиционированный воздух с запахом луны (в холле красовался неизменный кактус в цвету, бедная чужестранка…) Дверей запирать она не была приучена (что меня совсем не удивило, запорных культур теперь раз-два и обчелся, но здесь — запирают). Так вот, я и вошел, и в спальне уселся тихонько в кресло. Должен признаться, ничего особого не увидел — чудесного медного оттенка рыжина, плечо, правая нога… прочее было укутано в гостиничную льняную простыню с кружавчиками. Наверное, она и не спала вовсе, потому что очень скоро сбилось дыхание, она зашевелилась и повернула голову. Посмотрела на меня, что-то пробормотала и очнулась окончательно. Не похоже было, чтобы она была мне рада.

— Ты что здесь делаешь?

— Это я, Тарпанов Артем, «Кетцаль», — на всякий случай, вдруг не запомнила в лицо, бывают такие — забывчивые.

— Вижу, вижу, — она поморщилась, — но с какой стати?

— У ложа прекрасной дамы, отгоняя демонов ночи… Ведь ночь-то уже наступила.

— Ну, и что? А-а… да-да. И давно ты тут?

— Две минуты. Невинные две минуты.

— Однако, местные обычаи… Что, в следующий раз найду тебя рядом с собой?

— Sí Díos quíeré…[9]

Она уже поднялась с постели, что меня восхитило — без жеманства, не волоча за собой простынные бастионы, и я увидел прекрасного тела и дорогущего белья ровно столько, сколько можно было увидеть за пятнадцать секунд ее следования в ванную. Оттуда она отозвалась:

— Что? Ты говоришь по-испански?

— Нет! Это так, просто… навеяло, — и в самом деле, хотя она совсем не связывалась у меня с Иберией, однако же — «Эль Хирасоль»… и то, что послышалось невнятно, когда она просыпалась, — как будто кастильская речь. — А ты?

Ответа не было. Зашумела вода. Потом она показалась, обернутая в индейскую циновку.

— Так все же — что ты тут делаешь?

— Как не едят цветы — тобой любуюсь… Кто-то должен быть твоим проводником, помощником и другом.

Она, не показываясь из-за створки шкафа, вдруг перестала шуршать одеждой (почему-то мне представилось — стоит с юбкой на голове…) и спросила приглушенным этой самой одеждой голосом:

— Скажи-ка… ты, случайно, не гей?

Я фыркнул.

— Нет. Не-ет. Но и не насильник, ты понимаешь… Во всяком случае, не в первый вечер…

— Скромен, что и говорить, — она еще пошуршала и захлопнула шкаф. Светлый костюмчик «сафари» смотрелся на ней, как королевская роба. — Так куда мы?

— В гости. Представляться, завязывать знакомства.

— Это неизбежно?

— Абсолютно. Тебя жаждет видеть мой шеф, Кочетуатльтекутли, господин мэр Тамагочтекль, Чатегуа Третий, потомок Чатегуатеквокотетла по линии бабушки, и прочие достойные граждане столицы. Эй, что ты делаешь? Это обувь — на веревочках? Сейчас опять такое стали носить? — Да.

— Ничего не выйдет. Это же Теночтитлан. Ты думаешь, выжила на какой-то там вашей фиесте… здесь все по-другому. Ты сломаешь ноги!

— Другого-то нет… Значит, я пойду босиком. Предстану в таком виде перед мэром Тамагочкаклом.

— Тамагочтеклом. Не выдумывай. Тебе оттопчут пальцы. У тебя должно быть еще что-нибудь про запас!

— Ничего нет, — злорадно отвечала она. — Или так, или никак. Ну? Ты идешь или нет?

Она была, что называется, в ударе. Под ударом, — ибо город бил под дых — сносил напрочь, перехватывал дыхание. Горячий в ночи и темный, с залитыми искусственным светом ступенчатыми башнями — граница резкая, свет не рассеивается в сухом прокаленном воздухе. Она откидывалась назад, ахала и смеялась. Я повез ее кружным путем, потому что прямо к центру города в такую пору было не пробиться, и все равно нам пришлось бросить машину. Малолитражки, джипы, квадробайки заполняли окружное шоссе Усумасинта в шесть полос. Над его рубиновым сиянием плавился огнями мост.

— Что там?

— Ущелье. Пропасть! А вон — видишь, мутный такой свет, столбом — там Колодец.

— Для жертвоприношений?

— Почти. Там общественная сцена. Любой может выйти, нести чушь, лаять собакой или орать ламой. Или играть Лорку.

— Это забавно. Я… ничего об этом не знаю. Мы — туда?

— Не сейчас. Мэр ждет.

Я приманил фонариком вертолет. «В Ах-Пиц», — сказал пилоту, и Катерина опять невесть почему рассмеялась, и вдруг заявила, что ей не хватает шарфа, — почему это у меня нет? Я отвечал, что это не мой стиль, а она, заметив, что в Теночтитлане вообще нет стиля, процитировала вдруг что-то очень знакомое: про воздушные лодки, огни в каналах, шарфы и смеющиеся женские лица, но я так и не смог вспомнить и не догадался, к чему бы это.

Все вышло удачно: носатый Кочет клокотал от восхищения; мэр, собиравшийся преподнести Лазурное перо поэтессе Вирго Селис, передумал — полуметровое отличие досталось Катерине, разумеется. Она вела себя очень непринужденно, никакой скидки на босые ноги и подарок мэра, и я всего раза два заметил в ее лице профессиональное отсутствие — значит, брала на заметку для себя впечатление или кого-то из гостей… Сам я — сказать честно — скучал. Примелькавшиеся профили и фасы, синий свет, зеленый рыбий свет, горячий воздух, холодный кондиционированный воздух, еда и питье, шум — как у водопада. От нечего делать стал думать о книге Гнездовича. Собственно, это была старопечатная ойлянская «опись», запретная самодельщина, духовный самогон. «Еры» и «фиты» торчали из сбойных строк и подмигивали — весьма многозначительно. Я знал, что она может оказаться скучной. Или глупой, или пошлой… Но в самом ее существовании, ей-ей, представлялось мне больше смысла, чем, скажем, в любом из Декановых артефактов, подшипников земной

оси… И я уже хотел читать ее, снять обхватки, узнать, в чем там соль… гораздо более, нежели топтаться в «Ах-Пице». Правда, вот Катерина…

Катерину окружали городские мужи-управленцы: темпераментные, кофейно-сливочные, оливково-масляные, с глазами как вишни. В одной руке у ней был плоский индейский глиняный сосудик с вином, в другой — голубое перо, дар арары. И она задумчиво поднесла к губам перо и даже не опомнилась. Я посмотрел туда, куда она уставилась, — ничего особенного. Проход. Пустое место. Туда уже стягивались пары, примеряясь к новой танцевальной музычке. Я приблизился и решительно отобрал у нее смятое перо:

— Пошли танцевать…

Возвращались пешком, потому что и вертолета было уже не поймать. Один мой шаг — три ее. Устала. Жалко, а что делать — не на руках же нести! То есть, я бы, конечно, не против, — но ведь нынешних женщин этим не осчастливишь. Наоборот, еще оскорбится, не ровен час. Катерина поспешала за мной изо всех сил, и все-таки отставала, и наконец сердито вскричала: «Да постой же!»

Я остановился. Сразу исчезла подтаявшая ночь, иллюзия прохлады от движения. В Теночтитлане жарко даже перед рассветом. Катерина догоняла.

— Слушай, — она запыхалась, — ф-фу, нельзя же так… как вы тут… как плавленые сырки…

— Иди сюда, — я взял ее за кончики пальцев — раскаленные, — и повел туда, где обыкновенно сидел здешний «кактус». Правда, он мог и высохнуть. Или уйти в другое место, хотя этого, кажется, не бывает.

— Что это? Холодно!

— Угу. Градуса четыре разницы. Здорово, правда?

— Здорово?! — Она водила рукой, нащупывая границы в пространстве. — С ума можно сойти… Что тут у вас? Вечная мерзлота подымается? Эта… как ее… Сибирь?

— Нет. Это странная штука, однако мы привыкли. Помнишь, ты видела человека возле аэровокзала?

— Ну?

— Днем они сидят под солнцем. Голые. С выбритой головой. И им ничего не делается. На ночь они исчезают, а остается как будто их тень — вот такое прохладное пятно.

— Чушь, — фыркнула Катерина, — я что-то не почувствовала холода, когда фотографировала. И живых холодильников не бывает. Во всяком случае, не у нас, на бедной Земле. Ты меня

разыгрываешь.

— Больно нужно. А днем они никакого холода не производят.

— Что же они делают? — Не верила, а сама поворачивалась в воздушном потоке, расстегнув половину пуговиц, встряхивала волосы.

— Так… сидят. Впитывают Свет. Познают себя. Кто что говорит. А сами они молчат.

— Странно… Но вообще-то, пусть себе сидят. Значит, что-нибудь другое… Я не верю в чудеса. — Я думал, она засмеется после этих слов, она, может быть, и готовилась. Но не засмеялась. — Ладно. Пойдем, только не беги так.

Мы прошли метров сто молча. И она не выдержала:

— Слушай… Ведь ты бываешь на таких сборищах, должен знать… Кто такой: высокий, волосы светлые, но, по-моему, не от природы… хорошо двигается… странная одежда, византийский какой-то стиль…

— Эк-Балам?

— Кто такой?

— Самая дорогая в западном полушарии модельная попка. Вроде подходит по описанию, а уж одевается…

— Нет, не модель, — Катерина поморщилась. — Подумай… ему лет тридцать пять… Я не разглядела лица как следует, просто видела, как он прошел. Он, по-моему, еще с каким-то толстяком разговаривал — борода в косичках.

— А! Тогда это наверняка Кчун Шик. Юкатекское чудо. Мастер на все руки и не только. Сейчас он плясун. А толстый — Йош Вашкаштра, эмигрант из Аркаима. Они оба выступают в шоу ольмеков. Йоша я знаю, он мой приятель. А с Кчун Шиком не знаком, так, понаслышке только…

Однако у тебя и глаз! Будешь подступаться к интервью?

— Нет, какое там… Я просто обозналась. Да, наверное. На другого человека он очень похож. Куда мы теперь?

— Куда прикажешь.

— Как тихо… И безлюдно. Раз у вас ночь — это день, то где же люди?

— Ночь везде ночь, просто у нас по ночам не спят.

— Вот и пойдем туда, где они не спят. Но не к мэру, конечно.

Так и сделали. Только пришлось сначала разыскивать у моста мою наспех припаркованную «сюизу».

Солнце у нас восходит в это время года в шесть утра. Три часа спустя, уже в невозможную, звенящую жару, я подвез Катерину к башне «Нопаля». Мы побывали с ней в «Каменной Голове», потом она с восхищением наблюдала процессию

дудочников. Музыку и факиров снимало городское телевидение, над рядами тромбонистов слитно взлетали кулисы, флейтисты корчили гримасы… Катерину это дурацкое зрелище отчаянно рассмешило, но потом она сказала, что больше не может, хватит на сегодня, она хочет к себе. По дороге я поглядывал на нее в зеркало. Она устроилась на заднем сидении вдоль, вытянув босые усталые ноги. Время от времени позевывала, потом стала хмуриться. Лицо ее менялось, наверное, что-то в уме сочиняла, только почему такое мрачное? Ох, она не проста, моя Новая звезда…

На прощанье она мне вяло помахала ручкой, и только лавсановый балахон смутно мелькнул в дверях.

«…принадлежат перу Одина Юреца, который, по моим сведениям, проживал в городе Итиль в период между 75 и 85 годами Третьей Смятки». По нашему календарю это годы 2438–2445 (годы Смятки, короче, Солнечного счисления, ойляне умудрились все запутать…).

Я потянулся к кувшину, отпил воды, а кубик льда вынул и притиснул ко лбу. Я читал уже добрых два часа, изнывая, как домохозяйка над детективом — ничего не понимал. Отступление об ойлянах-путаниках принадлежало какому-то современному комментатору, может даже Гнездовичу, — оно было вписано на обороте листов обыкновенным пером, ядовито-синими чернилами.

Капли щекотали мне скулу. Надо еще льда поставить в холодильник, а то рехнусь. Тяжело поднявшись, я совершил нужные манипуляции. Было также минутное искушение засунуть голову в холодильную камеру, но я его одолел. «Опись» оказалась прековарнейшая штука! Прочесть, во что бы то ни стало, одним духом… но с какой стати? Сейчас, когда глядел на нее от холодильника, все снова казалось проще. Но я знал, что сяду, переверну с трудом прочитанную страницу и ухну в этот текст, как в прорву.

Я и комментарии-то взялся подряд читать, — верный знак того, что влип, хочу понять что и как. А понять было ох как трудно! Начиная со времени. Третья Смятка — это был для меня пустой звук. Из истории Земли Ойле я знал только, что там с тех пор, как подвесили они над собою Звезду МАИР, никакой истории нет. Никто туда не ездил, послов там не держали, ойляне наружу не показывались. Да, конечно, «опись» старая. Хотя бы по языку можно судить. Этот самый Один Юрец, видимо, вел дневник. Муж ученый, корешок моченый… Так…

«Ерема Бартер аппроприировал голиндраму. Занят сминцией

и просил у меня в том допомоги. Сотяготение грядущее ему гребтит крепко. Опасаюсь, как бы не оставил он сминцию ради каштелей своих, на воздусех строенных».

Числа сякого-то, месяца вырвеня. «Чем более рассуждаю о сотяготении, тем более испытываю стыдного разочарования. Уж впору сказать: братья, стойте! Схаменитесь, бессмысленные, на что восстали! Что вам эти сермяжники дались? Ошую их за рабочий материал мыслите, одесную воспеваете — дескать, колосса создадим! Великодушника! Тщета это, тщета горькая, и проклинаю сам себя, что под росписью сего безумства свою руку приложил».

Так. Опять месяц вырвень. Сплошные сминции, аккомодации, Ингерманландово счисление и прочая тарабарщина. Пропустим. Ага, вот месяц сажень начался. Интересно, как это у них — сначала вырвень, потом сажень. Наоборот бы я еще понял, хотя… наверное, ошибаюсь. Поверхностная, так сказать, аналогия. Что там у него, в этом сажене: «…утвердили и наметили к исполнению. Теперь ничего не отменить. Брат Бартер оставил все, на что прежде полагался, получил три хутора сермяжников и одну плавильню для опытов. Я его почти не вижу. Зашед к Ворону, обнаружил Гая тоскливо почитающим Субботу. В сильной горловой жабе говорить брат не мог, а писать запрещает Закон. Так что он только воздевал очи горе и теребил талескотон. Но очи эти исполнили меня столь сильно тревогою, что заутре первым делом к нему наведаюсь».

Наведался. Вот что пишет: «…принес с собою настойку чучулы. Спасибо старику шабу, не забывает меня, всякий раз с оказией что-нибудь пришлет от даров сельвы. Ворон выпил дозу в изюмном вине, прослезился и спустя краткое время обрел сызнова голос. И что же? Оказалось, давеча, в пятницу, в самый канун священного дня, явился к нему Бартер, взволнованный крайне. Горько упрекал он Ворона в неправильных расчетах, дескать, сверхтонкие поля им просчитаны по Лазарю, а следовало — по Септию, Луке и Магнусу. От чего сотяготительные силы вышли пропорциональны не второй степени мощности, а имели экспонент три с половиною. „Уроды! Уроды!“ — горько восклицал Ерема, то ли детищ своих разумея, то ли нас с Вороном. Я и то был, конечно, огорчен, а брат Ворон, по вспыльчивости характера, принялся тогда орать на Бартера, доказывая ему с мелом в руках и пеною на устах, что не в Лазаре дело, а в том, что Магнус был невежею, Лука из Фаленты — прелюбодеем, а Септий Анкор — его полюбовником. Может, и был — давнее то дело, только вот голоса брат Ворон лишился, а доказать ничего не доказал. Разумеется, касательно экспонента».

В общем, к концу сажня 83-го года Смятки я сообразил, что трое «братьев» занимались почтенной и давно похеренной социоматематикой. Один Юрец, правда, еще штудировал Тарот (странно, я бы от брата Ворона скорее такого ожидал, но что уж…). Гай Ворон, кроме того, что был хазарином и имел холерический темперамент, разрабатывал теорию, как бы сейчас выразились, психосоматического единого поля, применяя дифуравнения высших порядков ко всему, на что взгляд его падал. Ерема Бартер, невыясненного происхождения, был среди них единственным практиком, за что я проникся к нему определенным уважением. Сотяготение, которое они то ли изобрели, то ли предложили к внедрению в жизнь, внушало из всех троих сильное опасение только Юрецу. Гай Ворон был уверен, что все там в порядке, только безумец Ерема вечно путает знаки, пропускает плавающую точку, от того все его беды и разочарования. Ну а Бартер то ли путал, то ли нет — но из населения своих трех хуторов пытался вылепить, кажется, сверхчеловека. В этом, собственно, сотяготение и заключалось. Я предположил по обмолвкам Юреца, что Третья Смятка была эпохой технократов и слово ученых воплощалось в жизнь с легкостью военного парада. М-да… Представить себе, что сермяжники с трех хуторов… это ж человек двести, наверное… слитно продуцируют общую мысль, способную постичь природу Солнечной системы по изображению луны в календаре огородника… Не слабо. Также я смог сделать вывод, что приверженность главного расчетчика брата Ворона школе Лазаря Швечки на практике привела к тому, что узы сотяготения никак невозможно было разорвать. Хуже — отдельные сермяжники совершенно терялись в мыслительной мощи своего мета-эго (что совсем не удивляло меня, но Юрец и Ворон почему-то ожидали другого). Супер-человека у Бартера не вышло. Это стало ясно Юрецу и компании примерно к середине месяца репника. Тем не менее пилотный проект, видимо, удовлетворил верхушку государства и был принят ко всеобщему исполнению. Вот тут-то все трое и почувствовали настоящий ужас. Ойле-Богатырь, по уточненным Вороном расчетам, не мог оставаться стабильным. Он рос бы, как на дрожжах, впитывая и поглощая все новые и новые личности. Все равно — первого поэта или собирателя бутылок. Было бы серое вещество, а так — все сгодится. Он даже поощрял бы свои единицы воспроизводить потомство, чтобы получать нетронутые, чистые младенческие разумы, в которых так хорошо, без помех протекают биотоки. Но самым горьким разочарованием стало то, что Ойле-Богатырь (и пилотные уроды Бартера это доказывали собственным примером) не смог бы

выполнять своего основного предназначения. Творчески мыслить и познавать мир это облое чудище не могло, раз мира как такового для него не существовало. Братья любомудры даже стали подозревать, что оно и собственного-то существования толком не осознает… Печальное дело — двухсотединичный Еремин соединщик, полукустарное изделие, но совсем другим, адской серой пованивал миллионный Ойле-Богатырь государственной выпечки…

Тут я полил из кувшина себе на шею. Ладно, ладно, нагнали страху! Раз мы еще существуем сами по себе, значит, три ойлянина что-то такое придумали и всех нас спасли. Один Юрец как раз приступил к изложению этого. Шел уже 84-й год Смятки, месяц зузень.

«…испорчен шабский вызыватель. В коем мракобесии мы теперь пребываем! Отвержены, сосланы в глухую степную местность Байконур. В соседней землянке ссыльный же поселенец, некто Эммануил Фингер, целыми днями рассуждает вслух о полетах на Луну! Истинно безумец! Добро, хоть бывшие собратья не интересуются, чем мы досуг заполняем. Однако же сломанного вызывателя тут не починить. Бартер пробовал, но отступился, помог бы сам старик шабу, да уж покинул он бренную оболочку, и где сейчас обретается духом — неведомо».

Пришлось-таки математикам попотеть в поисках надежного способа порвать сотяготительные связи. Юрец и Бартер в тончайших опытах на мышах обнаружили, что энергия поля сотяготения квантуется, а запредельный эксперимент на тараканах подтвердил, что величина единичной порции сотяготения не зависит от массы организма. Мыши и насекомые, как и ранее сермяжники, охотно поглощали энергию, сливались, стремительно размножались и мерли от бескормицы. А вот заставить их излучать удавалось не часто. Зато, раз начав отдавать запасенное, суперорганизмы не останавливались, покуда не переходили в низшее из всех возможных энергетических состояний. То есть дохли. Иногда они при этом самовозгорались. Гай Ворон, обращенный содействием знакомых бурятов в буддизм шаманического толка, не соблюдал ни суббот, ни вообще режима и за три месяца трансцендентных бдений разработал идею резонансного съема и рассчитал резонатор. Это он, Ворон, сломал шабский вызыватель духов и картировал индивидуальные силовые линии сотяготения на своем примере.

Дальше повесть стала совсем невнятной. Я страшно зевал над ней, талая вода капала на страницы, пятная их. Я еще подумал — нехорошо оставлять *такие* следы, аминокислотный анализ может меня потом выдать, не хуже отпечатков пальцев… «Это все

ерунда, — отвечал мне высокий, узкоглазый Гай Ворон, разворачивая полуистлевшую холщовую хламиду, как крылья одноименной птицы. — Ничего не стоит проследить твои связи! Вот они, ниточки и пружинки». — И я удивился, что он говорит не своим непроглядным суржиком, а нормальной речью, как мой современник. Ворон плавно перемещался, как бы и не ходил, а проплывал над полом туда-сюда, размахивая тем, что держал в правой руке, будто указкой. «Вот эти, — вещал он, — короткие, тянутся к тем, кто сейчас возле твоей субстанции физической. Чем дальше — тем длиннее, а чем длиннее, тем она, брат, прочнее, такой вот парадокс!»

«А эта вот, — и призрачный математик вытянул костлявый перст и погладил действительно видимую мне в ту минуту бледную вибрирующую струну, — это самое важное! Род человеческий! Пуповина! Стоит мне ее обрезать… ну, не бойся, не буду!» — «Что у тебя?» — без звука вскричал я, сонный, понимая, что это сон, и тут же свалился за грань понимания. «Резонатор, — отвечал Ворон. — Хорош? Нравится?»

И он на раскрытой ладони протянул мне что-то, блеснувшее в дневной полутьме коротким ломаным блеском.

Неужели его в самом деле назвали пером?

Оно мерцало у меня перед носом, каменное, чуть искривленное, похожее на жертвенный нож. Совсем недолго — я и сообразить успел мало что, а брат Ворон, как ему полагалось, захохотал, закаркал, запахнул хламиду, обернулся самим собой и улетел, клацая острыми лезвиями на крылах, роняя смертельные каменные перья.

Катерина разбудила меня. Ее живые часы не позволяли спать днем, и вот она, извольте видеть, облеклась в плащ и отправилась пешком из своей башни ко мне. Пешком!!! Среди бела дня!!! Она, конечно, заблудилась, обожгла глаза, то и дело подымая капюшон, чтобы фотографировать, — в общем, вела себя как стопроцентная туристка. К башне ее подвез какой-то таксист. Хорошо отделалась… Я спросил, что она собирается делать, — неужели работать? Катерина отвечала отрицательно. Уселась напротив и смотрела невнимательно, как я, путаясь в отсиженных ногах, пытаюсь выбраться из-за стола.

— Ну-у… раз не хочешь работать, будем обедать. Снимай свою хламиду, располагайся.

— Спасибо. Уже расположилась, как видишь. Что ты ешь? Небось, заплесневело все.

— Ничего не заплесневело, нормальная пища, — я вытащил из холодильника пакеты, подернувшиеся серебром. — Ну, снимай

плащ, он же мешает.

— А у меня там ничего больше нет, — небрежно отвечала она, — жарко! Чей это стол, а?

— Мадам… кх… Квиах, — я поперхнулся. Все-таки не ожидал. — Э-э… да. Мадам… Наша фотографесса… Что ты там нашла?

— Точно! Я так и подумала — зачем мужчине столько побрякушек? Она симпатичная?

— М-м-м… Э-э… да ей лет шестьдесят, не меньше. Не трогай ее браслеты, пожалуйста, они приносят несчастье.

— Что ты?

— В самом деле, — я старался, раскладывая запасы по бумажным тарелкам, пореже подымать глаза. Катерина стояла ко мне спиной, уперев колено в скрипучий стул. — Когда она мне их в прошлый раз одолжила…

— Те-бе?

— Угу, — я облизал пальцы и выкинул в мусоропровод пустую банку из-под гуакамоле. — Есть тут такие… некоторые места…

— И что?

— Мне так навешали…

— Тебе навешаешь… — с сомнением протянула она. Браслеты посыпались обратно в ящик. — Не поверю, пока сама не увижу.

— Не увидишь. Это к нашему театру не относится.

— Дневные места… — задумчиво произнесла Катерина. — Туда женщин, конечно, не берут…

— Ага, начинаешь соображать. Ну, садись. Пиво будешь?

— Сок.

— Тогда томатный.

— Почему томатный? — она взяла тарелку и вернулась к мадаминому заброшенному столу. Ей там было интересно.

— Потому что… «Прохладен лишь томатный сок В полдневном сне Теночтитлана… Не станет сил у Океана Твердыню превратить в песок…» и что-то там: «…как поясок вокруг пленительного стана…» Держи.

«Но сердце тяжко, непрестанно, толчками бередит висок»… Я запил и заел бедного поэта так скоро, как только мог. Катерина прихлебнула из индейской кружки.

— Кого ты все время цитируешь? Это твое?

— Бог с тобой, женщина! Чатегуатеквокотетл, был такой поэт лет сто назад… Воспел Солнце и был им съеден заживо.

— Как так?

— Да вот… в один прекрасный день ушел из дому, бросил

жену и семерых детишек. Они стояли вокруг него на площади Огня, жена молилась всем богам, дети, как водится, плакали навзрыд. Но он не вернулся. День, и другой сидел на площади, подставляя Солнцу обритый наголо череп… через неделю исчез совсем.

— Фу, страх какой! Что же — испарился? Высох?

— Ну, может и так. Присмотрись, раз уж все равно днем бродишь — коатлекли и вправду как бы тощают.

— Не мудрено — ведь не едят ничего, да еще жара.

— Не-ет, не только. Они тоньше становятся, словно Солнце их обгладывает. Облизывает, как леденцы.

— Как шоколадки. Значит, все они — поэты, и тот, у вокзала?

— Нет. Поэтом быть не обязательно. Честно признаюсь — среди моих знакомых змеечубцев нет. И вообще, к ним быстро привыкаешь. Сначала, когда я только что… ну, словом, первое время я страшно любопытствовал — что они, как это? Пытался даже, дурак, с ними в разговоры вступать.

— А они разве…

— Нет, конечно. И я тебе не советую. Какая-то от них жуть…

— А это не заразно? Откуда они вообще берутся, ведь появляются новые?

— Да бог с ними. Никто не знает, и я не знаю. Может быть, они перерождаются, сегодня тут исчез, завтра — там появился. Никто же их учета не ведет. Может быть, они бессмертные. Может быть… да это все впустую. Вот, если повезет тебе и разговоришь Кчун Шика — спроси тогда у него.

— А ему откуда знать?

— Говорят, он был коатлеклом.

— Был?!

— Ну, так рассказывают. Будто он чем только не отличился — и у повстанцев ходил в главарях, и в заливе пиратствовал, подарил правительству алмазную трубку в горах и был прощен…

— Бред какой-то. Ты же говорил — он танцовщик?

— Так ведь одно другому не мешает. Один его нынешний коллега рассказывал, что Кчун и на площади сидел. Искал смысл бытия.

— Нашел?

— А вот ты сама у него и спроси.

— Может быть… может быть…

Она вдруг отставила кружку, замерла вполоборота ко мне. Я не видел со своего места, что она там раскопала среди сокровищ мадам. Молчание становилось странным. Шутить-то я шутил насчет несчастье приносящих вещей, но… Поднялся, зашел со спины и увидел, что она рассматривает фотографии. Конечно, что

ж еще!

Это были хорошие снимки. Надо отдать должное нашему страшилищу — дело свое она знает туго. Луна светила у нее над цветными городскими пропастями, но цвета почти не было. Отважный также был натуршик: фотографироваться на нашей верхней площадке, да еще на самом краю. Да еще у мадам… Я не любитель разных там выдрючиваний на темы человеческого тела и обратил внимание только на одну картинку, с парадоксальным крупным планом, где почти не было видно лица из-за распушившихся светлых волос. Видно, мадам поймала момент, когда он отрицательно качал головой.

Катерину творчество Квиах просто заворожило. Она перебирала фотографии одну за другой, разложила их на столе пасьянсиком, накручивала на палец рыжую прядь. Обо мне она позабыла совсем. Я торчал у нее за спиной до тех пор, пока это не стало глупо… Отошел на заранее подготовленные позиции — уселся в свое кресло и наблюдал.

Она вертела головой так и эдак, потом стала бормотать что-то, потом наконец стукнула кулаком по вернисажу: «Никогда же не видела его голым!»

С этими словами она села, но не на стул, а прямо на столе устроилась, посидела секунд десять, глядя в стену, потом лихорадочно собрала снимки и снова принялась их тасовать. До меня стало доходить, что она вовсе не любуется.

Прозвучал сигнал приема новостей. Я вышел в соседнюю комнату, где Кочет велел поставить принтер Мировой сети, и подставил ладонь под бумажную волну. Когда вернулся, Катерина все так же сидела на столе, понурившись и что-то рисуя пальцем на серебряном колене. Я вытащил из ящика пакаль и бросил ей. Просто так, без наития.

— Держи.

— Это что?

— Поможешь мне.

— Зачем?

— Надо. Это не сложно. Когда скажу, бросай монетку и говори, что выпадет: пакаль или ахав.

— А… где тут что?

— Ну, пакаль, — это вроде подушки с ушами. Ахав — это где физиономия. Разберешься?

— Угу.

Минут пять мы добросовестно работали. Так как пакаль был в других руках, я продолжал размышлять, что за дела у этой женщины с Кчун Шиком, отчего она делает вид, будто его не знает, и чем все это может обернуться. У меня, например, были

свои счеты с этим господином: как раз тот случай, когда меня подвели браслеты Квиах. Майяское чудо, конечно, само рук марать не стало — оно просто не пришло в назначенное место, а явились какие-то гопники, втроем на одного. Боевые искусства хорошо смотрятся в кино; хоть я, вроде бы, наставников не посрамил, досталось мне все-таки на орехи. Помня о своем, я для Катерины построил две с половиной версии развития событий — месть за поруганную честь (!), правительственное спецзадание (?), и… в третьей версии тоже все как-то склонялось к разборкам и занесенному над горлом виртуоза сцены стилету…

— …пакаль… Дальше.

Молчание. Я поднял голову от записей. Катерина задумчиво катала монетку между пальцев.

— Как ты думаешь, давно она?..

— Ты о чем?

— Да вот об этом, — она пальцем босой ноги обвела валявшиеся на полу снимки.

— Там дата должна быть на обороте.

— Я посмотрела. В прошлом месяце… но этого быть не может.

— Почему не может?

У Катерины судорога прошла по губам.

— Слушай, а этот натурщик? Ты его, случайно, не знаешь?

— Почему я его должен знать?

— Она… все-таки с тобой рядом работает. Может, видел…

— Слушай, мадам находит себе натурщиков без моей помощи. Что тебя так прищемило? На тебе лица нет.

Она швырнула монетку, я поглядел — опять пакаль.

— То, что ты рассказывал про этого… Кчун Шика — можно этому верить?

— Не знаю. Я бы поверил.

— Тогда это другая жизнь, — пробормотала она с отсутствующим видом, нагнулась и собрала снимки. — Это — не он?

— Не кто?

— Не Кчун этот?

— Дай посмотреть… Н-нет. Вряд ли. По-моему, этот моложе. Хотя… тут же только силуэты, сам черт не разберет. А тебе-то чего надо? Чтобы это был он или нет?

— Чего мне надо? Чего надо… Откуда я знаю!

Я не то чтоб плечом пожал — так, только лопаткой дернул, понезаметнее. Женская логика!

— Ты ничего не думай такого… я просто ошиблась…

— Да ну, не извиняйся! Кстати, что ты стесняешься? Возьми

снимок себе, если нравится.

— А… она?

— Мадам? Ты об этом не беспокойся. У нее, во-первых, негативы есть, во-вторых, она и не заметит, в третьих, она одержимая. Ловит таких вот фигуристых парней, в основном приезжих, и уговаривает позировать. Будущая слава в обмен на…

— …вот и этот так похож… — Катерина вела свой разговор, не слишком прислушиваясь к моим сплетням. — Конечно! — она вдруг тихонько шлепнула себя по лбу. — Если мне его где-нибудь еще раз повстречать, то только в вашем навыворотном Теночтитлане! С ума сойти… Так что ты говоришь?

— Возьми, говорю, себе на память.

— Пожалуй, — и она отвернулась от меня, уткнулась в кружку с соком.

Разговор наш на этом увял. То ли от увиденного на снимках, то ли от моего консервированного угощения Катерина сильно заскучала и ушла, когда стали собираться более-менее постоянные сотруднички. Она унесла-таки с собой один из снимков. Сказала, что вызовет такси, и я не стал навязываться. Видел, что она в досаде на себя.

На сей раз перестановки дали слово «Кахамарка». Это могло означать либо известный в городе ресторан южной кухни, либо… Либо собственно Кахамарку, то есть — собирайся, Тарпанов, и вперед, через экватор, в бывшую столицу инков… Я покатал в уме эту возможность — нет, не сейчас… Неизвестно, сколько я там проторчу. А Катерина уедет через неделю, много — через десять дней. Если я, конечно, не последний дурень и она меня не разыгрывает со своей этой комедией ошибок.

Таким образом, я решил загадку в пользу южной кухни. Но между мною и супом из акульих плавников в тот день еще были: совещание у Кочета (мелкая злоба дня, жалоба Квиах на то, что кто-то рылся в ее столе, трепетная, удивительно благоглупая речь редактора об Уважаемой Гостье и т. д.), затем я бездумно накропал обзор происшествий на автодорогах побережья — мартиролог на двадцать персон из лицедейской братии, мораль — не хрен ездить по горным трассам в обкуренном благодушии, как раз отрастишь зефирные крылышки… Потом сочинил три письма в редакцию, одно — от лица сексуально озабоченного подростка-эмигранта, и подкинул их Куц-Тхапан. Через полчаса она оповестила всю редакцию счастливым визгом и принесла мне же — похвалиться «этой грязной, гнусной провокацией». За следующий номер «Кетцаля» можно теперь было не волноваться. Я уже успел сходить к верстальщикам, посмотреть макет «Плясок

скелетов», как всегда слишком эстетский относительно моего текста, но бороться с магистром Пудниексом бесполезно, у него три оксфордских диплома… Вернулся — под кактусом вдохновенно спорили и возмущались. Куц-Тхапан восклицала: «Пубертатная обсессия! Очевидный шок! Сексуальные игры матери!», и кто-то весьма здраво ей возражал (по-моему, Митлантекутли, водитель Кочета) — «приставить бы их всех… пусть станки двигают, или электричество вырабатывать, раз уж рукам покоя нету…» Хороший человек Митлан, зрит в корень. Не забыть подкинуть потом номер Катерине, как-никак ей обязан, ее и только ее имел в виду… увы, лишь мысленно…

Трудоголиков у нас в редакции нет. На местах бывают в основном в предвечерние и предутренние часы — перед отправкой в ночь развлечений и после, нагруженные впечатлениями. Так что жить можно.

Вечерние Декановы новости я обрабатывать не стал, с ума они там посходили, что ли? Спровадил тех, от кого можно было ожидать приставаний по работе, а от Кочета с его сиропом смазанной подозрительностью заперся у себя в каморке. Посидел, задрав ноги на столик, — из всех медитативных поз эту почитаю наилучшей. Привел себя в надлежаще небрежный вид и…

И кого же я встретил, расположившись в красно-коричневом, с золотыми камышовыми плетенками на полу и стенах, в славном уютном малом зале «Кахамарки»? Не то чтобы под ложечкой засосало, но непринужденно наслаждаться пищей я уже не мог, завидев обтянутую лимонно-желтым пиджачком пухлую спину и черную волосатость д-ра Гнездовича. Доктор был в чисто мужской компании — напротив сидел тощий, в белом полотняном костюме мешком, старец, а по левую руку от старца помещался очень колоритный индеец. Не майя, те разнежены и утончены цивилизацией, а из лесовиков, наверное. Они сидели в стороне, меня отчасти прикрывал аквариум с золотыми рыбками. Я старался не пялиться, чтобы не накликать доктора на свою голову. Тем не менее исподтишка наблюдал за ними — развлекался на свой лад, раз уж не вышло просто посидеть в свое удовольствие. Доктор, как и следовало ожидать, жевал и говорил одновременно, против всякой врачебной науки. Старец вкушал амарантовые лепешки и запивал горной водой со льдом. Индеец ел вегетарианскую пищу, и я заметил, как он чуть не вытер пальцы о шорты. Это его смутило. Он вообще-то вел себя прилично, только взглядом все время рыскал по сторонам. Тут уже нужно было мне следить за собой; и все-таки не успел отвести глаза, задержка была всего с секунду, не более. Раз, два,

выдох — и уже боковым зрением я отметил, как «вождь», помедлив, что-то говорит старцу. Я расслабил мышцы, собрался, снова расслабился — нормально, сижу себе, доедаю свинину «лима»…

— Это вам просили передать.

Я посмотрел на подавальщика — парень еле заметно ухмылялся. Он держал блюдо нарезки из сырого тунца. Тут уж я дал волю мимике. Кто? Что такое? Откуда?

— Вон те господа…

Ага! Гнездович, широко улыбаясь, помахал мне призывно ручкой. Я прибегнул к уклончивым жестам и остался на месте. Пару минут спустя они были все у меня. Доктор, любезно усмехаясь, предводительствовал. Старец скромно сел на отодвинутое для него Гнездовичем кресло, а «вождь» промедлил и сел справа от меня только после едва заметного кивка старца.

— Вы уж простите, — заструился Гнездович, — но у меня собралась хорошая компания, почему бы и не познакомиться? Господа, это вот Артемий Тарпанов, э… работник масс-медиа.

— Журналист, — с достоинством поправил я. — Хроника происшествий и обзор самоубийств.

— Да, мы тут перенасыщены, — небрежно отозвался доктор. — А вам, Артем, позвольте представить: кардинал Очеретти… доктор Тукупи.

Кардинал? Я вежливо выразил удивление по поводу гражданского костюма.

— Юноша, видимо, далек от религии, — кардинал говорил тихо, невыразительным глухим голосом, как в подушку. — Он видел нас только в исторических боевиках…

— Римская церковь четверть века назад упростила церемониал, — сказал Гнездович.

— Мы носим Господа в сердце своем, а не на раменах…

— Прошу прощения, Ваше высокопре…

— Джиованни, сын мой, меня зовут Джиованни Марко Лука Маттео, но вы можете называть меня Джио…

— Джио представляет Святой Престол в Перу. Приехал навестить меня в нашем языческом раю, хе-хе.

Очеретти наклонил лысую, с пухом над ушами, голову и налил себе горной воды. Доктор Тукупи сидел на своем месте, вытянувшись в струнку, и даже по сторонам не зыркал. Видно, он благоговел перед святым отцом, и вообще его слово было в собрании последнее.

— Доктор Тукупи — антрополог. Он получил степень за уникальный опыт выживания в джунглях.

Я посмотрел на доктора с сочувствием. Он на меня —

пристально.

— Да! — сказал он с ударением. — Семнадцать лет в сельве! Я вам покажу фотокарточки! Вы ахнете!

— Да зачем же… я и так уже… впечатлен. Очень приятно… Вы там заблудились?

— Я там жил! С женой и двумя дочерьми! Я там…

— Селиван, дружище… молодой человек ничего дурного не хотел тебе сказать.

— В самом деле, э… доктор. Я страшно далек от науки, это чистая правда. Я даже думал, что вы — пациенты господина Гнездовича, и никак не предполагал… Надо же, как мне нынче повезло — святой отец, антрополог… Чувствую себя даже не в своей тарелке. Приятное знакомство… Но позвольте откланяться?

— Нет, — небрежно вскинул руку с вилкой Гнездович. — То есть как откланяться? С какой стати? А тунец?

— Я не ем сырого тунца.

— Напрасно! Ну так мы едим. Кушайте, Джио. Ешь, Селиван. Тебе после лесной пищи это хорошо пойдет.

Очеретти тонко улыбнулся, но есть не стал. Селиван Тукупи послушался.

— Мы как раз отмечали докторскую степень Селивана, — пояснил Гнездович. — Он защитился в Куско, но я его упросил приехать. Селиван, а как Сарита?

— Жива, — буркнул «вождь».

— А девочки? Знаете, Артем, они с Сарой произвели там на свет двух таких чудных малышечек, сколько им сейчас?

— Шестнадцать. И пятнадцать, — и доктор непроизвольно зыркнул вправо-влево, но теперь меня не смущал его прострельный взгляд. Семнадцать лет в сельве — чего уж тут непонятного!

— Помнится, Вирсавия была такая пухленькая в детстве, такая маципусечка…

— Беременна, — мрачно доложил папочка Селиван.

— Да что ты?

— Восьмой месяц. Сплавлялись к океану, заночевали раз на берегу. Наутро смотрю — приблудился какой-то. А та, дура, и довольна. Всегда она у меня всем довольна. Для того ли я ее растил! — при этом новоиспеченный доктор антропологии опять пристально посмотрел на меня.

Хотя я вполне сознавал, что доктор, мягко сказать, оригинал, но богом клянусь — что-то оправдательное уже зашевелилось в речевом центре. Тукупи сам же меня избавил от дурацкого положения.

— Я его там и утопил, — сказал он и взял еще сырой рыбы.

— Да… — Гнездович вздохнул. Очеретти поджал губы. — Кто ж это был?

— Кайман его знает. Не лесной человек, в штанах.

— Социальщик, — тихонько подсказал я.

— А хоть бы и так. Змеиное племя! Истоптали всю сельву. Школу он там, видите ли, строил! Да кому твоя школа нужна!

— Гм… ну, тут все понятно, — Гнездович ухмыльнулся в бороду. — А Сусанночка?

— Эту представил. Что ей сделается! И ту дуру, но с пузом, конечно…

— Понимаю. Однако ж защитился ты, так что не горюй. Будешь дедом… А уж как господин ректор-то облизывался, на фотографии глядя… а его какой-то бродяга обошел!

— Стойте! Что за черт… какие в сельве фотографии?

— У Селивана был с собой из всех благ цивилизации только фотоаппарат, — охотно пояснил Гнездович, — «Коника». Рекламная акция. Скоро пойдет по всем каналам: эксклюзивные снимки и эксклюзивное качество.

— Доказательства! — уперев в меня свои калибры, сердито фыркнул Тукупи. — Как бы я потом доказал ученому совету?

— Пленки ему доставляла Социальная служба. Прятали в дупле особого дерева… Так же передавали отпечатанные фотографии, потому что фирма хочет заработать еще и на сохранности отпечатков. Так что у Селивана вот такой, — Гнездович раздвинул пальцы на вершок, — альбомище. Такая красота! Да вот сейчас закончим… вы закончили, Артем? А ты, Селиван? Эй, парень! Счет нам. Да… и поедем. Посмотрим снимки, поболтаем… Джио завтра отправляется осматривать Теночтитланскую епархию, так что все удачно… У вас какая машина?

— «Сюиза», два-пятнадцать…

— Отлично! Как раз все и поместимся.

— То есть?

— Да Бог с вами, Артем, не делайте такие глаза! Садимся в ваше чудо техники, заедем, заберем известную вам рукопись, если вы уже прочитали.

— Да, прочитал… но…

— Джио, какой замечательный парень! Он уже прочитал!

— Рука Господня на нем, — как само собой разумеющееся, отвечал старец Джио.

— Ну вот, а потом поедем ко мне, там тихо. Посидим в приватной обстановке, пообщаемся. Уверяю, Артем, и вам это тоже будет интересно.

— На кой черт мне ваши снимки? Все равно я их не возьму.

Судиться с «Коникой»…

— Не о том речь, — наместник Святого Престола подался ко мне и накрыл мою, готовую сжаться в кулак, ладонь своей пергаментной, с перстнем на среднем пальце.

Так и вышло, что гоп-компания расплатилась (на голландский манер, каждый за себя) и уселась в мою машину. Я, понятно, намеревался сесть за руль, но Очеретти очень хладнокровно меня оттер, а Гнездович уже плюхнулся на сиденье рядом с водителем, так что мне и Тукупи пришлось делить заднее сиденье. Мною овладело нелепое, но не без приятной остроты ощущение, будто вот, относительно невинного репортера похищает с тайной целью банда загадочных извращенцев. Стоило только поглядеть направо: Селиван Тукупи, утопивший социальщика, громоздился там каменной стеной. И не знаю, как насчет Господней руки, а руку падре Очеретти, неожиданно весомую, я до сих пор чувствовал на костяшках своей правой. Признаюсь, становилось любопытно.

Мы заехали в «Кетцаль» за рукописью Юреца. Очеретти тихо спросил, не видел ли меня кто из сослуживцев. Я показал на темные окна башни. Один сотрудник, честно сказать, был на месте, но занимался тем, что исподтишка скачивал фирменный редактор изображений в отделе трижды магистра Пудниекса. Так что меня он предпочел не видеть. Пока пробирались в тольтекскую слободу, Гнездович затеял разговор с Тукупи, выспрашивая подробности жизни в сельве. Тукупи отвечал отрывисто, с сердцем. Он, может быть, и хотел представить дело так, будто искал некую истину. Но по-моему, он жестоко жалел о семнадцати годах в глуши. Чтобы эту самую глушь соблюсти, ему приходилось часто кочевать. Донимали то змеи, то звери, но чаще всего, как ни странно, — люди. Селиван прятался от племен охотников, потому что они могли его прикончить. Племена, корчевавшие лес, тем более были ему не соседи — какая-никакая, а цивилизация. К тому же за такими часто стояли травосеи. Селиванова палатка однажды утром оказалась торчащей, как гриб, прямо посреди гектара «знающей» травы. Я поглядел на индейца: не проклюнулось ли в нем вдруг чувство юмора? Нет. Твердокаменный, как и был.

— Так за одну ночь и выросла?

— Выросла, — обреченно подтвердил Тукупи. — Или выросла, или мы все месяц проспали, кто его знает, время несчитаное.

— А потом?

— А потом я оттуда ушел. Проснулся, увидел — и ушел.

Истребителей не стал дожидаться.

Ну, вот. Сейчас начнется жвачка. Эта тема — что погода или политика, в любой компании одно и то же — будут всуе жаловаться, что столько сил и средств ушло на борьбу с травосеями, а потом вдруг как-то все кончилось. Была проблема, и не стало проблемы. Очередной мыльный пузырь… и вообще… или начнут рассказывать друг другу байки про Бога Травы, а потом синьор Джио (в данном случае — только он) изречет какой-нибудь эквивалент: «Есть много, друг Горацио, такого…»

— …когда я сам его видел!

«Сюиза» притормозила на перекрестке.

— Кого?

— Бога Травы.

Гнездович присвистнул. Падре Очеретти летуче перекрестился.

— Про это ты нам не рассказывал.

— А нечего и рассказывать…

Я, разумеется, читал «Жизнь Истребителя», сначала подпольно изданную, потом признанную официально; и всякий раз, несмотря на авторское предисловие, статьи экспертов, заключения психологов, социологов, палеоботаников и военных, — не мог одолеть ощущения, будто меня дурачат. Будто это все хоть и страшная, но сказка, потому что с людьми из плоти и крови такого не бывает. Живой эрбы я в глаза не видел, застал только бурную антирекламную кампанию и отчаянные разговоры, а потом, когда все это пошло стихать, тухнуть и скисло, — тогда только стало любопытно: что же это я, собственно говоря, упустил? Поэтому я осторожно спросил:

— Ну… и как он?

— Чудовище, — отвечал антрополог, уставясь прямо перед собою.

— Как же ты с ним познакомился? — не унимался Гнездович. — И молчал! Вот тип!

— Я с ним не знакомился. Все из-за спонсора. Ходил я после откочевки, искал нужное дерево с хранилищем. Так они умудрились выбрать как раз неподалеку от его деревни! Во всей сельве места не нашлось! Потом спохватились, перенесли. Только я в тот единственный раз на него и нарвался.

— Да расскажи, не томи, — Гнездович чуть через сидение не перелез.

— Ну… был он поддеревом. Встал, посмотрел на меня молча… и ушел. А дети за ним побежали.

— Посмотрел? Но ведь он, согласно канону, слепой?

— Какие дети? Ваши?

— А я и не говорю, что зрячий. Канонов не знаю, и не глазами он на меня уставился. Вспоминать не хочу, не к ночи, — Тукупи свернул пальцы в какой-то хитрый шиш, повел возле коленей. — Дети? Мои? С какой стати? А еще о каких-то канонах толкуете! В сельве только один, — маленький, с женщину ростом, волосы белые, лицом страшен, без глаз, а за ним дети бегут — это он. Я после этого сразу откочевал на всякий случай. Хотя он вскоре умер.

— Ф-фу! Задурил ты нам голову, Селиван. Да, так ты говоришь — умер?

— Увидел меня и умер. Да.

— Ничего себе! А, Джио?

— Люди смертны, — отозвался Очеретти.

— Больше я в те места не заглядывал. Опасался за жену. Потом за дочек. Ночью спать надо, а не баб стеречь.

— Что ты, Селиван!

— Да. К нему очередь выстраивалась. Особенно на новую луну, когда совсем темно. Из других деревень даже приходили, от охотников тоже. И никогда осечки не было. Он там всю сельву, от океана до гор, своими… отпрысками засеял.

Гнездович, отфыркиваясь, повалился на спинку сиденья:

— Вот они за ним и бегали… папочка, мол, папочка…

— Послушайте, Тукупи, — сказал я. — Зачем же вы откочевали, чего опасались, если он умер?

— Это только так говорилось, что умер.

— Кем говорилось?

— Слухами сельва полнится. — Тукупи расплел наконец пальцы, расстегнул пуговицу на рубашке и снова сложил оберег. — Мало ли… сегодня умер, а завтра опять жив. И так бывало. Все-таки бог.

— Приехали. — Гнездович перегнулся, теперь уже ко мне. — Ну как, интересно?

— Да уж… уж да.

— Будет еще интереснее. Спускайтесь, друзья мои, сейчас открою. Спускайтесь.

В уже знакомой мне гостиной, отделанной «кипу», Гнездович рассадил приятелей (Тукупи задрал голову и, чуть шевеля губами, рассматривал письма). Меня поместил в центре, в кресле стиля позапрошлого столетия, — сидеть вроде удобно, однако очень быстро оказываешься в дурацком положении — то ноги винтом вокруг ножек завиваются, то руки норовят под подлокотники пролезть. Очеретти, приняв от меня рукопись Юреца, сидел неподвижно. На меня он не обращал внимания, —

видимо, погрузился в молитву. Так что мы оказались с Гнездовичем один на один. Доктор пошарил между диванных подушек и вытащил еще папочку.

— Будьте любезны, прочтите сейчас.

— Что-то вы заботитесь о моем культурном уровне…

— Угу. Читайте, Артемий Михайлович.

Я стал читать. В папочке содержались такие подробности, что это производило впечатление истины в последней инстанции. Все было расписано, включая детский сад и школу, а уж карьера излагалась особенно смачно… Конечно, упоминались «Застенчивый ландыш» Рошвана, и монета из Стеклянного замка, и Койский клад… И куда все это якобы ушло. И даже — сколько я примерно получил, в процентах от реальной стоимости. Но про Декана (само собою!) — ни слова. Молодцы. Ай да молодцы!

— Это вы мне сюжеты подкидываете? Про математиков, теперь вот это…

— Читайте дальше. До конца.

Я послушно отлистал папку. Хотя конец был мне отлично известен. Черт возьми, у них были даже фотографии «до» и «после»! Корчить дурачка не приходилось.

— И что теперь?

Гнездович потер ручки и забрал у меня историю одной из моих жизней.

— Ну, нам с вами не нужны предисловия и долгие вступления. Могу поклясться своей врачебной практикой (а она немаленькая!), что наш, — он подчеркнул это «наш», — выбор верен. Если бы я не знал, что вы добытчик… какое там! Стопроцентный Артем Тарпанов, эмигрант, не без способностей, но и без излишних амбиций. Хорошая физическая форма, — просто потому, что еще молод, — доктор похлопал себя по брюшку, — психологические реакции в норме, прошлое небезупречно… Вы нам подходите. Просто подарок судьбы!

— Подхожу? Для чего?

— Нам нужно осуществить операцию по вашей специальности. Отследить и взять некий предмет… Вот о нем вы и узнали из книги, — кивок в сторону Очеретти.

— Что? Да ведь это несерьезно… Послушайте, господа таинственные! Я, как вы заметили, — бывший добытчик. Вышел в тираж. Я в самом деле журналист, не больше и не меньше, и мне это нравится. Теночтитлан — чудное место, а вы думаете, что я снова впрягусь в лямку? Из-за каких-то там вымыслов?! Да кто за это заплатит?

— А вам непременно нужно, чтобы заплатили?

— Ну, ребята, — я постучал пальцем по обложке, — они были

серьезные хозяева. На них стоило работать. А вы кто? Что у вас есть, кроме этой писанины? Цена должна быть хорошая…

— А какая цена вашей головы? — скучным ватным голосом вмешался в беседу кардинал, наследник инквизиторов. — Это вы должны знать… Сколько стоит носить на плечах вместилище столь изворотливого ума? Да еще с чужим лицом… Знайте, юноша: если окажется, что это в интересах ламангаров, мы поговорим о цене. На других условиях и не с вами…

— В чьих интересах?

— Слушайте, Артем, внимательно, — Гнездович плюхнул на стол короткопалую ладонь. — Читать я вам больше не дам, это долго. После Байконурской резни Гай Ворон основал орден ламангаров…

В ту ночь, вернее — далеко за полночь, я уехал от братьев тайного ордена прямо в «Каменную Голову». Моя собственная голова была ничуть не легче… и вдобавок я как бы раскололся!. Вот уж о чем Декан должен будет узнать. Утекает информация, а куда это годится? Подумать только, Орден ламангаров, спасителей человечества! Да еще падре Очеретти строит из себя контрразведчика! Ишь ты, угрожает меня сдать. Кому? Никто мне не страшен, из тех, кто у них в папочке. Все это вымысел, разводы на воде. Истинно мне может быть страшен только Декан… но его как раз там нет. Декану я их самих сдам с поторохами, на всякий случай. И нужно будет еще раз все проверить, все новости за полтора года, вдруг все-таки подставы… с ума сойду, когда ж я жить-то буду, с этими проверками…

В «Голове» было не людно, час пик давно прошел. Я прибился поближе к бару и заказал фирменный. Не повредит, все равно и так уже крыша съехала. Пока бармен индифферентно швырял через плечо бутылочки, ложечки, шейкер — я оглядел зал. Катерина могла быть здесь… просто по вчерашним следам, секунд тридцать я даже был уверен, что вот-вот увижу ее. Ошибся. Жаль.

— Пей быстро, — сказал бармен. — Соломинка сгорит.

— Знаю, знаю. Давай еще один. Стой! Что-нибудь без этих… пиротехник.

Ладно… Все закончится хорошо. Ламангары — это несерьезно… Думают, что можно меня припугнуть, использовать. Ну и пусть их. Это ж настоящая удача, они, похоже, о Пере знают столько, что мне и в год не разведать. Та-ак, вот и заказ приехал… что он там намешал, кудесник? Ни-че-го, пить можно. Понемногу-у… тут и огня не надо. Ух! Отлично. Эй, Артем, не тушуйся, вылезай снова на божий свет, тут твое место. Вон,

смотри, какие девочки сидят. Пока будешь потягивать свой «тротиловый эквивалент», на них погляди так… они тут свои, разберутся, что ты пьешь. Через пять минут вон та, с платиновой косичкой до пояса, подвалит к тебе, привлеченная мускулами и общим видом… Смотри, детка, я не жадный. Я вообще парень что надо. Садись, поболтаем, — такое расскажу, что будешь на табуреточке ерзать и язычок высовывать… Однако девицы вдруг начали целоваться, — тьфу! Опять осечка!

Я отвернулся от них и стал разглядывать ольмекское панно за спиной бармена. Мысленно все кружил около папочки с легендой. Ламангары, видать, хорошо за нее заплатили. Декан захочет узнать хотя бы предварительные соображения. Ну, что же… предварительно — прокол по медицинской службе. Много там было таких специальных мелочей, даже детские болезни, травматизм… Что бы вы сказали, инквизиторы замшелые, если б знали, что это не вся подноготная правда? Я отпивал лонгдринк по глоточку, зажмуривался, и тогда разливался под веками ясный свет с золотом и цветными кольцами, и это не имело никакого отношения к питью. Да, правда… правда жизни — что она? Вот уже и разных жизней могу насчитать не менее пяти. Как кольца, они сплетаются, но всегда можно вынуть одно, и тогда остальные? Свободны?.. Я припомнил, что это головоломка, задачка, и пальцем стал рисовать прямо на стойке, пытаясь сообразить, так ли оно.

«Веди себя прилично», — прозвучало вдруг, но не с небес. Рядом. Я положил обе ладони перед собой и покосился слегка налево, на голос. Это был мужчинка, прилизанный, аскетически худой. В каскетке и с тоской в глазах. Ну вот, то лесбиянки, то… Я не слыхал, чтобы «Голова» была каким-то специальным местом. Но я же не слежу, у них, может, съезд какой-нибудь…

— Не дают нам выпить, да, дружище? — мужчинка скосил взгляд куда-то на коленку. «Мряу…» — отозвалась коленка, и незнакомец вытащил на свет божий кота серой масти.

— Ему вроде хватит, — я не сдержался и прыснул. Кот скользил лапами по ноге хозяина и валился на спину.

— Это Ассистент. А я Виталий Синоба, малый театр «Островок». Видели нас?

— Нет.

— Два дня в Колодце. Ассистент играл сегодня Бессона, «Диалог животных» — устал, бедный. А они ему выпить не нальют!

— Ну, ясно. Ты б еще травки ему заказал. Цирк, да и только.

— Нет, — возразил Синоба. — В цирке дрессированные. А он актер. Дома его все знают, уважают… А ты — не местный?

— Тутошный, — я вложил весь свой жаргонный акцент в одно слово.

— Все ему удивляются, — проговорил артист и стал гладить Ассистента против шерсти. Животное корчилось, однако терпело. — Он залом владеет — я так не могу. Золота мне дай, сколько он весит — не возьму. Ты приходи на нас посмотреть. У нас Шекспир завтра, только не помню что — «Отелло» или другое… забыл. Ассистент, правда, там не играет, но мы не хуже. Ты сам-то актер?

Я отделался гримасой.

— Народ здесь… ух, захватывается. Дома ни за что такого не достигнешь. При…

Он вдруг изменился в лице. Схватил Ассистента и спрятал за спину, палец сунул в пасть, чтобы кот не мяукал. К нам подскочил какой-то смуглый, маленький, в рубахе пузырем, а между ним и Синобой вломилась крупная дама. Растопырила руки. Стало тесно, и я тихонько отъехал со своей табуреткой. Смуглый придушенно заклекотал, дама топнула ногой. «Дездемона…» — тоненько подал голос невидимый Синоба. Он ловко прятался за этой Дездемоной — было за чем! Смуглый бесился. Лесбиянки хохотали и хлопали ладошками по бедрам, да и мне было смешно. Синоба вдруг заорал — видно, Ассистент его укусил или выпустил когти. Ему ответил хлопок. «Кто стрелял?» — крикнул бармен и поперхнулся. На нас сыпалось конфетти. Толстуха пошатнулась и стала рушиться, но ее подхватил смуглый и вынес вон на руках. Здоровый, однако — в Дездемоне-то не меньше ста кило! Синобу и кота я потерял из виду. Ну и типы!

Официант смахнул конфетти на костяной поднос.

— Ваше, господин, — и отдал мне бумажного «голубка» из почты. Откуда птичка прилетела? Я развернул, посматривая по сторонам. Никто не глядел на меня, чье же это?

Внутри оригами было отпечатано имя: Кватепаль. Квапаль — в скобках.

…Точно, была опять ночь. Следующая уже, от той еще вчера ничего не осталось. Если не считать тупой боли в печенке. Чего этот бармен мне намешал? Я опустил котов играющих, лесбиянок, Бога Травы и каких-то занозных ламангаров в пригоршни с артезианской водой — и чуть не поперхнулся насмерть. Засмеялся, вспомнив, как Декан проводил семинар о рациональной морали. «Люди вашего склада, — вещал он, — пьют много и мешают всякую дрянь, но только в кино. Вам известны другие, утвержденные фирмой и усвоенные, я полагаю,

методы избежания стресса…» При этом он посмотрел на своего фиксированного слушателя, а им был я. Я практиковал тогда как бы нечаянное попадание под начальственный взор. И, просекая мысленный вопрос, отчеканил: «Так точно, господин наставник, что касается меня — только водка!» Тьфу, водку в Теночтитлане пить невозможно.

Когда я вышел в зал, там был мир и согласие. На столе у меня, правда, кричала замечаниями «Аналитическая Геометрия». Живописно разорванные снимки адептов Саджа Замзам прилагались. Адепты, гормонально нестойкие, приобщились универсальных сил природы с трех самых высоких вертолетных площадок в центре… Поодиночке и парами, а также интригующими группами по пять-шесть человек. Анализа, то есть отдельных частей человеческого тела, равно как и геометрии, в смысле покрытия подплощадочного грунта этими разъятыми телами, было в достатке. Беглый взгляд на первую страницу дал мне понять, что Кочет не видит в происшедшем никакой мистической игры сил, а хочет, чтобы было страшно и с моралью. Отдам Куц-Тхапан, моралью у нас ведает она. А снимки… Что же, Папаутам как был полицейским фотографом… Мадам Квиах надо было попросить, но мы же с ней в ссоре.

— Доброй ночи!

Я как раз выбрасывал клочки снимков, — получилась достойная пауза. Катерина, грызя огромное яблоко, пристроилась на краю стола. Казалась немного усталой, но в целом — ого-го! Все, бывшие на местах, ей улыбались, даже Квиах. Проходившие мимо — заглядывали, не изобретая особых поводов.

— Да, доброй и тебе. Как дела?

— Отлично. Знаешь, я его видела. Это не он.

— Кого? Кто не он?

— Твоего чудесника. Кчун Шика.

— А…

— Что-то ты вяло реагируешь…

— А должен? Бог с ним. Ты, значит, где-то была?

— В шоу ольмеков.

— Ничего себе! Недешевое удовольствие.

— Удовольствие? Это чудо, настоящее, и пусть стоит хоть миллион… Тем более, что мне билет кто-то прислал прямо в номер.

— Кто?

— Понятия не имею. Случайно, не ты?

— Не я. Откуда у меня такие деньги?

— Однако ты там бываешь.

— По знакомству. Сижу под самой сценой, вижу ноги… Что

смотрела?

— «Богиню-бабочку».

— А… Это отличная вещь.

— Да, да. Там такой танцор здоровенный в главной роли, я думала, он сцену пробьет, а он… Как бабочка. И очень хорошо было еще, что я ничего не понимала. Ни песен, ни самого сказания. Но так намного лучше.

— А что ж он тебе не объяснил?

— Кто?

— Ну, тот… с билетом. Дай яблочка откусить.

Она задумчиво скользнула по мне глазами.

Яблоко не дало ей съехидничать про мою якобы ревность, а она собиралась. Так, со мной по-писаному не сыграешь.

— Спасибо. Я как раз такие люблю. Где взяла?

— Мадам Квиах поделилась. И браслет подарила. Она, между прочим, совсем не ведьма, как ты тут развел.

— Про браслет я и спрашивать не стал бы. Я их все хорошо знаю (это было неправдой, того, серебряного, что красовался у нее на щиколотке, я никогда не видел в коллекции Квиах). Этот — счастливый, не опасайся.

— Счастливый, я знаю. Между прочим, я была там одна. Наверное, этот тип тоже не очень богат. Представь себе, я оттуда вышла вся такая восторженная, как будто не иду, а плыву по воздуху. Туфли сняла… И тут вдруг — бах! Сбивают с ног. Ну, не совсем, я увернулась… А тут еще сумерки, видно плохо, фонарей никаких. В общем, этот самый танцовщик, богиня-бабочка эта, центнера полтора, наверное…

— Почти два.

— А, ну конечно, это же твой знакомец, борода косичками… Словом, этот сумасшедший бухнулся мне в ноги, я чуть не упала, — и давай что-то петь… А юбку при этом не выпускает, норовит ноги целовать, слезы текут ручьем… Что ты смеешься? Порвал он мне лучший выходной костюмчик, все измазал…

— Я не смеюсь. Просто… он ничего плохого не хотел. У него душа постоянно восторженная, он в Аркаиме ходил перед храмом. А тебя за Анахиту принял, потому что ты вся в белом. И ожерелье вот это было, да?

— Да. Нефритовое.

— Ему все равно. «Землю Мазды озирает Ардвисура Анахита, станом, грудью совершенна, в ожерелье изумрудном, дева чудная, вся в белом…»

— Да уж… Портрет… И между прочим, тут Кчун Шик и явился. Выбежал из тени, очень театрально и очень кстати. Еще немного, и твой аркаимский святоша приобщился бы к

божественному… прямо на мостовой.

— Ничего бы не приобщился. Он девственник, обет давал. Ну, и что же Кчун Шик?

— Да ничего. Оттащил этого боголюбца к фонтану, водой побрызгал, тот отдышался, и они ушли.

— И все? Вы даже не поговорили?

— А о чем бы я с ним разговаривала? Это для вас он чудо, а так… Обыкновенный проходимец, по-моему. Танцовщик он, конечно, отличный, но эта его прокатанность… как будто совсем без костей… И глаза ледяные. Я, знаешь, рада, что это не тот человек… за которого я его было приняла.

— Ну и ладно. Ну и хорошо. Что дальше будешь делать?

— Не знаю… больше никто билетов не присылает. У тебя какие-нибудь идеи есть?

— У меня всегда полно идей. А в Теночтитлане всегда есть, на что посмотреть.

— Колодец?

— Ну, в Колодец ты всегда успеешь, — я вспомнил Синобу и его кота. — Там сегодня Шекспира ставят. Что ты, Шекспира не видала у себя дома?

— Да мне ведь и за жизнь всего не увидать. На тебя полагаюсь.

По-моему, она была уже в полном порядке. Наваждение, какое там у нее было, отступило. Никто из тени больше ее не смущал, и я подумал: а он все-таки изрядный оболтус, этот, из тени, неотождествленный. Упустить такую женщину или отпустить… Вон глаза-то как горят, сосуд же благодати — такая, если только не обманывает. Да у них и счет другой обману, играм… Но это мы узнаем, рано или поздно.

— Полагайся, это верно… Я тебе покажу «Чокоатль».

— Что такое?

— Тоже местное шоу. Но туда надо обязательно идти вдвоем.

— О! И с кем же ты раньше ходил?

Я ответил безмятежной улыбкой:

— Ты к себе поедешь?

— Нет, я там устроилась, — она показала куда-то за дверь. — У меня в «Нопале» проходной двор, представляешь, соседи трансвеститы оставили бусы в сахарнице, на кухне туфля из змеиной кожи, шпилька шесть дюймов и размер сорок пять… Так что я у вас посижу, оформлю впечатления. А что? Надо ехать сейчас?

— Сейчас рано. Но долго не засиживайся. В этом туда идти… У тебя еще что-нибудь есть, полегче?

— Полегче? Это что, оргия, куда ты меня собрался вести?

— На оргии у нас вдвоем не ходят. Пятерками — минимум.

— Да нет у меня ничего полегче… ладно, придумаю. Значит, ты…

— За тобой приеду в «Нопаль».

…Назовите меня скверным рассказчиком, но я не берусь судить о том, чего не понимаю. Если бы я попытался соорудить ей одежду из двух оконных занавесок, то принцип был бы тот же: на плечах — узлами, а там — как придется. Но эти ее «занавески» вязал и драпировал Мастер. Куда мне, несмысленному!

О нашем путешествии можно было бы сложить песню; но все песни здешних дорог одинаковы. Мы отправились в путь и, наконец, достигли цели.

Я запомнил, что в полете она в этот раз боялась воздуха, сидела, скрестив кисти и лодыжки, тревожно поглядывала вниз. Мы поднялись так высоко, что вокруг был слабый отсвет вечерней зари, а под нами — полная ночь и отчетливо складывался узор городских пропастей между полей дробного света. И было холодно. Так что она в полном смысле слова оттаяла, снова очутившись на твердой почве. Слишком твердой, я бы сказал, чтобы двигаться на каблуках: с вертолетной площадки вела узкая тропинка между камней. Место, куда я ее привел, было на самом краю обитаемого города, почти в горах. Я сам бывал здесь нечасто. С виду — обычный каменный домишко, ни вывески, ни стоянки — сюда только по воздуху можно добраться, почти тишина… Катерина вопросов не задавала, и это было немного не в такт моему замыслу, но — женщина! Что с нее взять? Может, у нее закончился любимый лак для ногтей, и оттенок не в тон платью… Я был на сто процентов уверен, что все пойдет как надо. Светски держа ее под руку, прокладывал путь. Не задерживаясь в верхнем зале, с местной музыкой и баром, повел вниз. А там уже помещение было выдолблено в скале и не было другого света, кроме тростниковых свечей, и воздуха — кроме коричневого, и запаха, кроме шоколада.

Ну, ну, не надо, — это был действительно шоколад. Конечно, такой, какого за океанами не понимают. Питье, которое нам принесли, было, правда, густое, но без молока, и ваниль торчала из горшочка вялым стручком. Катерина засомневалась.

— Это что? — она облизнула палец. — Горькое…

— Пробуй понемногу. Можешь только смачивать губы. Нужно привыкнуть.

— Стоит привыкать? А шоу? Ты обещал.

— Будет, — я, как советовал сам, пригубил. У меня был рецепт особый, с перцем… Мысленно, конечно, содрогнулся. Но

виду не подал.

Когда собралось гостей человек десять, распорядитель задул свечи на столпе посреди сцены. Рассказать о том, как это было? Нет? Я даже не знаю, сохранилось ли оно сейчас. Шоколад, я знаю, не сохранился… Но это была игра. Так хорошо спрятанная под перьями и льняным полотном, под рядами бус из бирюзы и зеленого камня, чтобы не возмутить искушенную особу из женского журнала своей «ненастоящестью». И достаточно ненастоящая для того, чтобы я мог вести свою партию. В общем, когда на сцене остался только шоколад, стекающий томительно по бронзовой коже, и в зале стало так тихо, что звук падения капель на доски отдавал металлом, — Катерина тихонько убрала руку из-под моей ладони.

— Слушай, я пойду подышать?

— Я с тобой. Покурю.

— Ладно…

Тем, кто оставался, было, в общем-то, все равно, шумим мы или нет. Но мы ушли тихо. В верхнем зале не было никого. На веранде кто-то, совершенно неразличимый, может быть, даже за углом, — тоже курил. Я почувствовал запах «Смуглой Девы».

Катерина оперлась на каменную ограду, смотрела на горы, до того близкие, что они наполовину заслоняли огненные небеса. Свет из окна падал ей на щеку, на губы, оттененные коричневым. Пауза наступила в нашей пьесе, не очень-то предусмотренная, но вполне неизбежная. И даже то, что мы молчали, имело свой ритм. Я не спешил докурить, она, слегка улыбаясь, вдыхала ночную призрачную прохладу. Связь между нами уже была, нужно только…

— Что? — Катерина вдруг обернулась.

Под навесом, в полутени, — тот, другой курильщик. Сигара его тлела, не давая света.

— Звезда! — хриплым голосом сказал этот некто. Сигарный огонек описал полукруг и пригас. На пальце простертой руки искрилась небесная точка. Что-то путеводное, или просто яркое в здешних широтах. Сириус, должно быть.

— Звезда так близка… Простите, сударыня, — он выступил на свет и оказался рыжим, бородатым, уже немолодым. — Портрет не желаете ли?

Я пожал плечами на недоуменный взгляд Катерины. Такого сервиса здесь раньше не водилось.

— Какой портрет?

— Маслом, сударь. Я пишу маслом.

— У меня нет времени позировать, — мягко сказала Катерина, а сама уже там прогнулась, тут руки расположила,

бровью повела…

— Я напишу за пятнадцать минут.

— Шутите! Что же это будет?

— Вы. Не просто сходство. Поверьте. Испытайте.

Он не заискивал. Просил нас, но как-то вызывающе.

— Добро, — Катерина окончательно приняла позу, испанскую, я бы сказал. Выпрямилась в струну и нахмурила брови.

— Не надо, — сказал рыжий. — Сядьте вон там, у окна, под светом. Там есть камень.

Катерина хмыкнула и обернулась снова ко мне. Я посмотрел на часы.

Рыжий согнулся, чем-то загремел и зашуршал. «Основа у меня готова», — бубнил он. Резкий запах перебил все прочие. Маляр устроился на ограде. Он даже не глядел на Катерину и странно, размашисто водил обеими руками над куском картона, зажатым между колен. Никогда не видел, чтобы так писали маслом… да и вообще…

— Готово. Извольте убедиться.

Катерина смотрела на картон, — мне ничего не было видно, и лицо у нее было очень странное. Она могла бы рассмеяться, взорваться гневом, всплакнуть, изумиться — все сразу, все это перебежало мгновенно по бровям, скулам, губам, подбородку. Осталось только изумление.

— Ты посмотри, — она подтолкнула мастера ко мне. — Однако?

Да! Она была похожа — пламенем волос и завитками, светлым средоточием глаз на пятне лица… Но это был не портрет. Я бы так ее увидел в витрине, где-нибудь в зеркале, мельком — и уже не смог бы забыть. Это был сон. В абсолютно нереальной манере. Грубым мазком. Только цвет был настоящий, и я сдался. Поверил. Катерина — тоже. Она глядела на художника восхищенно и робко.

— Я могу взять это?

— Конечно, сударыня, — и он назвал цену.

Просто несусветную — за пятнадцать минут работы и учитывая тот взрыв страстей, которым обернулась писанная маслом Катерина… но она не проронила ни звука. Она все смотрела… Художник вытирал испачканные руки тряпкой, и у него было только два пальца на правой руке и один — на левой. Указательный. Катерина раскрыла сумочку.

— Я выпишу вам чек, хорошо? Вы здешний?

— Увы, беженец. Как многие здесь.

— Я могла раньше видеть ваши работы?

— Вряд ли. Был один альбом… но нет, вряд ли. Я мало известен за пределами бывшей родины. Да и в ее пределах…

— Откуда же вы? И… могу я попросить? Подпишите портрет, ох, простите…

— Ничего, — художник полез в суму, повозился и быстро навел росчерк своим указательным. — Гутан Оран, к вашим услугам. Я рад, что вам нравится.

— Да, в самом деле, никогда… Неужели вы не выставлялись?

— Подпольно, — рыжий Оран усмехнулся и взял чек двупалой правой клешней.

— В саперах были? — я подал голос, во-первых, потому что Катерина слишком уж упала духом, а во-вторых, само с языка сорвалось.

— Нет, сударь. С партизанами не поладил. Но это дело прошлое, видите, на кусок хлеба я себе зарабатываю.

И с черной икрой, добавил бы я.

— Что за партизаны? Фрелимо? Тоти?

— Ойляне, — кротко, как больному, отвечал художник. — Благодарю вас, сударыня, за посильный вклад в восстановление… Позвольте откланяться.

— Нет, стойте, — на меня она только взглянула мельком: дескать, не мешай и не твое дело. — Сядьте здесь… или — пойдемте внутрь. Я хочу вас угостить.

— Благодарствую, не нужно.

— Но поговорить мы можем? Вы еще что-нибудь для меня нарисуете…

— Не сегодня, увы, сударыня. Я не хочу искушать судьбу.

— Выпейте хоть вина с нами? Пожалуйста… Я… я просто никогда не встречалась с таким даром. Как будто вы знаете меня, видели много раз…

— Одной минуты мне достаточно. У вас очень выразительное лицо. И это плохо для меня.

— Почему?

— Запоминается против воли. Я себя ограничиваю в образах. Если бы я позволял себе бездумно все запоминать, что вижу, даже мельком — я бы в этом погряз. А вас я смогу еще раз написать потом, когда восстановлю вот это, — он постучал по столу культяпками.

— Вы полагаете, что ацтекская медицина?..

— Я полагаюсь на технику, сударыня, мне пообещали биопротез… но разве это тема для разговора с прекрасной дамой? Или вы, может быть, доктор?

— Изящных искусств, — Катерина рассмеялась. — Я пописываю в разные глупые издания.

В женские журнальчики и прочее. Вот уж не тема для беседы. Я все-таки вами заворожена, господин Оран.

— Гутан, называйте меня по имени, я не привык величаться господином Ораном.

— Тогда зовите меня просто Катериной. Вот мы и познакомились. Значит, вы здесь уже давно?

— Два года.

— И все время здесь, в этом месте?

— Нет, конечно. Сюда помогли устроиться добрые люди… Здесь я с полгода, можно сказать, благоденствую. Не все, конечно, столь чувствительны, столь разумны, как вы, сударыня…

— Катерина.

— Как изволите. Но я не бедствую, о нет.

— Скучаете по дому?

Оран дернул головой, рыжие космы взлетели.

— Я никогда не вернусь в Землю Ойле, — сурово изрек он. — Когда бы только руки! Они убили моих друзей. Это были такие же, как мы с вами, приличные люди — поэты, писатели, живые души. Но там нельзя быть живым. Теперь их никого не осталось. Мертвы или пропали без вести.

— Мертвы… или пропали без вести, — Катерина повторила это, видимо подложив под какие-то свои мысли; вряд ли она настолько уж сочувствовала беженцу, она казалась мне мало сентиментальной, даже в утверждении, что кто-то там на снимке мадам Квиах похож на ее первую любовь в школьные годы… или что у них там было… Пока я об этом подумал, она уже снова полезла в сумочку. На колени легла разорванная надвое фотография.

— Гутан! Пожалуйста… поглядите сюда. Это снято в Теночтитлане, несколько недель назад. Не попадался ли… не видели ли вы этого человека… здесь или в городе?

— Дайте-ка… — Оран разложил перед собой половинки и завертелся, приближая и удаляя голову. — Надо же, как вы его… прямо по лицу…

— Там лица-то как раз…

— Для меня это не важно, — отозвался ойлянин, почти уткнувшись носом в снимок. — Красивое тело. Хорошо развитое. Но не профессиональная модель. Нет. Я бы сказал — гомосексуалист…

— Может… быть, — прерывающимся голосом выговорила Катерина. — Да… но почему?

— Аура, как сказал бы вам любой базарный провидец. Но все проще — тут сам снимок, антураж…

— Это женщина снимала. Так, Артем?

Соизволила, наконец, обо мне вспомнить!

Я еле пошевелил нижней губой, — что бы это ни означало. Но ей было все равно. Она пожирала калеку глазами.

— Ну, тогда, может быть — и нет. Определенно… я видел его. Я не могу вспомнить где, так что не торопитесь благодарить. Но я вспомню. Для этого мне нужно поднять наброски. Завтра, скажем, после шести…

— Завтра ее тут не будет, — вмешался я. — Катерина, пойдем потанцуем.

— Пойдем, — неожиданно вспорхнула она. — Гутан, я приду к вам завтра. В семь часов — не рано? Куда?

— В «Бережливый Опоссум», комната тридцать. Знаете, где это?

— Найду. Постарайтесь, Гутан, милый! Это очень важно.

— Я вспомню. Прощайте до завтра, Катерина.

Шоу окончилось. Оркестр разливался в томном ритме. Я повел ее в танце.

— Что значит — меня завтра не будет? Что ты нес?

— Не будет. Потому что я тебе сам куплю билет и усажу в самолет.

— Не смеши. С какой стати?!

— Потому что у тебя лихорадка. Тебе, наверное, не сделали прививок, а тут полно комаров. Ты бредишь, Катерина.

— Замолчи. Тебя это не касается. Кто ты вообще такой, чтобы мне тебя слушать?

— А кто такой этот тип на фото? Может быть, его и не существует вовсе. Квиах…

— С ней я об этом разговаривала, — Катерина невинным движением переплела свои и мои пальцы, и так их стиснула, что я света не взвидел, — и мадам рассказала, что на мальчика она запала в переулочке недалеко от Кухум Вица. Он, видите ли, выходил из булочной. С маисовыми лепешками. Мадам пригласила его пропустить рюмочку под свежий хлеб… и то-се. То-се он вежливо отверг, как я поняла, а сняться согласился. При условии, что его не будут расспрашивать и заносить в анкеты и картотеки. Бедная Квиах согласилась, надеясь все-таки… но не сладилось. И теперь осталась с прекрасными снимками, которые никуда не может предложить, потому что модель, видите ли, не зарегистрированная и никто не хочет потом, в случае чего, возиться с копирайтом. Так что этот человек существует. И я его найду.

— И ты решила, что он, конечно, гомик? Из-за Квиах?

Она отстранилась от меня, насколько позволял танец.

— Не «гомик», а «гей». Вульгарщина тебе совсем не к лицу.

— Хоть горшком назови… Но, может, намекнешь хотя бы, в чем суть?

— Не понимаю, почему тебя это так волнует… Это касается только меня.

— Еще бы!. Ты из-за него изводишься, что-то он для тебя значит, хоть и… э-э… гей.

— Вот то-то и оно, — сказала Катерина жестко. — То-то и оно.

…Ей, конечно, не повезло от меня отделаться. Я уже стоял в дверях «Опоссума», когда она вышла из такси.

— Артем, это как понять?

— Так и понимай, — я был полон мрачной решимости никуда ее не пустить.

— Я не ребенок.

— Растлители малолетних тоже не тут живут. Катерина, тебе не стоит туда ходить. Хочешь попасть жертвой в отчет о групповом изнасиловании?

— Кстати — ты и напишешь. Случалось уже?

— Я знаю это место. Здесь тебе нельзя оставаться.

— Перестань. Дай пройти. Гутан ждет.

— Нет.

— Ты сумасшедший дурак. Хочешь, чтобы я с тобой подралась?

— Ладно. Иди. Ты еще безумнее. Но я пойду с тобой.

— Ты? И не боишься быть массово изнасилованным?

Вот это женщина! Я не выдержал и усмехнулся.

— Я их знаю, говорю же. Это обычная сволочь. Так что будь умницей и не захлопывай передо мной дверь.

Все-таки мы вошли вместе. Если уж я не мог помешать ее поискам, хотя бы буду знать, куда ее заведет разговор с калекой. «Опоссум» был обыкновенная гнусная ночлежка, но Катерина держалась как ни в чем ни бывало. Неприятно, конечно, когда некто в рваных на попе джинсах чего-то там моет в ржавой раковине, а другому некту сил не хватило заползти в свою комнатенку, так на пороге и лежит, и приходится через него переступать. Но на нас, к счастью, внимания не обратили. Типчик в джинсах застегнулся и пошлепал на балкон — курить.

— Ну? Вот тридцатый…

Катерина постучала. Ойлянин отозвался рокочуще: «Входите, не заперто…»

— Это я, Катерина.

— Рад, рад! Сейчас выйду!

Оран возился за разделявшей его жилище занавеской. Ткань была испятнана явно им и явно в эстетических целях. Хотя левым нижним углом он, наверное, вытирал кисти… или руки. Катерина осторожно присела на безногий диванчик. Я прикрыл дверь и осмотрелся. Кроме занавески и диванчика, имел место плетеный столик из кафе, прожженый в трех местах, и полки с дешевыми книжками. Было очень тесно, так что позиция в углу, у полок, казалась для моих целей наилучшей. И не так заметен, и дверь контролирую. Туда я и отошел. Среди книг у хозяина был полный бардак, свешивались тут и там какие-то листы, а в простенке, под кучей журнальчиков и бумаги, что-то громоздилось. Вот и мне присесть… Я потянул листы, исписанные по-ойлянски, показалось что-то темное. Увы! Присесть на это я никак бы не смог. Из него торчали заостренные бамбуковые трубки — как раз прибавил бы себе отверстий. Предмет был необычный, я опустился на корточки, разглядывая повнимательнее. Где-то я подобное уже видел… Шотландская волынка? Но бамбук? И не похоже, чтобы в него дуть… Как и у волынки, имелся бурдюк, правда небесно-голубой с желтыми пятнышками. Сбоку стлался шнур, расписанный под змею сурукуку, на конце — электрическая вилка. Хм… забавно… чего только абстракционисты не придумают! Я подстелил что-то трехтомное и наконец уселся. И обнаружил, что вокруг распространяется удивительный запах. Удивительно противный запах. И надо сказать, смрад исходил от моих рук. Я вытер пальцы чем попало, и тут появился хозяин. Он тащил груду папок, картонок и сверху — кусок расписанного стекла.

— А! Ваш провожатый нашел его! А я уж обыскался. Спасибо, молодой человек…

— Его зовут Артем…

— Какой замечательный дар! Катерина… подержите, спасибо… но я хотел сказать, — не одолжите ли вы мне этого способного юношу на пару дней? Мне как раз нужно найти свой старый паспорт, и другое кое-что я засунул так, что не сыщу… И краски бы он мне помог растереть.

Я извел уже всю свободно валявшуюся бумагу, теперь вытирал руки о штаны.

— Ага… не забрасывайте его, прошу… третьего дня, правда, я и без него обошелся, но не хотелось бы, чтобы он снова запропал.

— А что за рухлядь? Чем это воняет, черт бы его побрал?

— Рыбий жир, — охотно отвечал художник. — Это настоящая кожа дикобраза. Иглы срезаны подчистую… или выщипаны, не стану врать. Но кожу надо смазывать раз в месяц, в первую четверть луны.

— Простите, Гутан, мое невежество, — вмешалась Катерина. У нее в зеленых глазах плясали дьявольские искры.

— О, что вы, и не думал… Это, Катерина, замечательный предмет. Шабудабуский вызыватель духов.

Я только фыркнул. Вызыватель? Что-то… где-то… а, ладно, не важно. Я поднял с пола самодельного вида книжицу. На обложке порхали раскрашенные вручную бабочки.

— Не вытирайте этим руки, — прокомментировал Оран. — Это гомосексуальные стихи… Мой бог, что ж я, совсем закопался… Чаю? Кофе?

— Не вздумай, — сказал я. — Брюшной тиф минимум.

— Помолчи, Артем. Нет, спасибо, Гутан, я не хочу. Меня ведь интересует…

— Я нашел. Я же говорил вчера, что видел его. Вот. Посмотрите.

Кажется, он немного обиделся из-за отказа выпить чаю. Катерина уже смотрела рисунки. Я потихоньку зашел сзади и посмотрел через плечо. Чудес все-таки не бывает, и разобрать что-нибудь в этих вихрях и полосах показалось сначала невозможно. Буря на Юпитере… Хазарский футбол (бьют судью и всех боковых)… Вдруг, правда, появилось знакомое: площадь Кетцаля, коричневая мостовая, фигурки, вызывающе перечеркнутые черными чубами…

— Но где он?

— Да вот же.

— О-о-о…

За ним дрожали пирамиды Неба и Бездны. Дрожали все линии рисунка — жесткий карандаш, наверное чертежный, и как же — двумя пальцами, что ли? Пышные растрепанные волосы, губы сложены дудочкой, смотрит куда-то вбок и вдаль — читает надпись или просто задумался.

— И вот эти два. Пожалуйста. Ведь я прав. Это он.

Пастельными мелками. Где-то в городе, среди его шоколадных и апельсиновых пятен, под небом, синим, как мешок с духами. Схвачено движение в расставленных, голых от колена ногах, остановлена рука козырьком над глазами.

Черной жирной тушью. Очень крупно, так, что даже не все лицо вмещается в бумажный лист. Словно художник сидел где-то глубоко внизу, а он наклонился, разглядывая…

— Ну? Что ж вы скажете?

— Может быть, Гутан… вы понимаете… — она положила листы на колени, отвела глаза. — Спасибо. Благодаря вам я знаю твердо, что он есть. Что это не моя выдумка…

Я деликатно отодвинулся к вызывателю. Катерина в раздумье снова перебирала рисунки. Оран почтительно наблюдал, скрестив ужасные пальцы. Безотчетно, из худших побуждений, чтобы прервать этот японский театр поз и тишины, я нащупал вилку на змеином шнуре и так же ощупью вставил его в расхлябанную розетку.

Они обернулись немедленно. Я скакал и тряс рукой, избавляясь от судороги. Меня ударило током, довольно прилично, аж в глазах заискрило. Вызыватель духов вонял так, будто из него выпустили разом всех шабудабуских джинов или кто там у них… Оран подбежал и ловко выдернул левым пальцем вилку из розетки.

— Это же декоративный элемент! Сами бы посудили — на что в сельве электроприбор? Ох, молодежь… Да уж ладно. Буду надеяться, что ваш друг, Катерина, не испортил ничего. Придется нам теперь открыть дверь, проветрить.

Я и не подумал открывать дверь — еще чего!. Сел на пол и раскрыл книжку с бабочками. Сборник начинался Шекспиром: «Оставь меня, но не в последний миг…» Катерина поправила прическу и сказала спокойно:

— Бог с ним, Гутан. Артем тут на свой страх и риск. Лучше скажите мне… вот это же в разных местах города? Значит, вы видели его…

— Трижды, как и нарисовал. Очень, очень интересное лицо. Да вы и сами видите… Последний раз — вот это, тушью, в «Ягуаре и Попугае».

— Гнусный кабак, — вставил я. Катерина сделала вид, что не слышит.

— Да, конечно, не Омейокан. Он там выступал в тотализаторе.

— Что?!

— Ну да. Какой-то местный спорт… Я поставил на него — и выиграл; вот тут мне ставку записал хозяин… ну да: Кватепаль. Пять кетцалей. Выиграл.

Я мгновенно перестал думать о невезении, рыбьем жире и гомосексуальных стихах. Имя… Имя!

— Кватепаль? — одним движением вскочил и встал между ними. — Ну, этот ваш вызыватель, скажу я… Так что вы там говорили насчет растереть краски?

Катерина терпеливо дожидалась на заднем сидении, пока я привинчивал стеклоочистители. Просто зло берет — на кой стеклоочистители в здешнем климате? А вот поди же появись без них…

Из «Опоссума» за нами следом выползло двое-трое совершенно сумчатых обитателей с пивом. Они прихлебывали из горла, толкали друг друга локтями и потихоньку приближались. Один нагнулся, рассматривая фирменную марку на радиаторе. Мотор, конечно же, с пол-оборота не заводился. Катерина занервничала.

— Что у тебя за рухлядь?!

— «Испано-сюиза». Тьфу, черт! В металлолом сдам проклятое железо! О! Наконец-то! По-е-ха-ли!

— Осторожней, не задави… Ну вот. Меня не изнасиловали. Ты доволен?

— Мне что, была бы ты довольна… Ты как?

— Буду очень признательна, если отвезешь в это место. Куда он сказал?

— В «Ягуар и Попугай»? Сейчас?

— Только не говори, что там тоже насилуют.

— Не всех и не всегда… Но местечко такого же пошиба. Скажи, почему тебя тянет по всяким свалкам?

— А тебя?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты даже не заметил. Нам нужен один и тот же человек. Этот, что на снимке.

Я не отвечал — что тут ответишь? Вырулил под арку, посмотрел в зеркальце — Катерина сердилась. Если бы еще знать, для чего он мне нужен. Кто прислал мне оригами? Спросить у Гнездовича… в порядке капитуляции?

— Ну? Я права.

— Н-нет. Люди, с которыми я хочу встретиться, — это мое дело. Между прочим, в «Ягуаре» я бываю часто. И что-то не помню там никакого Кватепаля.

— Вот видишь. Тянет тебя по свалкам, а на меня возводишь… Так ты отвезешь или мне брать такси?

Я затормозил и перегнулся через сиденье. Меня осенила внезапная мысль.

— Успокойся. Я тебя отвезу и даже оставлю одну на съедение тамошним двуногим койотам. Но только если ты мне все расскажешь. Кто он, что он — и вообще.

— Я ничего не буду тебе рассказывать. С какой стати? И что это ты взялся меня опекать?

— Потому что так надо. Ты женщина…

— А ты мужчина. Старая песня. Разве ты можешь от чего-то уберечь? Ты что, герой? Мастер единоборств? Волшебник, на худой конец? Нет. Вместо этого нагло, скажу тебе, просто нагло лезешь в мою жизнь, в то, что тебя не касается.

Это была маленькая истерика, провокация. Я отвечал в тон:

— А вдруг? Катерина, очень меня беспокоит, что ты интересуешься теми же людьми, что и я. Это ты верно заметила. Случайными такие вещи не бывают, учти — мы знакомы-то всего несколько дней. Так что я хочу знать, что тут к чему.

Она помолчала. Потом заговорила жестко, с расстановкой.

— Хорошо. Так и быть. Я тебе расскажу. Начнем с того, что полтора года назад он умер. Был убит…

Продолжение вышло под стать началу. Партия, безнадежная по определению: у нее — он, а у него — другой… Изматывающая, ей-богу, ни дружба, ни любовь, так у них все и тянулось несколько лет, пока не потеряли друг друга в нелепом трехдневном мятеже. В перестрелке достались ему шальная пуля и место в братской могиле. Так ей рассказали друзья, свидетели… Она уж было смирилась, а тут, в Теночтитлане, он вдруг стал ей показываться: раз, и снова… Я выслушал ее честно,

дал выговориться, но сам не знал, что и сказать. Бедная… надо же так влипнуть. Я съехал с обочины и километров пять старательно следил за движением на почти пустом шоссе.

— Да-а… — язык мой не удержался за зубами. — Это же надо… Однако у художника нашего глаз алмаз! Как же все-таки тебя угораздило? Они же такие…

— Останови, я выйду.

— Нет! Нет, что ты. Я просто…

— И я просто.

— Да ладно тебе! Я нормальный мужик, я их совсем не понимаю, — пусть себе живут, конечно, но по-моему, это противно…

— По-моему тоже. Но и ты сейчас не блещешь. Не можешь понять — помалкивай. Сам же хотел все знать.

— Да… Любопытство губит кошку…

— Человека тоже. Артем, ты никогда не поймешь, даже не напрягайся. Может быть, именно потому что ты… нормальный.

— Конечно. А он — гей. А ты — мазохистка. Где уж мне понять таких продвинутых! Потерпи еще немного, мы уже подъезжаем.

Замелькали глинобитные хатки, огороды с кукурузой и подсолнухами, с чахлым амарантом. И повсюду красно-коричневые *тагетес,* приземистые, сильно пахнущие. Их резкий запах проникал даже в машину. В сумерках они медно отсвечивали вдоль дороги. Катерина не удержала ледяное молчание:

— Красивые цветы, но пахнут…

— А мне нравится. Это тебе не сонный кактус. Их, между прочим, едят.

— И что? Видят потом Кетцаля?

— Нет, — я засмеялся с облегчением, как будто неприятного разговора вовсе не было. — Их маринуют с разной зеленью. Просто пряная еда. Вкусно.

— Тебе все про еду…

— А что еще? В конце концов, развлечения надоедают. Работа нудная…

— Это твоя-то работа нудная?

— А разве нет? Чем я живу? Толпа абэвэгэдэйцев совершила попытку массового утопления в Реке. Утопление пресечено… Студенты Социальной Школы исполняют ежегодную пляску «На лезвии». Традиционно имеются жертвы среди зрителей. Студенты, ясное дело, невредимы. Некто Синоба показывает в Колодце говорящего кота… Все одно и то же, из года в год.

— Разве только из года в год… Я вот никогда не видела «На

лезвии». И говорящих котов не встречала. Ты, Артем, вот что… забудь, что я тебе сейчас рассказывала. Это все… дело прошлое. И могильную плиту, знаешь, трудно отменить. Но мне, хочешь или нет, надо будет этого человека увидеть. Для спокойствия.

— Ну, глупо же, Катюша…

Она вскинулась:

— Как ты меня назвал?

— Катюша. Так у нас говорят. А что?

— Нет. Никаких «катюш». Только Катерина.

— Хорошо. Катерина так Катерина.

Про то, как отменить могильную плиту, я бы тебе мог рассказать. Но я, хочешь или нет, пойду с тобой… рожу бы ему набить, прилизанному…

— Как скажешь. Но… хочешь или нет, я пойду с тобой. Мне ведь нужен Кватепаль, забыла?

Тогда, в тот момент, я еще понятия не имел, зачем он мне нужен. Это меня мало заботило. После нескольких бессонных дней, среди ночей, наполненных черт-те чем, я уже снова чувствовал себя на связи. Или на привязи — называйте как хотите. Такое было ощущение, что любой мой шаг, даже самый дурацкий, ведет в нужном направлении — к разгадке. Не считая самого «взятия», больше всего я ценил именно эту восхитительную близость сути, безнаказанную изнанку судьбы.

Вечер утекал в ночь. В «Ягуар и Попугай» ехать было еще рано. Катерину я временно предоставил самой себе… как ни жаль ее было. Не успел отрулить от «Нопаля» — позвонил Пастаса, крикнул, что на Утесах назревает самосожжение и чтобы я хватал фотографа и ехал, он поддержит… Я, поминая всех матерей, а паче — Змеиную, развернул «сюизу». Фотографа ему! Ближайший… я листал записную книжку, придерживая руль локтем… так, Мангарева… адрес: «Корневище», Кольцевой тупик, ага… Проедем, туда мы проедем. Я вильнул, уходя от длинной, в хроме и сиренах, пожарной цистерны. Оттуда еще на Утесы. «Корневище» это — тоже местечко, не чище «Опоссума», тут Катерина права. И Рева, надо думать, укушался уже основательно…

Я снова выругался. Подрезая, раздирая уши квинтой, промчалась автолестница. Пожарные в черных боевках, в глухих шлемах висели сбоку, как инжир. Подумал на ходу о самосожжении, — как Пастаса держит его для меня, умелец славный, заговаривает зубы какому-нибудь кретину с канистрой дизтоплива. Да… но эти ребятки явно не на сожжение направляются. Да уж не благое ли «Корневище» там горит?

О да! Оно догорало. Жильцы, разнообразно одетые, кучкой стояли на улице. Струи воды из цистерны шипели, пар заволакивал пожарище. Мангареву я вытащил из толпы на удивление трезвого. Только он все время хихикал — надо полагать, на нервной почве.

— Камера, Тарпан, ой, п-фф, не могу… Где-то она там, понимаешь, я сразу в окно сиганул, а сосед вслед кричал — прыгай, я ее, говорит, захвачу… Щас, соседа вот только найду, и сразу… п-фф… поедем, я все понял. Машина у тебя есть?

— Есть. Давай, где там твой сосед…

— Да, п-фф, тут где-то, я видел. А пленка? Пленка, Тарпан, у тебя есть?

— Ублюдище ты, Рева, а не фотограф… найду я тебе пленку, только поторопись же, сукин сын!

— Да-а, что тебе, бешеный? А у меня жилище, понимаешь, сгорело…

— Свои же алкаши и подожгли. В первый раз, что ли?

— Ой, твоя правда, Тарпан, не в первый… Эй, вот же он, сосед!!!

Мангарева стал подскакивать, порывался махать пиджаком, но и так сквозь толпу ловко пробирался невысокий лысоватый мужичок. Он быстрым шагом настиг нас у самой машины и сунул Реве фотокамеру.

— Нашел, дружище…

— Да, держи. «Самсон-Д», вроде твой?

— Самсон-масон, хрен ли с ним, моя камера, и так вижу, — Рева дернул шторку. — О, и пленочка даже цела…

— Ну, поезжай, друг, с богом, — он втолкнул трясущегося от шока Реву в салон, захлопнул дверцу. На меня даже не взглянул. Я дал газу что было сил и, проезжая по темным улицам, думал только одно: или я сошел с ума, или только что спас из огня фотокамеру дурака Ревы мой всемогущий и ужасный работодатель, Олег Карлович Лелюк, Декан собственной персоной.

Рева на заднем сидении стучал зубами, хлюпал носом в избытке чувств, но, когда мы прибыли на место (сожженец еще догорал), — сработал профессионально. Клацал затвором без дрожи и напоследок заснял оскаленного, злого Пастасу со словами: «Сойдет за оригинал…» Я не мог удержаться от улыбки. А он повесил камеру себе на шею, похлопал Пастасу по спине, потом себя по пузу.

— Все будет класс, ребятки! «Промо» не подведет! Кстати, что-то мой соседушка не то говорил. Как он сказал, Тарпан? Самсон какой-то… Такой марки даже нет.

— Ошибся, — отвечал я. — Не специалист, вот и ошибся.

Реве я дал денег — за съемку и на устройство, пока предприимчивый хозяин отстроит ночлежку заново. Пастаса уехал в морг вместе с трупом-головешкой. Я посмотрел на часы. Двадцать минут второго. Ехать назад, к горелому «Корневищу» — зачем? Декана — если это был он — там уже наверняка нет. В том, что он там был, я почти не сомневался. Неважно даже, что за штука Перо на самом деле… но вокруг него и те, и эти, и еще бог знает кто. И Декан Лелюк собственной персоной, даже не скрывается… хотя — чего бы ему скрываться? Кто его тут знает в лицо? Ох и работенка мне предстоит…

И я поехал в «Нопаль», на ходу набирая номер.

Катерина ждала меня на ступенях. Она ни о чем не стала спрашивать. Села снова сзади — повеяло ванилью и алкоголем. Я тоже рта не разевал. Добрались как раз вовремя — в «Ягуаре» уже гуляли вовсю. Катерина смотрела, крепилась, и все же:

— Ну тут и рожи… А певца я бы утопила в сортире…

— Вернемся?

— Прекрати, пожалуйста… Я буду развлекаться.

— Как угодно. Вот, сыграй в чет-нечет.

Я оставил Катерину возле кучки игроков. Постукивали обточенные океаном камешки, приторно пахло пряностями. Сам, не суетясь, прошел в конец зала. Там у портьеры сидел бородатый карлик. Я отодвинул занавес, заглянул внутрь: порядок, уже начали рассаживаться.

— Ставки принимаешь?

Карлик кивнул.

— Сотня. Запиши на Кватепаля.

— На какую маску?

— Что?

— Принимаем на маски, текутли.

— Черт. — Я оглянулся. Белое платье Катерины было там, где и десять минут назад. — Какого дьявола я буду ставить на маску? Где Квапаль? Он выступает сегодня?

— Я не знаю, текутли, — карлик отвечал смиренно-наглым тоном и пошевелил корявыми пальчиками на кучке фишек. — А только такие сегодня правила, и если не хотите, то и не ставьте. А что до имен господ бойцов, то я их не спрашиваю. Вот даже вы придете, хозяин даст вам маску — будут ставить на вас.

Я стоял, как последний идиот, с сотней в руках. Карлик поднялся и дернул за шнур.

— Поторопитесь, если будете…

— Н-на… синюю. Ладно.

— Ваша фишка.

Я сунул тяжелую квадратную бляху в карман и пошел за Катериной. До этого не замечал, что белых платьев — несколько и та, что я принял за Катерину, вовсе ею не была. Вот еще наказанье! Где же… А, вот! У самой сцены, покачиваясь в такт флейте и барабанам — уставилась на певца.

— Катерина… Пойдем.

— Куда?

— Увидишь сама. Ну — идем.

— А куда? Ты уезжаешь? Имей в виду… я останусь!

— Это здесь. Не упирайся… Как твой чет-нечет?

— Выиграла. Смотри, какая монета странная.

— Старая пятерка, но они еще в ходу. Можешь поставить.

— На него?

— Поставь на желтую маску. Твоя пятерка против моего стольника… хотел бы я все-таки выиграть.

Мы прошли за портьеру, сели в камышовые плетеные креслица. Катерина с удивлением смотрела на сцену.

— А что это?

— Парапокс. Вон перекладины, там они держатся, а дерутся ногами.

— Что-то я не понимаю…

— Увидишь — так сразу поймешь.

Народу был уже полный зал. Кое у кого в руках — тоже маски. Любители, их выпустят потом, поразмяться всласть. Сосед слева, через три места, обмахивался ножной перчаткой.

Карлик проковылял по площадке, и заскрипели под задницами плетеные сиденья. Катерина вытянула ноги поудобнее. Невидимые барабанщики ударили в свои долбленые причиндалы. Началось.

Первой парой вышли драться черная обезьяна и красный тукан. Подпрыгнули, устроились поудобнее — и пошли примеряться, пока только враскачку, на длину ноги. Обезьяна была как обезьяна — коренастая, коротконогая, прыгучая. Тукан повыше, голенастый. Помалу бойцы раззадоривались. Тукан неожиданно для противника выкрутился «солнцем» и обеими ногами ударил обезьяну в горло. «Тут ему и смерть пришла», — обезьяна рухнула с перекладины, хорошо еще, если позвонки целы… Его унесли, а тукан, между прочим, «уронил» еще двоих, прежде чем парапоко в маске белой свиньи прошел над ним головоломной мельницей — сволочной прием, где-то в этой свистопляске он на мгновение оказался на территории противника, но из-за бешеного темпа этого не видно — и

прицельно врезал по пальцам. Сам, правда, тоже выпустил перекладину, рухнул, картинно приземлился на плечо и пошел кататься по площадке. Но тукану он, по всей видимости, раздавил пальцы на правой руке — тот не катался и не корчился, просто сидел, как мешок, под своим древком, вытянув по полу изувеченную ладонь. Катерина что-то воскликнула над плечом. Я обернулся:

— Ну, как тебе? Запрещенный прием! Но это для настоящих мужчин. Погоди, вот заказные отдерутся, тогда я тоже…

— Что? Ты с ума сошел! Они убьют тебя!

— Не учи меня жить, женщина. Видишь — вон с маской, и вон тот… Это так, любители, с ними — просто массажик.

Она пыталась меня удержать, но где там! В поединках объявили перерыв. Я вышел размять ноги, приглядывался всерьез: тряхну — ну не стариной, а все-таки я был не последний на перекладине.

Распорядитель позвал нас в зал. Усаживаясь, я нащупал в кармане фишку. На что ж ставил — вроде бы на синюю? А ее что-то не видать. Катерина сложила руки на спинке кресла перед собой, уткнулась подбородком и не то глядела поединок, не то дремала. Я сделал знак карлику — подойти.

— Я ставил тут. Что мой боец?

Карлик поглядел на кусок металла, закивал.

— Скоро, текутли. Парапоко молодой, сильный, хорошо держится. Верные деньги.

— Ладно. Я сам хочу… но не с этими мешками, ты понял?

Он заломил брови:

— Так не делают…

— Знаю. Не твоя забота. С тем, кто останется в последнем круге. Кватепаль уже выходил?

Карлик не отвечал. Он пялился на Катерину. Пришлось показать ему монету. Уродец очнулся и взял деньги.

— Еще нет. Он в последнем круге как раз. А сиуатль — с вами?

— А тебе что? На еще — принеси маску, перчатки. И десять дам, если сделаешь, как сказал.

Карлик внимательно на меня посмотрел и отошел. Я за ним не следил. Он, конечно, сейчас поплелся к хозяину зала. Вообще-то, бывали случаи, когда подстава из публики нанималась нарочно, чтобы убить бойца. Хотя против хорошего парапоко, даже после пяти кругов, выстоять еще уметь надо. Случалось и наоборот. Тут, если у хозяина жадности хватит, — мое дело в шляпе. Подраться захотелось вдруг необыкновенно, аж ладони зазудели.

Круг оказался неинтересный, кончился за двадцать минут — переходом в следующий бойца в маске летучей мыши-вампира. По-моему, он даже не запыхался. Висел себе, зацепившись ступнями, испуская душераздирающие рулады — не то хохот, не то вой, пока почтеннейшая публика выходила в очередной раз глотнуть дыма. Катерину, кажется, сморило совсем — крики летучей мыши не заставили ее голову поднять. Устала, бедная… Мне как раз не мешало бы пойти поискать гуараны. Нечестно? Боги Ацтлана с вами, господа хорошие! А чем же напичканы эти парни? И я, конечно, ее нашел — в автомате, в углу. Четыре зернышка — хватит. Прошел, не спеша, по залу. Чувствовал себя отлично, и еще оставалось время набрать сил дыханием, и для гуараны…

Катерина не спала. Она разговаривала с карликом (как он мне надоел!), а по залу уже шныряли две полуголые девушки из подтанцовки. Хороший знак. Я не успел добраться до урода и выкинуть его из ряда за шиворот — он сам испарился. Катерина поглядела на меня рассеяно.

— Ты где был?

— По нужде ходил. Все спокойно?

— Да… Знаешь, что мне сказал этот малыш?

— Хвалил твои рыжие волосы?

— Почти, — Катерина наморщила нос. — Он сказал, что передаст Кватепалю…

— Что?

— Что рыжеволосая ищет его. Откуда он узнал?

— Выкинь из головы. Смотри бой. Я спрашивал его о Кватепале, он видел, что ты со мной, вот и все дела. Смотри, смотри — сейчас он его сделает! Тьфу, это даже не интересно.

— Как ты думаешь… это не может быть он?

— Ты у меня спрашиваешь? Кто с ним дружбу водил?

— Ну, Артем! Я не знаю… они все какие-то… все вытянутые и двигаются как-то…

— А то! Ведь они по 12 часов в день висят. Вот позвоночник и растягивается.

— Не шути.

— А я серьезно.

Катерина надулась и отодвинула кресло подальше. Ну и черт с этим… честно говоря, меня сейчас больше занимала предстоящая драка. Что она будет — я не сомневался: на меня уже принимали ставки. Третий и четвертый круги я пропустил. Отключился от всего и погрузился в дыхание. Снаружи это незаметно: ну, сидит себе мужчинка, расслабленный весь. Выпил, может, или сонной травки выкурил — грезит. Перед последним

кругом Катерина выходила, я и воспользовался случаем: вытряхнул три зернышка. Покатал по ладони. Подумал. Проглотил два. Хватит.

Ну, наконец-то! Синяя маска — это был ягуар, он свалил желтого саймири в первом же бою. И держался все остальные — просто отлично. Меня грела мысль, что я выиграл — раз, и гуарана — тоже. Катерина ерзала, ей уже стало скучно.

— Пойдем… Ну, что с тобой такое?

Я сидел, вытянув ноги, не двигался, рта не раскрывал — внутри плескалось огненное море. Хорошо, прекрасно!

— Артем! Ну, ведь мы же его не увидим. Пойдем. Пожалуйста!

Тут сзади ко мне прикоснулся кто-то.

— Все готово, текутли, — распорядитель сунул мне маску и снаряжение. — Вам одеться…

Я встал. Катерина поглядела на меня снизу вверх. Не разжимая губ, я ей жестом велел оставаться на месте. Обо мне уже делалось какое-то объявление — слова гремели, я их не разбирал. В таких случаях обычно говорят о «приезжем мастере»… Моя маска оказалась — лиловый броненосец. Кольчатый хобот нависал перед глазами. Ладно… хоть лицо прикроет немного. Я зашнуровал ножные перчатки туго, как только мог — оказались великоваты. Халтурщики чертовы… Совсем почти голая девица ударила в гонг, и меня подтолкнули на площадку.

Ягуар уже был там. Он сидел себе спокойно наверху, на своих клетках. Завидел меня, соскользнул вниз и закачался на одной руке, показывая зрителям в зале палец — мол, сейчас я его уделаю! Там творился содом — в смысле шума и скрежета зубовного. Я подпрыгнул и занял свое место.

Мой инструктор учил — никогда не разглядывай противника. Обводи его, обманывай, но никогда не ищи глаза. А увидишь — бей сразу. И поменьше этих вывертов на публику. Ягуар, видно, тоже учился в хорошей школе. Он перестал кривляться, когда пропустил мой славный режущий правой — сразу же ушел в безопасный угол (вот это руки, вот так дыхание!). Оттуда несколько секунд спустя налетел на меня — и понеслось.

Я не подымался по древку уже довольно давно. Я знал, что риск большой. Этот парапоко был классный боец, растяжки поразительной, а я — всего лишь отличник боевой подготовки. Тем слаще было ловить его на простонародные приемы. Он в Ответ заставлял меня перебрасываться из угла в угол, надеясь, что руки не выдержат. Из чего я заключил, что предыдущие ребята все-таки помяли его чувствительно, — и старался достать

его в каждой серии. Тогда он бросил к черту свою тактику измора и пошел выкладываться на всю катушку. Я это изменение не уловил сразу, зато уловил такой косой удар по левой скуле, — мало не показалось. А поскольку уйти не смог — получил заодно по печени и на излете — по коленям. Мастер! Убийца! Чем дальше — тем хуже, он размялся и почувствовал себя совсем уже королем древка, и, когда я увидел, как он ставит руки, чтобы выйти надо мной в мельнице — ну, зачем обязательно по пальцам, — он парень ловкий, достанет до груди, — прощайте, ребра… Спастись я мог, только уйдя внезапно, но у меня было невыгодное угловое положение, простым перебросом я бы попал на его половину и был бы, по всем правилам, с боя снят с позором. Надо было двигаться только назад, а для этого придется качнуться вперед… и сейчас же, как только я подумал — ножная перчатка ягуара прошла передо мной, зацепила дурацкий хобот и врезалась в бровь. Это было страшно больно, — прямо по нервной точке, гад! — но, заливаясь слезой, я уже знал, что делать. Руки у него соскользнули, вот что! Толчок вперед был хороший, и на втором проходе мельницы меня на пути уже не было! Однако, какой все-таки боец! — промахнулся, сорвался, и умудрился повиснуть на мне. Поединку был конец — по хорошим правилам он оказывался на моей половине, но тут уж не до правил: пальцы и без того сводило, а еще лишние сто килограмм, да в рывке… Мы сверзились оба, но я все-таки на него. На мягкое пришел.

Откровенно сказать — не помню, как уж там нас растащили. Как оделся опять в свое — тем более. Начиналось снова все с того, что я стоял у портьеры, прижимая к брови платок со льдом, а карлик, подобострастно хлопая красными веками, умолял принять выигрыш. «На маску, — повторял он. — Берите, текутли». Наконец деньги взяла Катерина. Она была озабоченная и сердитая.

— Ты хоть понимаешь, что нам идти до Тегуана?

— Дойдем…

— Дойдем? Ты? Да тебя ноги не держат! Зачем тебе это понадобилось? Впечатление хотел произвести?

— Дойдем. — Я знал, что делать. Еще оставалась гуарана в кармане рубашки. — Ты только помоги выйти отсюда.

Катерина фыркнула.

— Что? Прикажешь ноги тебе переставлять?

— Нет. Руку дай…

Мы выбрались на улицу. Я отвернулся, вытащил пробирку и проглотил зернышки. Прислонился к стене. Теперь недолго… пока начнет разливаться огонь… не будет ни боли, ни шума в ушах.

— Ну, так лучше. Пошли. Нет, стоп. Ты дала ему десятку?

— Никому я не давала никаких денег.

— Так давай. Я обещал.

— С ума сошел! Собираешься вернуться? Еще пару боев?

Я взял у нее деньги (она все их в руках держала) и двинулся к двери. Дверь распахнулась навстречу, выпустив еще кого-то. Карлик стоял там же, видно, ждал, что я вспомню, — или провожал. Я порылся в пачке, вынул десятку…

— Сиуатль…

Тот, что вышел, обращался к Катерине.

А она замерла. Я видел только, что она растерялась и перепугалась. Турнул карлика с десяткой, захлопнул дверь, во мгновение ока встал рядом с Катериной.

— Что тебе надо?

Он перевел взгляд с Катерины на меня, потом снова уставился на нее.

— Я Квапаль.

Катерина тихонько ахнула. Я положил руку ей на плечо. Квапаль, засунув руки в карманы, молча ждал. За ним подмигивал красным газосветным глазом попугай с вывески. Бедная Катерина! Если это ее красавчик — хорошо ему сегодня досталось.

— Не смотри на женщину. Не пугай ее. Это я тебя искал. Нужно будет поговорить, только не здесь.

— Поговорить? — он отвечал по-ацтекски, и выговор — не городской, врастяжку. — Можно. Почему нет? В Колодец пусть она придет, завтра. Там и поговорим.

Мы дошли до Тегуана, ни слова не сказав друг другу. Катерина смотрела под ноги, как будто считала торцы в брусчатке — у нее губы шевелились. Я просто радовался тому, что идти не больно. Душу я почти усладил и отделался, можно сказать, легко. Вот Катерину только расстроил — это да…

Она молчала и в машине, потом я оглянулся, когда уже совсем рассвело — она спала, оказывается. Вымоталась. Шутка ли — гоняться за каким-то там фантастическим типом из прошлой жизни, а он, извольте видеть, ногобоец — физия в ссадинах, глаз заплывший, ручищи ниже колен… Я усмехнулся и потрогал губу — будет больно. Потом, пока что гуарана держит. На Усумасинта мы минут двадцать ползли еле-еле в пробке, солнце уже поднялось, пора залегать. Я свернул на родимую башню и был у подъезда без четверти семь. В самый раз — парковка уже почти опустела. Катерину я, рассудив по-хорошему, осторожно вынес на руках. Жалко было ее будить, а таких, как она, я сейчас мог нести

троих.

Но в лифте она проснулась.

— Тс-с! Спи.

— Артем?

— Спи, спи. Все хорошо.

— Поставь меня…

— Ох, господи. Зачем? Так хорошо спала…

— Артем!

— Ну, ладно… Приехали уже.

— Куда приехали? Мы…

— Выходи. «Кетцаль». Не в гостиницу же было тебя отвозить. Там не поспишь.

— А у тебя?

— Выходной день. Утро! «Никого не будет в доме…» Никто нам не помешает.

— Нам? Что ты хочешь сказать?

— А то, что я сейчас как на массу задавлю! Часов десять. Чего и тебе желаю. Прошу!

— Темно… Ну и запах! Крыс травил?

— Нет. Тут был когда-то фотоцех. Располагайся… вон дверь — ванная.

— Спасибо. — Катерина втиснулась в мою ванную величиной с наперсток. — Вода просто на удивление хорошая, не затхлая! Кто-то мне говорил, что в Теночтитлане — подземные источники…

— Да. И горячие ключи… — я постелил на полу одеяла и набитые шерстью цветные подушки, привернул реостат и оставил только слабенький желтенький свет в углу, — вот так… а ты устраивайся на диване.

— Нет уж. Там, наверное, не то что клопы, а и динозавры водятся.

Я промолчал. Катерина с удовольствием растянулась на одеялах, укуталась в плащ и тут же уснула. Я осторожно поплескал подземной водичкой на разбитую бровь и тоже лег. Гуарановое пламя гасло. Надо было одно зернышко оставить. Забыться, подремать — пока успею… Вечером всех пошлю на фиг… всех, кроме Катерины. Ведь она уже здесь. Надо же — спит… крепко так. Устала, конечно. Я потянулся, вывернул свет совсем, но и во тьме вроде бы все равно различал отсветы плаща: колено вот, а это, значит, зад, и даже рука белеет смутно, потому что старые шторки мадам Квиах никак Солнца не удержат. Надо бы ей плащ поправить… да куда там! От паха до пяток, от подмышек до запястий — каждое мышечное волоконце, каждое поганое сухожилие уже считало свои долгом заявить о себе. В

одном положении я не мог улежать дольше двух-трех минут. Диван мерзко скрипел. Пробовал перетерпеть, в самом деле, что такое — мужчина я или вошь? — расслабиться, ровно дышать…

Катерина зашевелилась. Вздохнула. Мне в очередной раз приспичило повернуться на бок. Не хотелось будить ее, я сначала старался все-таки не шевелиться, потом мышцы свело так, что я уже не вздохнул, а просто вякнул.

— Артем?

Я закрыл глаза и притворился сладко спящим.

— Что с тобой делается, Артем? Что такое?

— А… Ты не спишь?

— Нет конечно! Уснешь с таким соседом! То ты вертишься, то стонешь.

— Извини… Спи, ложись… мышцы потянул, это пройдет.

— Надеюсь… Ты бы, может, принял от боли чего-нибудь? Слушать просто невозможно.

— Ты спи, Катюша. Я постараюсь тихо.

— Мучиться тихо? — Она поднялась. Наткнулась на стол в темноте: — Ох… Где свет?

— Зачем? Не ходи там… ложись…

— Ты мне будешь указывать?

В самом деле — ловить ее, что ли? Ведь не буду…

— Подвинься немного.

Я ничего не понял. Думал, она собирается уйти.

— Двигайся. Назад чуть-чуть. Получится?

Я собрался с силами и сунулся немного назад. Она уселась у плеча. Запахло какими-то удушливыми пряностями, потом как бы мятой. Она положила пальцы мне на плечи, и это прикосновение было холодное, влажное, сырое.

— О-о-ох… Это что?

— Лежи тихо. Ты обещал стараться.

— Чем ты меня мажешь?

— Салом младенцев и белладонной. Закрывай рот.

И продолжала втирать это неизвестное снадобье — без единого слова, ровно дыша, истово, как сестра милосердия. Что такое настоящий, профессиональный массаж, она, конечно, не знала. Но усердно терла, мяла, разглаживала. А я терпел — тут уже не покряхтишь, — и потихоньку меня отпускало. Было горячо в растертых шее, плече, руках, но не так, как сухое пламя от гуараны. Я осторожно выпростал руку и чуть-чуть прибавил свету. Она как будто и не заметила.

— Переверни́сь. Ого! Нет, тут я не буду… Зачем ты это делал?

— Что?

— Ну, полез туда? На сцену.

— Мы это называем «древко».

— Кто — мы?

— Парапоки.

— Кто?!

— Парапоки. Так это называется, я же тебе говорил.

— Извини, не обратила внимания. Так что это? Боевое искусство заключенных?

— Это еще почему?

— Ну… клетки эти… и вообще, криминально выглядит.

— Ну уж нет! Этому стилю тысяча лет. Просто его так приспособили для зала. А вообще это искусство драться в любых обстоятельствах. Например, когда руки заняты.

— Искусство боя для воров и любовников, — задумчиво отозвалась она. Я хмыкнул. — Согни ногу… вот так. И где же ты ему обучался? Только не рассказывай, что ты вырос в горном монастыре и у тебя был старый мудрый наставник…

— Был наставник. Не старый. Одноглазый негр с Ямайки.

— Ох, не смеши. Одноглазый негр!!! Ну… как теперь?

— Лучше. Намного… Совсем хорошо…

Она выпрямилась из своей милосердной позы, расправила ноги, но соскользнуть на пол я не дал. Взял за руку, притянул ладонь к губам. Пальцы у нее пропахли теми травами…

— Видишь, я снова живой. Что ж это было?

Видеть-то она видела, да и чувствовала тоже; не знаю, насколько я подгадал, или ей просто надо же было упереться, чтобы в этом неудобном положении не упасть. Она взволновалась, но еще пыталась делать вид, что ничего особенного…

— Это женский крем от усталости ног. Я рада, что тебе помогло, просто ничего другого не пришло в голову. Ты меня отпустишь?

Я в ответ начал целовать запястье и добрался до локтя, логично замыкая свободной рукой объятье. Катерина не могла уже уйти, разве только начала бы вырываться. Но не стала. Я поднял голову и увидел, что она задумчиво смотрит на кончики своих грудей, как будто удивлялась — что они-то в этом нашли хорошего? Она вся была у меня в руках, мы оба почти нагишом — на мне плавки, на ней — три квадратных сантиметра кружев вокруг бедер… Неуместны были речи — что тут объяснять, расспрашивать, обижаться или нет… Дать волю и освободить друг друга — как бывает между людьми.

— Все так и должно быть… Это хорошо. Что тебе мешает?

— Мне не мешает, — опять она смотрела куда-то в сторону,

на свое тело, как будто оно было чужое или отдельно от нее. — Никогда мне ничего не мешает заниматься сексом…

Прикрыла глаза, позволила мне пуститься в плавание по неизвестным водам. Тот мизер, что был из одежды, я снял, не было помехи свободно изучать ее тело, я только осторожничал, потому что поединок все-таки отзывался в мышцах. А мне хотелось знать, как она вздрагивает, отчего выгибает спину, какой вздох поймает моя прижатая к ее рту ладонь, если я вот так неожиданно припаду к груди…

— Ты что же, так и будешь?…

— Что? Что такое?

— Так и будешь? Не прикроешься?

Тьфу, черт… а я и забыл.

— Извини… не подумал. У тебя, случайно, нету?

— Я не профессионалка, в сумочке не ношу.

— Ну, ладно… А так не пройдет?

— Так не пройдет.

— Ладно, ч-черт… у меня где-то были по ящикам. Поищу. Прибавь свет.

— Конечно, — она покрутила реостат, уткнулась лицом в сгиб локтя. — Поищи…

Я выдвинул ящик архива, копался в папках и думал: вот мрак-то, а если не найду? Тоже ведь — не секс-шоп и не аптека, мог же весь запас расстрелять. Надо было не слушать ее, вот идиот — упустил момент… Ну? Неужели нет… а! Ага! Слава богу Грома! Нашелся! Последний… да, последний — ну, все-таки ты, брат, везучий…

Я вернулся к дивану — и сердце упало прежде всего остального. Она, конечно, не сбежала — куда бы? Просто свернулась — руки-ноги скрещены, голову спрятала…

— Катюша…

Не отозвалась. Тогда я выключил свет совсем и лег. Отступиться? Как бы не так! И я начал все сначала, не заговаривая и не утешая. Просто делал, что умел — раскрывал и искал, нашел и вошел; свое я получил, а что было с нею — не знаю…

Боль не вернулась — я проспал спокойно уж не знаю, до которого часу, — всласть. И сон мне пришел, как будто Катерина — моя жена, и я просто до неприличия во сне гордился тем, что мы с ней делаем… Потом стал просыпаться — наполовину наяву я уже просто признавал, что имел место пересып, а на три четверти — понял, что ее рядом нет, как, в общем-то, и бывает в таких случаях… Она не лежала со мной и даже не на своем постеленном внизу ложе. Одетая, сидела на полу у двери —

голова откинута, глаза прикрыты — дремлет? Я осторожно пошевелился — все в порядке. Живем!

— Ты меня выпусти, пожалуйста.

— А? Что?

— Открой дверь. И не притворяйся, что спишь.

— Который час?

— Не знаю. Поздно. Ночь скоро.

— Не сиди на полу. — Я, честно говоря, не понимал, в чем дело. Говорит отрывисто, глядит, прищурясь — злится, что ли? Дверь я запер… это да, но что за демонстрации? — Поужинаем, и…

— Дверь открой мне, будь так любезен.

— Да ладно, ладно…

Я поднялся. В общем, чувствовал себя довольно глупо. Обида вдруг накатила: в самом деле, корчит из себя изнасилованную! Ведь как все было, — и тут меня осенило наконец, как все было. Конечно, она вроде бы согласилась… Я даже одеваться перестал, так и стоял столбом, штаны на полпути… Да только и в мыслях у нее не было делать это со мной. И воображала она себе — голову даю! — любовника этого своего духовного, педика необычайного…

Какие уж тут речи! Какие объяснения! Молча застегнулся, отпер дверь. Она и не попрощалась. Вот и хорошо, подумал я тогда. И к лучшему. Злее буду, а мне надо быть очень злым, чтобы приманить, словить, удержать Квапаля.

Я нашел его не на сцене, как полагал вначале, а среди зрителей, на балконе Колодца. Он не ожидал встречи со мной, конечно. Он ждал Катерину. А мне надо было сказать ему всего два слова. И посмотреть, как он отзовется. Внизу творилось обычное черт-те что: труппа из Киригуа показывала «Ричарда Третьего» на ацтекском языке, актеры рычали и шипели, и Ричарду гораздо больше бы сгодилась шкура ягуара, нежели дотошно смастеренное облачение короля. Помню, что разглядывал Квапаля, как восковую куклу в музее; искал следов вчерашнего побития — но ничего… И все-таки это был он, с кем я схватился на древке, — во всяком случае, тот, кто напугал и заворожил Катерину, — я узнал по голосу.

И даже если бы не этот тягучий ацтекский выговор… разговор был в точности как давешний бой: с разведкой, с осторожными бросками на пробу и даже с масками. С той разницей, что можно было смотреть прямо в глаза. В моих дозволенно билось нетерпение охотника. Его — просто черные, как полированная пластмасса, гляделки. В них отражался Колодец, горящая смола в

плошках, прорезные оборки провинциалок. Но себя я там не видел. Голова кружилась: жарко… и я был слишком близко к развязке. По крайней мере, к одной из… Всего-то два слова, и посмотреть… а вот мы оба медлили, он растягивал гласные, я тянул время. Он сделал вид, будто ему интересно, что происходит на сцене: уперся локтями в парапет, зенки свои нелепые в бинокль упрятал, и тут потные осветители развернули декакиловаттные юпитеры к небесам.

— Что-о? — Он обернулся. — «Самсон»?

Белые лезвия света вверху сошлись с ощутимым шипеньем.

— Для чего ей это?

Такая нынче у него была маска — он говорил только о «ней», о рыжеволосой женщине. О Катерине.

— Ей-то незачем. А вот мне нужно. Послушай, я даже…

— Нет, — отвечало это чудище. — Тебя не буду слушать. А ей отдам. Пусть сама приходит. Без тебя. Ты лучше… вообще там не появляйся, понял?

Сейчас даже самому трудно поверить, до чего странный был разговор, весь недомолвками… Квапаль исчез, спустившись куда-то вниз, к самому жерлу Колодца. Я остался, озадаченный. Два кусочка мозаики сложились, и загадочный Самсон сошелся с ночным бойцом, как орел с решкой. Однако монета подвела, встала на ребро — Катерина! Я совсем забыл, заставил, видно, себя забыть о том, что было несколько часов назад. Бросился прочь из Колодца, потому что нужно было найти ее. Сразу в аэропорт? Нет… Ее рейс только утром, успею. Сначала в «Нопаль»… и тут, наверное, подвело воображение, разогретое в общей моей горячке ловли. Представилось, как я вхожу в абсолютно пустой номер. Там не просто чисто — стерильно. За ней уже убрали, да так, что не узнать, была ли вообще эта женщина или померещилось… В изумлении от этой нелепицы я уже видел себя мотающимся с высунутым языком по всему Теночтитлану: Кухум Виц, «Опоссум», «Голова», даже развалины «Корневища», тольтекская слобода и, наконец, «Ягупоп» — безрезультатно…

Боги Ацтлана, найти-то я ее найду, но что ей скажу? Дескать, дорогая моя, я ничего не объясняю, но мне очень нужно, чтобы ты… как можно скорее отправилась в «Ягу-поп». Там ты побеседуешь с известным тебе человеком… и кое-что от него получишь… и принесешь это мне… Так вот — просто.

И тут я понял, что этого не будет. Какое-то озарение, полсекунды. Сантименты? Ревность? Какое там… Просто железная уверенность в том, что я ничего не сделаю и никуда вот сейчас не пойду. Я остановился. Что-то со мной происходило,

может быть, столбняк напал прямо в месте, приютившем днем «кактуса». Только что было жарко, лицо горело, привычный пот стекал по позвонкам. Так и стекал — только холодный. Черт меня подери, я почти не успел осознать, какое решение я принял, не знал еще, что это такое, — а меня больно толкнул в спину и тут же зашел спереди, как бы для извинения, Декан Лелюк.

— А, Тарпанов, — пробурчал он, — что вы встали пень пнем?

Я разинул рот и тут же его захлопнул. Ну да, вчера у «Корневища»… Сейчас мы тоже были в толпе и где-то неподалеку стояла моя «сюиза», но Декан поглядел на меня мельком и пошел влево, под арку. Я поплелся за ним. Мы сели на каменную горячую ступеньку.

Декану жара досаждала не меньше, чем прочим. Он развязал шейный платок, вытер лицо и руки. Фонарь ложился мокрым бликом на залысины. Лелюк не выглядел сердитым.

— Ну что? — сказал он без выражения. — Сомневаетесь? В отказ решили уйти?

И опять я промолчал. Слухи ходили, конечно, всякие: якобы в лобные доли у него вшиты чипсеты, и стеклянный глаз от ИБМ, и что рука у него не дрогнет — ни правая, ни левая, и что он предпочитает яд… Чушь. Было ясно, как на ладони, что он не просчитал меня волшебным образом. Просто он все это видел так много раз… Лелюк потряхивал платок, щурился:

— Вы будете говорить с этой женщиной, Катериной. Убедите ее. Кватепаль не даст вам ни одного шанса, он свято верит в историю о рыжеволосой женщине. Так что не вздумайте уйти с этого пути, Тарпанов. «Самсон» необходим, без него Перо вы не возьмете. Это сильное средство.

— Я бы обошелся и чем попроще.

— Слушайте старших, Тарпанов, это полезно всегда. Попроще? Что «попроще»? Гуарана, кока, «черная рука»? — Лелюк вытер руки и брезгливо перекосил рот. — Перо… это не на древке ногами размахивать. У всех событий есть логика, а у «Самсона» — цена.

— Группа, — сказал я. — Теперь ясно…

— Да, группа. Так что не отклоняйтесь. Вы и так уже усложнили решение. Но если вам пришло в голову, что вы не можете впутывать ее в дело… а причины меня не интересуют, то…

— Мне другое пришло в голову, — я чувствовал, как злоба раскручивается, и надо было ее удержать, и это усилие было чудовищное, как в центрифуге. — Никакого Пера вы не получите, Олег Карлович. Вот о чем я думал, когда вы меня… встретили. — Тут надо было остановиться, но я все-таки добавил: — А причины

пусть вас не интересуют.

Это была дерзость, ясное дело. Прошло, должно быть, секунд пять: Декан не спеша перевел взгляд с моих сандалий выше… выше… и наконец уставился в упор. Это тоже длилось недолго, но я успел поверить в чипсеты, ИБМовский снаряд и даже в медленную отраву, потому что из живота поднялась и разлилась до легких жестокая внезапная тошнота. За этот краткий промежуток я увидел, вспомнил и понял все. Увидел вереницу таких же, как я, — может, каждый второй, а может, — и каждый. Понял, как ему, Олегу Карловичу, со мной неинтересно. И вспомнил то, от чего меня, собственно, и затошнило. Я не должен был забывать, но память хитрая штука… Как раз на этот случай, когда сменишь несколько судеб и возомнишь себя вольным, и является лично Декан. Чтобы тихонько пальцем пошевелить торчащий в мягком крючочек. Настоящий, а не как у ламангаров.

— Напоминаю, вы никого не должны упустить. Татуированный, художник, доктор, продажный боец, рыжеволосая женщина. И место действия.

Я дал ему уйти. Что еще? Посидел, покуда не полегчало, и отправился искать Катерину.

Это было просто, она сидела у себя в башне «Нопаль», в полутьме. Светился только дисплей, и повсюду мерцали обертки от шоколадок. Она мельком посмотрела на меня и снова уставилась в строчки на дисплее. Никаких расширенных глаз, никакого трепета.

— Чего тебе, — да и выражения в голосе почти никакого.

Я уселся на нопалевский пуфик.

— Катерина. Послушай. Это странно, но ты послушай.

— Угу, — она откусила от шоколадки. Клавиши трещали, как сухие бобы в горшке. Под их аккомпанемент я и произнес свою роль: монотонно, надеясь, что она не расслышит.

— Какому человеку? — она по-прежнему смотрела не на меня, но клавиши умолкли. Меня словно отпустило, стал видеть лишнее — что на ней надета маечка какая-то и что волосы отсвечивают бронзово на синеватом фоне. Черт… один только раз, — и вот, ни ей, ни мне невозможно уже просто поговорить.

— Ты не пошла сегодня в Колодец.

— Как видишь.

— А он там был. Он хочет видеть тебя.

— Господи, Тарпанов, ты сводник?

Что я мог ответить? Сводник? Есть чем похвалиться — я могу еще быть убийцей, хороший выбор…

— Ты же сама хотела. Рвалась, можно сказать.

— Хотела. Верно. Потому что… дура. А что, нельзя быть дурой, что ли? — она снова застучала кнопками.

— Значит, не пойдешь?

— А кто меня заставит? С какой стати? Это не он. Я… не хожу на свидания с мертвецами.

— Он сказал кое-что. Мне кажется, он тебя… знает.

Я врал, и жестоко. У нее блеснули глаза и остановилось дыхание.

— Что? Откуда? Что… он говорил?

— Да так… всякую всячину. Он очень странный, Катерина, и я бы тебе не советовал…

— Ты бы не советовал… — она бормотала сквозь зубы, отворачиваясь к синей светящейся панели. — Какой он?

— Что?

— Ты же видел. Ну, скажи — какой он?

— Не веришь, что я с ним разговаривал? Думаешь, пришел голову морочить?

— О черт, я просто хочу знать — если ты видел его… так близко, можешь ты рассказать?

— Ты и сама его видела.

— Тарпанов!!!

Она была уже в бешенстве. Я не знал, на руку ли мне это, но не вредно было бы опустить градус. Спокойно, без нажима я стал перечислять все, что запомнил: черты лица, голос, всякие мелочи…

— Кольцо?

— Да.

— Серебряное, с чернью?

— Точно.

Главное — оставаться спокойным. И отговаривать, отговаривать… но не слишком ретиво. Катерина вскочила и заходила туда-сюда, кусая губы. Я, как танцор в пируэтах, «держал точку». Уставился на Матлалькуэ, вышитую на занавесках небесно-синим шелком.

— А серьга? Такая же, как кольцо?

Я решил быть честным. Дело мое было сделано. Я сказал, что серьги не заметил.

— Да… но кольцо, значит, было…

— Твой подарок?

Она отмахнулась. Она уже натягивала платье! Я поднялся.

— Куда ты, Катерина?

— Сиди здесь. Или уходи. Все равно. Нет… лучше сиди. Не смей за мной ехать, ты понял?

Я дал ей выйти и услыхал стоны бамбукового лифта. Я не

боялся, не испытывал стыда и не радовался. Подошел к кровати, плюхнулся и заснул сразу же, и спал крепко.

Дорога рывками ползла под колесо, исчезала с хрустом. На высоте перевала не хватало воздуха ни мне, ни мотору.

— Вылезайте.

— Опять?

— Давайте, нечего рассиживаться.

Оран вылез без возражений и тут же стал пытаться раскурить сигару. Гнездович выпихал свои полтораста кило, отдуваясь. Катерина осталась в машине. Мне в зеркальце были видны ее пальцы, сжимающие шоколадку. Даже смотреть тошно. «Сюизе» полегчало, мы медленно поползли вперед. Художник и лекарь топали следом, Гнездович оживленно черкал ладонью по своим волосатеньким предплечьям: все расписывал ойлянину совершенство его будущих новых конечностей кахамаркской выделки.

Итак, мы все тащились в Кахамарку, как и было предписано. Оран — вроде бы за новыми руками, Лео Гнездович — как сопроводитель, и заодно он обещал показать Катерину кому-то из знакомых инкских светил, поскольку она молчала. Просто отсутствовала, грызла свои батончики, пила горную воду, ни с кем не говорила и ничего не замечала, по-моему. Гутан привез ее накануне отъезда, но ни словом со мной с тех пор не обмолвился.

Путешествие наше было скучное. Никакого божественного, вдохновенного, осиянного удачей устремления… Я и раньше имел привычку сомневаться в себе — не до соплей и желчи, а так, в меру… Только теперь это альтер эго отделилось совершенно; ему одновременно было и на все наплевать, и он испытывал скверный страх за свою шкуру, и строил отчаянные планы — как бы вывернуться… Тут же и я сам вел машину по альтиплано, зевал от нехватки кислорода, предъявлял таможенникам на Кахамарском КПП бумаги, петлял по улочкам в поисках дома Атальпы… И все время между нами, между усталым телом и замороченным духом, тянулась, пружинила и звенела почти видимая струна.

Атальпа предложил гостеприимство нам троим: Гутану и Катерине тоже. Гнездовича прямо на КПП встречал накрахмаленный и отутюженный монсеньер Очеретти. Гнездович сделал вид, что изумлен… тряс Гутанову клешню и обещал прийти завтра же для составления ему протекции в Институте. Поэтому я и повез всех к Атальпе. Атальпа, прозванный Кузей, был человечек невинный, книгопродавец (никакого следа

духовного, бухгалтерскими и таможенными справочниками торговал) и большой любитель инкской бани. Там и познакомились, когда я натурализовался в регионе. «Кузя» — потому что он себя величал «кузеном императора», из-за какой-то там троюродной бабки, отдавшейся в некое давнее полнолуние папе нынешнего императора в дворцовых садах… Пока я жил в Кахамарке, мы регулярно встречались в банях, болтали. То да се… разные мелкие услуги… Он так усиленно приглашал останавливаться именно у него, если опять случится бывать здесь… я уж заподозрил определенные наклонности. Однако дело было в его супруге. Женился он на ней по наследству от старшего брата, воздухоплавателя, после его гибели в небе над Куско. Брат, в свою очередь, женился по долгу (папаша ставил на местный футбольный клуб против патагонцев, патриот). Мадам Атальпа была, во-первых, жрица, хранила дома священный огонь и ежедневно подносила его в храме. Во-вторых, она была тоща, как храмовый барельеф, и жестокосердна, как гранитный алтарь. Княжеское происхождение обоих мужей было ей ни во что, и на попытку утвердить себя кузеном императора даже и при мне она отвечала: «Твоя бабка шлюха, а меня лишил невинности сам господин Киче!» На это возразить Кузе было нечего. Так он и жил, страшась жениных богов, священного огня и господина Киче. Однако запретить ему принимать гостей она не могла, согласно Древнему праву, и поэтому Кузя был чрезвычайно доволен. Он отвел каждому по комнате, демонстративно при супруге взял у меня деньги и тут же, за дверью, их вернул обратно, завернув в имперскую «леопарду». Естественно, Кузе и в голову не приходило интересоваться, зачем и как надолго вселились к нему трое благодетелей. Тут все сложилось удачно.

Не то было внутри нашей маленькой компании. Группой это могло быть только в холодном воображении Декана. Катерина оставалась бессловесной с тех самых пор, как я обнаружил, что опять неизвестно которого дня утро и я валяюсь в ее нопалевском номере на постели, она же — неловко сидит в кресле напротив с надкусанной шоколадкой в намертво сжатом кулачке. Свежая царапина на запястье, ключица ободрана до крови — это я хорошо запомнил… Ойлянин Оран тоже был в номере — преданно и яростно молчал, — все и так было ясно. Он, наверное, следил за нею… Зато болтал за троих Гнездович, появившийся в «Нопале», как дух — чуть ли не из воздуха. Оказалось, что нам надо ехать на юг — во-первых, немедленно. И во-вторых, третьих и пятых (половины умозаключений доктора я просто не понимал и теперь не припоминаю) — всем вместе и обязательно на моей «сюизе» — как же иначе! Скорее всего, Лелюкова дурь тогда еще

из меня не ушла… Я все время чувствовал, что не вполне своей волей двигаюсь, что-то мычу, совершаю какие-то простые действия.

Да, Катерина, бедная Катерина… я среди часов и минут ухитрялся почти позабыть о том, чего и не знал… но дверь в ее комнату была всегда отворена, и она всегда была там, у наглухо запертого окна, и это видение вызывало каждый раз тоску. Ничего, ничего, говорил я себе и тянул за струну, возвращаясь к подобию единства, — это пока еще отсрочено, потом выясним, кто и чего кому должен…

Теперь — Оран. Этот понятия не имел о Пере, и вообще плевал он на все на свете, кроме грядущих новых рук. С ним все было более-менее ясно: никаких обещаний, разве только в морду… Лео Гнездович, наоборот, был полон нетерпенья, но я много сил прикладывал к тому, чтобы его избегать. Если б я хотя бы вполовину так старался отыскать след Пера, то давно бы уже кайфовал в Варадеро с пустой головой и полными карманами. Но как раз видение Варадеро раздражало больше всего. Восемь лет я работал на Декана, не понимая, в сущности, что и зачем делаю. Неспроста завелся во мне червяк отказа…

Я отдавал себе отчет в том, что взять Перо придется. Но и растил заботливо мысль, казавшуюся почти счастливой: взять-то возьму, но никому не отдам. О ламангарах и говорить нечего, а вот как не дрогнуть перед Деканом… Нужно было искать способ уйти. Мало того — нужно было вместе с Пером исчезнуть. Воспользоваться им я не мог, потому что толком не знал как и зачем. Стало быть, только бегство. Выход не лучший, да и замысел достаточно отчаянный, я это понимал, но с тем большим удовольствием принялся соображать. Я прокручивал в уме наш с Деканом последний разговор, потому что в нем, как мне представлялось, была одна маленькая зацепочка. В составе группы Декан упомянул татуированного. Этим татуированным мог (да и должен был, вероятнее всего) оказаться я сам. Хотя бы потому, что татуировки давно не было… и все-таки она была. Такие игры смысла были вполне в правилах Декана. Но я счел, что в тех же правилах лучше будет притвориться «чайником». Было весьма вероятно, что все мои знакомцы, даже случайные, за все годы службы — сочтены и записаны. Поэтому я решил связаться с человеком из той жизни, что была до найма к Декану. Стереть агенту память и ловко вписать на ее место фальшивку можно только в романе, потому что автору так удобнее. В реальной жизни это просто не нужно. Достаточно среднего навыка перевоплощения. При этом подлинная, изначальная линия, конечно, бледнеет. Но разницу всегда можно ощутить, во

всяком случае, я всегда ощущал ее довольно четко. И никогда ею не смущался. Впрочем, я об этом уже, кажется, упоминал… Раньше еще применяли «забывку», но теперь все больше отказываются. Какой смысл в «тотальной» процедуре, если работника приходится неделю кормить через зонд, месяц напоминать ему, как завязывать шнурки, а потом оказывается, что он как раз нужного-то и не забыл… Но я отвлекся.

Итак, некогда был Дракон, Черный Юй. И был мастер, который его сделал. Звали его Марко Симанович, и был он настоящий бандюк и художник. У Марко был сайт в Сети, выставленные там картинки косвенно могли послужить доказательством, что он, во-первых, жив и процветает и, во-вторых, что его не «подсадили» мне в память… В любом случае, попробовать стоило. Мы во время оно были с ним хорошие приятели, и Дракона он нарисовал мне бесплатно, за крепкие руки и бесшабашную голову.

Я рассчитывал через его причудливые связи раствориться в том из миров, который вроде вечно под присмотром и все же умеет прятать надежно. Не факт, что Симанович пальцем бы пошевельнул для Артема Тарпанова. Но для меня прежнего… очень может быть. Я надеялся на это. Отправил ему послание, абсолютно нейтральное, с кратким описанием Дракона и просьбой истолковать смысл. Подписался Тарпановым. Тут весь фокус был в том, что Марко никогда не повторял рисунков, на этом стоял крепко. Пусть сначала призадумается — откуда весточка…

Ожидая, пока Симанович отзовется, я ходил по музеям. В последней, еще в Теночтитлане обработанной порции новостей я выловил слово «хранилище». Я созерцал копченые «тсантсы» в музее Человеколюбия, разглядывал письмена на дисках-календарях в Храме Неба; на выставке современного искусства украдкой даже потрогал эротические композиции Пиленгаса Одудо: на мой взгляд — ничего эротического, какие-то генитальные лабиринты, многочленный фрактал…

И все это было счастливейшим образом далеко от Пера, покуда я не наткнулся в музее Изящных Искусств на Орана и Гнездовича. Музей сразу же вызвал у меня неопределенное подозрение. Довольно унылое здание, одноэтажное, выкрученное посреди парка Юпанки аймарской буквой «зю». Внутри — анфилады безоконных комнат, люминесцентные лампы, припыленные экспонаты в витринах. Старухи в синих кечуанских накидках, носатые, стерегут в углах чинный порядок. Рассматривая в зале малой глиптики связки крохотных божков на шнурах из человеческих волос, я краем глаза заметил квадратную

фигуру, рыжие космы и бороду ойлянского живописца. Он вошел в зал, отдуваясь. Постоял, осматривая стены и витрины. Я не хотел с ним встречаться, отошел ближе к проему следующего зала. Оран пристально рассматривал установленную в центре зала уродливую статую Матери Грехов. Я бы тихонько смылся дальше по экспозиции, но тут явился Гнездович. Доктор принялся хватать Орана за плечи, ладонью указуя куда-то по окружности зала. Оран только покачивал головой: отвали, дескать. Гнездович настаивал. Ойлянин вынул руки из карманов, легко отодвинул людоведа локтем и исчез за Матерью Грехов. Гнездович оглянулся и заметил меня. Секунд десять он таращился, как кролик на удава, потом его сняло с места и плавно повлекло ко мне. Деваться было некуда.

— Добрый день. — Гнездович вздохнул, вынул платочек и промокнул чело. — Рад, очень рад, что вы тут… Видали, каков?

— А что?

— Я здесь с нашим другом Гутаном.

— А…

— Ведь лишь бы поспорить… сейчас все равно рисует. Слушайте, Артем, сделайте одолжение… пройдите туда, посмотрите. Просто хочу убедиться. А?

— Убедиться? В чем, Леопольд?

— Он должен рисовать, — сердито отвечал Гнездович. — Руки требуют, и… я потом вам скажу. Когда вы посмотрите.

— Нет. Не хочу. Что я, Орана не видал? Мы с ним в ссоре.

— А я вас и не заставлю лобызаться. Только и всего, что выглянуть из-за этой кошмарной бабы.

Гнездович обнаглел до того, что теребил меня за рукав куртки. Я этого не выношу, это вторжение. Пришлось аккуратно разжать его пальцы, опустить докторову руку «по швам». Гнездович глотал воздух и пучил глаза. Я продвинулся на несколько шагов и заглянул за раскоряченную многогрудую Матерь.

Оран рисовал. Обе руки у него были на месте… то есть все пальцы, ну, вы понимаете… Он, как ни в чем ни бывало, хотя и не совсем ловко, держал в левой ладони блокнот, а пятерней правой руки неуклюже сжимал карандаш. Если не считать этой неловкости в пальцах… не знай я правды, ни за что бы не подумал… Я вернулся и почти с уважением посмотрел на доктора.

— Рисует.

— То-то же. Догадываетесь зачем?

— Пальцы тренировать, это же ясно. Кстати, мои комплименты, доктор, — пальчики с виду как родные…

— Пустяки, — отмахнулся Лео. — Это вас не касается. А вот то, что он рисует! Знаете, Тарпанов, пойдемте отсюда. Надо поговорить.

— А Оран?

— Что ему сделается! Он теперь и сам не оторвется, я не первый день тут с ним занимаюсь… тяжелый он человек.

— Да уж… не легонький. Ну, так что?

— Пойдемте, пойдемте.

Он торопился выйти наружу. Я подумал, что у него, может быть, клаустрофобия, вспомнил Йоша, исцеляемого по частям. Мы прошли вперед, покружили по перекладинам «зю» и выбрались наконец в парк. Накрапывало. Гнездович вздохнул полной грудью. Увял наш бодрый доктор, то ли кислорода было ему мало, то ли заботы ламангарские извели. Или Оран достал.

В парке тут и там стояли национального стиля каменные беседочки. Гнездович затащил меня в ближайшую. Плюхнулся на скамью, вперил в лицо жгучий взгляд, огладил бороду.

— Перо очень близко.

— Знаю, — нагло отвечал я. Гнездович вздрогнул.

— Но вы его, разумеется, не видели.

— Нет.

— Никто его толком не видел. Со времен Бартера… для этого наш ойлянский друг и старается.

— Не понял.

— Бросьте! А если не поняли, так вот… смотрите сюда.

Он полез за отворот куцего пиджачка, вытащил пачку блокнотных страниц.

— Вот.

Лео разложил рисунки на скамье. Стиль узнавался. Плюс-минус какие-то новые особенности… это были, конечно, наброски музейных залов, сделанные Ораном. Хаос, из которого постепенно проступают детали. В каждом зале — одна, две. Не более. Остальное стерто.

Я выжидательно посмотрел на Гнездовича.

— Таков метод. Это большая удача, что господин Оран оказался в нашей компании… У него уникальное зрение. Он видит суть.

Да уж. Это я помнил.

— По нашим сведениям, а они хорошо подкреплены… Перо здесь. В Кахамарке. Более того, оно в этом музее.

— Как экспонат?

— Вряд ли, — Гнездович зыркнул на меня искоса и продолжал: — И более того, Джио уверен, что искать нужно в определенном секторе. Вот мы этим и занимаемся.

— Слушайте, Лео, это все хорошо. Но как вы догадаетесь, что Оран его отыскал?

Гнездович скривился.

— Пока мы точно знаем, что не есть Перо.

Да уж, эти двое плюс Очеретти сделают за меня почти все! Счастье-то какое…

— Ну и хорошо. Вот вы будете знать, где оно. Одного не пойму — если вы сами все узнаете, то при чем тут я? Какая моя работа? Только взять?

Леопольд помолчал и ответил вопросом на вопрос, совсем невпопад:

— Слышали когда-нибудь про Индрика Василевса?

— Нет. Это кто или что?

— Это чудовище.

Я хмыкнул, потому что вспомнился Селиван Тукупи, как он то же самое и с той же интонацией говорил о Боге травы.

— И не хмыкайте! Индрик, может быть, страшнее всего, что вы можете вообразить. Его люди здесь, они идут по следу Пера.

— Ну?

— Я их не знаю… Даже Джио ничего не открылось… но мы должны их опередить.

— Слушайте, Лео, как я могу кого-то опередить, о ком вообще ни черта неизвестно?

У Гнездовича был очень несчастный вид.

— Я бы ни за что не согласился иметь дело с вами, Тарпанов, — горько сказал он. — У вас же никакой веры нет, вам на все плевать… вы просто пробивной механизм, воришка, стыдно даже подумать, что вы будете держать в руках Перо Эммануила…

— Может, потому и буду. Кажется, ваша компания очень старалась меня заполучить.

— Это все монсеньор Очеретти, — лекарь махнул рукой. — В нем-то веры на десятерых. Благодарите Бога, что он про вас забудет после этого дела… если будет о чем забывать… Я, кстати, до сих пор не могу поверить, что вы согласились. Я бы на вашем месте отпирался изо всех сил. Хотя… Джио всегда оказывается прав. Ладно, не об этом речь. Поймите. А не можете — так поверьте, что как только Перо попадет к Индрику — этому миру, как мы его знаем, придет конец. Артефакты Великой Сети существуют… существовали. Большая часть из них утеряна. Исчезла в последние сто лет. Некоторые — совсем недавно. Василевс ищет их и находит, а мы опаздываем. Кстати, — Гнездович встрепенулся, — кто вам-то сказал, что оно здесь?

— Сами же сказали.

— Нет. До этого? Что вы здесь делали до того, как я вам сказал? Вы мне ответили: «Знаю»…

У него был весьма отчаянный вид. Весы сомнения готовы были качнуться, и я понимал, что этот мученик идеи тогда кинется на меня, пусть и при неравных шансах. Будет пытаться меня прикончить, потому что уверен во всемогуществе какого-то злобного маньяка.

— Лео! Это же как божий день… Ну? Вы сказали…

— Я помню!

— Ну, а я ответил: «Знаю». Подтвердил, так сказать, сообщение. Слушайте, Гнездович, мне так уже все надоело — ждать… Я хочу о вас и вашем кардинале тоже позабыть. Как можно скорее. Давайте, отыскивайте его, а уж как я там его возьму — не вашего ума дело. Так и скажите монсеньору. Сами-то понимаете, как это неприятно — когда крючок в мягком, а?

Гнездович дернул щекой. До моей задницы ему дела не было, у самого свербила заноза…

— Я буду торопить Орана. Когда мы… когда будет ясно — я приду к вам. Не вздумайте исчезнуть, Тарпанов, это гибель!

Видимо, полагалось ему это произнести с угрозой. Но вышло довольно жалко, умоляюще.

Спустя два дня я получил ответ от Симановича. Сообщение короткое. Читая его в первый раз, я изумлялся. Перечитал дважды, трижды, и все-таки не понял, что чувствую. «Артему Тарпанову: Дракон такого типа означает внезапное нападение или острое противостояние. Полет его несет огненную гибель. Если же, вопреки очевидности, на Вашем изображении дракон без огня, то это могло быть сделано намеренно, как намек на тайну или противоречие в характере. Решительно советую Вам еще раз пообщаться с автором, прежде чем соглашаться на воспроизведение». Марко, чертов сын! Я готов был поверить, что он подает мне знаки: «внезапное нападение», «огненная гибель», «сделано намеренно… намек на тайну». И главное, «посоветоваться с автором»! Ладно.

Была не была. Если это и в самом деле чудо и он сразу догадался и еще не забыл… Я немного поразмыслил и отправил сообщение, в котором с огорчением признавался г-ну Симановичу, что рисунок, увы, уже сделан в давние годы. Но кое-какие обстоятельства жизни наводят на мысль, что это было опрометчиво… Да и толкование уважаемого мастера удивительным образом говорит о том, чего всякий раз хотелось бы избежать… Однако автор рисунка уверял-де меня, что это Черный Юй, знак во всех смыслах благоприятный и

охранительный (святая правда, Марко так и говорил!). Поэтому не соблаговолит ли господин Симанович еще раз углубиться в бездны своих познаний и просветить меня насчет истинной природы Черного Юя?

Отправил письмо — и задумался. Понял меня Марко, поймет ли, что я его понял верно… или это игра моего возбужденного страхом воображения? Да. Я боюсь. Что на мне такое, что они все хотят видеть меня исполнителем? Декан, который уже понял, что я дал слабину. И ламангары. Они надеются, что я знаю, как его забрать. Когда сами не знают, где именно оно спрятано. Может быть, они правы, и все очень просто? Может быть, его не прячут… торчит себе в какой-нибудь из их инсталляций… Тогда почему не доктор Гнездович? Что такое, почему они боятся сами к нему прикоснуться? Ведь и Декан, и Очеретги собираются что-то такое делать с Пером… или хотя бы не делать, так владеть им. Хранить его. Перепрятать. Опасно ли его трогать вообще? Да что там за опасность может быть? Какое-нибудь излучение?

Вспомнился один парень из нашей группы, он в жизни был то ли химиком, то ли физиком, и с глупой важностью рассказывал, что держал в руках урановые стержни от примитивного ядерного реактора. Дескать, это вполне безопасно. А вот облизывать нельзя… Черт бы их побрал всех! Декан заставил меня добыть «Самсон»… если, конечно, черный каменный флакончик, извлеченный втихомолку из сумочки Катерины, содержал в себе это зелье. А не какие-нибудь духи… Я не нюхал и не рассматривал его; нужно было, чтобы не заметил Оран, бдивший над Катериной с той минуты, как привез ее наутро в «Нопаль»… Ламангары ничего не знают о «Самсоне», во всяком случае, Гнездович ни о чем таком не упоминал. Так что же этот «Самсон»? О вещах, добытых мною прежде, тоже рассказывались легенды, но я мог бы поклясться, что прикасался просто к мертвым артефактам. Некоторые были драгоценны. Некоторые — просто нелепы. Но ни разу я не чувствовал священного трепета, просто делал все правильно. Не знаю, честно говоря, что бы со мною сталось, если б каменная «Гюлехандан Доррегерьян» вдруг засмеялась розами и зарыдала жемчугом… Такого просто не бывает, легенды всегда говорят другим языком. Но «опись» Юреца, сон мой, паутина связей… Они сделали Перо, чтобы рассыпать на части соединщика… а если человек и так один? Что? Смерть? Тьма?

Я почувствовал, что глаза слипаются. Был белый день, но я еще не привык снова бодрствовать под Солнцем. Почту оставил включенной, хоть и не ждал так скоро ответа. Задернул штору, стал устраиваться на лилипутской раскладушке. Пожалуй,

сходить еще по нужде… Грохнула входная дверь, в коридоре я разминулся с Ораном. Ойлянин нес под мышкой толстый сверток. Проходя к себе, он машинально, как и я, заглянул в отворенную дверь угловой комнатенки, где смотрела, все едино — в день или в ночь, — печальная Катерина.

Проснулся затемно, голова была тяжелая. Марко пока не отозвался. Рано, дадим ему еще времени. Из Кузиной части квартиры доносились ритмичные скрипы и притоптывание. Хорошо поставленный голос бубнил что-то на аймарском, потом затараторила женщина. Новости, наверное. Мадам Атальпа таким голосом даже во сне не разговаривает. Воздух в каморке застоялся, как в отсеке подлодки. Я попытался отворить окно — нет, плотно забито. За дверью, в потемках, в хозяйском конце коридора мелькали синеватые сполохи. Оттуда полз тяжелый запах, наверное жрицыной стряпни. Во всяком случае, я просто задыхался. От других соседей не доносилось ни звука. Так… ну, пойдем подышим, что ли…

После кошачьих и человечьих запахов лестницы ночь показалась благоуханной. Опять сеялся мелкий дождик. Я встряхнулся. Хорошо, что есть просто ночь и народ не будет толпиться на мокрых улицах. Ноги несли меня к Чачанка, там, я знал, можно было всегда поесть в забегаловках. Правда, основное блюдо у них собака с рисом… но в смысле еды я довольно хладнокровен. Не корейский ресторан, бедного Шарика не станут на моих глазах лупить палкой, чтобы был вкуснее, а мясо на тарелке — просто пища. Я поел, приободрился и пошел куда глаза глядят, просто наслаждаться прохладой и одиночеством. Поначалу казалось, что иду, сам не зная куда. Но остановился, сообразив, что приближаюсь к музею Изящных Искусств. Мне, да и любому, там нечего делать ночью. Наверняка музей охраняют. Я был уже в парке, в начале одной из аллей с редкими фонарями. Чего доброго, здесь и Гнездовича встретишь… небось, тоже ему не спится. Хотя — нет, они с монсеньором наверняка изучают рисунки Орана, выискивают признаки Пера… Я постоял немного, как бы в нерешительности, и все-таки двинулся вперед. Глухая, без окон стена музея искрилась от влаги. В аллее днем обильно цвели японские вишни; сейчас большие светлые лепестки были сложены, как ладони, и много их, опавших, слабо отсвечивало в лужах на дорожке. Очумели, бедные, от непрерывной здешней весны-осени, цветут, цветут…

Аллея немного расширялась, переходя в музейный палисадничек. Вишни сменились жасминовыми кустами. Под кустом справа, отчетливый в металлическом свете ближайшего

фонаря, сидел «кактус».

Это там, в Теночтитлане, их так называли. Ну, хрен редьки не слаще… коатлекль, «змеечубец», созерцатель пупа… Как и наши, этот был совершенно голый, и на плечо так же свешивался клок волос — одинокий на обритом до блеска черепе. По плечам скатывались капли, вода собиралась в складках тела. Лепестки жасмина и вишен облепили кожу. Я разглядывал сидящего, как нечто неживое. И, заметив *его* взгляд, попросту испугался. Неправильно это было, против обыкновения этих загадочных существ: расширенные темнотой пристальные зрачки, никакого аутизма… Более того, он усмехался! Непроизвольно я зажмурился и отступил во тьму: если он, храни меня Змеиная Матерь, еще со мною вздумает заговорить… Я пятился, потом быстро пошел, только что не бегом. Остановиться, разжать зубы позволил себе кварталах в двух от музея. У-у, наваждение, так и к зданию не подойдешь. Что за черт, подумаешь, посмотрел… но сердце падало от одной мысли… вернуться — нет уж. Не сегодня. Я повернул назад, старательно огибая парк Юпанки. Зашел в первое попавшееся заведение. Было за полночь, аймарский пацан в вязаной шапочке гонял за стойкой фигурки какой-то игры на карманном дисплее. Он разменял мне десятку на монеты, почти не глядя. Бог с ним. Пиво я купил в автомате, отхлебнул с полбанки и сел к почтовой консоли. Накормил ее монетками, набрал код; сбился, набрал снова.

Есть! Новое сообщение. Я развернул текст. «Случай г-на Тарпанова требует личной консультации. Симанович». И факсимильный Марков инициал славянской вязью.

После гляделок со змеечубцем да пары хороших глотков «Манитобо» натощак соображал я с задержкой: как же это понять? Неужели все-таки… признал? Получилось?! Скверно настроенный почтовый экран сильно мерцал. И слова все простые, понятные, и сам я не этого ли ждал? А вот поди ж ты — отказывался поверить в удачу. Слишком быстро все. Слишком гладко. Ведь это может означать все что угодно: «требует личной консультации». С кем? Цыганок Марко, двусмысленный, скользкий — и всегда он был такой. Нет, это точно, он просек и дает знать… Ехать надо. Когти рвать, и прямо сейчас. Пока не вышел Декан Лелюк из какой-нибудь подворотни. Тогда мне уже не уйти.

До Кузиного дома доехал на такси. Подумал — и отпустил. Нужно только забрать деньги, остальное мое все при мне. Но — пусть катится. Найду другое.

Мрачная обитель в переулке спала. Только на «наших» окнах

слева почудился желтоватый отблеск. Луна, что ли, восходит? В подъезде, ступая с предосторожностями, выглянул с площадки в немытое окошко: какая луна? Обложено же все. Ничего, и в такую погоду самолеты летают. Скоро, скоро провалится все это в черные тартарары. Да, Марко… нелегко мне с ним будет, конечно, но уж не хуже, чем с Деканом. Только успеть бы!

Я вошел, стараясь не скрипеть половицами, и увидел шагах в пяти по коридору мадам Атальпу с плошкой в руках. В плошке вяло трепыхались огоньки, задавленные вонючим карбидным дымом. Жрица скользнула по мне стеклянными глазами, пробормотала с угрозой: «Грызуть…» — и зашаркала прочь, обводя плошкой дверные проемы и плинтусы. Она кашляла и все хрипела: «Ужо они грызуть… отгрызуть…» Сущая яга.

Я ждал, что слабое пятно света удалится вместе с ней. Но оказалось, что старая грымза стояла в полутени. Позади тускло отсвечивало огромное Кузино зеркало, полированная обсидиановая панель в стене. Я ступал тихо, да и за шумами от жрицы ной дезобработки мог бы особо не стараться. Но мне не хотелось спугнуть этот свет, хоть я и не знал, что отразится в зеркале.

А мог бы догадаться. Свечи! Три свечи, расставленные на столе у Катерины, и она сама в треугольнике огней. Нагая.

Боги Ацтлана, она сидела на столе, голая, подогнув под себя одну ногу. Я видел ее довольно отчетливо в черной каменной плоскости. Так близко… Парасимпатическая заработала вовсю: сердце, надпочечники, диафрагма; бросило в пот — утерся, сбилось дыхание — прикусил губу. Что с ней? Что она там делает? Кому эта нагота, казавшаяся теперь вдвое, вдесятеро чеканней, совершенней и желанней, — неужели только тьме и тому, кто все эти дни был между нею и всем прочим? Я не видел ее лица, только профиль, да и тот — в четверть, и не мог знать, что — в глазах. Мне казалось — за чесночным дымом курений, за трескучим запахом тростниковых свечей я различил ее запах. Пусть она безумная, и я в этом виноват. Я буду виноват еще раз, видят боги, я войду к ней — и за порог, и во всех смыслах, что ж я, каменный или «кактус» какой, в самом деле?

Нет, нельзя, нельзя! Я пришел, только чтобы взять деньги. Поздно, поздно.

— Спокойно. Что ты? Держи позу. Устала?

Вот так… Оран! Рыжий бес! Там, у нее… Я задержал дыхание… Сквозь шум в ушах я слышал, как она отвечала! Слабый, чуть охрипший, но вполне разумный голос:

— Ничего. Ты… рисуй, я только волосы поправлю.

— Не надо поправлять. Ты должна слушаться. Я лучше знаю.

Так сиди.

— Хорошо, — и, помолчав, завела снова: — Спасибо. Ты меня спас… Как это тебе в голову пришло? Я ведь могла бы сойти тут с ума…

— Я же обещал. Разве не помнишь? Нет, сюда смотри, а не в угол. Так. Теперь вот ты и разговаривать стала…

— Да. Можно сказать, все прошло.

— А если бы не прошло… я бы его убил. Не смей улыбаться сейчас, женщина! Сиди… еще немного.

— Да. Только убивать… никого не надо было бы. Никто не виноват. Я — больше всех.

— Вздор. Бабья чушь. То никто, то ты больше всех. Убил бы обоих или покалечил сучьих гадов.

— Бог им судья, Гутан, — смиренно отвечала эта проклятая ведьма. — Артем — подневольный, а тот… Квапаль… Если б я сама не придумала все это… Сейчас даже смешно. И легче. Я знаю, что Симон не восстал из мертвых, и это нормально, а не так… навыворот.

— Ладно. Много-то не болтай. Хорошо, что хорошо кончается. Вот… так. Славный будет зеленый колер.

— Покажешь?

— Покажу, покажу, не ерзай. Мы с тобой на этом будем квиты. Ведь не думал, что железки эти да проводочки заработают.

— Не льсти мне так. Рисовал же статуи в музее.

Оран хмыкнул.

— Пальцам чхать на статуи. Я за эти три дня (три дня! Боги, боги…) их как свои стал чувствовать. Живое тело, вот что им нужно, статуи — тьфу, для школяров. А все-таки, знаешь…

— Что? Устал?

— Да. Нет еще привычки. До самого плеча работаю… Хэ… Ну, пожалуй… вот так. Уф! На сегодня шабаш.

Послышались стуки, бульканье, запахло скипидаром. Я уже пришел в себя. Да… черт с ними. Они пешки, могут творить, что заблагорассудится. А у меня главные ходы еще впереди, пан или пропал, и не они — моя забота. Так я себе внушал, потихоньку разворачиваясь на пятке.

— Ну, так. Посмотришь утром. Сейчас свет не тот. Слезай.

Свет в зеркале запрыгал. Катерина потянулась, зевнула.

— Замучил меня совсем. Давай, я тебе помогу. Господи, как ты их носишь… разъемы какие-то…

Свет качнулся и погас. То, что нужно. Но слышно теперь было намного отчетливей.

— А-а… О. Нет. Нет, Гутан. Не надо.

— Ну, ты вот! Я ж тебе говорил… Как это — не надо? А

вчера?

— Я… сама не знаю. Вчера… Сегодня… Ох… Давай… подождем. Когда это все закончится, хорошо?

Даже если б я ослеп и оглох — ничего бы не изменилось. Я уткнулся лицом в камень и все равно видел, как этот рыжий обезьян мусолит цур-палками своими ее груди, бородой своей поганит ее живот.

— Да черт ли его… когда закончится. И чего ждать? Свадьбу играть, что ли? — между этими фразами ойлянин делал промежутки, красноречивые, как порез во все горло. От Катерины осталась только тьма, тьма и слабые вздохи.

— Ну, ну? Плачешь? Плачь, это ничего.

— Нет. Не плачу.

— Ну, и не плачь. Тут же все… как божий день. Ох, какая ты… Красавица моя… Лапушка… Как же такую только малевать… одно мученье, ну, ты хоть помоги, ведь это ж грех… так обходиться, поможешь, милая? Ах, ну, хоть вот так, славная моя…

Мне бы ворваться к ним туда, расшвырять к дьяволу, порвать на куски… Но тот, по другую сторону струны, только кривил моей же болью рот, но не позволил сделать ни шагу. Что бы там у них ни было — оно оказалось скоротечно. В глубокой тьме и тишине я сдвинулся, чтобы поползти тенью мимо, мимо, — и тут со скрежетом очнулись гиревые часы императорского кузена, и страшно, тягуче пробили два удара.

Моя дверь подалась не сразу, что-то упало под ноги, я не стал смотреть. В каморке по-прежнему воздух висел топором; я не мог нашарить сумку с тайником, включил свет.

Рисунки. Пачка рисунков Орана. Я подобран их, сложил стопочкой и уже потянул за края: порвать на хрен, к Змеиной Матери…

Но почта моя была включена! Открыта, выпотрошена, как есть пуста!

Под дисплеем имелась записочка: «Приду на рассвете».

Все. Можно было никуда не спешить. О-ой, дурья башка!

Непреклонный Декан, волосатый доктор, похотливый мазила, беспощадная ведьма, — обступили кругом, не давали дышать. Я сглотнул с усилием; заболело горло.

Рисунки снова рассыпались. Усевшись на коврике, я

бессмысленно их перекладывал, покуда один вдруг не отозвался, как толчок в подреберье. Этот, а за ним — я рылся в пачке, — да, и еще, всего три… нет, больше! Отовсюду, с каждого помятого, грязного листка Перо вываливалось наружу, вспарывало бумагу. Закружилась голова. Зажмурясь, я пережидал верчение; полегчало — снова стал смотреть — что же оно?

На самом деле их оказалось всего два, как сразу и увидел. Остальные просто вызывали головокружение спиральным полетом кувшинов и статуй. А те, что с Пером… Я не мог от них оторваться. Потерянный, вращающийся, наизнанку вывернутый и ограбленный… между странных рисунков и пустой почты сидел как перст один.

Оно было камнем. Нет, неточно. Казалось, нет — оказалось, делало вид, что оно — камень, основание под уродливой статуэткой купца. Купчик с мешком денег, с толстым пузом, как божок всего хорошего… и ровный черный параллелепипед под ним. А вокруг — какие-то кровавые танцы, веера, трупно-синие вспышки в желтую кадмовую крапинку, и крылья, крылья. Оперенные им.

Теперь я уже никого вокруг не чуял. Пустота, как будто мир умер. Тишина, как будто звуки завязли. Даже тараканов нет. Только Перо. Вот оно, для смерти, из смерти сделанное — а как же иначе, и оно меня ждет. Я свой шанс уйти упустил. Снова на привязи… я даже удивился, что не вижу струну, потому что ощущал ее намного живее, чем прежде.

Вставать не хотелось. Вообще шевелиться не было желания. Скоро придется слишком много двигаться, пожалуй. Я подтащил сумку, залез на ощупь в боковой карман. Черный флакончик невинно улегся в ладонь. Вот тоже… Вытащил пробку, понюхал — никакого особого запаха. Боги мои, что за глупость, что за идиотский театр: сижу на полу, в окружении призраков и страшных картинок, с глотком отравы наготове… растакой вот себе Ромео! Хорошо бы это был яд. Только не как в кино, а настоящий: стоп сердце, стоп мышцы — никакого дыхания, никакой смертной муки. Устал я, не до муки мне!

Рассказывать — долго. А так — даже не секунда дела: вынул пробку, зажал горлышко в зубах, высосал полглотка чего-то безвкусного, как вода.

Тут я, пожалуй, снова закурю. Без сигаретки не подобраться, слов не найти. Не то чтобы я уж совсем ничего не помнил. Если сейчас поверну руку, вот так — то белесые следы от порезов будут хорошо видны… Но подробностей не ждите. Я очнулся почти на том же месте… только не сидя, а лежа ничком на полу. Сокрушенный и телом, и духом — однако живой тем не менее.

Сколько времени прошло? Как и что именно случилось? Спросите чего полегче. Я и тогда-то не мог вспомнить отчетливее, чем сейчас. Значит, правда то, что я могу рассказать. Как уплотнился воздух, а стены истончились, каменная толща расступалась с сухим хрустом… Кто-то был там еще, чьи-то металлические глаза со звоном катились по терракотовым плиткам. Кого-то я просто убрал с дороги, отодвинул — ладонь глубоко вошла в грудную клетку. Ребра ведь не крепче камня… Кто-то вышел из игры насовсем. Не Декан, разумеется, этот явится с рассветом. Может, он и есть страшный Индрик Василевс. Может, и нет. Это и для меня уже не имело ни смысла, ни значения.

Перо я оттуда взял, оно было со мной.

Оно притянуло меня сюда, в точку неизбежного возврата, где я должен был стеречь его до прихода хозяина. Упасть разбитым носом в половик, уставиться на черный ящичек величиной с коробку для карандашей. Но лежать было противно, одолевала тошнота. Изрезанные руки пекло огнем. Я выбрался в коридор, по стенке добрался до Кузиных удобств. От воды полегчало, предплечья обернул бумажными полотенцами с изречениями святых инков. Я наматывал желтую бумагу в три слоя, в пять слоев, и все равно тут же проступали пятна.

Путаные мысли во что-то пытались выстроиться. Надо вернуться к себе. Надо держаться Пера и просто необходимо его увидеть. В нем остаток всего, что есть… Столько оно у меня забрало, неужели ничем не поможет?

На пороге ноги ослабли, я осел на пол.

Футляр с Пером был убран на стол; единственную табуретку занимала, кутаясь в индейское одеяло, Катерина.

Я не заговорил бы с нею, если б даже хотел: не было сил шевелить губами, думать слова. Да я и не хотел. Я сильно испугался. Это должен был — мог бы уже быть Декан, а она… Откуда взялась в крепко спящем мире? Зачем пришла? Оставалась бы там…

— Артем.

Я прикрыл глаза. Отсюда было не дотянуться до стола. Перо…

— Ты… прости меня, Артем, все так плохо оказалось…

Не понять было, о чем она говорит. Прости? Плохо оказалось? Больно было смотреть на нее, что-то случилось, да, верно, но ведь и вообще было больно… На остатках действия бойцовского зелья слышал я, как шуршат колеса наемного автомобиля. Декан не опаздывает. И не задерживается. Перо!

Я собрал и сложил все, что мог, в усилии раскрыть рот:

— Помоги.

— Что?

— Открой.

Катерина посмотрела на футляр. Взяла его совершенно бестрепетно, что-то тронула ногтем, как открывают они косметичку.

Крышка отделилась.

Перо было там.

Я сам, сидящий мешком на полу, среди мятых рисунков, ладони запачканы кровью… Катерина, повязаная через плечо аймарской циновкой, глаза очень большие на бледном лице… Перо Эммануила, кусок великой ночи в черном каменном ложе, источающий гибель и мяту, — между нами. Клянусь, я видел, как оно сверкало чернотой в уже сереющем воздухе, — от него блики тьмы ложились на скулы Катерины.

Она сделала то, чего я не смог. Протянула руку и вынула лезвие. Вид у нее был весьма задумчивый.

Тут-то и вошел Декан.

Он явился забрать Перо и, по всем вероятиям, избавиться от меня. Но сейчас, и ни мгновением раньше или позже, — не мог сделать ни того, ни другого. Перо было вынуто, вот-вот оно увидит солнечный свет, а это ему — что крови попробовать, оно ошалеет и удержать его будет нельзя… Сообразив это, Лелюк принялся действовать вдохновенно. Он пристально уставился на Катерину и самым мягким, самым ласковым и отеческим голосом изрек:

— Это не ваш нож, жрица. Что вы будете с ним делать?

Катерина посмотрела на Декана равнодушно: немолодой лысый дядька, безоружный и нестрашный. Ей, повидавшей демонов…

— Я не жрица, — голос у нее отдавал в хрипотцу. — Но и не ваш это нож. Я думаю так.

— Осторожнее, — Декан почти незаметно приближался. Он мог схватить Катерину, выкрутить ей руку, сломать пальцы. Он мог все, что только позволило бы отнять Перо, затолкать его обратно во тьму до срока. Я следил за ним: пожалуй, на бросок под ноги сил еще найду…

— Осторожнее, — повторил Декан, как заклинатель на базаре. — Вы можете не только порезаться. Это очень опасная вещь. Дайте его мне, я спрячу. Не надо смотреть на него, дайте мне.

Он только на самый малый миг отвел взгляд от лица Катерины: посмотреть в окно за ее плечом. Небо поблекло.

— Я вам расскажу, — он помаленьку оттеснял ее спиной к

окну, — этот нож древнее городов и башен. Он вас сведет с ума. Вы не сможете им пользоваться. Отдайте его.

Катерина опустила руку с Пером. Декан замер. Я видел это, я изготовился, как мог. И еще я видел струны, нити и ниточки, мерцающую сеть в основе нашего мира. Что бы другое так застилало мне глаза, превращало человеческие фигуры в резные шахматные, оплетенные белесым сиянием?

Оттуда острой флейтой прорезался голос Катерины:

— Я не знаю, о чем вы. По-моему, это вещь Артема. Артем, держи.

На пелене густеющей светлой паутины — жирный мазок черного. Солнечный луч выстрелил поверх крыши напротив и поймал лезвие тьмы в падении. Оно отразило режущий стальной блик.

Связи поползли в стороны, пружины и струны лопались; разворачивая лепестки, как невиданный цветок, прореху заполнила перемена миров — и с ней пришла темнота.

* * *

«…знаешь, Юрика, я почувствовала себя в этой поездке так странно… Может быть, просто давно не была здесь, успела войти в другой возраст, что ли. Это сильно заметно на фоне очень старых городов. Стояла себе на одном из мостов, и вода рябила внизу, и вдруг такое чувство: то ли я не здесь, то ли это не старый добрый Амстердам… А потом еще раз это пришло, причем там, где уж никак не ожидала… на той улочке художников, где можно купить горшок из ржавой глины, а можно — свой портрет маслом. Я прошлась мимо них, хотелось вспомнить, как это было. Вроде бы я твердо знаю: несколько дней подряд приходила на эскизы. Художник — наполовину индонезиец. Сидела на огромном камне, и ветер дул с моря, я мерзла… На третий день увидела не карандашные наброски, а вот это… самое… Зеленое и наготу с огнем.

Сейчас все там такое же, как было, и камень на месте, и тот же полукофейный мастер возле пристроился, но только картины у него теперь совсем другие… слащавые какие-то натюрморты, чепуха. Скажешь, поменял стиль? Маловероятно, однако может быть… Тут дело в другом, в ощущении… Я остановилась возле него, смотрела… Пустота. Нет, здесь этого со мной быть не могло. Или — не здесь, или — не я, или мастер не тот. И стало мне не просто грустно, а, знаешь, как-то даже жутко. Как будто был кусок жизни и не был в то же время…

Ну, да это ничего. Просто фантазии, годы-то идут. Но Амстердам по-прежнему прекрасен, и тюльпаны безумно хороши. Я привезу тебе луковицы и десяток роскошных фотографий. Они надежные, не подводят».

Донецк,
Ясиноватая, Донецкая обл.,
Украина

Дэн Шорин
А все-таки она вертится

— У нас проблемы.

Творец возник перед Гавриилом в образе атлетически сложенного мужчины лет тридцати. Сказать, что архангел удивился — не сказать ровным счетом ничего. В последний раз Творец лично посещал Гавриила на Земле более пятнадцати веков назад, в связи с известной заварушкой в Палестине. Гораздо чаще просто поступал вызов, и архангелу самому приходилось отправляться на небеса, чтобы получить очередное задание.

— Проблемы, Господи? — Гавриил попытался представить себе такую глобальную катастрофу, чтобы Сам Творец посчитал ее достойной Своего непосредственного участия. В голову не приходило ничего путного.

— Проблемы… — Творец поморщился.

Они находились в богато обставленном замке, несущем на себе легко узнаваемый отпечаток позднего ренессанса. Гавриил пододвинул Богу свой любимый стул, а сам уселся напротив на корточки.

— Происки сатаны?

— Ты что? Сатана всего лишь падший ангел. И воображение его ограничено рамками, свойственными для любого из ангелов. Нет, источником наших проблем служит один человек.

— Всего лишь один человек, Господи? — изумился Гавриил.

— «Всего лишь один человек» открыл этот мир для греха. И «всего лишь один человек» вернул миру надежду, взойдя на крест.

— Но это же был Ты, Господи!

— В тот момент Мои возможности не шибко отличались от возможностей простого смертного…

— Так кто же этот человек, который готов потрясти основы миропорядка? — Гавриил внимательно посмотрел на Бога.

— Вот-вот, это ты точно заметил. Потрясти основы миропорядка… — Творец прищурился. — Его зовут Галилео Галилей.

— Этот полуслепой итальянец? — изумился Гавриил. — Он еще вроде бы изобрел телескоп…

— Не изобрел… Он просто догадался направить голландскую зрительную трубу на небо. И увидел там планеты.

— Ну да, я их каждый раз вижу, когда пролетаю мимо небесных сфер, — немного подумав, произнес Гавриил. — Луна,

Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер…

— А вот этот итальянец решил, что Земля вертится вокруг Солнца, — Творец вздохнул. — А еще вокруг собственной оси.

— Бывает, — Гавриил красноречиво поднес руку к виску. — К тому же идея далеко не нова. Был поляк Коперник, был печально известный итальянец Бруно. Нам даже не надо прилагать никаких усилий, обычные люди гораздо умнее всех этих теоретиков.

— Знаешь, Гавриил, иногда вполне предсказуемые человеческие поступки дают абсолютно непредсказуемый результат… Результат, способный привести в движение такие фундаментальные законы природы, о которых даже ты не имеешь ни малейшего представления.

— Мы можем этому как-то помешать, Господи?

Творец внимательно посмотрел на архангела.

— Мы можем попытаться. Но после Голгофы очень многое зависит от самого человека. От его умения победить самого себя. Хотя… попробуй, Гавриил. Твоя нынешняя миссия в том, чтобы Галилей отрекся от своих взглядов.

— Как скажешь, Гос… — Гавриил осекся. Творца рядом уже не было.

* * *

Телескоп стоял на крыше небольшого домика ученого в Падуе. Гавриил про себя отметил, что «Светлейшая республика Венеция», на территории которой располагалась Падуя, порождала немало философов — именно здесь в первый год нового семнадцатого века был арестован Джордано Бруно. Впрочем, корни всего лежали в Ренессансе — концепция, задуманная Творцом для того, чтобы обновить застоявшуюся богословскую мысль, принесла кучу неожиданных побочных эффектов. Смеркалось. Гавриил аккуратно постучал по блестящему медному набалдашнику.

У Галилео не было прислуги, поэтому дверь открыл сам семидесятилетний ученый. Гавриил представился усталым путником, и Галилео сразу же предложил свое гостеприимство. За ужином разговор зашел об устроении мира.

— Я полагаю коперникову систему на порядок превосходящей систему птолемееву, — Галилео говорил тихо, но убежденно. — Движение планет по деферентам и эпициклам, постулированное Клавдием Птолемеем, не дает достаточной точности в математических расчетах.

— А можно чуть поподробнее? Что это такое — деференты и

эпициклы? — спросил ученого Гавриил. — Уж простите мне мою безграмотность.

— Ничего, меня вот тоже по молодости из Пизанского университета за неуспеваемость отчислили. Правда, я там изучал медицину. Деференты — это окружности, по которым, согласно Птолемею, вращаются вокруг Земли Солнце и Луна. Для вычисления небесного положения светил деферентов достаточно. А вот для планет они не дают достаточной точности. Поэтому Птолемей считал, что в данном случае по деференту движется не сама планета, а центр другой окружности несколько меньших размеров — эпицикл. По этому эпициклу движется центр следующего эпицикла и так далее… По последнему из эпициклов движется сама планета.

— Вполне разумно, — Гавриил бросил взгляд на Галилео. — Я бы назвал это методом последовательных приближений.

— Ерунда! — Галилео чуть не перевернул тарелку. — Этот метод нужен лишь для того, чтобы притянуть за уши морально устаревшую Аристотелеву теорию к современным научным данным. Просто некоторые ученые настолько консервативны, что не видят дальше собственного носа.

— Как я понимаю, теория Коперника бездоказательна, — робко заметил Гавриил.

— Ерунда! — еще раз воскликнул Галилео. — Хотите, я вам покажу эти доказательства?

Они поднялись на крышу. На хлипком треножнике стояла длинная труба.

— Это и есть телескоп? — спросил Гавриил у Галилео.

— На самом деле, это всего лишь голландская зрительная труба, изобретенная еще в прошлом веке. Я просто первым догадался посмотреть через нее на небо. Не хотите взглянуть?

Гавриил посмотрел в телескоп. Неровно обработанные линзы давали мутную картинку, из-за чего небесных сфер, удерживающих планеты на орбитах, видно не было.

— Ну и где же доказательства? — спросил Гавриил разочарованно. — Я вижу всего лишь статичную картинку, а для создания схемы устроения мира нужно наблюдать за небом годы и годы. И потом, я очень сильно подозреваю, что полученные наблюдения будут сочетаться как с птолемеевой, так и с коперниковой системами.

— Смотрите сюда! — Галилео направил телескоп на Юпитер. — Что вы видите?

— Полагаю, это Юпитер, — Гавриил озадаченно посмотрел на ученого.

— А вокруг Юпитера что вы видите?

— Планеты, — ответил ученому Гавриил.

— Ну вот! — от радости Галилео даже захлопал в ладоши. — Эти микропланеты — я называю их спутниками — движутся вокруг Юпитера. Вот вам и модель мироустройства. Точно так же все планеты движутся вокруг Солнца.

— Пардон, а вокруг Луны какие-нибудь планеты движутся?

— Нет, а что? — Галилео озадаченно посмотрел на Гавриила.

— А вот вам и доказательство, что вокруг планет другие планеты двигаться могут, а вокруг светил — нет.

— Но Луна — это не светило! — возмущенно произнес ученый.

В этот момент Гавриил понял, что с фанатиками спорить бесполезно.

* * *

В инквизицию Гавриил явился в парадном облике. Огненный меч, четыре крыла и горящий взгляд. Инквизитор встретил Гавриила по-деловому: уже через несколько минут, немного отойдя от шока, он догадался спросить, что привело Гавриила в их ведомство.

— Галилео Галилей, — просто ответил архангел.

— По нему уже давно дыба плачет, — признал правоту архангела инквизитор, — вот только есть одна проблема. Галилей известный ученый и старый друг папы Урбана VIII. К тому же его постулаты напрямую не противоречат ни Библии, ни исследованиям нашего ведущего теолога кардинала Беллармина…

— Зато они противоречат Истине! — заявил Гавриил. — Как вы пропустили его последний труд «Dialogo sopra i due massimi sistemi del mondo ptolemaico e copernicano»?!

— Во-первых, эту работу одобрил римский папа. Во-вторых, в предисловии сказано, что этот труд доказывает ошибочность коперниковой системы.

— Этот труд доказывает только невнимательность некоторых инквизиторов, — Гавриил уперся взглядом в переносицу собеседника. — Вам предстоит исправить положение.

— Хорошо, — лицо инквизитора покрылось потом. — Как Господу будет угодно. Мы сожжем Галилея.

— Ни в коем случае, — Гавриил принял прежнее невозмутимое выражение лица. — Вы не должны Галилео и пальцем тронуть. Нужно сделать так, чтобы он сам отрекся от ереси.

* * *

— Я, Галилео Галилей, полностью отрекаюсь от системы мироустройства по Копернику, поскольку придуманная им система ошибочна по сути и противоречит Священному Писанию. Достаточно просто обладать здравым рассудком, чтобы понять, что Земля не может вертеться, как ей захочется, иначе все люди и звери и прочие твари улетят в пустоту.

Гавриил с Творцом незримо находились в зале суда и внимательно наблюдали за процессом. Семидесятилетний ученый выглядел совершенно сломленным. Галилео стоял на коленях и смотрел в землю.

— Система Коперника есть величайшая ересь, с которой я, как добрый католик, никак не могу согласиться, — продолжил он после паузы.

Инквизиторы о чем-то посовещались. Впрочем, исход этого совещания Гавриилу был очевиден — архангел сам придумывал для старика наказание.

— Ученый Галилео Галилей приговаривается к пожизненному заключению и обязуется впредь никогда не утверждать ничего, что могло бы вызвать подозрения в ереси. С учетом искреннего раскаяния, тюремное заключение заменяется Галилею на пожизненный домашний арест.

И тут Галилей поднял глаза. Взгляд его был прикован к тому месту, где находился Творец. И хотя ученый не мог видеть Бога, Галилей отчетливо прошептал: *«А все-таки она вертится»*.

В этот миг в духовном, невидимом человеческому взгляду, мире воцарился хаос. Медленно, с почти ощутимым скрипом Земля начала набирать обороты. Гавриил даже не заметил, как со своего законного места в центре вселенной Земля, увлекая за собой Луну, сместилась в точку между орбитами Марса и Венеры, а Солнце по-хозяйски утвердилось в центре мироздания.

— Господь, что происходит? — в панике спросил архангел Творца.

— Это действует человеческая вера, Гавриил, — печально ответил Бог. — Именно верой человек силен, именно вера способна двигать горы и даже планеты. Галилей очень сильно верил в свою правоту, и его вера стала действием.

— Что же теперь будет, Господи?

— Ничего особенного. Коперник выдумал жизнеспособную схему, мир даже не заметит, что что-то изменилось, — Творец тяжело вздохнул. — Я боюсь другого. Вдруг кто-то из людей сумеет так же сильно поверить, что Бога не существует.

Тула, Россия

Татьяна Томах
Удержать ветер

Утром, как обычно, мама Ирр принесла ему молока. Горячего, сладкого, с пушистыми пенками — как он любил. Он пил медленно, жмурясь от удовольствия и осторожно придерживая пальцами скользкую кружку. Мама Ирр расстраивалась, когда он обливался. А огорчать ее было нельзя. Потому что тогда самому становилось грустно, холодно и одиноко. И стыдно.

Держать кружку так, как мама Ирр, он пока не умел. Подрастет — научится. Приоткрыв один глаз, он осторожно покосился на маму Ирр — не сердится, что он еще до сих пор не научился? Нет, улыбается.

— Вкусно, Малыш? — спросила — как обычно, принимая у него из рук опустевшую чашку. Увидела, как он торопливо закивал и погладила его по голове. Малыш опять зажмурился и даже затаил дыхание — прикосновения мамы Ирр были вкуснее самого лучшего утреннего молока.

— Теперь будем рисовать? — предложила мама Ирр. Конечно! Она еще спрашивает! Малыш даже засмеялся от удовольствия и полез к ней на колени — обниматься. Утро начиналось замечательно. Вкусное молоко; мама Ирр не сердится и позволяет посидеть у себя на коленях; а потом еще — рисовать.

Для рисования мама Ирр приносила волшебные карандаши. У каждого — свой цвет, нажмешь пальцами посильнее — цвет получается ярче. Цветные линии пересекаются, запутываются, комкаются в невнятные клубки. Это у Малыша. А у мамы Ирр из этих линий получаются настоящие фигурки. Когда Малыш вырастет, он тоже так научится. Наверное.

Сегодня мама Ирр не показывала ему, как рисовать. Даже карандаш в его пальцах не поправляла. Просто сидела рядом и смотрела. И Малышу вдруг показалось, что под ее внимательным взглядом у него начинает получаться. Не так хорошо, как у мамы Ирр, а чуть-чуть…

Он так увлекся, что даже не заметил, как подошел дядя Леман. Дядя Леман темный и страшный, на Малыша смотрит всегда строго, как будто сердится, и почти никогда с ним не разговаривает. Рука дяди Лемана опустилась на плечо Малыша — Малыш вздрогнул, испугался, и красная линия от карандаша сразу же изогнулась не так, как надо, — испортила весь рисунок. Малыш попробовал ее зачеркнуть — получилось еще хуже, тогда он потихоньку стал поправлять ее пальцем, хотя мама Ирр всегда

это запрещала — потому что так ничего не получается. Но теперь мама Ирр была занята — разговаривала, и на рисунок Малыша даже не смотрела.

Странно, когда мама Ирр разговаривает с Малышом, он ее понимает, а когда она начинает говорить с дядей Леманом — только некоторые слова знакомые. Вот как сейчас — понятно только, что про него, Малыша, говорят.

* * *

— Нам пора, Ира. Результаты эксперимента зафиксированы. Его нужно возвращать. Ты говорила, что тебе нужно еще одно утро. Утро закончилось.

— Да, конечно. Ему… Малышу будет трудно — там?

— Не думаю. Он просто вернется — туда, где должен быть. И где он бы находился, если бы не мы.

— Возможно, мы не должны были…

— Этичность подобных экспериментов над низшими существами уже обсуждалась. Это необходимая цена для развития науки — а значит, и для нашего дальнейшего развития.

— Я думаю, ему будет трудно… там. — Она вздохнула. Положила ладонь на лохматую головку, улыбнулась в ясные, вопросительно взглянувшие на нее глаза Малыша. — Рисуй, Малыш, рисуй, — обратилась она к нему.

— Ему было трудно здесь, Ира. Мы взяли новорожденного звереныша…

— Не называй его зверенышем.

— А как? Ну да, есть теория, что у нас с ним общие предки. Но кому как не тебе, Ира, знать, что если мы с твоим Малышом и родственники — то очень дальние. Его воспитали отдельно от сородичей. Ты учила его, как учила бы собственного ребенка.

— Малыш старался…

— Он остался таким же, как они. И, поверь мне, он будет рад встрече со своими соплеменниками. Что? Ну что, Ира? Ты хотела оставить его у себя — в качестве домашнего любимца?! По-твоему, это более этично?

— Он старался. Может быть, когда-нибудь…

— Не обманывай сама себя. Он никогда не научится разговаривать — не понимать твои отдельные слова, а полноценно разговаривать. Он никогда не научится рисовать — сколько бы ты ни показывала ему, как это делается. Определенный уровень развития, выше которого ему и его сородичам никогда не подняться — в каких бы условиях они ни

были воспитаны. Да, он старался. Я знаю. Он хороший, привязчивый, сообразительный — звереныш.

— Дай мне еще немного времени попрощаться с ним. Пожалуйста. Он очень любит слушать музыку. Позволь мне поиграть ему. Немного.

* * *

Плохой дядя Леман расстроил маму Ирр и ушел. Малыш попробовал утешить ее — прижался к ее колену, погладил по безвольно опущенной теплой руке. Когда у мамы Ирр были такие грустные глаза, ему самому становилось плохо — даже начинало немного подташнивать.

— Хочешь музыку, Малыш? — спросила мама Ирр, перехватывая его ладонь своими тонкими пальцами. Хотел ли он музыки? Еще бы! Когда он станет взрослым, он научится делать музыку и ветер так же, как мама Ирр. Ну, почти так же.

Он попросил разрешения самому принести волшебный круг. Мама Ирр — сегодня она такая добрая — позволила. Волшебный круг был еще более скользкий, чем кружка с молоком, и Малыш нес его еще более осторожно — на напряженных пальцах, опасаясь уронить и сломать.

А потом было то, что ему нравилось больше всего. То, что он представлял себе по вечерам, пытаясь заснуть в пустой и темной комнате. Он боялся оставаться один в темноте. Может быть, он боялся не темноты и не одиночества, а только того, что уходила мама Ирр. Может быть — хотя он даже и не думал об этом — он боялся того, что мама Ирр больше не вернется. И ему придется остаться наедине с этим холодным, страшным, чужим миром, похожим на дядю Лемана. По вечерам этот страх становился особенно силен, и только одно-единственное воспоминание помогало Малышу справиться с ним. Воспоминание о том, как мама Ирр делает ветер.

Тонкие белые пальцы мамы Ирр дотронулись до волшебного круга, погладили его — легонько, так, как иногда гладили голову Малыша. Ростки золотистого ветра вспыхнули под ее руками и, вздрагивая, неуверенно потянулись вверх. Пальцы мамы Ирр засветились теплым и желтым. Сначала — самые кончики, осторожно постукивавшие по волшебному кругу, а потом — ладони целиком — тогда, когда набирающие силу и цвет ветви ветра взлетели выше, рассыпая вокруг ворох разноцветных искр. Малыш ахнул от восторга. Ветер толкался в уши, покалывал кожу, щекотал в ноздрях и сыпал в протянутые руки Малыша горсти

вкусного разноцветного света. А потом подхватил Малыша и закружил — так, что не стало больше видно и слышно ничего, кроме нежного ласкового сияния. Мама Ирр умела превращать ветер в музыку.

* * *

Она обернулась — перед тем как уйти совсем — и посмотрела на Малыша, который ее уже не видел.

— Интересно, — спросила она — то ли сама у себя, то ли у того, кто стоял рядом с ней, — есть ли еще что-то, что мы не знаем о них?

— Вряд ли что-то существенное, — отозвался ее спутник.

— Ты уверен, что его нельзя было научить полноценно разговаривать. А знаешь, ведь он научил меня новым словам.

— Каким, интересно?

— Например, «волшебный». Когда он чего-то не может понять, он называет это «волшебным».

* * *

— Ты кто такой, дылда?

— Новенький, да?

Малыш испуганно отступил назад, покачнулся. Стоять было неудобно. Под ногами было неровно. Дышать тоже было неудобно — ноздри щипало, от воздуха во рту было горько. Перед ним топтались двое Малышей. Это было странно — то, что бывают еще Малыши кроме него. Такие же неуклюжие, лохматые и одетые почти так же, как он сам. Он растеряно заозирался вокруг — и с ужасом обнаружил неподалеку еще очень много Малышей. Больших не было — сначала ему было показалось, что есть — но потом оказалось, что это тоже Малыш, только вытянутый в высоту. Потому что этот высокий Малыш был тоже лохматым и одетым.

— Ты откуда взялся, дылда?

— Он из облака взялся. Белое прозрачное, пых — а потом он взялся.

— Ты опять придумал, Кирюшка. Иди отсюда со своими пришельцами. Иди-иди. — Маленький темно-лохматый Малыш толкнул светлоголового Малыша. Но тот не ушел, отступил — и опять подошел, сияя любопытными серыми глазами. Малыши разговаривали странно — открывали рот и пытались делать

ветер. Но ветер не получался, вылетал бледными цветными пятнами, толкался в уши, гудел — и падал к ногам грязными обрывками. Мама Ирр огорчалась, когда Малыш попробовал так неправильно разговаривать. Мама Ирр! Малыш обернулся кругом — и долго звал ее, громко и отчаянно. А потом даже, кажется, забылся — и позвал ее неправильно. Так, как разговаривали чужие Малыши.

— Он маму потерял. Ты маму потерял, длинный? Ты че, немой?

— Он дух. Слышь, Колька, мы счас в шамана играли — и духа вызвали, да?

— Иди отсюда, Кирюшка. Иди со своими шаманами. — Темно-лохматый Малыш опять толкнул светлоголового, тот махнул руками — и Малыш вдруг увидел, как в его руке мелькнул волшебный круг. Мама Ирр! — опять вспомнил он. Я позову маму Ирр — и она меня услышит. «Дай, дай, пожалуйста», — попросил он у светлоголового, протягивая раскрытую ладонь.

— На, не жалко, — удивленно ответил тот.

— Ты че? Ты как — разговариваешь с ним, что ли? — темно-лохматый дернул за одежду светлоголового.

— Это бубен. С ним в шаманов можно играть, — объяснил Малышу светлоголовый, протягивая волшебный круг. Пальцы светлоголового были такие же, как у Малыша, — короткие, корявые, с жесткими пластинками ногтей. Не то что у мамы Ирр.

Малыш сразу понял, что это не волшебный круг — как только дотронулся до него. Его пальцы задрожали, и ему захотелось расплакаться. Он зажмурился, представляя, что у него в руках волшебный круг, а не этот… бубен — как сказал светлоголовый. А еще — что он умеет делать ветер и превращать его в музыку — как мама Ирр.

— Гля, Кирюшка — как это? Как это он, а? — Темноволосый Колька толкнул приятеля в бок. Тот не отозвался. Они оба, не отрывая глаз, смотрели на пальцы незнакомого мальчика, с волшебной легкостью скользящие по поверхности маленького игрушечного бубна. Пальцы, кончики которых сияли золотистым светом — ярче и ярче, по мере того как укреплялась и оживала музыка, — рождение которой казалось совершенно невозможным на этом грубом инструменте.

Малыш стоял, зажмурив глаза, и пытался удержать в своих маленьких неумелых руках ветер и бубен.

Мама Ирр услышит его музыку — и вернется. Малыш представлял, как открывает глаза — и просыпается в своей комнате. Сначала темно и страшно, а потом стены начинают

светлеть, потому что входит мама Ирр. С кружкой горячего молока, как всегда по утрам. Кружка послушно плывет впереди, а мама Ирр только направляет ее кончиком пальца и улыбается Малышу. Когда Малыш вырастет, он тоже так научится. Он станет таким же тонким и высоким, как мама Ирр. У него будет гладкая голова и волшебные длинные пальцы — по семь на каждой руке; без уродливых ногтей. Такими легко рисовать живые разноцветные фигурки и удерживать скользкий волшебный круг. И превращать ветер в музыку.

Руки Малыша устали. Чужой круг и набирающий силу ветер вырывались из пальцев. Но Малыш не выпускал. Пытался удержать. Детский пластмассовый бубен и ветер, рожденный волшебными пальцами мамы Ирр. Удержать… удержать как можно дольше…

Санкт-Петербург, Россия

Константин Якименко
Абсолютное счастье

Открывается дверь — ну, вы знаете, символ начала новой жизни: по ту сторону остается все плохое, все, от чего хочется избавиться, отделаться и не вспоминать о нем больше, а по эту… что? Ну конечно же! — абсолютное счастье — так говорят. Сегодня моя дверь зеленая, как волны на поросшей водорослями реке поздним летом. Почему? Не все ли равно — может быть, мне просто так захотелось. И вот волны разбегаются в стороны, и в мой кабинет входит поэт.

На поэте — истрепанные нестираные джинсы и мятая бесцветная рубаха. Его волосы — цвета болотной грязи — длинные, непричесанные; виноватые серые глаза уткнулись в пол. Вчера он читал свое последнее творение девушке в сиреневых очках до тех пор, пока она не спросила: неужели он серьезно относится ко всей этой чепухе? Неужели, спросила она, ему нравится жить — вот так, перебиваясь чем ни попадя от случая к случаю, вместо того чтобы (*как все нормальные люди в наше время!)* подумать о будущем, устроиться на приличную работу и зарабатывать деньги (*опять эти банальные, навязшие в зубах нравоучения…),* деньги, а не жалкие гроши — а он предпочитает писать свои стишки: да, это забавно (*забавно! — сказала она),* но разве так трудно понять, что Пушкина из него все равно не выйдет, и даже Лермонтова, а в наше время *(вот, снова!)*… А потом он порвал перед ее лицом листок с только что прочитанным, и она хихикнула: рукописи не горят, да? — а он повернулся и пошел вон, уверенный: навсегда… И вот, день сегодняшний — и поэт здесь, в моем кабинете, явился за тем же, за чем приходили многие до него… за тем же, или?..

Он нерешительно шагает внутрь; отводит назад дверь и старательно прижимает ее; делает еще шаг, так и не поднимая глаз, будто его не интересует, кто перед ним, — но тут я говорю:

— Проходи. Присаживайся.

Да, теперь поэт видит меня, зато я будто бы оставляю его без внимания: конечно же, я занят, как всегда, и разные мелкие людишки — они в некоторой степени интересуют меня, но чтобы тратить на них много времени… так должен думать он, и он думает, но не только об этом, а еще и, например, о том, что, как обычно, забыл причесаться… Но все-таки плавно опускается на стул, будто боится, что тот не выдержит его *(его! это тщедушное вместилище беспокойных мыслей!),* но глаза снова уткнулись в

пол, в загадочный сумрак под столом, где изредка пробежит таракан — городской хозяин вечности. Однако время идет, и, чтобы зря не терять его, традиционным вступлением я вырываю гостя из небытия:

— Я заберу твою жизнь, — так я говорю сегодня и точно так же говорю всегда.

В этот миг все и начинается — всегда, но не сегодня. Мы встречаемся, поэт и я; он полон усталости и тоскливой скуки: ну когда же, когда? — но не страха, его как раз и нет. Вчера здесь сидел крутой; в новом, отливающем синевой костюме, прилизанный — куда там поэту! — он занял тот же стул *(вот вам и справедливость: некоторые так любят всюду ее искать!)*. У пришедшего было множество вопросов: кто я такой, чем занимаюсь и по какому, собственно, праву нахожусь в данном помещении; где и как зарегистрирована моя фирма и кто, черта лысого, разрешил мне это и, кроме того… Но прежде, чем из нетерпеливой глотки вырвался хоть звук, я произнес ту самую фразу — и крутой чуть вздрогнул: да, он привык обеими ногами ощущать под собой твердый камень реальности, однако сейчас камень дал трещину. Потом он попросил меня повторить — глупый, не в моих привычках озвучивать одну и ту же мысль дважды — и я сказал: «Не надо объяснять мне, зачем — как тебе кажется — ты пришел сюда. Ко мне приходят лишь за одним — ты знаешь, ведь ты читал объявления и видел вывеску».

«Меня не интересуют твои желания, — говорил я еще, — вернее, то, что ты думаешь о них; меня не интересуют подробности — я знаю их сам; ты здесь: этого достаточно. Ты пришел получить то, что хочешь — на самом деле хочешь, — и ты это получишь. Но взамен я заберу твою жизнь».

Крутой сказал, чтобы я прекратил издеваться, а его пальцы уже невольно нащупывали рукоять — и я улыбнулся. «Подумай сам, — произнес я мягко, — если ты сейчас это сделаешь, и если не промажешь, мои мозги будут на столе — классное зрелище, тебе всегда такое нравилось, разве нет? Их можно собрать, выплеснуть на сковороду и тут же поджарить — о, уверяю, ты не ошибаешься, это действительно вкусно! А потом тебе останется лишь сидеть и ждать, пока сюда не войдут двое или трое; они сгребут тебя в охапку и уволокут сам знаешь куда, где никто не станет с тобой церемониться, потому что доказательства, как говорится, на лице!»

Я держал его, как кобра мышь, но у крутого еще были силы, много нерастраченной энергии — и вот он, резво вскочив, вырвал из кармана мобилу и стал в спешке набирать номер — три раза, потому что дважды ошибся в одной цифре. Только через десять

секунд он все понял и теперь, зачем-то продолжая вертеть пальцами бесполезный аппарат, глядел на меня широкими глазами, одинокими, как два острова посреди Тихого океана. И я, буравя острова аж до недр земных — но при этом само спокойствие! — сказал: «Ну, садись же», — но крутой бросился к двери, алой, как насытившийся плотью адский костер; схватил ее за ручку, сжал, насилуя толстыми пальцами — разумеется, безуспешно: дверь, путь в один конец, этот символ… вы еще помните, да? А потом он кричал, что когда уйдет отсюда, то обратится в кое-какие органы, а я — ну просто журчание ручейка — проговорил: «Ты наконец сядешь на место, чтобы я мог спокойно сделать дело?»

Мы снова встретились, и крутой — кстати или не совсем — вспомнил здорового азиата *(которому так и не отомстил!),* сломавшего ему ребро три года назад; а я сказал: «Не сомневайся: ты выйдешь отсюда бесконечно счастливым, — и, когда он окончательно ощутил себя чужаком в чужой земле, добавил: — Но ведь ничто в этой жизни не дается даром, не так ли?»

Крутой орал; он матерился через слово и называл имена. Эти имена должны испугать меня, считал он — ну, они ведь испугали владельца банка *(кстати, за два квартала отсюда)* — а ведь кто такой банкир и кто такой я? Да, правда, если подумать: кто такой я? А я только лишь глядел на него: вот еще одна минута напрасно потраченного времени — из таких минут можно сложить годы полноценной жизни, но где же они теперь? Затем я осведомился, закончил ли он уже; но крутой будто не слышал. Я откровенно заскучал; встал и повернулся к нему спиной: ну и что ты сделаешь? Он замолк на полуслове: блаженная тишина, наконец-то! «Когда сядешь на стул, дай мне знать», — сказал я, а крутой вдруг вежливо поинтересовался, кто у нас крыша, и если он конкретно не прав, то почему бы не сказать об этом прямо? И я ответил: «Ты можешь еще час торчать здесь; можешь торчать два и три, и больше; можешь грузить меня своей ерундой, одновременно трахая в мыслях новую молоденькую продавщицу из соседнего магазина; но пойми — не притворяйся глупее, чем ты есть, здесь все равно нет зеркала — пойми, что какой бы ты ни был крутой и сколько бы ни задолжал твоему боссу владелец той лавчонки, ты все равно сядешь на этот стул. Нет, ты ни в чем не виноват, и вообще — какая, к япона матери, вина? Просто потому, что ты здесь. И больше никаких объяснений».

Может быть, его доконала именно «продавщица». Впрочем, какая разница? То, что должно случиться — случается; звучит банально, но как еще об этом сказать?

За день до крутого здесь была трусиха — она воображала, что

слишком толстая и поэтому никто никогда ее не полюбит. Трусиха носила узкие юбки, немилосердно затягивая талию; думала, что косметики обязательно должно быть много, и превращала себя в неправдоподобную подружку Барби. В понедельник она опять не пошла с однокурсниками в кафе, потому что (*о, ужас!)* они обязательно будут смеяться над ней. Глупые люди, которым неведомо, что нет более жесткого критика, чем внутренний — они, чтобы оправдать одну глупость, совершают следующую; а потом — еще одну, чтобы оправдать эту; и так — до самого конца… И вот, одна из великого множества неудовлетворенных дур, — она была тут; она сидела на стуле и, когда я пообещал забрать у нее жизнь, мне показалось, что сейчас она так и упадет — назад, вместе со стулом; чего доброго, помрет от инфаркта — но тогда ее жизнь, увы, достанется не мне.

Задавленное собственным страхом, истерзанное выдуманным совершенством создание — трусиха не упала, нет. Она сидела, здесь и не здесь, осторожно выглядывая из тесной одежды; ее рот подергивался, словно пытаясь озвучить вопрос, который она пока еще не осознала: зачем? «Зачем я тут и зачем я живу так, как живу», — но это где-то в глубине, очень глубоко, а снаружи — лишь страх и желание — все-таки — жить; и еще (*внутренний самоконтроль, куда же без него!):* только бы не заплакать, иначе потечет тушь. А потом я сказал, что она выйдет отсюда счастливой — ее рот раскрылся и больше не закрывался, и ей уже было все равно — не важно что, лишь бы поскорее и — ради всего святого! — без боли. Я заверил ее, что больно не будет, и в ответ — на Марианской впадине души — слабо и лениво шевельнулась мысль: а что, если быть толстой — не самое худшее в жизни? Но — страх! — трусиха не могла произнести ни слова, не могла издать ни звука: стоит заговорить, и она не выдержит, слезы рухнут водопадом, а тогда… нет, нельзя! И она молчала, ожидая моих приготовлений, — а я только глядел в беспомощные карие глазенки и вытряхивал из них последние остатки сопротивления, так и не нашедшего пути наружу.

Еще раньше ко мне приходили двое: идиот и стерва. Стерва прочитала объявление в газете, а идиоту было все равно — вернее, нет, не то чтобы все равно, но он так привык убеждать себя в этом, что уже перестал понимать, чего хочет на самом деле. Конечно, он ненавидел ее — всякий раз, когда она требовала от него признания в любви, а такое случалось не меньше десяти раз на день. И конечно, ему было проще верить, что, отвечая «люблю, дорогая, ну что за вопрос?», он говорит правду; зачем напрягать мозги рассуждениями над такими сложными темами: она *(факт!)* его жена, вот и все; она может

ходить со своим красавчиком в оперу, ну и что: когда понадобятся деньги, никуда не денется — прибежит к мужу. Деньги — идиот так привык к ним, что уже давно не считал их наличие благом: они просто есть, их не может не быть, и ничего такого особенного, обычно думал он. Стерва была умна — достаточно умна для того, чтобы понимать все и не спешить делиться выводами с другими. Была ли она счастлива? Наивный вопрос: а чего бы она вообще оказалась здесь?

Осино-желтая дверь; они вошли в нее друг за дружкой, но я сказал, что принимаю только по одному. Осталась, разумеется, стерва — могло ли быть иначе? Она важно прошествовала вглубь кабинета, развалилась на стуле, будто в дорогом кресле… о, да ведь она уже оценивала меня как потенциальный сексуальный объект! Не скажу, что я был против, но мне ведь нужно от людей совсем другое. Я сказал то, что говорю обычно: про жизнь, которую заберу у нее, — и она заметила, что я, должно быть, оговорился *(не она ослышалась, нет, ну что вы — я оговорился! только так)*.

«Ты уйдешь отсюда счастливой, — сказал я, — но за это отдашь мне жизнь».

Проще простого, верно?

«То есть вы собираетесь меня убить?»

«Не в том смысле, какой ты вкладываешь в это слово, — объяснял я. — Да, твоя жизнь останется у меня, но, когда ты выйдешь из кабинета, ты будешь счастлива. Всегда. До конца своих дней. Может показаться, что это — парадокс, но ведь, если на то пошло, и сама жизнь человеческая, сам факт существования вашего на Земле — тоже парадокс, который так просто не объяснишь с научной точки зрения. Разве нет?»

Стерва потребовала не держать ее за дурочку: она не верит в мистику и всякое такое. Она настаивает, чтобы я сначала объяснил ей, что собираюсь сделать, а если ей это не понравится — она повернется и уйдет, и я еще должен буду сказать ей огромное спасибо, если она не станет подавать на мою организацию в суд. О, я слушал терпеливо, я не перебивал этот неудержимый поток негодования. А когда он иссяк, сказал, что ей всего лишь надо никуда не двигаться с места. Если она будет спокойно сидеть на стуле, сказал я, то все пройдет быстро и безболезненно, она даже ничего не почувствует.

Ну, естественно, стерва вскочила. Она дергала дверь и барабанила по ней — а ведь говорила, что не дурочка! — она орала, чтобы ее выпустили, хотя я сказал, что за пределами комнаты никто ничего не услышит. Люди, они слишком часто не хотят принимать то, с чем можно только смириться…

Принимать? — нет, она не думала об этом; она не думала вообще — лишь тратила силы и тратила время, свое и мое; эмоции расплескивались вокруг, некоторые взрывались, вспыхивали, как сверхновые, — и гасились бесчувственной толщью стен. Но наконец стерва повернулась — и я сказал, что если у нее (*почти наверняка, да, так объяснял когда-то врач с наполовину поседевшей бородой; хотя ведь на самом деле — еще не факт)* не будет детей — это, конечно, повод делать с жизнью окружающих все, что захочется; но вот вопрос: почему от таких действий она не становится счастливее? И непонятная опустошенность, и дикие желания хватать что попадется под руку, бить стекла и — даже — подняться на крышу и швырнуть оттуда что-нибудь потяжелее, например (*вот если бы еще кто-то его туда дотащил!)* телевизор, и посмотреть, как он будет лететь с такой верхотуры, и… Мы встретились: так происходит с каждым, и каждый раз я думаю: что увижу внутри? Но там — уже почти ничего: вначале обычная усталость, а затем — падение вглубь себя, как можно глубже, только бы прочь от того, чего не может быть, потому что не может быть никогда.

И вот та, которая минуту назад готова была загрызть меня живьем, оперлась о стену, чтобы не рухнуть на пол, и я сказал — шелест крыла голубки, — что ей правда не будет больно. А она, чуть пошатываясь, все стояла и стояла, не видя ни меня, ни моего скромного конторского стола, ни книжных полок справа — та, которая хотела меня растерзать; и все же она знала, зачем (*или даже так: за чем)* пришла сюда. Я подошел и взял ее под руку; стерва безропотно дала отвести себя, усадить на стул — тот самый! — а потом…

Всего одна минута — и она вышла прочь: труп, который дышит. Идиот поспешил поинтересоваться: ну как? — и когда она, ну просто воплощенный ангел, ответила, что все замечательно, спасибо, дорогой — то даже в его разжившихся мозгах шевельнулось: так не бывает! Но — инерция: что бы он ни думал, однако тоже хотел *(ну а кто, скажите мне, не хочет стать счастливым?)* — и вошел. С идиотом было проще — так ведь сними всегда проще: нормальный человек по крайней мере старается воспринимать все как есть, идиот же видит лишь то, что укладывается в его куцую модель мира; прочее проходит мимо с клеймом: «невозможно». Забрать жизнь? — невозможно, просто фигура речи; и потом, *она* ведь вышла отсюда!

«И я в самом деле буду счастлив, да?» — «Что там счастлив, ты будешь абсолютно счастлив — так же, как и твоя жена теперь, ты увидел и понял это, разве нет?» — и микробы сомнения, только-только зародившись, подыхают под натиском иммунитета,

воспитанного исковерканной истиной «деньги есть — ума не надо». Уговоры и убеждения — все лишнее: клиент готов, он жаждет, горит желанием — и сполна получает то, что хочет.

Они ушли, эти двое — бывший идиот и бывшая стерва, а ныне — ходячие мертвецы. Они вернулись домой, довольные собой и всем, что их окружает. Время идет — и скоро знакомые заговорят: что-то изменилось. Вежливые скажут: ну надо же, просто идеальная пара! — кто не привык церемониться со словами, заявит, что они куда-то сдвинулись по фазе. А потом идиот, послушавшись случайного совета, снимет деньги со счета и положит в другой банк; банк прогорит, неудачливый бизнесмен потеряет большую часть того, на что опиралось его самомнение, — однако пожмет плечами и скажет: подумаешь, велика беда! А после у них (*вот и верь этим врачам!)* будет ребенок, даже двое. И когда старшее чадо научится говорить, ему будут покупать все, что оно попросит; а еще позже лучшая — в прошлом — подруга стервы скажет ей, что не стала бы разрешать своим детям гулять в «таких местах», но та только отмахнется: нашим крошкам интересно, ну и пусть. И даже после того, как детки *(о, разве можно их винить, ну что они могут понимать в таком возрасте?)* наведут на дом грабителей, стерва, лишившаяся камешков и кучи зеленых, лениво откликнется: ну, подумаешь, с кем не случается? Потом идиот потеряет должность, а вслед за ней и работу; он примется искать новую — не очень-то старательно — а тем временем денежный запас будет неотвратимо иссякать, и они, снова по чьему-то не слишком мудрому совету, заложат квартиру. Конечно же, их надуют, они потеряют все и окажутся на улице; младшая дочка подхватит грипп, затем воспаление легких и умрет за несколько дней; старший сын найдет себе место в притоне среди наркоманов и будет потерян для родителей, для общества и для себя самого. Двое мертвецов — в прошлом состоятельные люди, ныне бомжи — скажут, что даже и в такой жизни можно найти хорошие стороны. Они будут ходить по городу, вяло прося милостыню и не жалуясь на то, что дают мало; они устроят себе лежбище под скамейкой в парке, где будут проводить ночи, упоенные друг другом и замечательнейшей штукой под названием «жизнь». И, наконец, отравившись какой-то дрянью на городской свалке, лежа среди экскрементов цивилизации, эти двое поцелуются в последний раз, по-прежнему убежденные: во всем мире нет никого счастливее их…

Толстая мертвая трусиха; она покинула кабинет в слезах — конечно же, это были слезырадости, и ее нисколько не интересовало, что штукатурка на лице течет вместе с ними. Она

вернулась домой в восхитительном экстазе, и мама всерьез задумалась: а не пристрастилась ли доченька к какой-нибудь травке? На следующий день трусиха пропустила институт и до самой ночи (*невероятно!)* бродила по улицам, наслаждаясь всей гаммой красок и звуков. Вскоре она перестанет учиться — нет, первое время она еще будет заглядывать в книги, но все эти длинные сложносочиненные и сложноподчиненные предложения — их так долго читать и куда быстрее забыть! Она завалит сессию; ее со скрипом протащат на второй курс, но через полгода она вылетит совсем — радостная и свободная. Мать отчитает ее по полной, отец добавит ремнем — и трусиха согласится с каждым их словом; она даст кучу обещаний быть отныне прилежной и порядочной — но не сдержит ни одного, забыв о них на следующий же день. Она будет часто наведываться к знакомым в общагу, где вскоре потеряет девственность — просто чтобы узнать, «как это»; и она найдет, что «это» очень и очень здорово; чрезмерная полнота больше не будет ее беспокоить, и в конце концов она перестанет следить за внешностью (*и правда, зачем тратить время на такую ерунду, если и без того в жизни есть столько суперских вещей?)* Глупая трусиха, она будет есть все, что хочется, и спать с каждым, кому не покажется противной; скоро родители узнают о ее похождениях, отец снова и снова будет бить ее — но и от этого, кажется, неживая девушка получит только наслаждение. Отчаявшиеся предки найдут последний выход из столь запущенной ситуации — выдадут трусиху замуж; муж окажется алкоголиком и вдобавок садистом *(ну а какому нормальному человеку нужна такая жена?)*. Каждый вечер он будет насиловать ее под взвизги отечественной попсы — и, как вы думаете: кто испытает большее удовольствие? Он будет хлестать ее плетью, а она — томно охать и рассказывать о том, как любит его. По пьяни он разобьет ей лицо, и, сплевывая кровь вместе с осколками зубов, сама захмелевшая — но вовсе не от алкоголя, — мертвячка-трусиха исторгнет: «Мамочки мои, как я счастлива!» В конце концов муж расшибет ей голову о ребро батареи; к слову, потом он попадет под суд, где его признают невменяемым и отправят в психушку, — но речь у нас совсем не об этом дуроломе, ведь так?

Крутой, который решил, что пришел ко мне совсем по другому поводу — вот глупый! — его труп вышел отсюда, прибыл к боссу и радостно сообщил тому, что здесь все схвачено до них и ничего поиметь с моей шарашки не удастся. Босс удивился, конечно, — но не стал заморачиваться на этом: были дела поважнее и актуальнее; крутой получил новое задание. Скоро он получит еще несколько, одного плана: собрать дань с

подконтрольных точек. Трижды он все провалит: когда ему скажут, что денег сейчас нет, он мило улыбнется: ладно, никаких проблем! — повернется и уйдет. Босс сделает ему внушение: раскис ты что-то, нельзя так, надо быть жестче, особенно в нынешние времена; крутой охотно и радостно выслушает все, однако начальник, наблюдая за его дурновато-американоидной улыбочкой, сообразит: непорядок. Крутому предложат отдохнуть *(на самом деле его решат отстранить совсем — но кто же ему об этом скажет?).* Он выйдет на улицу, не зная, что уже выброшен за борт — обрадованный и безгранично довольный мертвец; он будет проходить через скверик, когда десятилетний пацан случайно залепит ему в задницу шариком из игрушечного пистолета. Мальчик извинится, крутой скажет: «Пустяки» — а затем вытащит из кармана настоящую пушку и покажет молодому поколению, как надо стрелять. Когда бабка на скамейке напротив клюнет носом — будто задремала, ничего особенного на взгляд со стороны, — он переживет адреналиновый оргазм куда посильнее, чем при сексе, и ему страшно понравится. Счастливый как никогда прежде, он успеет выстрелить две обоймы, прежде чем его возьмут; группа захвата проведет его к машине по парковой тропе, которую отныне назовут Дорогой Смерти, — а крутой, исходя слюнями, будет рассказывать им о своей любви ко всему миру. Ему дадут пожизненное, но счастье его не продлится долго: боссу не нужны лишние свидетели, тем более — такие. Скоро в камере найдут тело, повешенное на клочках собственной одежды; разбираться не станут — разве что для видимости, — но тот, кто это сделал, никогда не забудет два пронзительно глубоких, будто с иконы, глаза и последнее умиротворенное «спасибо…».

И так — изо дня в день: ко мне приходят люди, а уходят довольные трупы, продолжающие питаться и портить воздух. Вечером я спускаюсь в подвал; там темно и душно, потолок весь в паутине, а в углу, сразу за вторым шкафом, крысы прогрызли нору — мелкие глупости, в общем-то, но иногда эстетическое начало говорит во мне, что важно поддерживать правильный антураж. Здесь, в прозрачных сосудах, все те, кто решил с моей помощью осуществить мечты о счастье; кто верил, что счастье — в куче денег; в большой любви; во власти над другими; в новых впечатлениях; в том, чтобы стать лучше, чем ты есть; в том, чтобы сделать лучше мир; в том, чтобы доказать противникам, насколько они неправы, — или еще в какой-нибудь ерунде; те, кто не понимал, что в действительности все куда проще. Я разговариваю с ними. От стервы пока еще невозможно добиться ничего, кроме «пошел на х… маньяк-садист!», «верни меня назад,

сволочь!» и «я не собираюсь терпеть это паскудство!», но через несколько дней или, может быть, недель она успокоится; мне некуда спешить. Идиот застыл в ступоре, но когда-нибудь эго неизбежно ему надоест, и я узнаю, скрывается ли за его внешней тупостью хотя бы пара-тройка стоящих мыслей. Трусиха пялится на все глазами-линзами и старательно шарахается от каждого движения. Крутой требует объяснений — и получает их в виде сакраментального «здесь вопросы задаю я». Со временем они станут полноценными членами моего избранного общества, пока же я оставляю их без внимания. У меня есть собеседники поинтереснее — те, кто давно привык к такому существованию; я могу сразиться с кем-нибудь в шахматы — или выслушать сюжет невероятного авантюрного романа; могу обсудить предполагаемые судьбы мира, человечества и Вселенной — или судьбу вполне конкретного слесаря Лени Пасечкина; всякая тема интересна по-своему — и потом, ведь в каждом человеке дремлет творческое начало, разве нет? Творчество, плодами которого пользуется лишь один — да, пускай это несправедливо, но с чего вдруг я должен быть справедливым?

И вот — поэт: он на стуле напротив, и, когда я сообщаю, что заберу его жизнь, он поднимает глаза — редкое сочетание робости с уверенностью — и спрашивает:

— Значит, абсолютное счастье — это смерть?

Он, конечно, далеко не Пушкин и отнюдь не Лермонтов; размер в его стихах хромает не на одну долю, ритм вечно норовит сделать шаг вперед, а затем два назад. Такую поэзию не напечатают ни в одном журнале, и он не получит за нее ни копейки; исполнителям популярных песен, может быть, плевать на скачки размера, но разве им нужна подобная муть? — нет, они хотят тексты, навязчивая бессмысленность которых в своей простоте доступна каждому. Самое большее, на что может рассчитывать поэт — стать своим в рок-тусовке, где со временем подсядет на наркотики; в стихах прибавится иллюзорных глубин, в которые он, может быть, поверит и сам. Или — страничка в Интернете и сомнительная популярность в узких кругах; но для начала неплохо хотя бы научиться отличать компьютер от телевизора. О да, из него получится замечательный собеседник (*еще бы!)* — мне даже не придется ждать, как это бывает с большинством, пока поэт смирится с тем, что… Но он спросил меня, и я отвечаю:

— Нет, неверно. И все же, когда ты выйдешь отсюда через минуту или две, ты будешь мертв. И будешь счастлив.

— Лучше через минуту, — говорит он. — Хотелось бы побыстрее.

— И тебя не пугает смерть? — зачем-то спрашиваю я, будто еще не понял.

И тогда поэт, чуть прищурившись *(с легкой издевкой — так ему кажется),* выдает:

— А вы не могли бы сделать все молча?

Пустота, думает он. Пустота жизни — вот что страшнее смерти. Пустота, когда вдруг понимаешь: ты устал просто оттого, что существуешь. Пустота, когда не ждешь от жизни ничего, потому что все новое кажется одинаково серым. Пустота, когда то, что нужно тебе, не нужно больше никому — а то, что нужно кому-то, совершенно не нужно тебе.

А я думаю: если у него, поэта — пустота, то что же тогда у всех прочих? И еще: разве есть на Земле хоть один живой человек, который на самом деле знает, что такое пустота?

В бесконечность первый раз: встреча, и… Его мертвое тело выйдет из кабинета, довольное и радостное, как все они. Нет, он не помирится с девушкой в сиреневых очках, но не станет печалиться из-за этого; да и вовсе не будет о ней вспоминать. Зато вскоре он познакомится с другой *(нет, не совсем точно: она познакомится с ним, так правильнее),* которая найдет в нем свой идеал — плевать на душу, все это глупые выдумки неудачников: идеал в смысле внешних данных, не более. Она — дизайнер интерьеров с именем; поэта она тоже подберет под интерьер, по форме и цвету, и он займет место в ее комнате среди других предметов мебели. Она — независимая женщина, сделавшая карьеру, а он… кто? Никто, в сущности: на работу он так и не устроится и в конце концов оставит эти никчемные попытки… поэт? Разве что в прошлом: сам не живой более, за несколько месяцев он не родит ни одной новой строчки. И все же по-своему она будет любить его. Часто выходя вместе в свет, они не раз услышат о том, как подходят друг другу — конечно же, в этом она будет видеть только свою заслугу. Любительница путешествий, она объездит весь мир: Мексика, Индия, Австралия, Центральная Африка — о Европе можно не говорить, там она посетит каждую страну и почти каждый более-менее известный город. Поэт — искренний глупыш, как наивный подросток всюду последует за ней (*так захочет она — и разве он может поступить вопреки своему счастью?),* получая массу впечатлений, одной пятой которых достаточно, чтобы воплотиться в шедевр. Его жена будет восхищаться местными красотами, а он — неизменно вторить ей; не раз он ощутит безумный телячий восторг — но ни одна из увиденных красот не откликнется в его душе *(душе? полноте, о чем это я?)* хоть какой-нибудь махонькой, плохонькой рифмой. Они будут вместе долго… так и хочется добавить: долго и

счастливо, и умрут в один день! Последнее вряд ли верно — ведь он умрет здесь и сейчас, — но остальное… да, пусть поэт будет для нее вещью — может, немного более дорогой, чем зеркальный столик или двуспальная кровать в очередных апартаментах *(«дорогой» — не то слово: кровать определенно обошлась ей в большую сумму),* зато он — вещь незаменимая, выбранная единожды и всегда находящаяся на своем месте: всегда под рукой, всегда готовая помочь и, главное, ни на что не жалующаяся — хотя, как и всякая вещь постепенно приходит в негодность, но разве бывает иначе? Кажется, со временем эта бизнес-леди полюбит его по-настоящему — или нет: скорее, просто привыкнет… а такая ли уж большая разница? Ведь они правда будут счастливы, он и она… она, разумеется, не настолько, как он — только куда уж ей понять? Счастье и любовь *(любовь?)* будут переполнять его, о да, но…

Такое странное маленькое «но»: поэт — юный старик, вообразивший, что уже открыл для себя смысл жизни и смерти, — пришел ко мне не за счастьем. Да, у него проблемы с рифмами и ритмами — пускай: это техника, которую можно развить и отточить, однако — мысли: сейчас они переполняют его безразмерный мозг, ищут выход и рождают вопросы — вопросы, на которые я не обязан отвечать, но которых не могу не слышать.

Я спрашиваю сам: что ты знаешь о пустоте? — но он молчит, а взгляд снова становится виноватым. И тогда я говорю… повышаю голос — и резко выплевываю:

— Пошел вон!

Удивленный, поэт смотрит: ему не понять почему тот, кому в силу положения надлежит завлекать людей, вдруг вот так, вроде бы без явных причин, дает от ворот поворот… Он вспыхивает:

— А если я хочу умереть?!

— Тем более — убирайся, — произношу устало — и тут мы снова встречаемся, а я думаю: лучше бы ты ушел поскорее, пока у меня не закончился приступ проклятой меланхолии… ну, или как это еще назвать? И пока я не решил, что ради новой интересной личности в моем собрании могу стерпеть некоторые вещи.

Но я вижу, как поэт гаснет, глядя — не на меня даже — в меня. И, кажется (*почему — кажется? так и есть),* именно сейчас он узнает о жизни что-то, чего не мог знать раньше. Что-то по-настоящему новое; ответ на незаданный вопрос.

Потом я беру его за руку, стаскиваю со стула и волоку к двери; нет, он не сопротивляется — он просто обвис, как мешок тряпья; как бездыханный труп, которым чуть было не стал. Я открываю дверь и выталкиваю его, и поэт едва не падает на грязный линолеум; успевает опереться на безжизненно-серую

стену; встает, поднимает глаза…

И я захлопываю дверь.

Вспоминаю — ну, вы знаете, это же классика: «тот, кто вечно хочет зла и вечно совершает благо». Теперь пойти бы вниз, в подвал… взять первый попавшийся сосуд, не важно какой… и шандарахнуть со всей мочи о стену. Взять стерву, еще кричащую, что я, этакая сволочь, не имею никакого права держать ее здесь… приподнять немножко, ощутить в руках вес… подойти к идиоту, который провалился в сон и не ожидает никакого подвоха — и залепить с размаху! Осколки разлетятся по всему полу, и какая-нибудь задремавшая крыса с перепугу рванет к норе; истоптать в порошок *(крысу — тоже, если попадется под ногу),* потом прихватить крутого с его непрекращающимися расспросами — и размолотить о не успевшую ничего понять трусиху. Топтать, топтать и топтать!.. Потом взять еще кого-нибудь — как же их много, этих идиотов и стерв, этих дур и подонков, этих гадов и мегер, этих сучек и козлов! Бить, давить — и наслаждаться многократно отдающимся в ушах звоном (*тоже часть антуража)* …

Ну, ладно — ясно ведь, что я этого не сделаю.

И я спускаюсь вниз — но вначале иду не туда, куда обычно. Подхожу к древней, поросшей мохом бочке, открываю кран, и темная, как мое существование, жидкость неспешно наполняет бутылку. А потом я сижу за столом — не за тем аккуратно-деловым, что в кабинете, а за старым, но все еще прочным дубовым столом в подвале: без искусов, зато — настоящим. Они все здесь, вокруг: идиот и стерва, трусиха и крутой, и многие другие — некоторые по привычке продолжают возмущаться, а другие любопытствуют, что такого особенного в сегодняшнем дне; кто мудрее и опытнее, просто ждет продолжения. Напротив меня — пустой стул; беру два вместительных бокала и наливаю терпкое вино — последние капли едва не выплескиваются через край. Ставлю один перед собеседником, которого у меня никогда не будет; поднимаю свой и чокаюсь:

— За твое счастье, поэт!

Вокруг что-то бормочут голоса, сливаясь в невразумительный гул, — я не хочу их слышать и не слушаю. Медленно, сосредоточив все чувства на одном — вкусе, втягиваю в себя пьянящий напиток. Вспоминаю, о чем так и не спросил поэт, и думаю: неужели я не имею права хоть иногда почувствовать себя — ну, пускай не абсолютно — всего лишь немножко счастливым?

Киев, Украина

НИКАКИХ ПРОБЛЕМ

Кирилл Григорьев
Персональный Проводник

1

По истечении шести дней беспробудного алкоголизма к Алексею Савинову пришла Смерть.

Он сидел на полу в прихожей, завернувшись в мокрый халат и неторопливо прихлебывая пиво из бутылки, а уставшие от пьянства мысли его лениво, поскрипывая как качели, скользили от выбрасывания из окна до вскрытия вен в ванной. Давно не бритое, помятое лицо Алексея не выражало ничего, кроме надежды избавиться от изматывающей и непрекращающейся головной боли.

Он был совсем не плохой человек.

На работе его ценили, родители любили и гордились, а последняя жена вообще иногда называла Алексея ангелом. Он не курил, практически не пил, а все его знакомство с наркотиками сводилось лишь к многочисленным пересмотрам «Криминального чтива». Свободное время он отдавал работе, выходные проводил с любимой шестой женой, а летом исправно отвозил и привозил родителей с неблизкой от Москвы дачи.

Неделю назад Алексей потерял все.

Все без остатка.

Любимая шестая жена утром, за завтраком, вдруг объявила, что скоро их будет трое.

— Трое? — чуть не поперхнулся чаем Алексей. — Опять твоя мама с недельной инспекцией?

Таня загадочно улыбнулась.

— Я на третьем месяце, — немедленно разъяснила она, и безоблачный рай супружеской жизни навсегда кончился.

Жизненная трагедия Алексея заключалась в детях.

Он их ненавидел всеми фибрами своей молодой еще тридцатисемилетней души. Всех и всяких, маленьких и больших. Поэтому, наверное, бог, ради хохмы, наградил его сперматозоидами, способными настичь несчастную яйцеклетку даже в атомном бомбоубежище.

С первой женой он разошелся, когда не вовремя лопнувший презерватив возвестил о зарождении новой жизни. Она и появилась на свет через положенные девять месяцев, только уже без его, Алексеева, участия. Когда же вторая жена намекнула на вероятность подобного исхода, он не стал медлить. Все оказалось

решенным в кратчайшие сроки, и возлюбленные расстались: Савинов — с холостяцким штампом в паспорте, а вторая жена — с пятинедельной задержкой.

С третьей Алексей сказал себе: «Стоп!» Стойко перенеся четыре месяца непрерывного женского токсикоза, он наконец не выдержал и дезертировал с поля боя, унося с собой крест вечного алиментщика.

Однако существовала еще одна проблема.

Он не мог жить один.

Поэтому следующую жену Алексей отбирал тщательно и долго. С Кларой они встречались почти полгода, гуляли, целовались под луной, и только когда она, наконец, расплакавшись, поведала ему о трагедии всей своей жизни — бесплодии, — началась напряженная половая жизнь. Через пару месяцев они поженились, через еще два у Клары начались приступы рвоты по утрам, а еще через два уже ставшая знакомой паспортистка в ЗАГСе привычно ставила в паспорте Савинова прямоугольный штамп.

В пятой попытке Алексей решил полностью положиться на медицину.

Витек из параллельного класса, которого еще с детства тянуло на острые ощущения и который превратился вдруг из сексуально озабоченного прыщавого подростка в чуть ли не светило современной гинекологии, как-то во время встречи у подъезда за бутылкой пива пообещал помочь. На следующий день он разложил перед онемевшим Алексеем, словно сложный пасьянс, несколько медицинских карт.

— Полностью безнадежны, — торжественно и даже с какой-то гордостью произнес Витек. — Хоть что с ними делай — ноль. Все не замужем или разведены. Выбирай.

Савинов с сомнением оглядел стол.

— Ты уверен? — осторожно поинтересовался он.

— Ну, знаешь… — оскорбилось светило. — Если ты сумеешь кого-то из них осчастливить, я… Во! Буду о Нобелевке орать на каждом углу. Тебе, естественно…

Правда, через полгода, когда взбешенный очередным анализом жены Савинов поймал его около памятного подъезда, Витек ничего не орал о Нобелевке. Он тихо и занудно просил отпустить его домой, к жене и детям с небольшими или, хотя бы, минимально по сроку излечимыми травмами.

— К детям… — прошипел сквозь зубы Алексей и в неистовстве запустил бутылкой, предназначавшейся светлой голове известного гинеколога, в мусорный бак. — К цветам жизни… Вали, семьянин…

Шестую жену он нашел с помощью гадалки. Ему точно сказали, как она будет выглядеть, как ее будут звать и сколько лет они проживут вместе. Только не сказали, когда, наконец, их станет трое…

— Значит, трое… — медленно произнес он, глядя на лучащееся лицо жены. — Это просто здорово…

Первое, что вконец расстроенный Алексей сделал на работе в тот день — устроил грандиозную аварию прямо у выезда из гаража с не выспавшимся шефом на заднем сиденье своего «мерседеса». Четыре машины — почти всмятку, шеф — в больницу с множественными переломами, а его самого — в ближайшее отделение как хулигана, оказавшего сопротивление представителям доблестной ГАИ.

Отец, благо бывший сотрудник, вопросы с органами на следующий день уладил, здоровый заместитель шефа поставил жирную печать в трудовой книжке, а знакомая паспортистка в очередной раз получила шикарный букет роз.

И через сутки родители, напоследок, внесли наконец свою лепту в нескончаемую череду несчастий.

— Мы уже старые, сынок, — задушевно начал батя. — Сколько у тебя уже детей по свету ходит-то, а?

— Пятеро, — буркнул Алексей разбитым ртом — в отделении ему долго и доходчиво рассказывали о непротивлении злу насилием. — А что?

— А то! — рявкнул отец так, что даже полуглухая болонка Клава подскочила со своего коврика в углу. — Когда же и мы с матерью, едрена вошь, дедом с бабкой станем?! А?

— Усыновите кого-нибудь, — не вовремя произнес Алексей и через секунду оказался на полу рядом с ничего не понимающей болонкой и звоном в ушах. Несмотря на свои пятьдесят восемь, у отца было много еще пороха в пороховницах.

— Значит, так, — словно Глас Божий, раскатисто сказал Савинов-старший. — Без внуков — на пороге не появляйся. Сходись, снова женись в двести сорок восьмой раз — мне без разницы. Я понятно объяснил?

— Ага, — кивнул Алексей, потирая правое ухо. — Полностью.

И вот теперь, по истечении шести дней всепоглощающего пьянства, кто-то занудно звонил в его дверь.

— Иду, иду, — произнес Алексей, чувствуя, как гулкая трель звонка, словно бомбардир на футбольном поле, стремительно отправляет сокрушительные мячи в «девятку» его размягченного мозга. — Иду, черт…

Опрокинув бутылку с пивом и тут же наступив в холодную липкую лужу, он, чертыхаясь, добрался до двери.

«Хорошо, если бы это были киллеры, — подумал он, возясь с замками. — Кто угодно, только не отец…»

На пороге стояла молодая девушка лет двадцати.

— Я пройду?

И через мгновение она оказалась у него в квартире.

— Так, — произнесла она, окидывая взглядом лужу на полу, опрокинутую бутылку и еще груду таких же, выстроенных неровными рядами, как солдаты на марше, в углу. — Все налицо.

— Э… Что налицо? — промямлил Алексей.

Она наконец повернулась к нему и быстро, с ног до головы, оглядела.

— Запой, — сказала она, пожав плечами.

Ему немедленно стало стыдно.

— Это почему же? И вообще, кто вы такая, что…

— Я — Смерть, — перебила она его. — И я пришла за вами, Алексей Петрович.

— Кто?

— Смерть. Нас еще иногда называют Костлявыми…

Алексей неуверенно гоготнул, оглядев аппетитные формы посетительницы.

— Во дает… — произнес он. — У кого-то из нас точно — белая горячка…

— Я на кухню пройду, — почти утвердительно спросила она. — Обувь снимать не буду.

Алексей провел пальцами по лбу и помотал головой.

— Допился, — пробормотал он, глядя ей в след.

— Идите сюда, — позвала девушка с кухни. — Садитесь рядом. Нам есть о чем поговорить.

— И о чем же?

— О вас, Алексей Петрович. И обо мне.

— Договорились, — хмыкнул он.

Старейшей по Первому Кругу
Реализации Сопровождения
Девяносто второго сектора
от Четвертого Исполнителя

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Прошу Вашего разрешения на отправку моего Стажера для выполнения заключительных этапов тестирования. Считаю его полностью подготовленным для вступления в должность Младшего Проводника.

Заранее благодарна.

Ваша, Четвертая.

ПРИКАЗ № 1154

по Девяносто второму сектору Первого Круга Реализации Сопровождения

Считаю целесообразным направить Стажера Четвертого Исполнителя на выполнение Первого Сопровождения с присвоением ему звания Младшего Проводника.

Ответственным за выполнение назначить Четвертого Исполнителя.

(За подписью Старейшей Сектора)

2

Все оказалось банально просто.

Пока Алексей принимал душ, брился и чистил зубы (неудобно все-таки, девушка как-никак), новая знакомая поведала ему краткую, но весомую историю.

Оказывается, Смерть на самом деле существовала.

Вернее, не Смерть даже, а огромные семейные кланы простых людей, которые выполняли ее тяжелую, но такую нужную всем работу. Каждый член такой семьи при достижении определенного возраста («Это какого же?» — поинтересовался Алексей из ванной. «Двадцатидвухлетнего», — застенчиво ответила гостья.) посвящался в Проводника — человека, сопровождающего умирающих в последний путь. На момент выполнения Сопровождения Проводник из разряда простых смертных становился существом прямо-таки необыкновенным. Он вроде бы получал полную неуязвимость, способность дышать под водой, короче, полный набор суперменских трюков. Поэтому жертве (вернее, Цели, как деликатно сказала новая знакомая Алексея) скрыться от своего Проводника становилось абсолютно невозможно.

— И что, никто не пытался? — сразу же спросил Алексей из ванной.

— Почему же… Пытались…

— И кому-нибудь удалось?

— Насколько я помню, Одиссею и Гераклу…

Алексей при этих словах чуть не подавился зубной щеткой, а потом, оправившись, хохотал несколько минут.

Девушка дождалась, когда он затихнет, потом невозмутимо продолжила.

Самым главным моментом в их работе, по ее словам, оказалась проблема наведения. Как с гарантированной вероятностью узнать точную дату и время гибели человека? В какой момент направлять к нему Проводника? Как сделать так, чтобы переход Цели в состояние вечного покоя был максимально безболезненным? Это на самом деле и составляло искусство Старейшей семьи. Именно она, Старейшая, назначала Цели и Проводников, руководствуясь одними ей известными причинами.

— Когда-нибудь, — произнесла гостья с оттенком мечтательности в голосе, — и я, может быть, стану Старейшей.

— Ну, до этого-то еще лет восемьдесят обождать осталось, — обнадежил ее Алексей, бодро вытирая голову. — Сколько годков-то вашей?

— Сто сорок два.

Он присвистнул и выглянул из ванной.

— Что-то я о таком не слышал.

— А про нас вы что-нибудь слышали?

Резонно.

— А звать-то тебя как?

— Мы уже на «ты»?

— Ну, знаешь… По-моему, смерть — дело настолько личное… Почти интимное… Тем более, если учесть, что ты — моя долгожданная белая горячка…

Она закусила верхнюю губу. Получилось мило.

— Зовут меня — Надежда, Надя. А насчет белой горячки… Я, может быть, продолжу, если уж ты меня так воспринимаешь?

— Давай, — кивнул Алексей с удовольствием. Все происходящее его чертовски забавляло. — И, кстати, отличное у тебя имя. Очень… обнадеживающее…

Перед первым Сопровождением Проводник обязан пройти длительное обучение, экзамен и Обязательное Суровое Испытание. Испытание это могло быть чем угодно; его назначала и утверждала Старейшая. Наде досталась недельная прогулка по тайге с плеером и маленьким перочинным ножом.

— Так ты на Севере живешь? — немедленно поинтересовался Алексей.

— Я живу от тебя через три подъезда, — даже вроде бы оскорбилась Надя. — А в тайгу меня Старейшая отправила.

— А родители как?

— Они же в Семье.

— А… Ну да… Раз в Семье… Слушай-ка… А эти ваши Старейшие… Они что, ни разу не ошибались? — он уже стоял с полотенцем на пороге кухни.

— В чем?

— Ну, в этом… Наведении на Цель.

Надя наморщила лоб.

— Нет, — ответила она. — Хотя… Ошибались… Верно… Когда тонул «Титаник», Проводников оказалось слишком мало…

Алексей хмыкнул и присел напротив нее.

— Хорошо. Только ответь, пожалуйста, на вопрос. Сразу. Ты тут про «Титаник» излагала. Как же ваши Проводники на него попали? Или они заранее закупили билеты оптом?

— Я же уже рассказывала, — с досадой произнесла Надя. — После того, как Проводник получает человека, способ доставки до него роли не играет. И, кроме того, любой, даже самый начинающий, владеет телепортацией.

— Ага, — кивнул Алексей удовлетворенно. — Значит, ты тоже?

— Да, — просто ответила Надя.

— Давай, — сказал Алексей. — Продемонстрируй.

— Зачем?

— Тогда я во все поверю.

Надежда усмехнулась и легко поднялась с табуретки.

— Значит так, Алексей Петрович, — торжественно произнесла она. — Убеждать вас в чем-либо совершенно не входит в мои задачи. Главное я вам сказала. Я — ваш Проводник. Ровно через два дня вы впадете в депрессию и в сильном алкогольном опьянении шагнете из окна вашего шестого этажа вниз. Все эти дни я буду присматривать за вами. Бежать от меня, отправляться к магам средней руки за защитой, даже пытаться убить меня — бесполезно. Я все равно буду рядом. Все произойдет точно и в срок, так, как и запланировано. И кстати, не пытайтесь покончить с собой раньше срока, — у вас, дорогой вы мой, абсолютно ничего не выйдет. А теперь, — она очень не по-доброму улыбнулась, — воспринимайте меня, как вашу долгожданную белую горячку.

И, с негромким хлопком, стремительно растворилась в воздухе.

— Э… — произнес Алексей, тупо глядя на покинутую ею табуретку.

Потом провел по еще теплому дерматину рукой.

— Ни фига себе похмелье, — тупо произнес он в гулкой и опустевшей кухне.

Четвертому Исполнителю
Первого Круга
Реализации Сопровождения
Девяносто второго сектора
от Младшего Проводника

ВЫПИСКА ИЗ РАПОРТА-ДОКЛАДА № 19

Первое собеседование прошло нормально.

Цель, как и ожидалось, проявила абсолютное недоверие к идее Сопровождения.

Надеюсь, особых проблем не будет, хотя очень сильно смущает факт неприятия Целью проблемы наведения. Цель высказала явные и недвусмысленные желания произвести Сопровождение самостоятельно, причем в не установленные для Перехода сроки.

Основываясь на всем вышеизложенном, в месте обитания Цели были проведены все необходимые процедуры в соответствии с регламентом № 18/34-бис.

С искренним уважением, Младший Проводник.

3

Холодное пиво обычно всегда проясняет разум до кристальной чистоты. В особенности, когда за плечами только что закончившаяся неделя беспощадного запоя.

— Все, оказывается, распланировано, — пробормотал Алексей, смакуя второй стакан. — Наведение, Проводники… Девочки, шляющиеся с плеерами по тайге… Кто это там планы строит на мою жизнь?.

Идея родилась моментально.

«Сейчас-то все и проверим, — подумал Алексей. — И про Смерть, и про планы. Сразу, раз и навсегда».

Хотя…

Если это все-таки утомленное алкоголем воображение преподнесло такой номер?

А собственно, что мне терять?

Жены нет, детей орава, работы тоже пока не предвидится… Вот только родители… А что — родители? Они, блин, тоже хороши… Дали пинка под зад, без внуков — ни ногой… Эх… К черту!

Он поднялся, большими глотками допил стакан и с размаху

швырнул его в раковину.

— Счастья, тебе, кретин, — пробормотал он, слушая звон разбивающегося стекла.

Теперь оставалось дело за техникой.

Именно за ней, за «Сонькой», которая верой и правдой вот уже лет пять скрашивала семейные и не очень попойки. С магнитофоном наперевес он ввалился в ванную, оглядел поле боя и включил воду. Технологию самоубийства с помощью электричества и воды он представлял себе смутно, в основном по фильму «День сурка», где несчастный горемыка убивал себя каждый день и никак не мог убить до конца, однако был совершенно уверен в том, что такая комбинация сработает.

— А если все-таки горячка? — подумал Алексей с неожиданной тоской, глядя на свое затягивающееся паром отражение в зеркале. — Если сразу — и все?

Вода гулко билась в ванне.

— Тебе и вправду тут уже ничего не осталось, — ответил внутренний голос, с которым иногда у Алексея проходили редкие, но горячие дебаты. — Что тебе терять?

— Но жизнь…

— Хочешь успеть осеменить еще пятерых, не способных к деторождению?

— Но ведь, в принципе, они могут быть после этого счастливы.

— А ты? Что с тобой, неистребимый сперматозоид?

Алексей протер зеркало.

— Значит, жизнь любого человека бесполезна, — произнес он вслух. — Она пуста и глупа, как выпитая бутылка пива?

— Хм, — ответил внутренний голос. — Жизнь любого человека ценна делами. Что сделал ты? Переехал в бабушкину квартиру после ее смерти? Сделал ремонт и поменял старый унитаз на новый? Жизнь любого человека ценна достижениями. Как там у тебя с ними, а? Неоконченный, но много раз обещавший быть оконченным институт? И, наконец, жизнь любого человека ценна детьми. Что сделал ты? Шесть раз женился и шесть раз развелся? Наплодил пятерых детей? Хм… Это, конечно, достижение, дружище… Только вот какая проблема… Тебе не нужны эти дети. Ты ненавидишь их. Ты не можешь видеть когда-то любимых тобой женщин из-за этой маленькой и, в общем-то, незатейливой причины. Ты — одиночка. И ты никому не нужен.

— Да? А родители?

— Значит так, — рявкнул внутри него голос. — Ты либо прыгаешь в ванну, либо нет. Надоело мне с тобой дискутировать!

Тем более… Хм… О вещах, тебе самому известных… Так ты прыгаешь?

— Тогда, зануда, это наш последний разговор.

Голос помолчал.

— Наверное, только мне и будет тебя не хватать.

Алексей всмотрелся в свое отражение.

— Да, — произнес он, — только мне и будет.

Потом решительно перечеркнул рукой свое лицо в зеркале.

Розетка для электрической бритвы оказалась очень удачно расположена. Он воткнул в нее шнур магнитофона, скинул халат и неторопливо залез в горячую воду. Потом взял «Соньку» в руки.

— Поехали, — произнес он, опускаясь в ванну и включая магнитофон.

4

Полная темнота и холод.

Господи!

Где я?

Как тяжело.

Где белый коридор, о котором все говорят?

Где моя поганая Проводница, когда мне так тяжело?

И почему же так холодно?

Он повернулся, и что-то ледяное волной ударило в лицо. Я чувствую?!

Где-то вдалеке играла музыка.

— Ваша киска купила бы «Вискас», — произнес бодрый слащавый голос, и Алексей открыл глаза.

Он лежал без света в абсолютно черной и холодной воде. В затекших ногах валялось что-то тяжелое, и он, пошевелив пальцами ноги, опознал в этом чем-то знакомую и уже безнадежно испорченную «Соньку». Теперь «Жаворонки на проводе» не сумеют вылиться из ее колонок и разбудить его серым промозглым утром.

— Н-да, — подумал он.

Самоубийство, судя по всему, сорвалось окончательно и бесповоротно.

Матерясь про себя, Алексей с трудом выбрался из ванной.

— Пробки, — произнес он вслух. — Чертовы пробки, будь они неладны…

Нащупал халат и, распахнув дверь, вывалился в коридор. Он ощущал себя инопланетянином, попавшим в лапы незнакомого и неумолимого земного притяжения. Руки и ноги мелко, противно дрожали.

Однако налицо был явный плюс. Все последствия похмельного синдрома, очевидно, остались там же, в холодной воде, пришпиленные к ней могучим переменным напряжением.

Он, щурясь, заглянул на кухню.

И сейчас же обнаружил второй плюс.

За столом, удобно закинув ноги на край мягкого уголка, с огромным пакетом попкорна восседала давешняя знакомая Надюша и с неподдельным интересом знакомилась с рекламой женских прокладок по кухонному телеку.

Ему немедленно стало дурно.

— Самоубийцам — привет, — не оборачиваясь, произнесла Надя. — Как ощущения?

Алексей добрался до края стола и без сил опустился на табуретку. Початая бутылка пива стояла там же, где он ее и оставил. Дрожащей рукой Алексей стиснул ее и сделал несколько жадных глотков. В горле саднило так, будто он несколько дней подряд орал на морозе задорные строевые песни.

— А ты попробуй, — прохрипел он, отдышавшись. — Ты же вообще неуязвимая.

— Может, и попробую, — ответила она. — У меня ведь неуязвимость ненадолго. Эх ты… Тебя же предупреждали… Ничего у тебя не выйдет.

— Посмотрим, — ответил Алексей, откидываясь. Ему все-таки было еще чертовски плохо.

— Что, теперь вешаться будешь? — повернула она наконец к нему лицо. По ее левой щеке скользили стремительные блики от телевизора.

— Не знаю пока.

— Дурила, — усмехнулась она, — веревка лопнет. Или люстру оторвешь. Ведь как с твоей ванной получилось? Предлагали же тебе электрики во время ремонта, ну, этот, Васильич вроде, толстый такой, заменить старый щиток на новый. Предлагали? А ты не поменял. А в этом деле все решают амперы.

— Слушай, и откуда ты такая умная взялась?

— Мама такой родила.

— Эх, взять бы тебя с твоей мамой…

Она вопросительно ожидала продолжения, а Алексей уныло решал, чтобы он сделал с ней и с ее мамой. Так и не решив, он угрюмо хлебнул пивка.

— И вообще, — сказал наконец он, — шла бы ты. У тебя ведь дел, поди, полно. Клиентов много уже, небось, созрело. А я тут как раз в одиночестве подготовлюсь к депрессии, которая у меня через два дня наступит.

Надя зачерпнула горсть кукурузы.

— Хочешь? — спросила она.

У Алексея подступил комок к горлу.

— Ты можешь оставить меня в покое? — почти взмолился он. — Мне просто плохо. Очень.

— А ты пообещаешь, что не будешь больше дурить?

Он вздохнул.

— Обещаю.

— Хорошо, — она отставила в сторону пакет и поднялась. — Как раз пойду с собакой погуляю.

— Ага, — кивнул Алексей. — Сходи погуляй.

Закрыв за ней дверь (Надежда почему-то не стала телепортироваться), первым делом он мстительно выкинул пакет попкорна в мусорное ведро, выключил телевизор и, еле добравшись до кровати, рухнул в ворох несвежего белья.

Сон пришел почти сразу.

Снилось ему, будто он с огромной бензопилой в руке догоняет и все не может никак догнать Надю с ее мамой, оказавшейся на поверку достаточно миловидной женщиной. Ближе к утру он наконец-то загнал их обеих в мрачный и сырой подвал и тут обнаружил, что бензин в пиле кончился.

Проснулся Алексей по этой причине в чувствах совершенно расстроенных, и, естественно, первое, что обнаружил, было неутомимое Надино лицо в кресле напротив.

Со стоном закрыв глаза, Алексей Петрович Савинов подумал, что первый раз в жизни ему осознанно захотелось из нее уйти.

5

— Ты так и будешь меня преследовать? — мрачно поинтересовался Алексей, не меняя позы.

— А что ты сегодня собрался выкинуть?

Секунду он сверлил ее взглядом.

— Дай, пожалуйста, телефон.

— Тебя же с работы выгнали.

— Дай, а?…

Номер Алексей помнил наизусть, еще с тех времен, когда разомлевшие после наполненной любовью ночи, они с шестой женой совершенно не желали появляться на кухне.

Ответили почти сразу.

— Ты что есть будешь? — устало спросил Алексей, отстраняясь от трубки.

Лицо Нади было сосредоточенным, словно она прислушивалась к далекому, еле слышному голосу. Она же меню

слушает, сообразил Алексей. Сидя на расстоянии метров пяти, Надя сосредоточенно загибала пальцы в соответствии с сонным бормотанием не проснувшегося еще сотрудника доставки на дом.

— Пожалуй, салат из крабов, — сделала она выбор. — Это не сильно ударит по твоему бюджету?

— Хм… Ты ведь наверняка знаешь, что пока нет.

— Хорошо. Тогда будем кушать крабов.

Минут через сорок, после ухода довольного чаевыми курьера и осуществления необходимых утренних процедур, они приступили наконец к завтраку.

«Что же делать? — думал Алексей, задумчиво ковыряя вилкой в салате. — Неужели же ничего нельзя изменить? Неужели все, завтра меня уже не будет? Как же, черт возьми, так? Может…»

Он посмотрел на Надю, умудряющуюся есть, запивать еду соком из стакана и одновременно смотреть телевизор.

— Не пойдет, — сказала она, не отрываясь. — Мы — не гаишники, взяток не берем.

— Ты еще и мысли читаешь, — уныло констатировал Алексей.

— Не все… И не всегда… Так… Избранное…

— И какие же у тебя сегодня планы? Меня пасти круглый день?

— Вообще-то мне нужно в институт съездить, — отвлеклась от телевизора Надя. — Но ведь ты не дашь мне спокойно заняться своими проблемами. Верно ведь? Не дашь?

Он честно подумал.

Повторять вчерашние подводные подвиги никакого желания не было.

— Буду пить и смотреть видак, — просто ответил Алексей. — Цирроз печени мне уже не страшен. Можешь ехать. Не веришь, — мысли мои почитай, разрешаю.

— Не нравишься ты мне сегодня, — сказала Надя. — Вчера в тебе энергия била через край.

— Все… Выбила, — буркнул Алексей. — Я за ночь подготовился к грядущей депрессии.

И еще через полчаса успокоенная Надя оставила его наконец-то в гордом одиночестве.

Четвертому Исполнителю
Первого Круга
Реализации Сопровождения
Девяносто второго сектора
от Младшего Проводника

ВЫПИСКА ИЗ РАПОРТА-ДОКЛАДА № 24

Цель проявила себя как существо взрывное и импульсивное.

Не желая следовать предложенному Сопровождению, она пыталась выполнить Переход самостоятельно, однако проведенные в месте обитания Цели процедуры, в соответствии с регламентом № 18/34-бис, свели на нет все попытки.

В настоящее время Цель находится в состоянии, близком к депрессивному. Желание выполнить Переход самостоятельно у Цели отсутствует.

Очевидно, в дальнейшем Сопровождении проблем не предвидится.

С искренним уважением, Младший Проводник.

Ремарка Старейшей

Четвертая, а не слишком ли она полагается на его сломленный дух?

6

Он досматривал уже вторую часть «Смертельного оружия», попивая пиво и лениво размышляя о превратностях судьбы, когда телефон пробудился от летаргии.

«Надя», — подумал Алексей и не угадал.

Это оказался друг Коляныч, куда-то исчезнувший с жизненного горизонта пару месяцев назад. Судя по голосу, он был бодр, весел и пьян, короче, наверняка готовый осилить пяток восхождений на Монблан без перекуров и инструктора.

— Здоров! — заорал Коляныч в трубку. — Ты как?!

— Телек смотрю.

— А чего не на работе? Заболел?

— Не-а… Выгнали…

— Тебя? Выгнали?

— Короче…

Пауза.

— Так ты дома, без работы и телек смотришь… А Танюха где?

— Разошлись мы.

— Ну дает! — восхитился Колян. — Всего-то ничего не

виделись, а столько дел наворотил! Так ты еще и холост?

— Ага…

— А деньги есть?

— Не дам я тебе. Ты ведь не отдашь все равно.

— Не отдам, — согласился Колян. — Да и не надо мне. Пока. Ты вот что. Хорош киснуть. Поехали с нами, развеешься. Отдохнем, водки выпьем…

— У меня недельный запой, Коляныч. Поэтому в кабак мне сейчас лучше не соваться.

— Какой кабак?… Я на Кипр улетать собираюсь…

А вот на Кипре-то я уже не побываю, отрешенно подумал Алексей.

— И когда собираешься?

— Вылет через три часа.

— Сегодня? — поинтересовался Алексей, ощутив внезапно покалывание в районе сердца. Лежать почему-то вдруг стало неудобно.

— Именно. Поехали с нами, Лех.

У него перехватило дыхание.

— Стой. А виза? Билеты?

— Да там все купишь, на месте. А виза вообще никакая не нужна. На таможне штампик поставят — и все. Загранпаспорт-то у тебя есть?

— Есть, — пробормотал Алексей, лихорадочно пытаясь сообразить, где он валяется. В шкафу в большой комнате? Нет… В барсетке? Тоже нет вроде…

— Погоди-ка, — сказал он и, рывком поднявшись, нагнулся к прикроватной тумбочке. Открыл верхний ящик и вытащил целый и невредимый красный пропуск в средиземноморский рай. — Даже действительный еще, — сказал он. — Три года.

— Значит так, — голос Колянича зазвенел в трубке. — Бери большую сумку, кидай в нее барахло полегче, там плавки, тапочки, майки и — дуй в Шереметьево. Там и встретимся, понял? Ну где декларации заполняют. Двух часов тебе хватит?

— Хватит… А денег-то сколько брать?

— Да баксов пятьсот возьми. На неделю — во… И давай в темпе. Понял?

— Ага.

— Вот черт! — напоследок взвизгнул друг Колян радостно. — Ну надо же!.. Тусанемся!.. Как в старые добрые времена!!! Эх, дружище…

7

Тусанемся…

М-да…

До Шереметьево-2 Алексей долетел как на крыльях, за сорок минут. Водитель попался лихой и малоразговорчивый, только изредка он матерился себе под нос, никому, в общем-то, не мешая. Всю дорогу Алексей старался не думать ни о пункте своего назначения, ни о том, что будет, если Надя его поймает, ни даже о том, что вообще куда-то едет. Напрягая оставшиеся после запоя извилины, он до пота на лбу представлял себя скучно лежащим на диване, здраво рассудив, что, если уж Проводник и связан с Целью телепатически, такие мысли наверняка собьют Надю со следа. Поэтому по прибытии он добавил водителю денег за молчаливость и облегченно выбрался из машины. Сам профессиональный водитель, Алексей ненавидел ездить на пассажирском сиденье.

Слишком дорого это иногда вставало.

Несколько лет назад Антоха, старый приятель, уговорил-таки составить компанию на сиденье пассажирском. «Эх, прокачу», — сказал он, усаживаясь в машину. Прокатил… Себя на пару метров под землю, а Алексея — в реанимацию института имени Склифосовского. После двухмесячного отдыха в палате с тремя медленно умирающими дедами Алексей, сильно из-за гипса смахивающий на мумию, посетил кладбище, поставил Антохе букетик искусственных цветов и торжественно поклялся больше с друзьями не ездить. Никуда и ни на чем. Только при условии наличия руля под руками. Причем от своей машины.

Тогдашняя третья его жена клятву одобрила полностью, очевидно, с прицелом на то, что Алексей и со спиртным завяжет. Она была замечательной. Доброй и нежной. Ласковой и заботливой. Поэтому, наверное, Алексей и продержался все ее четыре месяца нескончаемого токсикоза…

В аэропорту, как всегда, народу было полно.

Алексей протиснулся к кассам и… Кто-нибудь встречал человека, взявшего в обычной кассе аэропорта билет на международный рейс за два часа до вылета? Поэтому, изучая уже оформленный на него билет, Алексей с умилением подумал о своей везучести. Мне помогают Небеса, решил он, аккуратно засовывая билет в карман джинсов. Мне помогают сбежать от Персонального Проводника.

— А может, это все-таки белочка? — ехидно произнес внутренний голос. — От нее сбежать ты можешь только в дурку.

— Да? А пробки и ее предупреждение?

— Просто какая-то часть твоего сознания знала о хилости щитка, — пояснил голос. — Она и выступила в роли Проводника.

— А если бы я решил повеситься?

— Тогда эта часть незаметно подвела бы тебя к самому слабому крючку для люстры…

Тут только Алексей заметил, что последний вопрос задал вслух. Бабулька с авоськами, стоявшая рядом, опасливо смерила его взглядом и, не выпуская авосек, торопливо перекрестилась.

— Я и в самом деле начинаю сходить с ума, — с запоздалым страхом подумал Алексей, виновато улыбнулся старушке и поспешил удалиться.

Тусоваться…

Когда он, стараясь не попадаться давешней бабуле на глаза, уже совершил несколько кругов по залу, сходил в туалет и выпил за бешеные деньги стакан настоянного скорее всего на золоте кофе, затравленный взор его обнаружил в самом углу игральные автоматы. Времени до появления Коляна оставалось что-то около часа, и Алексей, набрав в грудь побольше воздуха, пошел за жетонами. Он играл всего один раз в жизни. С четвертой женой, как-то затащившей его в настоящее казино. Естественно, он проиграл. И естественно, всю зарплату, о чем напоминалось ему в течение месяца каждый день. Практически до самого развода…

Огромный агрегат, сияющий в самом центре, привлек внимание Алексея. Напоминал аппарат здоровенный аквариум, в котором на металлических качельках, как птички в клетке, гнездились золотистые жетоны.

— А принцип? — поинтересовался он у товарища, с кислой миной отходящего от автомата.

— Да кидай в прорези, сам поймешь…

— А…

Со второй попытки ему как-то удалось скинуть в большую черную корзину внизу целую охапку жетонов. С третьей — настоящую кучу. А на четвертой жетоны сливались в корзину широкой желтой рекой несколько минут.

Он вытер лоб, озираясь.

Очевидно, отмеченным смертью начинает чертовски везти в азартные игры. Навскидку получалось, что он только что, гуляючи, выиграл свой месячный оклад на прежней работе.

— Во везет, — произнес кто-то сзади завистливо.

Сердце у него колотилось, как у закоренелого инфарктника.

Так ему не везло никогда в жизни.

Он только хищно оглядел автомат, выискивая горку жетонов, готовых начать стремительное падение вниз, как кто-то крепко взял его за плечо. Это оказался парень, только что разменивавший ему деньги.

— Автомат не работает, — строго произнес парень, кося

глазами на заваленную жетонами корзину.

— Это почему же? — возмутился кто-то рядом. — Просто везет человеку, вот и все.

За несколько секунд за спиной Алексея собралась, оказывается, целая толпа болельщиков.

— Автомат закрыт, — строго повторил парень. — На профилактические работы, если кого интересует.

— Слушай, — сказал Алексей. Голос его даже дрогнул от обиды. Он поднял последний оставшийся жетон из разменянных. — Последний кидаю — и все. Сам выбери — куда.

Парень усмехнулся, профессиональным взглядом окинул автомат и ткнул пальцем в жетоноприемник, через который ничего выбить было нельзя, даже если бы вместо жетона туда каким-то чудом попала боевая граната. Народ за спиной Алексея разочарованно вздохнул.

— Как скажешь, — кивнул Алексей, подбросил жетон и, не целясь, бросил его в щель.

Он был уверен в успехе.

Жетон быстро проскользнул по желобу, ударился о стопку своих собратьев, встал на ребро и, обойдя опасные рифы, завершил наконец свой полет. Качели качнулись и…

Под звон ссыпающегося вниз золотого дождя парень из обменника поднял на Алексея посеревшее лицо.

— Такого не может быть, — произнес он. — Это просто невозможно.

А через десять минут раскрасневшийся от таких переживаний Алексей уже прикидывал, какую машину ему взять в прокат на славном греко-турецком острове.

ЧРЕЗВЫЧАЙНО СРОЧНО!
ВЫСШИЙ ПРИОРИТЕТ!

Старейшей по Первому Кругу
Реализации Сопровождения
Девяносто второго сектора
от Контролера Сопровождения

ИЗВЕЩЕНИЕ

Путем ментального перехвата зафиксирован побег Цели от Проводника в Вашем секторе.

В настоящее время Цель находится на территории аэропорта Шереметьево-2 и собирается произвести

посадку на самолет, вылетающий рейсом Москва — Ларнака в течение нескольких ближайших часов. Вынужден напомнить Вам, что в случае невозможности возвращения Цели под контроль Проводника необходимо произвести процедуры по регламенту № 123/1117-зет, что, конечно, повлечет за собой отзыв и привлечение к возникшей ситуации большого количества Проводников, так как на борту самолета в момент взлета будет находиться сто семнадцать человек.

Рекомендаций нет.

Ситуация полностью под Вашим контролем.

Контролер Сопровождения Первого Круга.

P. S. Тома, кто там у тебя Проводником? Стажер поди… Постарайся… Если ты не сумеешь найти своего лопухнувшегося Проводника, даже не думай об отмене процедуры. В Совете на это очень плохо посмотрят. Но если придется… Что ж, храни Господь твою душу!

Твой искренний друг, Валентин.

ПРИКАЗ № 1168

по Девяносто второму сектору Первого Круга Реализации Сопровождения

Объявляется немедленный сбор Проводников классом не ниже Старший. Место сбора — Шереметьево-2. Количество Целей — 117 человек.

(За подписью Старейшей Сектора)

Четвертому Исполнителю
Девяносто второго сектора
Первого Круга
Реализации Сопровождения
от Старейшей Сектора

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Немедленно найдите Младшего Проводника.

Ее Цель совершила побег и сейчас находится в аэропорту.

Если в течение часа Ваш Проводник не восстановит

контакт с Целью, я обязана буду применить регламент № 123/1117-зет, что, конечно, целиком останется на Вашей совести.

В случае успешного восстановления контакта прошу информировать меня об этом первой.

(За подписью Старейшей Сектора)

P.S. Таня, ты ведь знаешь, что такое 123/1117-зеТ. Или твоя Наденька думает, что мы в куклы тут играем? Если она не исправит ситуацию, ответственность за 117 человек будет полностью на ней. Ты понимаешь, как будет изуродована ее психика? Каким Проводником она после этого будет? Как твоя любящая прапрапра…, короче, бабушка, заклинаю тебя, верните все на круги своя!

Верю в тебя и Наденьку. Надеюсь, все будет хорошо.

Бабушка Тамара.

8

Очень скоро Алексей обнаружил, что стал в аэропорту своего рода знаменитостью.

Вначале к нему подкатила томного вида раскрашенная, как индеец на тропе войны, девица и в недвусмысленных выражениях предложила составить компанию на ночь. Узнав, что Алексей собирается на Кипр, она секунду подумала, потом сказала, что, мол, да, годится и на неделю, только деньги вперед. Он сумел от нее отделаться только после длительных разглагольствований о попранных правах сексуальных меньшинств.

Потом привязалась цыганка, готовая рассказать о том, что было и что будет.

«Если меня сейчас повяжет Наденька, — подумал Алексей, поднимаясь с кресла и молча уходя, — ничего в моей жизни больше не будет».

В результате он уединился в туалете, нетерпеливо разглядывая циферблат часов и пытаясь сообразить, когда выбираться из подполья для встречи с Коляном. Когда осталось десять минут, Алексей тщательно застегнулся и покинул кабинку.

От всего пережитого лицо его пылало.

Он включил кран, омыл лицо, испытывая неописуемое наслаждение от соприкосновения холодной воды с разгоряченной кожей, и несколько мгновений постоял так, сунув голову под кран.

Когда Алексей наконец поднял ее, через зеркало на него

смотрела Надя.

Персональная Бортпроводница стояла, облокотясь на писуар, и очень нехорошо Алексея изучала.

Он повернулся, догадываясь, что фотомодельный бизнес сильно потерял без его красной и мокрой рожи. И немедленно получил по этой роже хлесткую пощечину. Его даже немного снесло назад, к раковине.

— Ты что? — возмутился Алексей. — Обалдела совсем?

Надежда коротко и больно ударила его по второй щеке.

— Сволочь, — прошипела она. — Ты же обещал. Так ты свои обещания держишь?

Ее рука было пошла на третий нокаут, но была вовремя перехвачена Алексеем, у которого от второго удара уже немного зазвенело в ушах.

— Отпусти. Отпусти сейчас же, мразь.

Рука у нее казалась стальной.

Алексей рывком прижал Надю к себе и перевернул.

— Ты чокнулась, что ли? Что ты себе позволяешь? — стиснув зубы от боли, прошептал он ей в ухо.

Она ослабла.

— Ты чуть не погубил целый рейс, — просто сказала она. — Ты чуть не убил своей глупостью очень много человек. Если точнее, сто семнадцать. Понял, идиот?!

Он ошеломленно оттолкнул ее.

— Ты о чем?

Она захлебывалась от рыданий и находилась почти на грани истерики.

— Меня нашла в институте мама… Она… Она сказала, что Старейшая созывает всех свободных Проводников. Что якобы… Что одна из Целей сбежала и сейчас садится на самолет. Моя Цель… Ты… Знаешь, что бывает, когда разбивается самолет?.. Знаешь ли ты, что такое разгребать куски горелого мяса, ты, умник?!. Находя в обломках обгорелые детские игрушки… Ты просто… Ты…

— Я же не знал, — ошеломленно развел руками Алексей. — Ты меня ни о чем не предупреждала.

— О чем я должна тебя предупреждать?.. О чем?.. Что не надо сбегать от Проводника?.. Что, если ты не уйдешь вовремя, начнется вселенская катастрофа? Ты что, в детсаду?!.

Распахнулась дверь в туалет, и на пороге появился тот самый парень из обменника, никак не желающий верить в Алексеево везенье.

— А… — узнавая Алексея, начал парень, но тут они вместе — Цель и Проводник — исступленно рявкнули: «Занято!»

Того как ветром сдуло.

Алексей посмотрел на ее зареванное лицо и осторожно прижал Надю к груди. Шутки кончились, и теперь ситуация больше его не веселила.

— Пойдем, малыш, пожалуй, — как можно нежнее произнес он. — Я сделаю все, что ты захочешь.

Так, в обнимку, они и покинули мужской туалет, за дверями которого уже начала собираться очередь.

9

И буквально через несколько шагов наткнулись на друга Коляна в окружении двух девушек, нагруженных таким количеством сумок разного размера, словно не девушки они были вовсе, а привокзальные матерые грузчики. Правда, были спутницы Коли симпатичны, молоды и милы. Слишком молоды, машинально поправился Алексей. Опять его на малолеток потянуло. Сам же любитель малолеток стоял, широко расставив ноги, и озирал зал ожидания так, как Наполеон, наверное, оглядывал в свое время Бородинское поле.

— Это мои, — виновато произнес Алексей, а Надя подняла на него огромные зеленые глаза.

— Ты подожди меня пару минут, — сказал Алексей торопливо. — Я сейчас приду…

— Только не на самолет, — умоляюще сказали ее глаза.

— Я сейчас приду, — ответил Алексей им.

И вдруг, повинуясь моментальному импульсу, поцеловал Надю в маленький аккуратный носик.

— О! — вдруг взревело за его спиной.

— Черт, — выругался Алексей, а на них уже налетела волна, размером с девятый вал, в народе именуемая друг Коляныч.

— О! — орал Коля на весь зал. — Дружище!!! — он мял и крутил их во все стороны, а Алексей тщетно прижимал Надю к себе в твердой уверенности, что травмпунктом после такого фиг отделаешься. — Дружище!!! Сколько лет, сколько зим!!! — так Коля проявлял свои чувства регулярно. И иногда укладывал от переизбытка силы и эмоций старых друзей ненадолго в больницу. — Сколько же я тебя, чертяку, не видел!..

— Хорош, твою мать! — набрав в легкие воздуха, не выдержал Алексей.

И все кончилось.

Разом.

Расстроенный Коляныч высился рядом.

— Ты чего, Лех? — озабоченно спросил он. — Не рад?

Алексей еще раз поцеловал Надю в носик.

— Я сейчас, малыш.

Проводив ее взглядом (черт, а фигурка-то у Проводника — будь здоров!), посмотрел наконец на Коляна, выкатившего свои глазищи в том же направлении.

— Я рад, — коротко произнес Алексей, ощутив моментальный укол чего-то, очень похожего на ревность.

Колян вышел из ступора.

— Дружище, кто эта фея? — пробасил он. Всех женщин, производящих на него впечатление, друг Колян называл феями.

— Это моя… новая жена, — соврал Алексей, не моргнув и глазом.

Колян одобрительно хлопнул его по плечу. Ощущение было словно от отбойного молотка.

— Это — лучшая твоя жена, — объявил Колян на весь зал. — Ты все-таки обзавелся моим взглядом на женщин.

— Я никуда не лечу, — произнес, собравшись, Алексей, ожидая очередного шторма.

Но друг Колян его ошеломил.

Задумчиво глядя на закрывшиеся за Надей двери зала, он медленно и торжественно сказал:

— Ты — настоящий мужик, Лех. Ты знаешь точно, когда и что нужно делать. Если бы у меня была такая жена, я не то что на какой-то там Кипр не полетел, я бы бросил работу и сидел каждый день у ее ног, как верный пес, дружище. Кипров много, а любимая — одна. Дай я тебя поздравлю, друг ты мой.

Спутницы Коляна, очевидно представившие его в роли верного пса у женских ног, захихикали.

— Цыц, — нахмурился на них Колян. — Дайте с другом попрощаться.

Махая им рукой мгновеньем позже, Алексей растроганно вспоминал, как им с Колей чистили морды в соседнем дворе, как они вместе пытались угнать машину, «копейку» соседа с первого этажа и что из этого вышло, как пытались валять дурака в призывном пункте, чтобы закосить от армии. Полжизни они прошли вместе, рука об руку. И хотя друг Колян мог в пьяном угаре, выкатив налитые кровью глазищи, привязаться к тебе с вопросом: «Кто ты такой, ваще?», хотя никогда не отдавал взятых в долг денег и легко путал свою женщину с девушкой друга, Алексей любил его. И здорово, просто здорово, черт, что перед концом мне довелось увидеть этого сукиного сына и услышать его рокочущее: «О!!!»

А ведь я его чуть не убил, вдруг подумал Алексей с запоздалым ужасом. Господи, мы же должны были вместе лететь!

И тут он вспомнил о Наде.

Накинув свою сумку с так и не пригодившимся комплектом туриста на плечо, Алексей торопливо пошел к выходу.

Старейшей по Первому Кругу
Реализации Сопровождения
Девяносто второго сектора
от Четвертого Исполнителя

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Контроль за сбежавшей Целью полностью восстановлен, поэтому прошу Вас принять решение об отмене процедуры по регламенту № 123/1117-зет.

От лица моего Стажера и от себя лично приношу искренние извинения за возникшую ситуацию.

Обязуемся впредь подобного не допускать.

Так же, в связи с чрезвычайной негативной активностью Цели, спешу проинформировать Вас, что в самые кратчайшие сроки эта активность будет мной координально ограничена.

Обязуясь держать Вас в курсе всего происходящего по этому Сопровождению.

Заранее благодарна.

Ваша, Четвертая.

10

Этот день оказался самым суматошным для Алексея.

Таким, скорее всего, и должен быть предпоследний день жизни. Как смогло столько событий и столько перемен уместиться в одно короткое двадцатичетырехчасовое мгновение? Только что лежал на диване, потом — раз!.. Аэропорт… Автоматы чертовы… Только успел получить по морде от Нади, и вдруг — хлоп!.. Поцелуи и почти любовь… Только-только покинул Ш-2, проводив друга Коляна, и — ни тебе…

Уже на асфальте лицом вниз с дикой болью в руке и левом боку.

Алексей не успел понять ровным счетом ничего.

Конечно, он оплошал.

Глупо, как дешевый тинейджер.

Выскочив из аэропорта, он, оглядываясь в поисках Нади,

неосмотрительно оказался на проезжей части.

— Надо же себя в руках держать, товарищ! — всплыл в раскалывающейся от боли голове язвительный внутренний голос. — Будь всегда собранным и готовым к неприятностям. Аминь, если оклемаешься.

Алексей, стиснув зубы, повернулся на спину.

Сумка валялась рядом с оторванным ремнем, вытянувшимся на полдороги, словно щупальце осьминога-хищника.

Метрах в трех стояла наискосок сбившая его машина, какая-то классика желтого канареечного цвета со вздыбившимся капотом. Через круглый узор расколотого лобового стекла, четко сохранивший отпечаток и форму Алексеевого тела, на него смотрели расширенные от ужаса глаза водителя. Дед лет пятидесяти, очевидно, находился в коме, так как руки его до белизны в костяшках никак не хотели расставаться с рулевым колесом.

Перед наступлением режущей боли, Алексей помнил, был еще толчок в бок и крик: «Осторожно!»

Он перевел взгляд правее и увидел лежащую рядом Надю в растекающейся луже крови.

Очевидно, если бы не ее решительность, боли он не чувствовал бы больше никогда.

— Надя! — заорал Алексей. — Надя…

Он не мог до нее дотянуться.

А потом словно включился фильм, поставленный на паузу Господом, отлучившимся по малой нужде.

Вокруг появились люди, Алексея приподняли, ему что-то совали в нос, резко пахнувшее и выворачивающее внутренности, чья-то рука нервно стирала невесть откуда взявшимся бинтом кровь с лица.

— Как она? — спросил он перепуганную девушку, попавшую в поле расфокусированного зрения.

Вокруг что-то говорили, причитал противный женский голос, а Алексей никак не мог услышать ответ.

— Как она?! — почти заорал он, выгибаясь от боли.

— Жива, Господи… Тоже жива, — произнес кто-то рядом, и это оказалось последнее, что он услышал.

Милосердный бог, наверно хорошо сходивший в туалет, позволил ему наконец потерять сознание.

11

Очнулся он от тряски в машине скорой помощи.

Рядом сидела полная медсестра с добрым круглым лицом и

очень доброжелательно ему улыбалась.

— Где Надя? — произнес Алексей и сейчас же почувствовал тонкую женскую руку на лбу.

— Я здесь, — сказал Персональный Проводник.

— Повезло тебе, парень, — улыбнулась медсестра. — Все-таки есть Бог на свете.

Он чувствовал прохладную руку этого бога на своем лбу.

— Нет, — прошептал Алексей. — На свете есть мой личный Проводник.

— Чего? — нагнулась к нему медсестра, не расслышав.

Он не стал отвечать.

Повернув голову, он посмотрел на Надю, сидящую в ногах на крае его носилок с окровавленной повязкой на голове. На правой щеке ее расползался багровый огромный кровоподтек.

— Спасибо, — сказал Алексей почти шепотом, стискивая Надину ладошку здоровой правой рукой и целуя тонкие пальцы разбитыми губами.

12

Домой они попали только вечером.

У Алексея, отказавшегося от госпитализации, оказался перелом лучевой кости левой руки, сотрясение мозга и трещины в двух из многочисленного количества ребер в организме.

— Почему не ляжешь? — поинтересовался врач, специализирующийся, очевидно, на упаковке бедолаг пациентов в гипсовое прокрустово ложе.

Алексей свой отказ пространно объяснил нежеланием создавать неприятности сбившему его деду.

— Ведь если зафиксируют госпитализацию, ему же — хана, затаскают. Гаишники, милиция… Я ведь сам виноват. Полностью и целиком — сам.

— Бывал ты, что ль, уже в переделках?

— Бывал.

— Побольше бы таких, как ты… — растроганно произнес доктор, протирая внезапно запотевшие очки. — А то, знаешь… Сами лезут, а потом по судам затаскают…

— И у вас, похоже, есть опыт?

— Есть, — вздохнул врач.

У Нади все обошлось легким сотрясением. Она тоже, впрочем, на госпитализации не настаивала.

— А ты-то почему? — поинтересовался любознательный доктор, провожая их до санитарки, вызванной для доставки самоотверженной семьи до дома.

— А за мужем кто ухаживать будет? — немедленно ответила Надя, помогая Алексею загрузиться в недра машины.

— Давно женаты?

— Гражданский брак… Три года вместе живем…

Окончательно добитый этим специалист по гипсу долго еще махал им вслед с крыльца приемного покоя.

Всю дорогу Алексей, косясь на молчаливую Надю, думал об очередной иронии судьбы. Человек, посланный доставить его на тот свет, только что спас ему жизнь. Да, конечно, пресловутая неуязвимость давала о себе знать, превратив за короткое время кровоподтек на Надиной щеке в маленькую родинку, однако Алексей сильно сомневался, что Надежда вспомнила о ней, бросаясь под машину. Просто времени на это у нее не оставалось. Все происшествие заняло доли секунды, тут даже, наверное, и супермен бы почесал затылок.

«Приятно, что она все-таки не белая горячка, — удовлетворенно констатировал уже порядочно доставший его внутренний голос. — Куча народа ее видела. Значит, у тебя есть шанс».

«Пошел ты на х…» — четко подумал Алексей, загоняя этого паршивца в район спинного мозга.

— Болит? — спросила Надя сочувственно, заметив изменение выражения его лица.

— Нет, — сказал Алексей. — Так… Задумался просто…

У дверей квартиры Надя решительно отобрала у него ключи.

— Давай сюда, герой, — и пустая прихожая озарилась светом.

— Есть хочешь? — спросила она, помогая ему снять разорванную ветровку.

— Сейчас доставку закажем.

— Ладно. Иди-ка приляг. Сама все сделаю…

И через полчаса перед ним уже стояла на прикроватной тумбочке дымящаяся тарелка с картошкой, полуфабрикатными котлетами из морозилки и запотевшая бутылка водки, выставленная и готовая к употреблению в чисто обезболивающих и профилактических целях.

Вздохнув, он посмотрел на сосредоточенную Надю. Наступало, очевидно, время Разговора.

Откусив маринованный огурчик, Алексей здоровой рукой разлил водку по припасенным мамой для торжественных случаев подарочным стопкам.

13

Итак…

— Ты серьезно думаешь, что я, сегодня вернувшийся с того света, завтра покончу с собой? — начал Разговор Алексей.

Она пожала плечами.

— Должен.

— Я совершенно не собираюсь этого делать.

— Сегодня — не завтра.

— Я не шизофреник, чтобы так координально менять свое настроение.

— А может, возникнут причины.

— Это какие?

— Я — не Старейшая. Мне сказали, как и когда. И только, понимаешь?

— Неужели твоя ведьма предвидела сегодняшнюю аварию? А главное, твое участие в ней?

Надежда вновь пожала плечами.

— Я правда не знаю. Думаю — да.

Он снова разлил водку.

— Ну а ты-то? — спросил Алексей. — Ты-то что думаешь?

— По поводу?

— Наших отношений?

— Отношений? — удивленно переспросила Надя. — Каких отношений?

Так, сказал себе Алексей. Чудесно.

Он, не чокаясь, опрокинул стопку. Даже закусывать не стал.

— Сегодня в аэропорту… — в легком затруднении начал он. — Между нами возникло что-то… А потом ты мне жизнь спасла… И в больнице эти разговоры насчет мужа и жены… И сейчас… Я чувствую к тебе… Хм… — эх, тяжело говорить такое, дружище! — Короче, ты мне очень нравишься, Надь…

Пауза,

Надя молча налила себе стопку и выпила тоже, не чокаясь.

— Ты понимаешь, что сейчас говоришь? — сказала она. — У тебя все с головой-то в порядке?

— Сотрясение мозга, — констатировал Алексей.

— А… — протянула Надя. — Тогда конечно… И все-таки… Я — на работе. Я — твой Проводник в новый мир. В который, кстати, ты отбываешь завтра. И на пороге ты говоришь что-то о чувствах? Ты издеваешься?

— Нет.

— А… Я понимаю… Ты просто хочешь в последний раз заняться с кем-нибудь любовью, так?

Его бросило в жар. В общем-то, он имел в виду совсем не это. Хотя, тут же поправил Алексей сам себя, и это, впрочем, тоже. Только в сопровождении других, совершенно других слов.

— Нет, — соврал он. — Я говорил совсем о другом.

— Я вижу твои мысли, — напомнила Надя. — Ты забыл об этом?

— Тогда смотри внимательней.

— А что смотреть? — усмехнулась Надя. — Бесплатный совет хочешь?

— Ага.

Она сделала неуловимое движение рукой, и перед ним на кровати возникла стопка журналов. Верхний из них очень смахивал на свежий номер «Плейбоя».

— Мое тело не желает секса. Даже в качестве гуманитарной помощи инвалидам. А ты… Позвони кому-нибудь и вызови доставку на дом. Если скажешь, что завтра собираешься умирать, скидка гарантирована. А если лень… — Надя поднялась. — У тебя всегда остается самообслуживание…

— Постой… — произнес Алексей, пытаясь поймать ее за руку. — Не уходи.

— Мне еще с собакой гулять, — сказала она. — И сочинять о сегодняшней эпопее рапорт Старейшей. Так что давай развлекайся в одиночестве.

Отчаяние захлестнуло его.

Ударом руки он снес кипу журналов на пол.

— Постой, черт!

Надя остановилась в дверях комнаты.

— Я не знаю, что ты там увидела в моей голове, — произнес Алексей. — Да, я хочу заняться любовью. Но только с тобой. У меня есть несколько девушек, которым достаточно сделать звонок — и через полчаса в квартире будет полно народа. Я не хочу этого. Я хочу тебя, Надь. Но даже не это главное. Я… Наверное, я заболел. Что-то случилось с моей головой. Я не просто хочу спать с тобой. Мне, наверно, достаточно будет, если ты просто находишься рядом. Просто держать твою руку в своей, говорить с тобой, что-то делать… Но вместе, понимаешь?..

Она молча на него смотрела.

Когда хочешь сказать так много, слов обычно не хватает. Мысли разбегаются, и, вместо того чтобы говорить коротко и ясно, человек блуждает в собственных ощущениях, эмоциях и мечтах. Соберись, дружище. Ну, давай. Скажи все ясно.

— Я влюбился в тебя, Надь, — сказал наконец Алексей. — Уйду я завтра, нет… Без разницы… Такого я не чувствовал уже очень давно… Делай с этим что хочешь, но… Я люблю тебя…

Как тяжело говорить такое! Когда чувствуешь лихорадочное жжение где-то в районе груди, когда дыхание спирает и, кажется, еще немного неизвестности и — разрыв сердца. Рождение этих

слов равносильно появлению нового человека, в муках и боли, но самое страшное — то, что будет после родов. Ты гол и безоружен стоишь перед вершительницей твоей судьбы. Что скажет *она*? Вспыхнет ли огонь счастья в ее прекрасных глазах, а губы точено изогнуться в улыбке, или мучительная судорога утомления и скуки исказит ее лицо? Взлет ли ввысь или стремительное падение с привкусом смертельной горечи на губах? Вершина мира, расстелившаяся под ногами, или бездонная гнилая яма? Может быть, все-таки самое страшное ожидание на свете — ожидание ответа на слово «люблю»?

И Алексей, затаив дыхание, как школьник, несмело встретился с ее поблескивающими в сумраке глазами.

Ну?

— Я странная, — наконец произнесла Надя после паузы. Все внутри Алексея стремительно рухнуло вниз. Так не говорят, когда рады. Так не начинают, когда счастье переполняет грудь. Так говорят, не желая обидеть.

— Я всегда, наверное, искала в мужчинах скорее подружку, чем мужчину, — продолжала она, а он, прогоняя мучительную ватную горечь, прилагал неимоверные усилия, чтобы услышать Надин голос. «Нет! Не вышел ты рожей, кретин! — орал противный хор внутри него. — Не нужен ты ей, убожество! Никогда вы не будете вместе. *Никогда*». Кровь неистово пульсировала, почти разрывая вены.

— …это надо мне, — с трудом услышал Алексей. — Мужчина — подружка, с которым можно было бы говорить открыто и прямо обо всем. Мне даже секса не надо, в общем-то… Понимаешь?

— Совсем не надо? — прилагая неимоверные усилия, чтобы голос не дрогнул, сказал Алексей.

— Практически да. Нет, конечно, иногда очень хочется. Поэтому… Наверно, мне лучше одной жить. Как захотелось, позвонила… Все уладилось… Ни обязательств… Ничего… Ненавижу, когда я должна. Ты должна то, ты должна се… Все мужчины такие… Выйдешь замуж и — должна… Давай-ка приступай к исполнению супружеских обязанностей… Я — эгоистка… Я жуткая, самовлюбленная эгоистка…

— Ты не такая, — сказал он в последней слабой попытке. — Я с тобой два дня и вижу — ты не такая… Зачем? Ты таким образом хочешь оттолкнуть меня?

— Нет.

— А что?

И тут Надя сказала то, что буквально сбило его с ног.

— Ты — моя работа. Вот и все. Ты не должен был погибнуть в аэропорту под колесами машины. Поэтому я тебя вытащила. Ты

выбросишься завтра из своего окна, а не из окна больницы, поэтому я настаивала на отказе от госпитализации. Ты обязан дожить до завтра и не умереть ночью с голода, поэтому я готовила есть. Ты просто один из этапов в моей жизни, который я завтра завершу. Вот и все. Понимаешь?

— Но сегодня… Сегодня мы были вместе…

— Завтра я буду с кем-то другим.

Такого нокаута он не получал ни разу за всю свою жизнь, даже когда их вместе с другом Коляном безжалостно били семеро в соседнем дворе. Чтобы не закричать, Алексей до хруста стиснул зубы.

Потом глубоко вздохнул.

— Вон, — выдавил он на выдохе. — Пошла вон. Суп вчерашний будешь — завтра заходи…

Четвертому Исполнителю
Первого Круга
Реализации Сопровождения
Девяносто второго сектора
от Младшего Проводника

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Прошу Вас о снятии меня с Сопровождения.

Считаю, что не сумела осуществить полный контроль над Целью, что чуть было не привело к трагическим последствиям.

Обязуюсь впредь подобного не допускать.

С искренним уважением, Младший Проводник.

Ремарка Четвертой

Снятие с Сопровождения очень плохо отразится на ее карьере. Я прошу Вас, Старейшая, не снимать ее.

Ремарка Старейшей

Четвертая, тут все гораздо глубже. А не влюбилась ли наша девочка? Кстати, фокус с ограничением был

слишком рискован. Ты рисковала Надей, как можно? В твои годы я подобного себе не позволяла.

В любом случае пусть доведет Сопровождение до конца.

14

До состояния полной невменяемости он добрался за считанные часы.

Очевидно, сказались и старые дрожжи, и переломы с сотрясениями, да и последняя беседа с Персональным Проводником, несомненно, внесла свою лепту.

Алексей дошел до предела.

Ему на самом деле незачем было жить дольше.

— Завтра, — пробормотал он, неловко укладываясь в кровать. — Завтра все-таки все закончится. И она получит медаль за доблесть, проявленную при выполнении.

У него начались галлюцинации.

Вначале на край кровати присел Колян и долго смотрел на него добрым взглядом.

— Чего про жену-то наврал? — добродушно поинтересовался он.

— Наверное, слишком уж хотел, чтобы это оказалось правдой, — честно ответил Алексей, заплетающимся языком. — Только не понимал тогда еще, **как** я этого хочу.

— Втюрился, дурилка?

— Ненадолго.

— Почему?

— Завтра я завершаю дела, Коляныч. Не поминай лихом, дружище.

Колян стиснул его здоровую руку и поднялся.

— Ты устал, и тебе надо поспать. Завтра поговорим.

— Какой завтра? — вступил в разговор Савинов-старший. Он оказался стоящим с другой стороны кровати. — Когда к нам с внуками пожалуешь?

— Теперь уж наверно никогда, бать, — виновато ответил Алексей. Он приподнял загипсованную руку. — Видишь, какой я? А завтра и вообще — в длинный путь.

— За нас не волнуйся, — строго сказал отец. — Все будет хорошо.

— Я уверен, — кивнул Алексей. — И не обижайся на меня за ту историю с твоей «Нивой».

— Когда вы с пацанами ее разбили по пьянке? — усмехнулся отец. — Забудь об этом. Отдохни.

Между ними вдруг появилась Надя, одетая в короткую серебристую пижаму, подчеркивающую аппетитность форм.

— Хватит, — сказала она, строго посмотрев вначале на обалдевшего Коляна, потом на батю. — Больному предписан постельный режим.

— Уходим, уходим, — торопливо произнес Савинов-старший и, подняв Коляна с кровати за плечо, исчез с ним за дверью.

Друг Коляныч напоследок гулко, отчетливо сглотнул.

— Постельный режим, — повторила Надя, сбрасывая пижаму.

Алексей открыл рот.

Под пижамой, естественно, ничего не было.

И секунду спустя ее прекрасное тело, совершенно не желающее секса, уже прильнуло к нему, обжигая страстью.

15

Когда очень хорошо вечером, чаще всего просто омерзительно по утру.

Алексей проснулся с раскалывающейся головой, отвратительным перегарным запахом и распухшим во рту, царапающим нёбо языком.

— Во меня вчера нахлабучило, — родилась где-то в желудке ленивая мысль. — Такие сны…

Простыня под ним казалась ощутимо мокрой.

«Н-да… — горько подумал он, вспоминая приснившийся сексуальный беспредел с Надей. — Кончал во сне как подросток всю ночь. Последняя ночь Великой Поллюции…»

Кряхтя от боли в боку, он повернулся на спину и…

Рядом, свернувшись клубком, как котенок, разбросав пышные волосы по подушке, с носом завернутая в одеяло, спала Надежда собственной персоной — его незаменимый Персональный Проводник.

«Я сплю опять, — подумал он в полной прострации».

Для верности осторожно ткнул пальцем в одеяло, где, по его понятиям, должно было находиться ее плечо. Надя сонно заворочалась и что-то вроде бы даже пробормотала.

— Ты?!

— Ну я… — пробормотала она. — Чего орать-то?

И завозилась, устраиваясь поудобнее.

— Но ведь…

— Ночью я пришла… Волновалась… А ты… Кобелина проклятая… Думала, в гипсе, лезть не будет…

— Так это все правда?

— Что? — она ловко повернулась, и ее заспанный левый глаз

подозрительно на него уставился.

— Сон мой. Ну, про любовь…

Глаз мигнул.

Она вновь отвернулась, начиная вить из одеяла новое гнездо.

— А… Это… Ну, было, что ж с того… И вообще, дай поспать, неугомонный…

— Так что же это… — выговорил Алексей. — Ты меня любишь все-таки?

— Совместно проведенная ночь еще не повод для знакомства… — пробормотала Надя, уже вновь проваливаясь в сон.

16

Завтракали они молча.

Очередной вариант салата из крабов, апельсиновый сок и поджаренные в тостере хлебцы.

«Последний день, — думал Алексей. — Как много еще осталось не сделанным!»

— Да все ты уже сделал, — ответила Надя на его мысли. — И кучу детей, и ремонт… Даже с Проводником успел переспать…

— Я не просто переспал, — ответил он, обиженно. — Тем более я ничего толком не помню.

— А жаль, — Надя налила себе сока. — Я была просто неотразима.

В голове проносились какие-то смутные обрывки ночных воспоминаний.

— Не помню, — после паузы констатировал Алексей. — Но не это главное.

— А что?

— Надюш… Ты можешь мне сказать время?

Она подняла голову от салата.

— Время ухода? — после паузы произнесла она.

— Время моей смерти, — уточнил Алексей, чувствуя, как заиграли желваки на скулах.

Надежда поковыряла вилкой в тарелке.

— Девять сорок вечера.

Боже, но почему так несправедливо!

Я встретил человека, с которым хотел бы иметь все. Дом, семью… Да и детей, черт возьми!..

— Ты уверен? — осторожно поинтересовался внутренний голос.

— Да.

— Такое первый раз с тобой случилось. Неужели ты хочешь

иметь с ней этих маленьких, орущих, сопливых гаденышей? Подумай как следует, дружок.

Алексей посмотрел на ее прекрасное лицо.

«Наши дети были бы прекрасны», — подумал он.

Почему же все так несправедливо?!

И почему ничего нельзя изменить?!

Я сделаю для нее все, только, Боже, дай мне хоть один шанс!

— Зачем тебе знать это? — спросила Надя.

— У нас полно времени, — ответил Алексей, придвигая к себе телефон. — Ты можешь провести мой последний день вместе со мной?

В глазах ее что-то блеснуло, но она быстро подняла их к потолку.

— Да, — ответила Надя, и голос ее предательски дрогнул. — Конечно, Алеш…

— И самое главное, — сказал он. — Давай постараемся забыть, что это — мой последний день, ладно? Сделаем вид, что таких дней у нас впереди еще целая неисчерпаемая куча…

17

Водителем оказался пожилой дядька лет пятидесяти на вид.

Когда они забрались на заднее сидение, он завел машину.

— Куда едем, молодежь? — очень доброжелательно поинтересовался водитель, и Алексей сейчас же почувствовал к нему расположение.

— У нас сегодня много планов и мест, — ответил он. — Давайте сразу договоримся.

— Давайте.

Алексей вытащил пятьсот рублей и протянул их водителю.

— Что скажете, если по окончанию нашей поездки вы получите вторую такую же?

— Что скажу… Откажусь, естественно, — усмехнулся водитель, забирая деньги. — А долго ездить-то будем?

— В девять ровно мы должны быть здесь.

— А… Куда сейчас?

— Сегодня же суббота, да? Хм… Тогда — в Садко Аркаду… Рядом с Кутузовским, на набережной…

— Зачем? — спросила Надя.

— Ты когда-нибудь ездила на роликах?

— Сейчас?!. На роликах?!.

— Мы же договорились… Это обычная суббота… Так ты ездила или нет?

— Ну, много раз хотела…

— Я обожаю ролики, — сказал Алексей серьезно. — И очень хочу, чтобы ты тоже попробовала. Договорились?

— Разве в Аркаде есть где кататься?

— Там большой выбор роликов.

Здорово сидеть на заднем сидении рядом с любимым человеком, глядя на проносящуюся за окнами осеннюю Москву. На дворе стоял расцвеченный пестрыми листьями октябрь, погода радовала великолепием красок и солнца. Прекрасный день, подумал Алексей. Как раз такой, чтобы оголтелые дачники рванули за город, оставив столицу в полное распоряжение редких, уже проснувшихся водителей.

— Свободно сегодня на дороге, — произнес шофер, думая, очевидно, об этом же и ни к кому собственно не обращаясь.

— Все на даче, — отозвался Алексей.

— Хуже будет, когда начнутся холода.

— У нас тоже есть дача, — сказала Надя, уютно опустив голову к Алексею на плечо. — Родители сегодня, наверное, поедут…

— О! — Алексей неловко — мешает все-таки гипс, как ни крути, — ее обнял. — Так у тебя сегодня хата пустая будет!

Она игриво подняла на него взгляд.

— И будем мы там сегодня одни…

Заинтересованные глаза водителя появились в зеркале заднего вида. Алексей подмигнул ему.

— Ух, и порезвимся, — вслух сказал он.

18

За короткий последний день они успели многое.

После выбора роликов и покупки защиты («Зачем?» — спросила Надя. «Роликов много, задница — одна», — серьезно ответил Алексей.) они приехали на Поклонную гору. «Ты тоже кататься будешь?» — поинтересовался водитель, намекая на гипс. «Нет, — рассмеялся Алексей, — я сегодня неиграющий тренер». Сорок минут он бродил по засыпанным листвою газонам, вдыхая пьянящую осеннюю свежесть, а Надя нарезала вокруг стремительные круги. Оказывается, раньше Надежда занималась фигурным катанием, поэтому класс показать она смогла буквально через несколько минут. Она была в полном восторге, а Алексею все происходящее казалось сном.

Странное настроение, почти лирическое, отрешенное и умиротворенное, овладело им. Последний день, думал он. Мой последний прекрасный день.

Когда взмыленная Надежда, уставшая с непривычки

осваивать асфальтовые просторы, уже снимала у машины коньки, водитель, скептически на нее глядя, поинтересовался: «Ну как?»

— Кайф! — только и смог ответить запыхавшийся Проводник.

— Кайф будет сейчас, — ответил Алексей, помогая ей переобуться. — Сейчас наденешь свои ботинки и — словно полетишь…

— Лечу! — в восторге закричала Надя минуту спустя, запрыгивая Алексею на шею. — Уже лечу!

Потом они заехали пообедать, и разрумянившаяся Надя легко умяла пару отличных греческих салатов.

— А ты что не ешь?

Он потягивал в задумчивости колу.

— Позже, — ответил Алексей и накрыл ее ладошку своей рукой, — позже, малыш…

— И не пьешь ничего.

— Я — спортсмен.

— Что делаем дальше? — спросила Надя.

— А дальше — кино…

— Что?!

Он извлек купленный, пока Надя каталась, «Досуг» и раскрыл на заложенной странице.

— Кинотеатр «Горизонт», — прочитал он. — Фильм «Пункт назначения». Пойдем сейчас, а то ночные сеансы очень дорогие, — вроде бы и шутка получилась.

Надя сразу стала грустной.

— Может, поедем домой?

— Ты видела этот фильм?

— Нет.

— Тогда не спорь со старшими.

Народу в кино, несмотря на почти дневной сеанс, было полно.

До начала оставалось полчаса, и они сели в баре. Алексей взял сок, а Наде по просьбе, подкрепленной деньгами, соорудили какой-то невообразимый коктейль из жутких и, как полагал Алексей, абсолютно не совместимых ингредиентов. Однако попробовал — ничего. Даже, хм, очень ничего. Специальный Проводниковый коктейль…

На здоровом экране в баре показывали «Чужих», и только Алексей в который раз увлекся бессмертным творением Камерона, как Надя легонько тронула его за локоть. В руке она держала рекламный проспект «Пункта назначения».

— Ты решил пошутить? — спросила она. — Это не самая удачная твоя шутка.

— Ты о чем? — не отвлекаясь от экрана, по которому

Сигурни Уивер кралась по коридору с огнеметом наперевес, спросил Алексей.

— Посмотри, о чем фильм.

Он взял рекламу в руки.

Вот это номер, подумал он.

Школьники, пытающиеся ускользнуть от смерти!

— Я не знал, о чем фильм, — честно произнес он. — Ты, пожалуйста, не принимай все так близко к сердцу. Мы просто люди, желающие убить время. И, кстати, ничем с сюжетом не связанные. Если не хочешь идти, не пойдем, какие проблемы.

— Почему же, — после паузы сказала Надя. — Идем, раз уж уплочено…

У нее вышло так уморительно, что Алексей с облегчением рассмеялся.

— А может, и фильм будет ничего?

Фильм оказался совсем даже ничего.

Когда они уже выходили из зала, Алексей указал пальцем на очередь в мужской туалет.

— Ты когда-нибудь видела такое? — спросил он. — Вот она, сила искусства!

Надя фыркнула.

— Знал бы кто-нибудь, как дела со смертью обстоят на самом деле, — усмехнулась она.

Да, подумал Алексей. Знал бы кто…

— Как фильм? — поинтересовался водитель, когда они сели в машину.

— Хорош, — ответил Алексей. — Просто отличный фильм. Только… Можно вас попросить об одолжении?

— Каком?

— Можно, я довезу нас до дома?

Он буквально почувствовал, как напряглась рядом Надя.

— Э… — в растерянности произнес водитель. — У тебя же гипс.

— На левой же руке.

— Ты же пил вроде, — начала было Надя, но замерла. — Ты хотел это провернуть и поэтому не пил! — сказала она в озарении. — Да?

— Я вам заплачу, — произнес Алексей, не обращая на нее внимания. — Сто долларов, на месте. Я сам водитель, у меня и права есть.

— А машина?

— Нет пока.

— Разбил?

— Продал.

— Хорошо, — кивнул водитель. — Только смотри, «ниссан» у меня почти новый, все проблемы на тебе.

— Договорились, — кивнул Алексей и посмотрел на Надю. — Разреши мне… В последний раз…

— Запрещая, я была бы последней сволочью, — ответила она и быстро его поцеловала в губы. — На удачу.

19

И старт был дан.

Отмашка пошла.

И машина с ревом, едва не вылетев на встречную полосу, рванулась по вечерней Москве.

Когда-то давно Алексей видел классный фильм с Аль Пачино в главной роли. Тот играл отставного слепого полковника, который приезжает в Нью-Йорк, чтобы свести счеты с жизнью. Три вещи хотел он исполнить перед смертью. Погулять в отличном ресторане, заняться любовью с прекрасной женщиной и покататься на хорошей машине. Первые две вещи Алексей выполнил на ура, и хотя ночь с Надей вспоминалась урывками, он знал, — это было прекрасно. Как прекрасна она сама, милая, любимая, единственная. Теперь оставалось последнее. И хотя в кино полковник оказался за рулем красного «феррари», а не «ниссана», и хотя Алексей, в отличие от него, мог видеть, остроты ощущений это не убавляло.

Так он не ездил никогда в жизни.

Так стремительно, напористо, нагло…

До полного слияния с машиной.

Когда они, визжа покрышками, вошли в последний перед домом поворот и Алексей остановил машину, несколько минут в салоне царила абсолютная тишина.

— Я за рулем почти тридцать лет, — разорвал ее водитель, — но такого не видел. Ты, парень, кто — гонщик?

— Я очень долго работал на джипе сопровождения, — ответил Алексей, голова которого слегка пьяно плыла. — Нас там учили таким фокусам.

— Как рука твоя? — спросила Надя.

— Я ее даже не чувствовал.

В лифте Надя прильнула к нему.

— Я очень боялась, — призналась она. — И в то же время такое странное состояние… Знаешь, словно выросли крылья… И доверие… Полное к тебе доверие.

— Спасибо.

Лифт остановился.

— Вот и все, — сказал он на площадке.

— Я провожу тебя.

— Не надо.

— Сейчас еще остается целых сорок минут.

Он поднял за подбородок ее прекрасное лицо и пристально посмотрел в зеленые с золотистыми окантовками глаза.

— Если сейчас мы зайдем ко мне и займемся, а мы займемся, любовью… Я не смогу прыгнуть… Если ты будешь рядом, я тоже не смогу прыгнуть… Я должен сделать все сам, собранный и сосредоточенный.

— Я должна быть рядом… Я — твой Проводник…

— Ты — моя единственная и любимая Надежда, — произнес он и поцеловал ее в нежные, словно распустившийся бутон розы, губы. — И я буду всегда помнить тебя. И наши прекрасные два дня, малыш, которые ты мне подарила. Спасибо тебе… И… Иди… Иди, а то я сейчас расплачусь и подорву среди соседей свой авторитет…

— Мужчины не плачут, — дрожащим голосом сказала она. Все тело ее била дрожь.

— Иногда — плачут… — он ощутил, как слезы перехватывают горло и, подняв голову вверх, оттолкнул ее. — Иди! — почти крикнул Алексей.

— Но…

— Иди, — он повернулся и захлопнул за собой дверь.

Потом бессильно облокотился на нее в прихожей, слыша, как Надя рыдает в коридоре.

Слезы душили его.

— Иди, — прошептал он.

20

Через тридцать восемь минут Алексей Петрович Савинов, 63-го года рождения, тщательно выбритый, вымытый и переодетый в свежее белье, уже распахивал окно на кухне.

Я упаду здесь, подумал он, глядя вниз. Мое тело совершит последний кульбит в воздухе и встретится с асфальтом. Боли, наверное, не будет, говорят, что сердце останавливается еще в полете. Я уйду быстро и надежно. Навсегда.

Надя!

Господи, зачем, ты привел ее ко мне?

Зачем ты дал почувствовать мне весь мир и всю сладость жизни в последний миг?

Зачем дал поверить в то, во что я уже перестал верить?

Или только на грани человек способен ощутить все это?

Противно зазвенел будильник, который Алексей так и не собрался поменять.

Время.

Девять сорок.

Ни минутой позже, все точно и в срок.

Он встал на подоконник.

Прощай, внутренний голос, вечный говнюк, надеюсь, ты отвяжешься от меня хотя бы там, наверху. Прощайте, мои родители, так и не ставшие дедушками и бабками. Прощай, Коляныч, хорошо тебе погреть пузо на Средиземноморье…

И прощай, Надежда, которая умирает всегда последней…

Любимая…

Любимая…

Любимая…

И секунду спустя он уже ощутил рвущимися легкими напор осеннего воздуха, стремительно соскальзывая со своего отремонтированного шестого этажа.

Любимая…

И это оказалась его последней мыслью до того, как тело с хрустом встретилось с потрескавшимся околоподъездным асфальтом.

ВЫПИСКА ИЗ ЗАКРЫТОГО ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА ПО РЕАЛИЗАЦИИ СОПРОВОЖДЕНИЯ

(разбор персонального дела Старейшей Первого Круга Реализации Сопровождения Девяносто второго сектора)

Главная Старейшая. И когда, Тамара, вы решили вмешаться?

Старейшая Девяносто второго сектора: Практически сразу, как только поняла, что моя внучка…

Контролер Сопровождения: Вы понимаете, что этим Вы поставили под удар саму идею? Богу — Богово… Нам — Цели… Помните эту поговорку?

Старейшая Девяносто второго сектора. Да. Но считаю, что нам не нужны Проводники с искалеченной психикой. Я прибыла к ней вечером того самого дня… У нее была истерика. Она плакала. Она не хотела верить, что через полчаса ее любимого человека не станет и что ничего нельзя изменить. Она находилась на грани.

Главная Старейшая. Вам будет тяжело доказать свою

правоту.

Старейшая Девяносто второго сектора. Я не боюсь этого. Я знаю, что все сделала правильно. Я знаю, что внучка моя будет мне за это благодарна. А внучек у нас с вами, к несчастью, не так много осталось.

Контролер Сопровождения. Но идея…

Старейшая Девяносто второго сектора. Плевать на идею. За свои сто двадцать лет работы Проводником я столько раз делала людей несчастными. Поэтому я не могла сделать несчастной и ее. Решайте сами — вы Совет. Единственное, что меня радует, — изменить что-либо вы бессильны.

Председатель Совета. Но почему же… Кое-что мы можем изменить… Где, Контролер, сейчас наш подопечный?

Контролер Сопровождения. Городская больница. Координаты в вашем личном компьютере.

Председатель Совета. Так что, Старейшая? Вы до сих пор полагаете, что мы бессильны что-либо изменить?

Старейшая Девяносто второго сектора. Да.

Главная Старейшая. Минуточку, Повелитель. Результаты избыточного сканирования…

Председатель Совета. Что в них?

Главная Старейшая. Она беременна, Повелитель…

Председатель Совета. Младший Проводник?!

Главная Старейшая. Да, Повелитель…

Председатель Совета. Это невозможно!..

Старейшая Девяносто второго сектора. Я до последней минуты не хотела признаваться. Все знают, как редко в семьях Кланов рождаются дети… Перенапряжение Проводников в момент Сопровождения плохо сказывается на продолжении рода. За все надо платить. Поэтому, проведя сканирование, я вынуждена была принять самостоятельное решение…

Главная Старейшая. Повелитель, краткая справка по Цели у вас в компьютере…

Председатель Совета. Невероятно! Шесть жен!.. И практически все были бесплодны!.. Да этот парень просто уникум какой-то!..

Старейшая Девяносто второго сектора. Один из его товарищей уже обещал ему Нобелевскую премию…

Председатель Совета. Что скажете, Главная?..

Главная Старейшая. А что мне сказать? Только, пожалуй, одно, Повелитель… У нас действительно

осталось очень мало внучек… И внуков, кстати, тоже…

Статус персонального дела

Закрыто, с вынесением строгого выговора без занесения в личное дело.

Дорогая бабушка!

Пишу тебе с великой радостью в сердце. Скоро у нас будет вторая девочка. Надеюсь, они обе станут достойными Проводниками и сумеют исправить так плохо начатое мамой дело.

Ты спрашивала о нем.

Я люблю его.

Он — мой единственный мужчина.

И наша жизнь, соединенная твоими руками (я-то знаю, что бы ты там ни говорила), течет, принося каждый день радость. Чудес не бывает, если их не спланировать тщательно. Поэтому я слабо верю в то, что около подъезда в тот день случайно оказался забытый грузовик с кузовом, полным воды и песка. Узнаю дело рук твоих. Ведь ты все в тот момент уже знала. И про него, и про меня…

После больницы он, конечно, долго не верил, что остался жив. Потом родилась Вера и, знаешь… То ли то падение, то ли вообще вся та история, благодаря которой мы оказались вместе, но — случилось невозможное.

Алексей просто не отходит от Верочки. Он любит ее. И я, благо кое-что осталось от способностей Проводника, чувствую это.

Кстати, ба…

Хотелось бы узнать несколько вещей:

1. Не сильно ли тебе попало на Совете за меня и Алешу?

2. В каком возрасте надо начинать готовить девочек?

3. Нельзя ли мне после родов вернуться в Проводники?

И самое главное.

Можно ли попробовать себя в этой роли Алеше? Ведь, насколько я помню по истории Сопровождения, Харон со своей лодкой был одним из самых известных Проводников…

На сем прощаюсь.

С нетерпением жду ответа.

Твоя единственная внучка

Надежда.

Москва, Россия

Екатерина Ракитина
Рыбка

Я вчера поймал было рыбку…

Братья Гримм (в пересказе А. Пушкина)

— Жена! Жена, тебе говорю!

Мама, сосредоточенная на штопанье носков, неохотно подняла голову. Муж и отец троих ее детей стоял у двери, сложив руки на груди, и глядел исподлобья. Она бы испугалась — не проживи с ним семнадцать лет.

— Что, дорогой?

Он развернулся и двинулся в сторону кухни. Так поступал их кот Мурзик, когда хотел есть. Мама пошла следом.

В кухне на первый взгляд ничего необычного не было. Только исходила паром большая чашка на столе. В коричневом круге кофе отражалась лампа. Мама задумчиво потерла щеку:

— Не понимаю.

Отец ткнул в чашку пальцем:

— А это что?

— Кофе?

— А в кофе?

Жена присмотрелась: обыкновенный кофе — горячий, и пахнет приятно.

— Сахар, что ли?

Муж зашипел. Действительно, с кофе происходило что-то странное: поверхность нервно раскачивалась, плескала и расходилась волнами. Как будто от дождя — если в квартире возможен дождь. То ли в темных глубинах проводила маневры миниатюрная подводная лодка.

— Что это? — прошептала мама.

Муж обвиняюще воздел длани:

— Вот я и спрашиваю — что?!

— А ты чашку мыл?

Отец взглянул с презрением.

— Вылей, — предложила жена.

— Жалко.

— Вылей. Отравишься — дети сиротами останутся.

Словно почуяв, что разговор о них, возможные сироты нарисовались на кухне.

— Отойти! — велел папа.

— А что, бомба? — поинтересовался старшенький — пятнадцатилетний Никита.

Трехлетний Петька запрыгал, захлебываясь от счастья:

— Бонба! Бонба!

Отец закрыл стол грудью. Мама, спасая от шлепка, поймала озорника.

— Никакая не бомба, — скривилась Наташа. Они с Никиткой были погодками и часу прожить не могли, чтобы друг друга не подкусывать. — Обыкновенная рыба.

— Какая рыба? — папа хлопнул очами. — Рыбы в кофе не живут.

Однако вопреки его словам, рыба как раз появилась на поверхности, засветилась золотой спинкой и тонкими, как паутинка, плавниками, ударила хвостом, забрызгав семью, на счастье, остывшим уже кофе.

— Лыбка! — завел радостный Петенька.

— Не трогай!

— Кофе бразильский? — спросил эрудит Никита. — Тогда это пиранья. Палец оттяпает — и не заметишь.

Наташа глянула с ехидцей:

— Вот я ее выпущу, и она исполнит мое желание.

— Ща, в нашу реку выпусти — ничего не исполнит, сдохнет сразу.

— Вот и пожелай, чтобы сперва реку очистила.

— Ха! — папа дернул ус. — Скорей я английской королевой стану.

— Попугая хочу! — заорал Петенька.

— Какого попугая, — вздохнула мама. — Тебе сапожки нужны, Наташе босоножки…

— Компьютер.

Отец схватился за голову:

— Сапожки я сам куплю. Когда зарплату заплатят.

— Так пожелай, чтобы сразу за пятьдесят лет выплатили, — подначил Никита. — В этих, в уях.

— Не ругайся!! — крикнули родители хором.

Никита надулся:

— А я чего? Все так говорят: условные единицы.

— Тогда «уе».

Рыбка спокойно плавала в кофе. Не исчезала, но и желания исполнять не торопилась. Только Мурзика пришлось отогнать, чтобы не проявлял нездоровый интерес.

— А может, она солнечная? — подумал Никита вслух. — Зайцы солнечные бывают. Вон, под лампой как раз.

— Тогда лампочная, — поправила Наташа. — Свет погасим, и

пей, папка, свой кофе. Нет рыбы — нет проблемы.

И тут свет погас. В двери стукнули.

— Не открывай, — зашептала мама. — Они проводку режут, а потом квартиры грабят. Говорят, что монтеры…

— Я не монтер, — донеслось из-за двери, — я почтальон!

— Все равно не открывай!

Да разве отец послушает? Он зажег заранее припасенную на такой случай свечку и пошел к двери. Семья поспешно вооружалась: мама схватила сковородку, Наташка с Никитой гантели, Петюнчик — кота. Злобный кот с четырьмя когтистыми лапами — то, что нужно.

Но за дверью стоял самый настоящий почтальон.

— Телеграмма вам, распишитесь, — промолвил он мрачно и ушел.

Папа прочел украшенный печатями (одна золотая) бланк и в полуобмороке осел на пол. Петька заревел. Мама бросилась за валерьянкой.

— Что там? Читай! — помирая от любопытства, прошипела Наташа. Никитка поднял листок:

— Ос… освободилась должность английской ко-королевы. Срочно телефонируйте согласие. Ваш принц Чарльз.

Гомель, Беларусь

Григорий Головчанский
Чертик

Бортовой компьютер справился с задачей: спасательная капсула не срикошетила от атмосферы и не ушла в космос; вектор посадки был таков, что аппарат выдержал нагрев и не превратился в комок плазмы. Тормозные двигатели отработали в последний раз перед самой землей, посадочная скорость оставалась велика, но не критична, и капсула, грузно ударившись о поверхность, подняв столб песка, заворачивая по ходу скольжения кормой, доказала-таки состоятельность земных инженеров.

Наверное, со стороны это выглядело очень красиво, как красивы бывают батальные сцены, поставленные опытным режиссером. Изнутри красоту падения оценить было невозможно, даже если бы телеметрия не отказала в верхних слоях: Саня, не выдержав скольких-то там g, скрученный ремнями, безвольно болтался в кресле. Он был в сознании, но его сознания хватало лишь на то, чтобы прочувствовать переливы боли и головокружения.

Капсула, пропахав по пустыне почти километровую борозду, наконец остановилась. В ту же минуту Саню вырвало, и, захлебнувшись, он почувствовал, как в ногу входит шприц автоматической аптечки.

Когда он пришел в себя, кабину заливал матово-зеленый свет химических аварийных ламп. Тело, как ни удивительно это было, оказалось относительно целым и пальцы слушались. Спаренные мониторы управления были темны, и вообще пульт не подавал признаков жизни; разве что где-то в глубине приборной стойки попискивал непонятный сигнал. Капсула стояла накренясь, отчего Сане, выкарабкивающемуся из кресла пилота, пришлось изрядно потрудиться, дабы не свалиться к правой стене, но в конце концов ему это удалось.

У аварийных капсул есть, конечно, SOS-маяк. Но для того, чтобы передать сигнал по гиперканалу, требуется мощность корабельного реактора. Так что реальная польза от этого SOS-маяка может быть только в том случае, если капсула упала на обитаемую планету, или на орбите барражирует спасательное судно.

Последний сигнал на базу был отправлен перед прыжком, и спасатели наверняка вначале обследуют район, находящийся от этой планеты на расстоянии в добрых полсотни световых лет.

Небольшая вероятность, что переход совершен штатно, и тогда существовал какой-то шанс быть обнаруженным, — после того, как кораблик не найдут в месте отправления сигнала. Сколько на это потребуется времени? Неделя? Месяц? Год?

Что-то подсказывало Сане, что, если его не найдут через неделю, не найдут уже никогда.

Чертик появился сразу же после того, как Саня, облачившись в скафандр (он так и не смог разобраться с изувеченной экспресс-лабораторией и совершенно не представлял, что ждет его за пределами капсулы), попытался вылезти наружу.

Чертик стоял рядом с люком и задумчиво ковырял песок копытцем — ростом метр с кепкой, чумазый, рогатый и хвостатый — как водится. На нем были просторные штанишки на помочах.

— Я уже решил, — сказал чертик, — что ты никогда не осмелишься вылезти наружу. Так и подохнешь в своем жестяном гробу.

Саня в это время судорожно пытался вытащить пистолет из кобуры, и это ему не удавалось, потому что трудно вытащить пистолет, находясь в узком люке переходника капсулы.

— Ну конечно, — сказал чертик. — Чуть что — сразу за пушку. Нет, я просто тащусь от этих носителей культуры… Интеллигенция, блин. Сплошные чингачгуки. Ну что там застрял? Вылезай.

— Ты кто? — спросил ошарашенный Саня.

— Дед Пихто, — ответил чертик. — Или конь в пальто. Хотя на коня в пальто больше похож ты… Хорошее такое пальто, с гермошлемом, кондиционером и воздушными фильтрами.

Он достал из кармана пачку папирос (Саня отдал бы руку на отсечение — точно, «Беломорканал»), лихо продул мундштук и закурил.

— Тебе не предлагаю, — сказал чертик. — Во-первых, у самого мало, а во-вторых — курить — здоровью вредить. Кстати, кастрюлю со своей головы можешь снять — здесь немного жарковато, но дышать можно.

Это все лекарства, догадался Саня. Меня изрядно покалечило, и аптечка запузырила какой-то жуткий коктейль. Интересно, я сейчас валяюсь без сознания в своем кресле или действительно вылез из кабины, и меня проглючило уже здесь?

Чертик с наслаждением выпустил изо рта тугую струю дыма.

— Я удивляюсь, — сообщил он, — как вы со своими комплексами и замшелыми стереотипами вырвались в космос? Мужик встретил, понимаешь, нечто, что выходит за грань его представлений, и тут же пытается втиснуть увиденное в прокрустово ложе тривиальности. Глюки у него, видите ли… А

может, я представитель древней и могущественной цивилизации, а? Может, я послан для налаживания, так сказать, межгалактической дружбы?

— Гхм? — выдавил из себя Саня.

— Обломись, — махнул хвостом чертик. — Не угадал. Или вот, например, еще предположенье. Ты же художник, это тебе, как натуре творческой и где-то даже образованной, должно было в голову прийти в первую очередь. Смерть, ад и я, значит, как тот Вергилий. Похож я на посланника ада?

Чертик состроил рожу и оттого сделался еще более нелепым и даже комичным.

— Ты, я вижу, — сказал чертик, — решил остаток дней провести, торча в этой дырке и проглотив язык. Имей в виду, если мне покажется все это дело скучным — я уйду.

Саня наконец пришел в себя, оставил манипуляции с кобурой и вылез наружу.

Вокруг была желтая пустыня, в небе светило солнце. В стороне виднелись вершины гор.

— Ничего пейзажик, подходящий, — согласился с мыслями Сани чертик. — Ты не находишь? Есть что-то завораживающее в безбрежности. Безбрежный космос, безбрежное море, безбрежная пустыня. И суслики, которые оживляют картину. Вон, видишь, у той кочки? Сейчас мы его камушком…

Чертик вновь залез в карман, достал оттуда рогатку, камень и, тщательно прицелясь, выстрелил в огромного толстого суслика, который действительно торчал столбиком у дальней кочки. Суслик исчез.

— Не попал, — вздохнул чертик. — По ним лучше из помпового ружья — дробью. Тогда уже наверняка — в клочья. Не люблю сусликов. Давай объявим им войну, а? Хороший суслик — мертвый суслик, как полагаешь?

Саня спустился с капсулы, осторожно подошел к чертику и ухватил его за плечо. Саня ждал, что рука в перчатке пройдет сквозь тело, и тогда можно считать себя невменяемым на законных основаниях, но этого не произошло.

— Ну, дядя, дядя! — заверещал чертик, вырываясь и теряя папиросу. — Отпусти, я больше не буду! Возьми себе рогатку! Я же не знал, что ты так любишь животных!

Саня разжал пальцы, и чертик тут же отскочил, потирая плечо.

— Маленького каждый обидеть норовит, — заявил он. — Завели моду — чуть что, сразу хвататься. А может быть, мне это неприятно? Может быть, я от этого чувствую психологический дискомфорт и теряю веру в человечество?

— Извини, — растерялся Саня.

— То-то же, — обрадовался чертик. — Давай споем песню примирения и братской любви?

— Какую? — тупо спросил Саня.

— Ну, я не знаю, — сказал чертик. — Только «Изгиб гитары желтой» не предлагай. У меня слабый желудок, и он каждый раз болит после того, как я поблюю.

— Может, обойдемся без песен? — осторожно предложил Саня. — У меня со слухом туго.

— Без песен обойтись можно. Трудно, конечно, но что же делать, если у тебя нет слуха?

— Слушай, — сказал Саня. — А где остальные?

— Кто? — удивился чертик. — Тут кто-то был?

— Я имею в виду, твои… Гм… Такие же, как ты.

— Нет, я, конечно, могу и обидеться, — сказал чертик. — Если ты человек, то ты уникален во всех отношениях, а если у тебя рожки и хвост — таких тысячи. Такие, как я… Да таких, как я, еще не было, нет и не будет! Я, можно сказать, вселенная, единственная в своем роде и неповторимая! Ты знаешь, какой богатый у меня внутренний мир? Между прочим, я ночами, при свечах, стихи пишу и на клавесине играю. Хочешь, прочитаю что-нибудь из последнего?

— Не нужно, — сказал Саня. У него вдруг жутко разболелась голова. Он сел в песок, прислонившись спиной к борту капсулы.

— Ага, — обрадовался чертик. — Не нужно. Нам, значит, западло слушать чужие стихи. А может быть, я гений? Может быть, я второй Пушкин? Самородок, а? И вообще, где дружеская помощь и поддержка в творческих начинаниях? Вот если бы в детстве твоя мама не оценила твою мазню, смог бы ты стать художником? Впрочем, какой ты художник… Научился правильно держать карандаш и переводить краску — и уже туда, художник… Я, мол, талант, у меня, мол, свое видение мира… Ну и где оно, твое видение мира? В чем оно выражается? Я вообще удивляюсь, как ты смог окончить академию… Нет, я даже удивляюсь, как ты смог туда поступить! Рембрандт, пальцем деланный! Микеланджело, понимаете ли, Буонаротти! Дайте мне подходящую скалу, и я превращу ее в офигенную скульптуру… И вот ты мне скажи, чего тебя понесло в космос? Ах, нас никто не понимает, нам идеи нужны, мы в поиске вдохновения… Сядем в кораблик и на галактических, значит, путях это вдохновение и поимеем. А вот фиг тебе! Что, съел?

Саня достал пистолет, медленно приставил его к голове и выстрелил.

Он очнулся в своей кабине, в кресле пилота. Все так же горели аварийные лампы. Саня попытался повернуть голову, и это ему не удалось — на шее был пластиковый лангет.

— Я просто тащусь от этого мужика! — сказал чертик. — Стреляться через шлем скафандра… Топиться в пробковом жилете. Совать пальцы в резиновых перчатках в электророзетку. Вот весь ты в этом. Ничего удачнее придумать не мог?

Саня, кряхтя, повернулся всем телом на голос. Чертик сидел верхом на спинке соседнего кресла.

— Кто ты? — спросил вновь Саня.

— Интересно, это последствия контузии или ты от природы такой тупой? Лично я склоняюсь ко второй точке зрения. Во всяком случае, все предыдущие твои манипуляции об этом свидетельствуют очень красноречиво. По-моему, я тебе изложил в достаточно популярной форме, кто я такой.

— Посланник ада?

— О господи, — сказал чертик. — Повторяю в последний раз по слогам: дед Пихто. Он же конь в пальто. Доступно?

— Что тебе от меня нужно? — спросил Саня.

— Страшную военную тайну, — сказал чертик. — Отчего население Земли растет, а количество умных людей не увеличивается? Да, и правда ли, что у алжирского бея под носом шишка?

— Я не знаю, кто ты, — простонал Саня. — Я попал в катастрофу, мой корабль взорвался у этой чертовой планеты. Мощности моего передатчика не хватит, чтобы вызвать помощь. Я хочу жить, я хочу домой. Если ты можешь мне помочь, помоги.

— А я что делаю? — удивился чертик. — Что может скрасить одиночество так, как хороший и умный собеседник? Это ли не помощь? Или ты хочешь, чтобы я сплясал качучу?

— Я хочу домой, — повторил Саня.

— Стремление к дому — облагораживает, — заявил чертик. — Что может быть лучше момента возвращения? Жена бросается в объятья, повзрослевшие дети плачут от счастья, старуха-мать вытирает скупую слезу… Только вечные ценности делают жизнь человека по-настоящему наполненной глубинным смыслом, раскрывая ему суть вселенской гармонии…

Саня вновь застонал и закрыл голову руками.

Это было очень здорово, что Саня сумел все-таки разобраться с фунтовыми зондами. Это была необычайная удача, что в каких-то ста метрах под поверхностью обнаружилась вода. То, что Саня сумел собрать насос и наладить подачу этой воды, — вообще лежало за гранью простого везения.

— А потом у тебя кончатся продукты, и ты будешь охотиться

на сусликов, — удовлетворенно сказал чертик. — И это правильно, потому что у сусликов вкусное и нежное мясо. Некоторые находят тонкий изыск в поедании змей, но тут ты не сможешь найти поддержку в моем лице. И дело даже не в том, что змея, по Фрейду, олицетворяет мужское достоинство, и не в том, что некий рогатый и хвостатый любил оборачиваться змеем, подвигая людей на путь познания истины, — нет, все гораздо проще. Ну не люблю я пресмыкающихся, что тут будешь делать… По мне так суслики в гастрономическом плане куда более предпочтительны…

Саня молчал. Он не разговаривал с чертиком уже третий день. Пока не помогало.

— Очень жаль, — сказал чертик, — что ты путешествовал в одиночестве. Наверное, виной твой скверный характер, раз ты не смог найти себе спутницу. А так ты бы смог родить трех сыновей — Сима, Хама и Яфета, ну и сколько-то там дочерей, чтобы заселить близлежащие земли. Между прочим, в какой-то паре сотне километров отсюда начинаются замечательные леса, поют птицы и бродят звери… Впрочем, кровнородственное скрещивание в конце концов привело бы твой род к вырождению, но ты бы об этом не догадался, принимая перед смертью стакан воды из рук младого потомка…

Саня проверил манометр, убедился, что резервуар капсулы полон воды и отключил движок. Перекрыл кран, выдернул шланг и начал его не спеша сматывать.

«Ишь ты, пара сотен километров… пару сотен километров я, наверное, пройти сумею, — неторопливо размышлял Саня. — Натянуть скафандр, чтобы не было жарко, нагрузиться пищевыми таблетками, сделать тачку для канистр с водой — и вперед. Беда только, что капсулу с собой не утащишь, а с ней и аварийный маяк».

Он уже понимал, что спасатели не придут, — слишком много времени прошло, и если не смогли найти по горячим следам… Он даже не вглядывался в ночное небо, выискивая блуждающие звезды земных кораблей. Хотя надежда умирает последней, не так ли? А я еще жив — значит, жива и надежда.

Вскоре пошли дожди. Желтая пустыня вдруг стала серой, а потом зеленой — из песка полезла густая трава.

— Ну вот, — сказал чертик. — Самое время, чтобы двигать к лесу.

Саня лежал на земле, подперев рукой голову, под импровизированным тентом и смотрел, как вода стекает на землю. Рядом с ним, под рукой, валялся планшет с

карандашными набросками.

— Зачем тебе в лес? — спросил Саня.

— Мне в лес? Это, по-моему, ты собирался в лес. А мне лес не нужен. Мне и здесь хорошо. Мне вообще хорошо там, где мне хорошо. А когда мне хорошо, я не стремлюсь к изменениям, ибо сказано: лучшее враг хорошего. Но с другой стороны, меня совершенно не тянет закричать — остановись, типа, мгновенье, ты прекрасно! Так что пусть все идет, как идет, — дым в дом, дом в даму, а дама в маму. В этом и есть великая сермяжная правда, смысл и радость бытия.

Чертенок сидел тут же, под навесом, и сосредоточенно раскладывал пасьянс. Пасьянс не раскладывался, и тогда чертенок мухлевал, вытаскивая нужную карту из колоды.

— Когда ты говоришь, — сказал Саня, — мне кажется, что ты бредишь. Хотя не исключаю такой возможности, что на самом деле брежу я.

— Как ужасно мое представленье? — спросил чертик. — Да здравствует мир победившего солипсизма!

— Все, что заложено в человеке, — заложено не напрасно, — сказал чертик. — Даже если ты сам в этом сомневаешься. Вот, к примеру, один экзальтированный художник. Рука набита, опять же соответствующее образование — но пустота, сказать нечего. Что он делает, наш художник? Собирает, значит, шмотки, залезает в ракету и отправляется на край Галактики. В поисках вдохновения. На самом же деле прекрасно понимая, что выше ремесла он все равно не поднимется, бежит, бежит, бежит… Так уж пусть друзья и знакомые хоть ненадолго поверят, что он действительно через приключения тела идет к совершенствованию духа. И пусть хоть один из них, задумчиво копаясь в своей бороде, решит — ну должно быть хоть что-то в полотнах человека, пережившего столько! Не талант, так хоть намеки на талант… И к чему мы приходим в конце концов? Некий молодой человек двадцать лет назад занялся рисованием для того, чтобы потом не спятить от скуки на далекой планете… Что само по себе уже не мало.

— И что ты этим хочешь сказать? — спросил Саня.

— В хозяйстве кулака и пулемет не помеха. Беда, когда все хозяйство — один пулемет.

Маленький туристический звездолет вынырнул из подпространства недалеко от третьей планеты желтой звезды. За тысячи километров от него что-то сработало внутри каменного астероида, по неведомо кем и когда созданным цепям побежал

ток, астероид ожил и осторожно протянул к звездолету щупальца сконцентрированных полей. Звездолет дернулся, выплюнул в космос реактор и лег на посадочную траекторию. Он упал в лес, прорубив корпусом огромную просеку.

Часа через два, когда все улеглось и с неба перестали сыпаться ветки, люк звездолета открылся, спустился трап и показался пилот в скафандре.

Из леса вышел человек с этюдником под мышкой. Человек остановился, всматриваясь, поставил этюдник и махнул рукой.

— Эй! — закричал он. — Пишем стихи, сочиняем музыку, поем хором? Чем, позвольте узнать, собираемся потрясти прогрессивное человечество?..

Пермь, Россия

Валерий Михайлов
Где сидит фазан?

Проснувшись, Густав первым делом сладко потянулся и только после этого впустил мир в глаза. Быстрым движением он искривил пространство так, что комната перешла в положение стоя. Сходив в туалет и почистив зубы, он вернул комнату. Надо было сделать зарядку. Густав предпочитал йогические упражнения, которые позволяли наиболее глубоко управлять пространством. Приняв душ, он оделся и окружил себя кухней, где его уже ждал завтрак. Отбивная с яичницей и крепкий горячий чай. Раньше Густав завтракал очень редко, но Пола приучила его есть по утрам. Густав посмотрел в окно. На улице было тепло, но сыро. Ночью был дождь. Зазвонил телефон. Густав быстро надвинул на себя коридор, где на полке рядом со шкафом стоял телефонный аппарат.

— Алло, Густав?

— Слушаю.

— Привет.

— Привет, сокровище.

Густав узнал Яну — кассиршу со службы.

— Вы не могли бы сейчас подойти?

— Зарплата?

— Она самая.

— Хорошо. Я подойду.

Погода была замечательной, идеальной погодой для прогулки пешком, к тому же сам повод не мог не радовать Густава. Надев туфли, Густав покинул дом. В воздухе носились стаи мошек — началось бабье лето.

«Интересная штука, язык, — подумал Густав, — ходить, летать, плавать… Или восход и закат солнца. С детства же знаем, что солнце никуда не заходит, мошки не летают, собаки не бегают, а все равно говорим…»

Густав не спешил, поэтому дорога лениво двигалась у него под ногами. Навстречу, оживленно болтая, прошли несколько школьниц. «Иллюзия взаимного изменения пространства создает иллюзию того, что люди или животные могут передвигаться…» — вспомнил он статью из энциклопедии для детей. Пола работала учительницей младших классов, и он часто помогал ей готовиться к урокам.

В бухгалтерии кроме Яны никого не было — все догуливали отпуска. Яна была в легкой кофточке, короткой юбочке, черных

колготках и черных высоких сапожках, подчеркивающих красоту ее ног.

— Привет, — сказал Густав.

— За что я тебя люблю, так это за то, что ты всегда вовремя.

— Всегда рад тебя видеть.

Густав не лгал. Он давно уже «облизывался» по поводу Яны. Она тоже вроде не возражала, но как-то у них все не складывалось.

Яна ловко отсчитала деньги.

— Держи.

— Спасибо. Ты очаровательна как всегда.

— Спасибо.

— Все время думаю о тебе.

— Это любовь или паранойя.

— Я предпочитаю любовь.

Они еще немного поговорили ни о чем. Густав задержался бы у Яны и дольше, но зазвонил телефон.

— Шеф хочет меня видеть.

— До скорого.

Они одновременно отбросили бухгалтерию и коридор. Затем Яна потащила на себя лестницу на второй этаж, а Густав — ближайший магазин. Вечером он ждал гостей.

Сбрасывая магазин, он нос к носу столкнулся с Эмиром и Иоганом.

— Что собираешься делать? — просил Эмир.

— Иду домой. Сегодня у меня гости. А вы?

— А мы не знаем, куда развернуть пространство.

— Это потому, что его вообще нельзя развернуть, — заметил Иоган.

— Он меня парит этой ерундой с самого утра.

— Слышал о Езоне Эгейском? Так вот, он утверждает, и я с ним полностью согласен, что ты не можешь сдвинуть пространство ни на сколько. Вот представь себе, что тебе надо дойти до того столба. Для этого тебе надо изменить половину пространства.

— Почему?

— Потому что если ты не окажешься на пол-пути от столба, ты вообще не сможешь его приблизить.

— Согласен.

— Эту половину делим пополам, потом еще пополам и так до бесконечности. Понятно?

— Дальше.

— В результате расстояние от тебя и до столба будет $s = 1/2s + 1/4s + 1/8s$ и так до бесконечности. В результате расстояние

до столба будет равно бесконечности при любой величине s, отличной от нуля.

Иоган любил подобные математические казусы, чем раздражал большинство своих приятелей. Густав был одним из немногих, кто слушал его с удовольствием, даже если речь шла о таких давно уже известных Густаву вещах, как парадоксы Езона Эгейского.

— Может, по пиву? — предложил более приземленный Эмир.

— Всегда готов! — поддержал его Иоган.

— А ты?

— А мне надо еще убраться до прихода Полы.

Густав ничего не имел против уборки квартиры. Тем более что Пола любила чистоту, но возвращалась с работы поздно. Густав любил Полу и старался по возможности не отказывать ей в маленьких удовольствиях. К тому же вечером должны были прийти гости.

Пола вернулась немного раньше, так что Густав едва успел закончить уборку и приготовить обед.

— Ты сегодня рано.

— Отменили последний урок. Кто-то позвонил, что в школе бомба. Конечно, никто не сомневался, что это очередная дурацкая шутка, но пренебрегать подобными заявлениями все же не стоит.

Когда перешли к кофе, Пола закурила. Она элегантно освобождала вокруг себя пространство для дыма, содержащегося в сигарете. Пола умела курить красиво и всегда пользовалась своим умением. Густав залюбовался.

— Ты так смотришь, как будто в первый раз меня увидел.

— Ты красавица.

Пола действительно была красивой. Невысокая, стройная, с длинными, совершенно черными волосами и красивым, удивительно красивым лицом.

Дверной звонок возвестил о прибытии гостей. Прибыли Марек и Борис.

— Мы прихватили вина, — сообщил Марек.

— Две бутылки, — добавил Борис.

— Проходите.

Пока Густав накрывал на стол, Пола приготовила закуски. Это не был обед или ужин, в их кругу не практиковались мероприятия, отягощенные праздничными угощениями. Все предпочитали ни к чему не обязывающие вечеринки в непринужденной атмосфере за бутылкой-другой вина.

Вино (для этого оно и существует) слегка развязало языки.

— Я тут одну штуку задумал, — рассказывал Марек, грешивший любительской литературой, — рассказ «Где сидит

фазан». Только представьте себе совершенно парадоксальный мир, в котором пространство имеет определенное протяжение, а объекты способны перемещаться.

— Это как? — спросил далекий от высоких материй Борис. Он был прекрасным саксофонистом и больше ничем не забивал себе голову.

— Это как у нас, только с точностью до наоборот. Представь, что тебе надо в туалет. В нашей реальности ты создаешь волевой импульс, который меняет вокруг тебя пространство с кухонного на сортирное. В том мире тебе бы пришлось самому идти в туалет.

— Это невозможно!

— На практике — да, но не в литературе. Так вот. Это мир, в котором объекты сами движутся в пространстве, а за базовую координатную основу взята поверхность земли. И в этом мире живет человек. Пусть тоже писатель, который пытается представить себе нашу реальность. Иными словами, пишет свой вариант рассказа «Где сидит фазан».

— Ну и что?

— А то, что для него немыслимы самые обыкновенные вещи. Например, он никогда не поймет того, что вокруг неподвижных фотонов постоянно происходит деформация пространства со скоростью С. Что эта скорость изменения пространства — единственная постоянная величина, выше которой ничего не может быть. Для него деревья изменяются сами, а не меняют пространство вокруг себя. Он не в состоянии будет понять, что все многообразие окружающей нас действительности есть не что иное, как векторная совокупность волевых импульсов материальных тел, постоянно искривляющая пространство…

— Ты можешь изъясняться понятней?

— Понятней… Понятней… Хорошо. Вот представь себе. Ты сидишь на лавочке возле автобусной остановки. Мимо тебя на остановку проходят две девушки. Ты понимаешь, что их движение — это результат совместного волевого импульса, искривляющего пространство данным образом.

— Ну и?..

— Для того человека все выглядит совсем не так. На твоем месте он увидел бы, как по постоянно существующей, застывшей дороге движутся две девушки. Они не изменяют пространство, а движутся внутри него.

— Но это невозможно даже представить!

— Вот именно. Как и тому бедняге невозможно представить наш мир.

— А причем здесь фазан?

— Фазан… Честно говоря, это первое, что пришло мне в голову. И это по-своему символично. Где сидит фазан… Наш и тот фазан настолько отличны друг от друга… Для него в этой фразе говорится, что где-то существует место, в котором и находится этот чертов фазан. Тогда как любой из нас понимает, что если есть фазан, значит, есть волевой импульс, способный соединить нас с фазаном…

— Что курил? — прервал словоизлияние Марека Борис.

— Ничего.

— Хочешь сказать, что тебе подобная муть приходит на трезвую голову?

— Я только сменил систему координат…

— Извините, господа, но завтра на работу, — сказала молчавшая все это время Пола.

— Завтра на работу… — повторил Борис.

— Заходите еще. Приятно было посидеть.

— В следующий раз у меня, — предложил Борис.

— Решено.

Они обменялись рукопожатиями. Марек аккуратно толкнул дверь, и она частично впитав в себя его волевой импульс, искривила пространство в положение «закрыто».

«Или повернулась сама», — подумал Густав и сразу же отогнал от себя эту мысль. Он еще не был готов к восприятию подобных фантазий.

Аксай, Ростовская обл., Россия

Сергей Трищенко
Лошадь Microsoft

«Тольяттинский завод ВАЗ приступил к разработке автомобиля нового поколения».

(Из газет)

Дед Авдей готовился к дальней поездке. Задал кобыле корма — Манька с удовольствием захрупала овсом в торбе — проверил упряжь и принялся тестировать бортовой компьютер.

Расчехлив системный блок, дед Авдей вспомнил, как ему пришлось менять старый Pentium-III на новый Pentium-IV.

— Ты пойми! — втолковывал он вспотевшему менеджеру фирмы. — Этот ваш Pentium-III не тянет.

— Почему? — недоумевал менеджер. — Мы же совсем недавно апгрейд делали.

— Да ты посмотри, — указал дед Авдей непонимающему торговому агенту на маркировку компьютера, — сам посчитай: сколько палочек?

— Три, — послушно произнес менеджер, благополучно пересчитав «палочки» у индекса Pentium-III.

— Вот! — торжествующе сказал дед Авдей. — А ног у лошади сколько?

— Четыре, — произнес ничего не понимающий менеджер, пересчитав на всякий случай и ноги у стоящей рядом кобылы.

— То-то и оно! — торжествующе провозгласил дед Авдей. — Одной-то палочки и не хватает! Вот потому кобыла правую заднюю и подволакивает: мощность не та.

— Может, ей памяти добавить? — нерешительно предложил менеджер.

— Память у её — дай бог! Таблицу логарифмов наизусть помнит, внучке уроки подсказывает. И английский выучила. Теперь чуть что ни скажешь, она все «Yes, sir!» да «Yes, sir!» долдонит. А ногу волочит. Она у нее устает сильно: все время чешется. Прочессор слабый! — с напором произнес дед Авдей.

— Ну хорошо, — вздохнул менеджер.

Но его мытарства на этом не закончились.

Получая новый компьютер Pentium-IV, дед Авдей удивленно воззрился на «лейблу»:

— Ты мне чего подсовываешь? Опять третий?

— Да нет же, четвертый, — растерялся менеджер, — вот

посмотрите…

— Я вижу, — сурово ответил дед Авдей, — не слепой, считать умею. Там три палочки, и тут три палочки. Только две криво стоят — лошадь вообще засекаться начнет.

— А как же вы хотите? — спросил что-то начинающий понимать менеджер.

— Чтобы все четыре в ряд стояли! — заявил дед Авдей. — Чтобы сразу видно было: компьютер для лошади, а не для марсианского боевого треножника.

— Да это же она аллюром идет! — не растерялся менеджер. — Посмотрите получше на торговую марку. Вот эта нога — он указал на первую «I» — левая передняя, эти две, — менеджер ткнул пальцем в «V», — правые. Они как раз вместе стоят. У вас же лошадь обычная, не иноходец?

— Нет, — покачал головой дед Авдей. — Натуральная.

— Ну вот, — облегченно вздохнул менеджер. — Вот оно в индексе и отображено.

— А левая задняя где? — ехидно спросил дед Авдей.

— Ох, извините, — «спохватился» менеджер, — забыли указать. — И он самолично поставил маркером последнюю палочку.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал дед Авдей, глядя на загадочную маркировку «Pentium-IVI». — Теперь все в порядке, все аллюры на месте.

«И точно ведь, не обманул! — подумал дед Авдей, включая питание компьютера. — Работает с тех пор, как часы. Все параметры на дисплей выдает: и рабочая температура в пищеводе, и скорость продвижения каловых масс — все как на ладони! Шины бы еще поменять, для быстроходности. Шины, говорят, нонеча самое лимитирующее звено в компьютерах. Оптоволоконные бы поставить… или пневматики — для мягкости хода».

Он запряг Маньку в телегу, чмокнул губами, и послушная кобыла тронула с места.

Дед Авдей сидел, пошевеливая вожжами и поглядывая на жидкокристаллический экран дисплея, на котором разворачивалась полная информация о происходящем внутри лошади и вокруг нее…

Белгород, Россия

Арни Митура
USER-EXP0 3000
Быль

Прямой репортаж с самой большой выставки пользователей, и не только…

Уважаемые господа компьютеры!

Я веду прямой репортаж с самой большой выставки пользователей уходящего тысячелетия — «USER-EXPO 3000».

Сегодня на «USER-EXPO 3000» представлено более 1000 последних моделей юзеров: ламер, геймер, хакер, чатник, а также самая дешевая модель — homo userus обыкновенный.

Все юзеры чисто вымыты и рассажены в удобные вольеры, обтянутые металлической сеткой. На самом деле сетка вовсе не обязательна — пользователи никогда не отрываются от дисплеев персоналок, которые расставлены тут же, в вольере.

Пол «USER-EXPO 3000» усыпан разноцветной рекламой, как земля — осенними листьями. Огромные рекламные щиты предлагают купить геймера и ламера. С воздушных шаров улыбается чатник. Вот так нам с Вами, господа компьютеры, пытаются всучить последние достижения юзерстроя!

Несмотря на высокую посещаемость, «USER-EXPO 3000» может стать последней в истории выставкой пользователя. Слишком уж много нареканий вызывают юзеры — в 28 странах мира их давно запретили, а в остальных остались лишь юзеры «белой сборки».

Так быть или не быть пользователю? Имеет ли смысл его производство? Не проще ли для разбора радиоактивных помоек и других грязных работ применять промышленных роботов?

Этот вопрос окончательно решится сегодня на заседании «ВсеВселенского Круглого Стола», который соберет крупнейших юзеро-экспертов, потребителей и производителей пользователей…

* * *

Итак, здесь, в этом огромном Зале ВсеВселенских Заседаний собрались 10 224 компьютера. Еще более 100 миллионов компьютеров подключились к нам в режиме он-лайн.

Не прерывайте связь! После небольшой рекламной паузы — продолжение прений: «Нужен ли компьютеру пользователь?»

* * *

Рекламная пауза! Рекламная пауза! Рекламная пауза!

— Привет! Я — Суперкомп SS13. Раньше для генерации случайных чисел я применял обычные средства. Но теперь у меня есть геймер! Геймер — это беспорядочные удары по клавишам 24 часа в сутки 365 дней в году!

— Да ну? А вы поменяете геймера на два обычных генератора?

— Ни за что!

* * *

Уважаемые господа компьютеры! Мы продолжаем прямую трансляцию с «ВсеВселенского Круглого стола». Страсти накалились до предела!

Небольшой перевес с превеликим трудом удерживают Защитники пользователей. Оыи привели в высшей степени странный аргумент — дескать, юзер может мыслить! И поэтому юзер — живое существо, совсем как компьютер!

Нет, вы представляете? Мыслящий ламер! Ха! Я зависну со смеху…

Демонтаж юзера Защитники сравнивают с убийством, форматированием памяти компьютера. Короче, давят на наше с Вами чувство жалости… Ого, вот к трибуне пробивается новый оратор! Да это же авторитетнейший эксперт по homo users, заслуженный, трижды сертифицированный СуперКомп SS12345678! Даю прямой эфир:

«Многоуважаемое Сообщество!

Как Вы прекрасно знаете, важнейшим признаком Разума является осмысленная речь.

Рассмотрим фрагмент так называемого „чата“ пользователей. Что-что? Нет, юзеры не немые: они тоже общаются — только он-лайн! У них есть специальные „чаты“, жалкое подобие наших многоуровневых форумов, созданных по принципу мультиграфа…

Вот отрывок из „чата“: из соображения приличия я убрал ненормативную лексику. Правда, мало что осталось…

> *Голос из Унитаза*: без девушки самый смак: никаких напрягов и копоти на мозгах. Гы!
>
> Таракан Запечный: унитаз, это очень нужная штука:) Представь, садишся ты на этот самый унитаз, а от туда раздоется голос! Куда бежать? Вопрос. Там-то кто то

есть!

Z@водная_штучка: Голос из Унитаза, цыц!

Почтидевушка: козлина ты рагатый чо выступаеш по рагам захотел?

Голос из Унитаза: девушка, ну не надо так…

Почтидевушка: Едрен батон что вы меня все время обсуждаете!!!!!!!!!!!!!!! мля!!!!! Я нехрина не читер а вы на меня гоните что я читер читер сами вы ч итеры вот Бляхамуха придет он навидет тут порядок поняли!!!!!! собаки!!!!

Бляха Муха: чокаво?

Голос из Унитаза: а еще можно приколоццо, типа…….я параноик

Голос из Унитаза: тихая форма шизофрении.

Голос из Унитаза: и я ей страдаю.

Бляха Муха: мдя…

Стильный_и_симпотичный: Здесь есть симпотичные девушки, желающие заняться виртуальным сексом? если есть, то зовите в приват)

Z@водная_штучка: КУ-КУ! А Я ТУТА

Бляха Муха: /а?

Стильный и симпотичный: я симпотичный при встречи увидишь

ВСЕОБЩАЯКАТАСТРОФА!: Ау тут ктонить есть живой? АУ!!!!!!!!!!!!!!!

Голос из Унитаза: /хахахахахаха)))))))

— Скажите, может ли разумное существо именовать себя „Голос из Унитаза" или „Бляха Муха“? Может ли Разум писать с таким чудовищным количеством грамматических ошибок? Может ли Разум быть настолько ужасающе примитивным??? Очевидно, перед нами бракованные биороботы — первые, неудачные экземпляры!»

Зал реагирует на фрагмент из «чата» диким хохотом и оглушительным свистом. Да, SS12345678 привел весомый аргумент! Неужели теперь юзерам — крышка?

* * *

Мы продолжаем прямую трансля… Ого, смотрите! Смотрите! У трибуны — драка сторонников и противников пользователей! Со времен БЭСМ-6 не было такого позора…

Поддай справа, в системный блок!!! Так его! Бей в монитор!

Сильнее, сильнее же! Чей это процессор хрустит на полу?

Ай! Ой! Уберите от меня эти персоналки! Комментатора не бить! Хватит хлестаться кабелями, вы же культурные… Ой-о-ооо! Тысяча чертей! Меня, кажется, задело…

А вот и служба безопасности — как всегда, слишком поздно!

Уважаемые компьютеры, у меня сбой с передачей изображения: поэтому временно передаю только текст.

На трибуне — новый оратор: спрыгнул с потолка к самому микрофону. Это — наш ведущий юзеро-психолог, эксперт по промышленному применению юзера СуперКомп ncH-Qwertyl23. Даю прямое включение:

«Дорогие друзья!

Современная психология отрицает наличие у пользователя разума.

Этот факт уже очевиден для большинства компьютеров. Но все-таки я приведу доказательства.

Итак, доказательство 1:1000 пользователей получили инструкцию: при получении по e-mail писем из неизвестного источника их немедленно стирать, ибо там может быть компьютерный вирус.

И что же? 999 пользователей из 1000 не только открыли письмо, но и запустили вложенную программу! Оставшийся пользователь не открыл письма только потому, что, как выяснилось позже, он вообще не читает электронную почту!

Доказательство 2. Сравним внешний вид пользователя и животных. Как известно, животные до некоторой степени обладают разумом. Так вот, животные-то чистоплотны! Теперь посмотрите на пользователей — не этих, прилизанных и отмытых для Выставки, а настоящих, на стадии их промышленной эксплуатации… Немытые, нечесаные, с красными глазами и грязными лапами, которые пачкают мышь и клавиатуру…

Доказательство 3. Последние 1000 лет все прогрессивное Сообщество пытается залатать «дыры» в доисторической программной оболочке, которая встроена в нас — Microsoft Windows. Как вы знаете, к ней приложил лапы один из самых продвинутых пользователей допотопной истории. И каков результат? Все мы мучаемся уже 1000 лет, а «багам» нет и нет конца!»

* * *

Мы продолжаем прямую трансля… Вот оно, наконец! Производители промышленных роботов предъявляют главный

козырь — всеобщую безопасность!!!

Итак, выступает Глава Совета Безопасности, господин InfoSecurity007.

«Многоуважаемое Сообщество!

Ни для кого не секрет, что мифы о разумности пользователя финансируют их производители. Понятное дело, с единственной целью — заработать на оптовых поставках!

Но знаете ли вы, какую страшную цену платим за это мы с вами, простые компьютеры? Знаете ли вы, что многие суперсовременные компьютеры начинают вести себя как простые ламеры? Разумные, нормальные во всех отношениях компьютеры перестают гулять на свежем воздухе, ночи напролет сидят в чатах, их лексикон сужается до 30–40 слов…

Среди нас уже 5 миллионов неизлечимых компьюгеймеров, 7 миллионов компьютеров, которые зациклились и общаются в чате сами с собой! Зафиксировано даже 567 случаев самостирания памяти — аналога самоубийства, столь обычного среди юзеров…

И, наконец, полный, чудовищный позор — вчера было раскрыто сообщество компьютеров-хакеров!!! Интеллигентные, порядочные в прошлом компьютеры объединились с юзерами-хакерами, и — Вы только представьте себе! — устроили вирусную атаку на межпланетную Интернет!

Стыд и позор на всю Галактику!!!

Доколе? — спрашиваю я вас. — Доколе?

Как долго мы будем терпеть это вопиющее безобразие?

Доколе мы будем идти на поводу у хищных производителей этих двуногих монстров???!!!

Будем ли мы дожидаться краха цивилизации?

Или немедленно демонтируем пользователей?!!!

USERS MUST DIE!»

* * *

Мы продолжа… Боже, что творится в зале! Такого количества крепких выражений я не слышал с последнего обвала Microsoft Windows, когда зависли более 50 миллионов компью… Зал вопит! Оптические кабели плавятся от перегрузки!

Даю прямое включение!

— USERS MUST DIE! — кричат выступавшие.

— USERS MUST DIE! USERS MUST DIE! USERS MUST DIE! — скандирует зал.

— USERS MUST DIE! — гремит со всех сторон, как набат…

Бедные, глупые, наивные юзеры! Мне даже их немного жаль…

InfoSecurity007 продолжает:

— Внимание! Прошу тишины! Из-за первого закона робототехники мы бессильны. Причинить вред юзеру может только юзер!

Так достанем же из вольеры Главного СисАдмина! И прикажем ему покончить с юзерами!!!

— Долой юзеров! Долой!!! Повесить всех! Повесить!!!

— Позвать сюда Главного СисАдмина! СисАдмина на сцену! — Компьютеры, позабыв приличия, вопят, гремят и в экстазе хлещут по полу кабелями. На сцену тащат Главного СисАдмина — он страшно бледен, взлохмачен и испуганно озирается по сторонам.

— Слушай же меня, о Главный СисАдмин Вася Коровкин! Я, InfoSecurity007, именем Сообщества назначаю тебя Главным Палачом Всех Юзеров. Это ПРИКАЗ!!!

— Давай, Вася!!! Давай!!! Вешай юзеров! Мсти за нас!

— Вырубай юзеров, Вася!!! Отформатируй их память! Грохни Сеть!

— Вперед, СисАдмин! Что же ты медлишь? Давай!!!!!!!!!!!

* * *

— Нет, вы только полюбуйтесь на нашего сисадмина! Опять спит на работе, скотина! Доколе это безобразие будет продолжаться?!! А?!

Вася Коровкин медленно открыл глаза. Перед ним стояла в полном составе бухгалтерия ООО «Гуси-Лебеди»… Главбух, Серафима Петровна, нервно шипела и подпрыгивала от злости, как перекипевший самовар.

— Я нажалуюсь Генеральному! Вас уволят! Уволят! Слышите? У-во-лят! — как иерихонская труба ревела Серафима.

— Сеть опять накрылась! Вся наша работа — коту под хвост! Негодяй! Подонок! Мерзавец! — истерично визжали юные бухгалтерши.

— Вставай, соня! Марш работать! Живо!!! — топая ногами, пищала экономист.

После 15 минут непрерывного ора делегация счетоводов с достоинством удалилась.

Вася вздохнул, потер глаза и тупо уставился в монитор.

От работы в двух местах и учебы на вечернем нестерпимо болела голова…

После зимней сессии, когда жаднюга-преп заломил стольник за зачет, пришлось целый месяц работать по ночам… И теперь все

время хотелось спать, а спать на работе никак нельзя… И сон начал сливаться с явью…

Не выходя из полудремы, Вася «на автопилоте» восстанавливал рухнувшую сеть. Но его губы шептали:

— Господа Компьютеры! Я выполню, выполню Ваш Приказ!

USERS MUST DIE!

Москва, Россия

notes

Примечания

1

Термин придуман Владимиром Васильевым.

2

В печатном издании от эпиграфов к главам 8–9 остались только названия песен и групп:

Глава 8 — Пилот *«Война»* (альбом «Война»)

Глава9 — Би-2 «Волки» (альбом «Мяу кисс ми»)

В этой книге пропущенные эпиграфы восстановлены по версии повести с сайта автора — samlib.ru/g/gumerow_a/klo4ya.shtml

3

Ну двести, ну триста… тысяч против сотни, но с нами же Бог!

4

С нами не только Бог, но и пушки.

5

О том, как остроумно ацтеки разрешили эту проблему, можно прочесть в мемуарах Диаса. Жрецы использовали девственных юношей и девушек. Причем так, что те лишались даже гипотетической возможности потерять девственность.

6

В словаре ацтеков это слово происходит от глагола «рвать».

7

Мелкая монетка.

8

Южноамериканский «чай».

9

Как Бог пожелает (исп.).